

МИРОВОЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЗЕЛЕННЫЕ И СЕРЫЕ

Тимоти Зан

Крепкая хайнлайновская традиция, достойным продолжателем которой давно уже заявил себя Тимоти Зан, особенно ярко проявилась в этом романе.

Внедрившиеся в земное общество противоборствующие инопланетные расы и простое американское семейство, невольно втянутое в их вселенский конфликт, — казалось бы, в научной фантастике банальнее ситуации не бывает. Но мастер на то и мастер, чтобы вдруг, неожиданно для читателя, перевернуть с ног на голову сюжет, и вот уже, как в окуляре калейдоскопа, картина совершенно меняется, простое превращается в сложное, и то, что представлялось банальностью, обретает оригинальные черты.

Тимоти Зан
Зелёные и серые

Солнце уже давно село за деревьями Риверсайд-парка на западной оконечности острова Манхэттен, и в воде Гудзона переливались огни Нью-Джерси. Меланта Грин в сопровождении двух воинов шла по прохладной траве верхнего променада к каменной лестнице, спускающейся в главный парк, и жадно вглядывалась в эти зыбкие огни и темное небо. Она поймала себя на том, что разочарована, — ей хотелось, чтобы ее последний закат являл собою более яркое и пышное зрелище. Но все было кончено, ничего не изменить. Небо почернело, не слишком теплый день уступил прохладе октябрьского нью-йоркского вечера. Ровный северный ветерок трепал остатки последних листьев, и сквозь страх и боль, колотящиеся в сердце, казалось, что сами деревья прощаются с Мелантой. Именно сейчас, когда они готовились к зимнему сну, ей предстояло погрузиться в тихое небытие.

Только их сон через несколько месяцев прервется теплым светом солнца и радостным приходом весны. Меланта же заснет навсегда.

На верхней площадке лестницы, ведущей к памятнику Джону Каррере, немного поодаль друг от друга замерли в ожидании две небольшие группы зеленых и серых. Возможно, уже сейчас установилось тревожное перемирие, и когда-нибудь мог наступить подлинный мир, но это не означало, что оба клана доверяли друг другу. Некоторых она узнала в свете уличных фонарей Риверсайд-драйв: Сирила и Александра, возглавлявших зеленых. Совсем недавно эти двое долго и серьезно разговаривали с ней, перед тем как окончательно принять решение. Она увидела и своих родителей. Несмотря на разрывающую их сердца муку, они отважно пытались сохранять мужество и своей любовью поддержать дочь. Узнала она и нескольких коренастых серых с широкими лицами, взиравших на нее бесстрастно и молча. Ее называли надеждой обоих народов, той, чье самопожертвование принесет им мир.

Она надеялась, что это так. Ужасно было бы умереть ни за что.

Они остановились примерно посередине между двумя группами. Поздоровавшись, Сирил произнес несколько ободряющих слов, но, к счастью, скоро закончил речь, поскольку ясно было, что желания разговаривать ни у кого нет. Теперь, когда солнце село, а вечер становился все холоднее, даже Меланта не видела смысла откладывать неизбежное.

Предварительная часть ритуала завершилась. Сирил и пожилой серый с длинным шрамом на левой щеке — кажется, его звали Хафдан — направились по лестнице, ведущей в нижнюю часть парка. Меланта с сопровождающими двинулись за ними, а следом потянулись остальные наблюдатели. Проходя мимо небольшого цветника, который, как сказали, будет местом ее упокоения, она вдруг задумалась, станут ли красивее цветы следующей весной.

Трава казалась более упругой, чем обычно, хотя, возможно, это ощущение возникало из-за странных туфель, которые на нее надели вместе с древним церемониальным костюмом. Трасск, высоко приколотый к левому плечу, непривычным весом неудобно оттягивал платье.

Миновав цветник, они подошли к назначенному месту между двумя величественными дубами. Здесь поджидали еще несколько зеленых. Они разглядывали троих серых, которые в свою очередь молча глазели на них, сидя на пятиметровой каменной стене, отделявшей нижнюю часть парка от верхнего променада. Глава серых, который шел рядом с Сирилом, негромко отдал приказ, те неохотно слезли со своего насеста и присоединились к остальным. За стеной празднично сияли огни Риверсайд-драйв, и Меланта на минуту

задумалась, что будет, если вдруг случайный прохожий станет невольным свидетелем предстоящей трагедии. Но большинство землян, живущих в этом районе, уже готовились дома ко сну, а стена и разница в высоте создавали надежное укрытие от тех, кто еще не добрался домой.

Меланта оглянулась, в последний раз любуясь этим миром, перед тем как покинуть его навсегда. Ветер гнул обнаженные ветви деревьев, они будто прощались с нею. Сладковатый запах травы и земли завораживал Меланту. На небе проглядывали звезды, и даже шум машин звучал сегодня приглушенно. А какой-то голос в ее душе нежно нашептывал, что это подходящее место и подходящая смерть для зеленого.

Даже если тому всего двенадцать лет.

Участники ритуала неспешно заняли свои церемониальные места, образовав неплотное кольцо вокруг Меланты, ее сопровождающих, Сирила и главы серых.

— Меланта Грин, — печально и торжественно заговорил Сирил, — мы собрались сегодня, чтобы совершить то, что должно. Пойми, это делается во имя спасения наших двух народов, ради всеобщего блага. Мы просим прощения у тебя и твоей семьи и обещаем посвятить себя тому, чтобы эта жертва не стала напрасной.

— Я понимаю, — ответила Меланта.

«Для последних слов звучит довольно жалко», — подумала она отстраненно.

Но ужас и тоска снова охватили девочку, и уже казалось неважным, как будут вспоминать о ее смерти. Она потеряла из виду родителей, ей хотелось обернуться и убедиться, что они все еще здесь.

Но Меланта сдержалась. Им и так придется трудно, зачем же отягощать всю их жизнь болезненным воспоминанием о последнем томительном взгляде дочери.

— Спасибо, Меланта, — сказал Сирил.

Он отступил назад и кивнул сопровождающим.

Один из воинов, стоявших сбоку от нее, шагнул вперед и повернулся лицом к Меланте. Старательно избегая ее взгляда, он протянул руки к плечам Меланты и почти нежно взял девочку за горло.

И начал сжимать.

Непроизвольно она попыталась вырваться, руки сами собой вцепились в его запястья. Но он был готов к такой реакции, да и силы у взрослого воина несравнимо больше. Кровь гудела в ушах, заглушая все остальные звуки, но мысленно она слышала отчаянные возгласы зеленых, даже тех, кого Сирил убедил, что совершающееся — единственный выход. Как молния грозовые облака, этот шум заглушил последний призыв родителей — вскрик страха, боли и безысходности.

Меланта чувствовала, что силы убывают. Руки обвисли, колени начали подгибаться. Смутно она вдруг ощутила, как второй воин подхватил ее под мышки и держал, чтобы первый смог закончить свою работу. Перед глазами плясали белью пятна, отсвет уличных фонарей на лице палача начал угасать. Значит, конец близок? Чувствуя себя умирающим цветком, Меланта поникла и закрыла глаза.

Но даже сквозь закрытые веки она увидела ярчайшую вспышку света. Хватка на ее горле ослабла, и она неясно ощутила, что водоворот страданий вокруг затих, сменившись удивлением и оцепенением.

— Измена! — послышался отдаленный крик.

Руки воина вдруг отцепились от ее горла, послышался резкий звук удара, и что-то

отбросило его на землю. Поддерживающие руки тоже разжались, и Меланта стала валиться на траву, судорожно пытаясь втянуть в легкие воздух. Откуда-то протянулась другая рука, обхватив ее за талию. На мгновение ее спаситель словно пошатнулся, затем побежал по траве; тряска болью отдавалась в нижней челюсти и шее. Пятна, мелькавшие перед глазами, постепенно исчезали, но, к своему удивлению, она обнаружила, что по-прежнему ничего не видит. Уличные фонари, сиявшие до этого с Риверсайд-драйв, совершенно погасли.

— Сбежала! — пророкотал позади низкий голос кого-то из серых.

Оттуда доносились топот ног, беспорядочные выкрики и мысленные призывы. Внезапно спаситель остановился, прижал ее плотнее к себе и начал взбираться на стену, где несколько минут назад сидели серые.

Пока он карабкался, она напряженно ждала звуков погони — беглецов неизбежно должны увидеть. Но шум суматохи, похоже, отдалялся то в глубь темноты парка, то в сторону сада и каменной лестницы. Спустя несколько мгновений спаситель добрался до вершины стены, спрыгнул и бесшумно побежал по земле, а ее подбородок опять больно начал биться о его плечо.

— Ты в порядке? — хрипло шепнул спаситель. — А, Меланта?

Только со второго раза она смогла справиться с полупарализованным горлом.

— Я нормально, — просипела она. Собственный голос казался ей незнакомым. — Кто?..

— Иона. — Тут она узнала его. — Не пытайся говорить.

Последнее слово он скорее прохрипел, чем произнес, и она впервые заметила, как тяжело он дышит. Отняв левую ладонь от руки, обхватывающей ее талию, она осторожно дотронулась пальцами до его груди. И вздрогнула, почувствовав влагу:

— Иона!

— Не пытайся говорить, — повторил он, дыша все отрывистее. — Все нормально.

Он перешел на шаг, оглядываясь по сторонам, словно выбирал направление. Спустя минуту он совсем остановился, слегка опустив ее так, что ступни коснулись земли. Она вытянула ноги, пытаясь встать самостоятельно. Но колени были еще слишком слабы, и на нее начала наваливаться ужасная усталость. Далеко позади она ощущала ужас и нарастающий гнев.

— Это... неправильно, — с трудом прошептала она. — Я должна... вернуться... я должна...

Иона наклонился и поднял Меланту, прервав ее протесты.

— Все будет хорошо, — шепнул он, снова трогаясь в путь.

Он бежал сквозь темноту, и последним, что она запомнила, погружаясь в кошмарный сон, было ощущение, как ее голова ритмично подпрыгивает у него на плече.

Пьеса в театре Миллера была одной из современных психологических драм; именно такую Роджер Уиттиер и ожидал от студенческой постановки Колумбийского университета — мрачная и вычурная, густо замешанная на глубоких социологических вывертах, без малейшего намека на сюжет. По вежливым аплодисментам, эхом, отражающимся от сцены, Роджер понял, что большинство присутствующих, как и он, находят ее посредственной.

Это значило, что Кэролайн будет в восторге.

подавив вздох, он продолжал хлопать, стараясь преодолеть смущение оттого, что его жена была одной из полудюжины зрителей, вскочивших с мест и аплодирующих стоя. Хотя они были женаты уже четыре года, он так и не мог понять, был ли энтузиазм Кэролайн в подобных ситуациях подлинным, двигало ли ею сочувствие к неудачникам или это просто упрямый вызов мнению большинства.

Аплодисменты стихли, в зале зажегся свет. Теперь и остальные зрители встали и начали снимать пальто со спинок кресел. Роджер тоже поднялся и старался никого не задеть, натягивая и застегивая пальто. Он вытерпел пьесу, и теперь пришло время дипломатично скрыть от Кэролайн, что он на самом деле думает. Обычно чем сильнее был ее энтузиазм, тем более непроницаемой становилась стена молчания, возникавшая, если он пытался объяснить, что вещь никуда не годится.

Чей-то локоть впился ему под правую лопатку.

— Извините, — полуобернувшись, автоматически произнес он.

Его обидчик, невысокий сморщенный человек в дорогом пальто и с всклокоченными волосами, что-то проворчал и отвернулся. Роджер тоже отвернулся, пытаясь просунуть правую руку в завязавшийся узел рукав.

«Пропади все пропадом, я-то за что извиняюсь?» — сказал он про себя.

Справившись с пальто, он обернулся посмотреть, готова ли Кэролайн.

Кэролайн не была готова. Она вообще куда-то пропала.

Он взглянул вниз, и по поверхности моря разочарования, разлившегося у него внутри, прокатилась новая волна раздражения. Жена стояла на коленях и, изогнувшись, шарила в темноте.

— Ну что опять? — спросил он.

— Мое кольцо с опалом, — послышался из-под кресла приглушенный голос Кэролайн.

Роджер отвернулся и не думая отвечать. В последнее время такое случалось постоянно. Если она не опаздывала потому, что в водогрее не хватало воды для очередного душа, значит, куда-то девались часы, или терялось кольцо, или вдруг она вспоминала, что нужно полить цветы.

Почему она никогда не может навести порядок? Господи, она ведь агент по продаже недвижимости уж на работе-то у нее все должно быть разложено по полочкам. Почему дома нельзя так же?

Кэролайн продолжала вертеть головой в поисках кольца. На минуту он задумался: может подойти и как-то помочь? Хотя... Ей лучше знать, куда оно закатилось, он только помешает.

Роджер сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, угрюмо наблюдая, как зрители покидают зал. Если она не поторопится, такси им не поймать.

Последние зрители выходили из зала, когда Кэролайн, наконец, увидела кольцо, притаившееся за передней ножкой кресла перед ее местом.

— Нашла, — объявила она, доставая капризное украшение.

Роджер промолчал.

«Сердится», — поняла Кэролайн.

У нее засосало под ложечкой — слишком знакомое ощущение. Сердит, раздражен или разочарован. Обычное состояние в последнее время. Особенно по отношению к ней.

Она осторожно поднялась на ноги, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы, вызванные собственным разочарованием и раздражением.

«Я не нарочно его уронила, — мысленно сказала она мужу. — А ты даже не пытался помочь».

Бесполезно. Пьеса ему не понравилась, и он, вероятно, кипел возмущением по поводу того, что его только что толкнули. Но что бы ни происходило и чья бы на самом деле ни была вина, виноватой в конечном итоге оказывалась она. Ее медлительность, или неорганизованность, или что там его раздражало.

Когда Кэролайн взяла пальто и сумочку, он уже шел к проходу между креслами, излучая спиной нетерпение. Роджер никогда не кричал на нее — это было не в его принципах, — но обладал способностью погружаться в тягостное молчание, ранившее куда больше, чем необузданный характер ее отца.

Порой она думала, что уж лучше бы накричал. По крайней мере, тогда бы он был откровенен, а не притворялся, что все нормально.

Но это потребовало бы агрессивности. Что нереально.

И так же нереально поймать теперь такси. Его раздражение еще больше усилится, при том, что они чуть не поругались, обсуждая этот вопрос, когда собирались на спектакль.

Вздыхнув, она пошла следом за маячившей впереди сердитой спиной, и взгляд ее снова затуманился от слез. Ну почему у нее всегда все не так?

И конечно, к тому времени, когда они вышли в холодную октябрьскую ночь, вереница такси, выстроившихся у тротуара в ожидании расходящейся после спектакля толпы, уже исчезла.

— Проклятье, — тихо пробормотал Роджер, оглядывая Бродвей.

Но Великий белый путь был сегодня тих, во всяком случае, на этом отрезке. Университет своим строительством блокировал изрядную часть проспекта за Сто двадцать второй улицей, а у Сто третьей разразился очередной приступ городской строительной мании, перекрыв там почти всю проезжую часть. Таксисты, у которых и так хватало проблем с обычными манхэттенскими пробками; уже привыкли объезжать этот район.

Конечно, всегда можно дойти до Амстердам-стрит и поймать машину там. Но за Сто десятой улицей Амстердам становилась односторонней, из-за чего таксисту придется ехать дальше на восток до Колумбус-Серкл, которая сейчас приняла на себя большую часть бродвейского движения в дополнение к собственному. Вряд ли они доберутся домой быстрее, чем просто пройдя двадцать кварталов пешком, не говоря уже о расходах. Конечно, всегда есть метро, но Кэролайн панически боялась даже соваться туда после наступления темноты.

Но пойти пешком — значит уступить.

— Можно пройтись, — робко подала голос Кэролайн, вступая на тонкий лед переговоров.

— Можно, — откликнулся Роджер, чувствуя напряженность в собственном голосе.

Как раз об этом и вышел спор перед походом в театр: короткая перепалка по поводу утренней зарядки, любимой сейчас темы Кэролайн — как им обоим нужно больше физической нагрузки.

А уж если Кэролайн запала в голову какая-то идея, выбить ее оттуда невозможно. Троекратное «ура» упрямым, четырехкратное, если их дело правое, полный вперед и плевать на торпеды.

Он хмуро взглянул на нее, вдруг охваченный подозрением. Может, она нарочно уронила кольцо, разыграв всю эту сцену для того, чтобы пойти пешком, как ей хотелось?

Какое-то время он раздумывал, стоит ли настоять на своем и либо дойти до Амстердам-стрит, либо вызвать такси прямо сюда по мобильному и ждать, пока оно не приедет. Но ветер крепчал, и стоять тут, замерзая, было бы определенно пирровой победой. Уж лучше поскорее добраться домой, даже если это уступка.

Кроме того, наверное, она права. Наверное, им обоим действительно нужно больше двигаться.

— В самом деле, почему нет, — сказал Роджер, поворачивая на юг по Бродвею. — Если только ты не замерзнешь.

— Да нет, нормально, — уверила Кэролайн. Неожиданная капитуляция, должно быть, застала ее врасплох, поскольку ей пришлось ускорить шаг, чтобы догнать его.

— Хороший вечер для прогулки.

— Полагаю, да, — ответил Роджер.

Кэролайн промолчала, даже не заикнувшись об упражнениях. По крайней мере, она будет великодушным победителем.

Движение машин по Бродвею, как он уже заметил, было сегодня скудным. Чего он не ожидал, так это того, что и пешеходное движение окажется таким же скромным. Как только они вышли с территории, прилегающей непосредственно к Колумбийскому университету, то оказались на тротуаре буквально в одиночестве. Одни только стройки не могли служить тому объяснением; должно быть, шел футбольный матч или что-то еще. А возможно, еще не закончился бейсбольный сезон. Роджер не очень разбирался в таких вещах.

Хотя, может быть, непогода разогнала всех по домам. Пока они были в театре, ветер усилился, резкий северный ветер, предвестник холодной зимы.

Кэролайн, очевидно, думала о том же.

— Нам надо будет перенести деревья в дом до наступления холодов, — сказала она, когда они торопливо переходили Сто четвертую улицу, видя, что вот-вот зажжется красный свет. — В прошлом году мы затащили, и весной они плохо росли.

— Что означает «до холодов»? — спросил Роджер, радуясь, что можно поговорить о чем-то, кроме гимнастики и пьесы.

— Ясно, что до морозов, — ответила Кэролайн.

— Ладно, — сказал Роджер.

Хотя о прошлогодних проблемах с деревьями у него остались весьма смутные воспоминания. Два апельсиновых деревца, как и остальные домашние джунгли, были на попечении Кэролайн.

— Ты снова хочешь поставить их в спальне?

— Хотела бы, — сказала Кэролайн. — Понимаю, тебе не нравится, что они мешают выходу на балкон, но иначе они будут мешать выходу из гостиной, а мы все же ходим там

чаще, чем на...

— Тсс, — перебил Роджер, оглядываясь по сторонам. — Ты слышала?

— Что слышала? — спросила Кэролайн.

— Похоже на кашель, — нахмурился Роджер. Помимо еще двух парочек, идущих впереди на расстоянии квартала, вокруг не было ни души. — Такой мокрый кашель, когда жидкость в легких.

— Ненавижу этот звук, — поежилась Кэролайн.

— Да, но откуда он? — настаивал Роджер, продолжая оглядываться.

Ни один магазин рядом не работал, переулки отсутствовали, а ближайшие дверные проемы были слишком хорошо освещены фонарями, чтобы там мог кто-нибудь спрятаться. Все окна над ними также были закрыты.

— Я никого не вижу, — сказала Кэролайн. — Наверное, тебе почудилось.

«Ничего мне не почудилось», — недовольно подумал Роджер. Но с тем, что вокруг не было ни души, спорить не приходилось.

— Возможно. — Он взял ее за руку и снова двинулся вперед, но по затылку у него пробежал холодок, и явно не от ветра. — Ладно, пойдем.

Вот они миновали развороченную мостовую и мигающие желтые огни у Сто третьей улицы, приближаясь к Сто второй. Впереди слева показался театр, в который они иногда ходили с Кэролайн; маркиза над входом поднята, окна темны. Или теперь по средам он закрывается раньше?

— Роджер, что такое с фонарями? — тихо спросила Кэролайн.

Он нахмурился. Разглядывая театр, он даже не заметил, что освещение вокруг как-то странно померкло. Уличные фонари стали похожи на ночники, они едва излучали свет, да и то будто через силу. Фары проходящих машин светили необычно ярко, в дверных проемах залегли глубокие тени. Впереди, насколько был виден Бродвей, все фонари горели так же тускло.

Он оглянулся через плечо. Позади фонари тоже притухли, но только на один квартал. Дальше, за Сто третьей улицей, они сияли как обычно.

Наверное, это как-то связано с дорожными работами, точно. Где-то на разрытой улице повредили кабель. Но почему он никого не заметил, пока они шли? Почему фонари не погасли совсем, а только как-то странно притухли?

И почему именно сейчас, когда они здесь идут с Кэролайн?

Кэролайн умолкла, сильнее сжав его руку. Стиснув зубы, Роджер продолжал идти вперед, стараясь держаться подальше от темных дверных проемов. Осталось всего шесть кварталов, твердо напомнил он себе. Не страшнее, чем ночная прогулка через лес, к тому же с тем преимуществом, что не споткнешься о сук.

— Так что ты думаешь о пьесе? — спросил он. Кэролайн понадобилась минута, чтобы обдумать ответ.

— Мне очень понравилось. — Мысли ее, очевидно, были далеко от уютного искусственного мира университетского экспериментального театра. — А тебе?

— Играли весьма прилично, — сказал он. — Хотя с акцентом любовника-латинца, по моему, перебрали.

— Ты имеешь в виду Сезара? — нахмурилась Кэролайн. — Он француз.

— Я знаю, — сказал Роджер. — Я имел в виду любовника-латинца в общем смысле.

— Я и не знала, что есть такое выражение, — сказала Кэролайн. — Это в смысле

римский?

— Нет, это более общее театральное выражение, — сказал он.

Они уже прошли полквартала, углубившись в темноту. Осталось пять с половиной кварталов.

— Такой сладкоречивый романтический парень, на каких западают женщины. Обычно или он соблазняет их, или они сами идут к гибели, не отдавая себе в этом отчета.

— А! — сказала Кэролайн. — Хотя в данном случае вряд ли можно говорить о неведении. Луанна отлично понимала, что происходит.

— Почему тогда она позволяла Сезару так собою манипулировать? — возразил Роджер, хотя и понимал, что рассуждения о логике сюжета не приведут ни к чему хорошему. — Притом что старый добрый верный Олбейт все время ждал, что она образумится?

— Не знаю, — проворчала Кэролайн. — Я все-таки не думаю, что это вина Сезара.

— Возможно, — сказал Роджер, заставляя себя оставить тему. — Мне понравились декорации, — добавил он в надежде, что технический аспект постановки будет менее рискованной темой для обсуждения. — И музыка весьма приличная. Шопен, как я понимаю.

Они дошли до Сто первой улицы, и он обдумывал, что еще хорошего можно сказать о пьесе, когда тусклое освещение погасло совсем.

Ахнув, Кэролайн вздрогнула и остановилась.

— Спокойно, — сказал Роджер, чувствуя, как свело живот.

Фонари погасли, но в тоже время несколько окон над ними по-прежнему светились, излучая яркий свет, что, на взгляд Роджера, было в этой ситуации самым странным. Он еще никогда не видел, чтобы при отключении электроэнергии на площади шести кварталов что-то оставалось работать. Да что за чертовщина?

— Ладно, пошли дальше, — пробормотал он.

— Нет, — раздался слева низкий голос.

Вздрогнув, Роджер резко повернулся и увидел, как от стены медленно отделилась какая-то фигура.

— Что вам нужно? — требовательно спросил Роджер, проклиная дрожь в голосе.

— У вас есть деревья? — спросил мужчина.

Роджер моргнул; сама неожиданность вопроса лишила его возможности соображать.

— Деревья? — тупо переспросил он.

— Деревья! — прорычал мужчина. — Вы говорили...

Он запнулся, сильно закашлявшись.

Тот самый кашель, что он слышал у перекрестка, с содроганием осознал Роджер. Только этого человека там не было. Там никого не было. Он почувствовал, что Кэролайн отпустила его руку.

— Да, — сказала она, повышая голос, чтобы перекрыть кашель. — У нас есть два карликовых апельсиновых дерева.

Человек, наконец, справился с кашлем.

— Большие? — проскрипел он.

Только теперь, с опозданием, до Роджера дошло, что они могли ускользнуть, пока тот временно вышел из строя. Ничего, может, представится еще один шанс. Взяв себя в руки, он приготовился схватить Кэролайн за руку и бежать, как только мужчину одолеет очередной приступ.

— Футов шесть высотой и четыре в ширину, — сказала Кэролайн. — Они растут в

кадках у нас на балконе.

Человек сделал еще шаг вперед. Света от окон было слишком мало, чтобы различить черты его лица, но вполне хватало, чтобы увидеть, что незнакомец невысокий и широкоплечий, с плотным телосложением боксера. И вполне достаточно, чтобы осветить блестящий пистолет, — который он сжимал в левой руке.

— Маловаты, — пробормотал мужчина. — Но подойдут.

Он указал в сторону Сто первой улицы позади себя. Там фонари тоже не горели.

— Пошли.

Роджер чувствовал, как дрожит Кэролайн, когда он молча вел ее впереди грабителя по тротуару, отчаянно стараясь придумать какой-то план. Человек, очевидно, слабый и больной. Если прыгнуть на него и вырвать пистолет...

Нет. Если он прыгнет, его просто застрелят. Грабитель на голову ниже, но, судя по ширине плеч, на добрых двадцать фунтов тяжелее Роджера. И вероятно, намного превосходит силой.

— Здесь, — внезапно произнес сзади грабитель. — Сюда.

Роджер с усилием сглотнул, глядя вась сквозь прутья железной ограды, стоявшей слева поперек переулка между двумя домами. За распахнутой калиткой темный бетон спускался под наклоном, переходя затем в горизонтальную поверхность, за которой виднелись бетонные же ступени, ведущие на более высокую площадку, примыкающую к гладкой невыразительной стене. Справа, между входом и ступенями, была стена пониже, за ней маленький дворик, а прямо над ней пожарная лестница, установленная на одном из домов. Слева за оградой лежала груда мешков с мусором.

— Сюда, — повторил грабитель.

— Делай, что он говорит, Роджер, — шепнула Кэролайн.

Сердце гулко бухало в ушах. Роджер вошел в калитку и начал спускаться по бетонному склону, держа Кэролайн за руку. Они успели сделать по переулку шага три, когда позади внезапно снова вспыхнули фонари.

— Стойте, — приказал грабитель. — Там.

Роджер нахмурился. Мужчина, который теперь, на фоне ярко освещенного переулка, выглядел как черный силуэт, указывал на продолговатую связку тряпья, лежавшую у дальнего конца шеренги мусорных мешков.

— Там — что?

— Господи! — ахнула Кэролайн, отпустив руку Роджера, подошла к тряпью и опустилась на колени.

И тут Роджер понял. Связка была не тряпьем, а девочкой лет четырнадцати-пятнадцати, одетой в какой-то странный лоскутный наряд из серо-зеленого материала. Она свернулась калачиком, защищаясь от холодного ночного воздуха, глаза ее были закрыты.

— Заберите ее, — раздался голос грабителя над ухом у Роджера.

Что-то метнулось к лицу Роджера, он инстинктивно отпрянул. Но это что-то не коснулось его, замерев в воздухе. Это была рука грабителя. В руке — пистолет.

Направленный к Роджеру рукояткой.

— Что? — недоверчиво спросил Роджер.

— Заберите ее, — повторил тот, настойчиво суя ему пистолет. — Защитите ее.

Роджер осторожно коснулся оружия. Может, это уловка? Вдруг тот внезапно повернет пистолет и выстрелит в него? Он обхватил рукоять и, когда грабитель отпустил руку, ощутил

странную легкость оружия.

— Защитите ее, — еще раз тихо повторил тот. Обойдя Роджера, он молча направился вниз по бетонному склону в переулок.

— Роджер, дай мне свое пальто, — приказала Кэролайн. — Она замерзает.

— Конечно, — механически ответил Роджер, глядя вслед загадочному грабителю.

Кажется, он немного покачивается? Роджер не был уверен, но похоже на то. Засиделся в баре во время распродажи спиртного? Пожалуй, это могло объяснить, почему Роджер сейчас держал его пистолет.

Но он не говорил как пьяный. И от него точно не пахло, когда он отдавал оружие.

И этот кашель...

— Роджер!

— Да.

Все еще глядя, как мужчина неверной походкой удаляется прочь, он снял и отдал пальто. Какое-то время он смотрел на Кэролайн, которая усадила девочку и набросила ей пальто на плечи, затем снова взглянул в переулок.

Грабитель исчез.

Роджер нахмурился, вглядываясь в сумерки. Ну ладно, человек исчез. Но куда исчез? Он осторожно подошел к низкой стене и заглянул за нее.

Мужчины не было. Его не было ни на пожарной лестнице, ни на каменных ступенях, ни дальше, на площадке, ни за углом напротив тупика в конце двора. Роджер не видел ни дверей, ни предметов, за которыми можно было бы спрятаться, а все окна первых этажей были зарешечены. И он точно не проходил обратно мимо Роджера к выходу из переулка.

Он просто исчез.

Роджер взглянул на оружие. До сих пор ему никогда не приходилось держать в руках настоящий пистолет, но он всегда думал, что они тяжелые. Этот, похоже, весил не больше, чем игрушечные, с которыми он играл в детстве. Может, одна из пластмассовых имитаций, о которых постоянно упоминают в газетах?

Но пистолет не выглядел пластмассовым. Он был явно металлический и, несомненно, очень походил на те армейские, что показывают в фильмах о Второй мировой. Роджер повернул его к свету, чтобы рассмотреть получше.

Тут он заметил на блестящей поверхности металла с правой стороны ствола то ли грязь, то ли пятно. Роджер потер ствол, и пятно исчезло.

Кровь?

— Роджер, хватит мечтать, помоги мне, — позвала Кэролайн.

Оглянувшись, последний раз, он поднялся по бетонному склону. Кэролайн завернула девочку в пальто и подняла на ноги, как тряпичную куклу. Бедняжка открыла глаза, но выглядела оцепенелой и полусонной.

На шее у нее Роджер заметил несколько ужасных синяков.

— Да очнись же, Роджер! — прервала Кэролайн ход его мыслей. — Надо отвести ее к нам домой.

— Нет, надо вызвать полицию, — возразил Роджер, вынимая из кармана мобильный телефон. От раздражения кровь прихлынула к лицу. Неужели жена действительно считает, что он стоит просто так, ни о чем не думая?

— Можно вызвать из дома, — сказала Кэролайн. — Надо увести ее отсюда, пока она не схватила пневмонию.

— Полицию надо вызывать, — настаивал Роджер. — Это место преступления. Им понадобится искать улики.

— Мы скажем, где нашли ее, — возразила Кэролайн. — Наше присутствие при поиске улик не обязательно.

Роджер скрипнул зубами. Но вероятно, она права. Случай не экстренный, полиция вряд ли среагирует быстро, а девочка вполне может умереть от переохлаждения еще до того, как они приедут. Или, скорее, он сам замерзнет насмерть. Ведь его пальто теперь на ней.

— Ладно, — проворчал он. — Идем... э-э... Кэролайн, как ее зовут?

— Кажется, она не может говорить, — мрачно прошептала Кэролайн. — Похоже, ее кто-то пытался задушить.

— Да, вижу.

Роджер оглянулся: его мучило странное ощущение, будто за ним кто-то наблюдает. Но вокруг никого не было.

Но ведь когда он слышал кашель в первый раз, тоже никого не было видно.

Засунув пистолет в карман, он обхватил девочку за тонкую талию. Она почти повисла на его руке, ей явно было очень плохо. Хотелось надеяться, что не придется тащить ее до самой квартиры. Еще больше ему хотелось, чтобы тот, кто пытался ее задушить, не обнаружил их по пути домой.

Нести девочку не пришлось. К тому времени, когда они добрались до дома, она брела, пошатываясь, как пьяная, опираясь на них обоих. Ночного портье нигде не было видно, и Роджер поддержал ее, пока Кэролайн вытаскивала ключи и возилась с замком.

Лифт оказался пустым, так же как и коридор, ведущий к их квартире на шестом этаже. Кэролайн открыла дверь, и Роджер втолкнул девочку за порог.

— Нет — в спальню, — пропыхтела Кэролайн, когда Роджер двинулся в гостиную. — Там ей будет удобнее.

— Ладно, — буркнул Роджер, меняя направление.

Добравшись до спальни, они уложили девочку на кровать.

Когда Кэролайн подоткнула стеганое одеяло, чтобы укрыть ей ноги, та уже спала. Поправляя пальто, Роджер невзначай коснулся пальцами ее плеча. Материал платья был странным на ощупь, нечто вроде смеси шелка и атласа.

— Такая молоденькая, — прошептала Кэролайн.

— Сколько ей, по-твоему? — спросил Роджер. — Мне показалось, лет пятнадцать.

— О нет — не больше двенадцати, — ответила Кэролайн. — Может, даже одиннадцать.

— Гм, — произнес Роджер, всматриваясь в лицо девочки. Он всегда путался с возрастом.

Но сколько бы ей ни было лет, в ней явно было что-то экзотическое. Волосы совершенно черные, кожа темно-оливковая средиземноморского типа, и какие-то странные, не типичные ни для одной расы разрез глаз и рисунок губ. Он не успел увидеть ее глаза перед тем, как она уснула, но готов был поспорить, что они такие же черные, как и волосы.

— Лучше зажечь свет в спальне, — сказала Кэролайн. — Вдруг она испугается, проснувшись в незнакомом месте в темноте.

Роджер кивнул и щелкнул выключателем, и они оба вышли на цыпочках, закрыв за собой дверь.

— Что ты об этом думаешь? — спросила Кэролайн, снимая пальто.

— Я думаю, что надо вызвать полицейских, пусть они с этим и разбираются, — сказал Роджер и направился на кухню к телефону, с отвращением оттягивая рубашку на груди.

Войдя с холодного вечернего воздуха в домашнее тепло, он весь вспотел, и рубашка неприятно липла к коже.

— Запри, пожалуйста, дверь на засов и навесь цепочку. И проверь балконную дверь.

Оператор службы «911» ответила с обнадеживающей быстротой. Он объяснил ситуацию, дал адрес и получил уверения, что патрульная машина будет у них очень скоро.

Когда он вернулся, Кэролайн вышагивала по гостиной взад-вперед.

— Все заперто? — спросил он.

— Я не проверила дверь из спальни на балкон, — сказала она. — Не хотела ее будить. Но помню, что утром ручка от швабры была вставлена в направляющую.

— Я тоже помню, — подтвердил Роджер.

Подойдя к дивану, он подвинул одну из подушек и сел.

— Ты бы тоже присела. Придется подождать.

— Наверное. — Она подошла к одному из двух стульев, стоящих перед диваном. Но едва сев тут же снова вскочила. — Нет, не могу.

— Сядь, — настойчиво повторил Роджер, ища какой-нибудь способ отвлечь ее. — Я хочу тебе кое-что показать.

Кэролайн неохотно села опять, и он достал пистолет, который дал ему грабитель.

— Ты ведь раньше ходила с отцом в тир? Не кажется он тебе слишком легким?

Она взяла пистолет, и брови ее поползли вверх.

— Чересчур легкий. — Кэролайн взвешивала оружие на руке. — Это игрушка?

— Ты меня спрашиваешь? Не может это быть какой-нибудь особый пластиковый пистолет?

— Не знаю, — сказала Кэролайн. — Выглядит как стандартный кольт сорок пятого калибра девятьсот одиннадцатого года.

Внимательно осматривая пистолет, она увидела пятнышко крови, и глаза ее расширились.

— Это?..

— Сомневаюсь, что томатный сок, — произнес Роджер. — Ты можешь еще что-нибудь сказать о пистолете? Мне совсем не хочется рассказывать полицейским, что на меня напали игрушечные бандиты.

— Так, затвор работает. — Кэролайн оттянула и отпустила верхнюю часть пистолета; Роджер видел, что так делают в кино. — Обычно у игрушечных он неподвижен.

Она повозилась с рукояткой.

— А вот обойма, похоже, приклеена намертво, — добавила она.

— Значит, он без пуль? — предположил Роджер.

— Не знаю. — Кэролайн снова оттянула затвор и заглянула внутрь. — Внутри что-то похожее на патрон. Но...

Она отпустила затвор и снова оттянула.

— Но если патрон настоящий, то должен выбрасываться, когда я так делаю. Или его заклинило, или он ненастоящий.

— А можно сказать наверняка?

— Хочешь, чтобы я попробовала нажать на спуск?

Роджер фыркнул.

— Нет, спасибо. Так что же это такое?

— Не знаю, — повторила Кэролайн, возвращая пистолет. — Затвор действует, а выбрасыватель — нет. Предохранитель работает, но не работает защелка обоймы. Вроде в стволе патрон, а извлечь его не получается. Он будто сделан так, чтобы был похож на настоящий, но только до определенной степени.

— В смысле, как киношная бутафория?

— Может, только зачем столько хлопот с изготовлением бутафорского пистолета, который действует только наполовину? — заметила она. — Почему просто не использовать настоящий, заряженный холостыми? Какой в этом смысл?

— Да. — Роджер покрутил пистолет. — Кстати, о смысле — что ты думаешь о наряде девочки?

— Несколько выпадает из нью-йоркского стиля, — сказала Кэролайн. — Напоминает костюмы, которые носят исполнители средневековой музыки.

— Я имею в виду материал, — пояснил Роджер. — Что это?

— Я не обратила внимания, — ответила Кэролайн. — Хотя блестит, как шелк.

— Но на ощупь он не похож на шелк. Слишком гладкий.

— Ну, тогда не знаю, — сказала Кэролайн. — Может, какая-нибудь новая ткань.

Из прихожей раздался звонок.

— Вот и они. — Роджер встал. — Быстрее, чем я думал.

— погоди, — вдруг вскочила Кэролайн, схватив его за руку. — Откуда мы знаем, что это полиция?

Роджер остановился как вкопанный, его снова прошиб озноб.

— Оставайся здесь.

Он опустил пистолет в карман и прошел мимо входной двери в кухню.

Он вынул из подставки разделочный нож и вернулся к двери.

Звонок повторился.

Двое мужчин, которых он увидел через глазок, несомненно, выглядели как полицейские.

— Кто там? — спросил он.

— Полиция, — послышался приглушенный голос. — Это вы звонили по поводу найденной девочки?

Роджер крепко сжал нож.

— Я сейчас открою дверь, — сказал он, проверяя, на месте ли цепочка. — Но хочу посмотреть ваше удостоверение.

Он приоткрыл щелку, ожидая, что массивная дверь затрещит, когда мужчины попытаются выломать ее. Вместо этого рука с полицейским значком и удостоверением осторожно просунулась в щель.

Роджер с минуту разглядывал карточку, сознавая, что понятия не имеет, как выглядит настоящее полицейское удостоверение. Но ведь вызвал их он, оставалось только надеяться, что они настоящие.

— Спасибо, — произнес Роджер. — Подождите, я сниму цепочку.

Рука убралась, и он закрыл дверь. В шаге справа была полка для безделушек Кэролайн: торопливо засунув нож за глазурованную тарелку, он снял цепочку и открыл дверь.

Двое полицейских выглядели так, будто вышли со съемочной площадки телевизионного сериала: один — умудренный опытом дородный белый средних лет, другой — молоденький латиноамериканец, очевидно, только что поступивший на службу.

— Я офицер Керн, — представился старший, задержавшись на мгновение взглядом на Кэролайн и быстро оглядывая комнату позади нее. — Это офицер Эрнандес. Вы сообщили, что нашли пропавшую девочку?

— Да, — сказал Роджер. — По крайней мере, мы предполагаем, что она пропала. Мы наткнулись на грабителя в переулке на Сто десятой улице...

— На самом деле он оказался не грабителем, — вставила Кэролайн. — Он хотел, чтобы мы забрали ее и...

— Тихо! — перебил Роджер, услышав позади какой-то глухой стук. — Что это было?

— Это — что? — напряженно спросила Кэролайн.

— Я ничего не слышал, — сказал Керн.

— Что-то стукнуло, — решительно сказал Роджер, направляясь к спальне. — Будто кого-то ударили по голове.

Ему казалось, что он двигается быстро, однако оба полицейских оказались у двери спальни впереди него.

— Оставайтесь здесь, — приказал Керн, уже держа пистолет наготове.

Повернув ручку, он резко толкнул дверь. Эрнандес тут же нырнул вперед и влево. Керн рванулся за ним направо. Свет по-прежнему горел, и от двери Роджер ясно увидел на пустой кровати смятое пальто.

Девочка исчезла.

— Балкон! — дрожащим голосом воскликнула Кэролайн, показывая через плечо Роджера на раздвижную дверь. — Кто-то вынул ручку от швабры.

— И задвижка открыта, — мрачно сказал Роджер. — Ее утащили туда!

Керн что-то буркнул, и оба полицейских бросились к раздвижной двери. Эрнандес первым, он дернул дверь в сторону и исчез на балконе, за ним старший товарищ. Стиснув зубы, Роджер двинулся вперед; холодный воздух ударил ему в грудь, как прибой в конце июня на Кони-Айленд. Он нырнул через проем...

И чуть не уткнулся в спину Керна.

— Что тут? — резко остановившись, спросил он.

Оба полицейских стояли, оглядываясь по сторонам. Балкон был пуст.

Роджер огляделся еще раз. Не считая его самого, двух полисменов и двух тяжелых керамических кадок с торчащими из них апельсиновыми деревьями Кэролайн, балкон был совершенно пуст.

Внезапно включился балконный свет, заставив всех вздрогнуть.

— Где она? — встревоженно спросила Кэролайн, высунув голову на балкон.

— Хороший вопрос, — с подозрением произнес Керн. — Может, у вас есть на него и хороший ответ?

— Но она не могла уйти, — возразила Кэролайн, оглядываясь. — Она была там, в спальне. Где еще она может быть?

— Во всяком случае, не здесь. — Керн убрал пистолет в кобуру и оглядел отвесную стену. — А чтобы допрыгнуть до соседнего балкона, слишком далеко.

— Вниз она спуститься не могла, — добавил Эрнандес, заглядывая вниз через гладкую стенку балкона.

Вывернув голову, он взглянул на балкон над ними.

— И залезть наверх тоже. Можно взобраться та перилам, но не по таким ровным стенам.

— Но она же была здесь, — настаивала Кэролайн. — Она должна быть здесь.

— Ладно, хорошо, — проворчал Керн. — Давай, Эрнандес. Как положено.

В течение следующих пятнадцати минут они методически осматривали квартиру, заглядывая всюду, где могла спрятаться хотя бы собачка чау-чау. В конце концов, так и ничего не нашли.

— Весело было с вами, ребята, — сказал Керн, направляясь к выходу. — В следующий раз, когда захочется кого-нибудь подурочить, не трогайте полицию, ладно?

— Ясно, — проворчал Роджер. — Спасибо, что приехали.

Он выпустил полицейских, наглухо запер дверь и навесил цепочку. Кэролайн снова вышла на балкон, оглядываясь, словно все еще ожидала увидеть девочку, спрятавшуюся в уголке. Устало вздохнув, он прошел через комнату и присоединился к жене.

— Не понимаю, — сказала она, когда Роджер встал рядом. — Она ведь была тут. Ну не приснилось же нам?

— Если так, то и это приснилось тоже, — ответил Роджер, доставая пистолет из кармана.

— Пистолет! — ахнула Кэролайн, чуть не хватаясь за него. — Скорее, позови их. Это же доказательство!

— Доказательство чего? — раздраженно возразил Роджер. — Игрушечный пистолет? Ничего это не докажет.

— Но... — Кэролайн снова погрузилась в свои мысли. — Ты прав, — уже спокойно сказала она. — Но куда же она все-таки делась?

— Не знаю, — признался Роджер, оглядывая балкон. — Остается надеяться... Ладно, не важно.

— Что тот, кто пытался ее задушить, не вернулся и не довершил дело?

Завывания ветра почти заглушали голос Кэролайн.

— Да. — Роджер глубоко вдохнул холодный северный воздух.

В этом году зима действительно пришла рано.

— Пойдем, — произнес он, не зная, что еще сказать. — Давай ложиться спать.

В ту ночь они спали плохо. Во всяком случае, Кэролайн плохо спала, и наутро по натянутому, односложному диалогу с мужем догадалась, что и Роджер тоже.

Но, по крайней мере, до спора о пьесе не дошло. Это было уже кое-что.

Обычно октябрь — спокойный месяц на рынке недвижимости, и нынешний год не стал исключением. От летней сдачи внаем остались лишь воспоминания и счета, семьи с маленькими детьми погрузились в новый учебный год, а до рождественских скидок, побуждающих молодые пары к размышлениям о кооперативной квартирке с прелестным видом из окна, оставалось целых два месяца.

Это давало Кэролайн массу времени поразмышлять о событиях предыдущего вечера. Поразмышлять и попытаться потеревить узелки этой загадки в надежде хоть немного их распутать.

Но все ее попытки ни к чему не привели. Она просмотрела местные газеты и новостные сайты Интернета, ища рассказы о насилии в городе, которые могли быть как-то связаны с синяками на шее у девочки, но не нашла ничего, что объединяло бы такие преступления с описанием ее внешности. Человек, оставивший пятно крови на странном пистолете, похоже, также бесследно растворился во тьме. Она провела несколько часов на телефоне, разговаривая с бюро, занимающимся пропавшими без вести, но и там не получила сведений ни о девочке, ни о мужчине.

В тот день она совсем не общалась с Роджером. Иногда он звонил во время обеда, но сегодня она так увлеклась поиском в Интернете, что даже не заметила, что уже половина второго, пока смена, обедающая в полпервого, не вернулась в контору. Целый час после этого Кэролайн мучилась сомнениями, стоит ли звонить самой, и оставшуюся часть дня провела как на иголках, размышляя, лучше или хуже будет, если она его побеспокоит.

Вернувшись вечером домой, она с изрядным облегчением обнаружила, что Роджер не только не сердится, но и уже готовит ужин.

— Привет, милая. — Роджер рассеянно поцеловал ее. — Как прошел день?

— Медленно, — ответила Кэролайн, вешая пальто и возвращаясь на кухню. — А у тебя?

— Тоже. — Он открыл банку с помидорами. — Судья Васко слег с гриппом, так что аргументы по спорному контракту, которые я готовил для Билла, не потребуются как минимум неделю. А Сэм и Карлетон в дебрях корпоративного Делавэра охмуряют каких-то важных клиентов.

— По крайней мере, тебя не гоняют, как обычно, — заметила она.

— Что весьма кстати, учитывая, сколько времени я провел, звоня в бюро, — немного недовольно сказал он. — Оказалось, что у них в записях нет никого, кто соответствовал бы описанию девочки.

— Знаю. — Кэролайн глянула в открытую поваренную книгу и достала из холодильника кусок чеддера. — По мужчине у них тоже ничего нет.

Роджер поднял взгляд; по лицу его пробежала тень удивления и, кажется, даже уважения.

— Ты тоже туда звонила?

Она кивнула.

— Я также проверила сайты новостей, чтобы узнать, нет ли чего-нибудь, что может

быть связано с синяками у нее на шее. Но ничего не нашлось.

Он хмыкнул.

— В обед я доехал на метро до Сто третьей улицы и прошел наш вчерашний маршрут в обратном направлении, — сказал он. — Я не смог попасть в переулок — калитка была закрыта, — но ничего необычного не заметил.

Кэролайн выбрала нож и стала резать сыр.

— Будто и не было ничего.

— Да уж, — согласился Роджер. — Хотя кое-что интересное я все же узнал. Похоже, прошлым вечером было крупное аварийное отключение энергии на Морнингсайд-Хайтс. В западной части, у Риверсайд-парка.

— Насколько большое? — нахмурилась Кэролайн.

— Келли говорит, что вокруг его дома на Сто пятнадцатой все было темно. — Он помолчал. — Во всяком случае, после мощной вспышки.

— Вспышки?

— Да, — сказал Роджер. — Он сказал — все фонари, будто разом взорвались.

— А что говорят энергетики?

— Обычная демагогия, — сказал Роджер. — Превышение нагрузки, перегрузка кабелей, белки перегрызли, а может, виновата стройка на Бродвее.

— Ты думаешь, это может быть как-то связано с нашим случаем? — спросила Кэролайн.

— Хотелось бы, — сказал Роджер. — Но есть три проблемы. Во-первых, это не похоже на то, что мы видели, так что не ясно, какая тут связь. Во-вторых, отключение на Морнингсайд случилось почти за час до того, как начали капризничать наши фонари. И в-третьих, остается непонятным, почему отключился свет на улице, а в домах остался.

Кэролайн поморщилась.

— Значит, мы вернулись в исходное положение, — сказала она. — У нас есть дикая история без единого доказательства. Кроме пистолета, — поправила она. — Куда ты его дел?

— Сунул вчера в ящик для хлама, — сказал он. — Под твой вязаный коврик.

Она вспомнила, что уже год не прикасалась к рукоделию, и слегка покраснела. Надо или снова заняться своим хобби, или избавиться от этих вещей.

— Все это напоминает истории о привидениях у костра, — сказала она. — Ты когда-нибудь рассказывал такие?

— Не-а, — сказал Роджер. — Но если она привидение, то весьма тяжелое.

— О, они бывают весьма внушительными, — заверила Кэролайн. — Помню одну историю о парне, который познакомился с девушкой на танцах в университете и одолжил ей свитер по дороге домой.

— Кэролайн...

— В общем, — продолжала она, не обращая внимания на мужа, — на следующий день, когда он пришел к дому, до которого проводил ее...

— Кэролайн! — резко произнес Роджер.

Вздрогнув, она умолкла, непроизвольно сжавшись. Что она такого сейчас сказала?

Роджер смотрел в пустоту; шея его внезапно напряглась.

— Слушай, — тихо сказал он.

Кэролайн наморщила лоб, затаив дыхание и напрягая слух.

И тут она слышала. Тихое постукивание, исходящее со стороны гостиной.

Такой звук, будто кто-то барабанит костяшками пальцев по стеклу.

— Думаю, — голос Роджера звучал неестественно небрежно, — что мы не одни.

Он направился к гостиной. Кэролайн взглянула на нож, который держала в руке, затем положила его рядом с сыром и пошла следом.

Войдя, она увидела, что Роджер неподвижно стоит посреди комнаты, впери́в взор в балконную дверь. Там, на балконе, тонким силуэтом на фоне темнеющего неба и огней города, стояла и смотрела на них та самая девочка, одетая в ту же лоскутную тунику и трико.

Глубоко вдохнув и с шумом выдохнув, Роджер прошел через комнату, вынул палку из направляющей и открыл дверь.

Девочка слегка поклонилась.

— Можно войти? — спросила она. Голос был низкий, гортанный, с каким-то неуловимым акцентом.

— Конечно. — Роджер отступил в сторону. — Если ты не хочешь провести всю ночь на улице вместе с деревьями.

Кэролайн показалось, что в этот момент девочка внимательно взглянула на Роджера. Но, поколебавшись лишь мгновение, вошла.

— Спасибо, — сказала она. — И спасибо, что помогли мне прошлой ночью.

— Как же иначе? — произнесла Кэролайн, заставляя себя сдвинуться с места и подходя ближе, пока Роджер запира́л дверь на защелку. — Полагаю, мы до сих пор не познакомились, как следует, — добавила она. — Меня зовут Кэролайн Уиттиер. Это мой муж — Роджер.

— Здравствуйте. — Девочка снова кивнула. — Меня зовут Меланта Гр...

Она запнулась. «Гр?»

— Грин? — рискнула предположить Кэролайн, глядя на зелено-серый рисунок ее туники.

Девочка на мгновение поджала губы.

— Да, — призналась она.

— Меланта Грин, — повторила Кэролайн. Подумав, она решила, что это симпатичное сочетание чего-то экзотического и обыденного.

— Хорошее имя. Сколько тебе лет?

— Двенадцать, — сказала Меланта. — В следующем году в мае будет тринадцать.

— Уверена, ты с нетерпением ждешь весны, — заметила Кэролайн. — У тебя есть семья?

Девочка мельком взглянула через плечо на Роджера.

— Я очень голодна, — сказала она. — У вас нет чего-нибудь поесть?

Стало быть, семья не является желанной темой для разговора. Интересно.

— Конечно. — Кэролайн взяла ее за руку и пошла на кухню.

Рука была прохладной, но совсем не такой холодной, как если бы Меланта просидела на балконе целый день.

— Запеканка еще не готова, но я найду, чем тебя угостить. Ты любишь сыр?

— Козий сыр? — с надеждой спросила Меланта, когда они вошли на кухню.

— Извини, — раздался сзади голос Роджера. — Всего лишь обычный традиционный чеддер.

— Ничего, — сказала Меланта, жадно глядя на сыр, пока Кэролайн усаживала ее за

один из двух стульев, стоящих у небольшого кухонного стола.

— Можешь начать с этого. — Кэролайн поставила перед ней тарелку с уже нарезанным сыром. — Хочешь молока или сока? У нас есть апельсиновый и яблочный.

Девочка взяла один из ломтей сыра еще до того, как тарелка коснулась стола.

— Яблочного можно?

— Конечно. — Кэролайн достала из шкафа стакан и повернулась к холодильнику.

Ей потребовалось обойти Роджера, который неожиданно направился к столу.

— Скажи, почему ты ушла вчера вечером? — спросила она, доставая бутылку сока.

— У вас есть хлеб? — спросила Меланта.

— Конечно, — сказал Роджер.

Он устроился на месте, где Кэролайн до этого резала сыр, спиной к столешнице, лицом к девочке. Не спуская с нее глаз, он выдвинул хлебный ящик и вынул пакет с булочками.

— Почему же ты ушла? — спросил он, передавая ей пакет.

Меланта на долю секунды подняла взгляд. Роджер улыбнулся — Кэролайн видела, что это натянутая улыбка, но все-таки улыбка.

— Я испугалась, — ответила она, глядя на стол и откручивая проволочку от горловины пакета. — Я слышала голоса.

— Это была всего лишь полиция, — сказал Роджер. — Они пришли, чтобы помочь.

— На тебя кто-то напал, — сказала Кэролайн, подходя со стаканом сока к столу. — Ты помнишь это? Кто-то пытался...

Она умолкла, взглянув на шею Меланты. Ужасные черные синяки, которые были у нее на горле прошлой ночью, теперь стали едва заметны.

— Кто-то пытался тебя задушить, — медленно продолжала Кэролайн, осторожно касаясь горла девочки кончиками пальцев.

Меланта отстранилась.

— Я знаю, — сказала она.

— Кто это сделал? — спросил Роджер. — Человек с пистолетом?

— Нет, — твердо ответила она. — Он... хотел мне помочь.

— Тогда кто? — настаивал Роджер. Меланта вздрогнула.

— Не знаю.

Роджер перевел взгляд на Кэролайн. «Лжет», — ясно говорило выражение его лица.

— А твоя семья? — спросила Кэролайн, решив попытаться еще раз. — Можем мы с кем-то связаться, чтобы сообщить, что с тобой все в порядке?

Девочку передернуло.

— Нет, — сказала она, жадно откусывая булочку и сразу же большой кусок сыра.

Кэролайн взглянула на Роджера. Он едва заметно пожал плечами; Кэролайн неохотно кивнула в знак согласия. Что бы ни было известно девочке, говорить об этом она явно не готова.

Они молча наблюдали, как Меланта доела оставшийся сыр и еще две булочки.

— Было очень вкусно, — сказала Меланта, осушая стакан сока. — Спасибо.

— Пожалуйста, — ответила Кэролайн. — Ты понимаешь, что мы хотим тебе помочь?

Меланта уставилась в пустую тарелку.

— Да, — сказала она.

— Тогда расскажи нам, что случилось, — попросила Кэролайн. — Можешь доверять нам.

Меланта все еще смотрела в тарелку, но Кэролайн видела, что ее губы неуверенно дрогнули. Как будто она пыталась что-то сказать или собиралась заплакать.

— Ну что, Меланта?

— Потому что, если ты не расскажешь, — добавил Роджер, — нам снова придется вызвать полицию.

Это, вероятно, было самое худшее, что он мог сказать. Тонкие плечики Меланты внезапно напряглись, и она опять полностью замкнулась.

— Я очень устала, — сказала она вдруг совершенно безжизненным голосом.

Стена отчуждения между ними возникла снова.

— Могу я где-нибудь немного полежать?

— Конечно, — сказала Кэролайн, бросая на Роджера расстроенный взгляд.

В его глазах отразилось удивление. Очевидно, он даже не понял, что натворил.

— Тебе лучше на диване или на кровати?

— На диване, — ответила Меланта, слегка покачнувшись, когда вставала. — Нет, все нормально — я сама дойду, — добавила она, увидев, что Кэролайн шагнула к ней. — Спасибо.

Она вышла из кухни. Через минуту Кэролайн слышала слабый, но недвусмысленный звук — скрип пружин, осевших под весом тела.

— Ну, ты даешь! — сдерживая голос, накинулась она на Роджера. — Тебе не приходило в голову, что, может, именно полиции она и боится?

— И что? — так же тихо возразил Роджер. — Ты хочешь подсластить пилюлю или объяснить ей реальную ситуацию? Раз она не хочет помощи от нас, ей придется пойти в полицию. Если ты только не хочешь выбросить ее обратно на улицу.

— Роджер, она напугана, — терпеливо произнесла Кэролайн. — И то, как ты давишь на нее, никак не поможет.

— Возможно, — повернувшись, сказал Роджер и взял в руку нож, которым Кэролайн резала сыр. — Но не думаю, что было очень умно оставлять вот это у нее на виду.

— Да это нелепо, — убежденно сказала Кэролайн. Однако, взглянув на нож, почувствовала, как по спине побежали мурашки.

— Угрожают-то ей.

— Отчаявшиеся люди совершают отчаянные поступки, — напомнил Роджер, кладя нож на стол. — Слушай, я знаю, как тебя развозит, когда дело касается обиженных...

— Так нечестно.

— ...но факт состоит в том, что мы ничегошеньки о ней не знаем, — невзирая на протест, продолжал Роджер. — И даже если сама девочка не представляет угрозы, то может поставить нас в опасное положение самым фактом пребывания здесь.

Он махнул рукой в сторону гостиной.

— Если, например, тот, кто начал дело, решит прийти и закончить его.

Кэролайн покачала головой.

— Я думаю, это связано с ее семьей, — сказала она. — Домашнее насилие; вероятно, отец или отчим.

Роджер нахмурился.

— С чего ты взяла?

— Помнишь, как она глянула на тебя, когда я в первый раз спросила ее о семье? — спросила Кэролайн. — Она нервничает в твоём присутствии.

— Интересная теория, — пробормотал Роджер. — Проблема в том, что она смотрела не на меня.

Тут нахмурилась Кэролайн.

— Ты уверен?

— Совершенно, — ответил он. — Потому что сначала я подумал то же, что и ты. На самом деле она проверяла, запер ли я дверь, а затем быстро осмотрела сам балкон.

— Балкон?

Роджер пожал плечами.

— Она же появилась оттуда. Если смогла она, почему не может кто-то другой? И не забудь о нашем хрипато-м друге с таким удобным регулятором света в кармане. Если это случай семейного насилия, то мы имеем дело с весьма странной семьей.

— Ты прав, — вздохнув, призналась Кэролайн. — Что же нам делать?

— Интересный вопрос, — произнес Роджер, проводя пальцем по ручке ножа. — Мы не можем никого вызвать: ни полицию, ни охрану семьи и детства. Девчонка просто снова исчезнет. И выгнать ее тоже нельзя, не среди ночи же.

— Значит, она остается? — спросила Кэролайн.

— По крайней мере, на ночь, — сказал он без всякого энтузиазма. — Может, завтра она будет поразговорчивее.

— А если нет?

Роджер шумно вздохнул.

— Будем все же надеяться, что да.

Ужин в тот вечер был спокойным, но несколько напряженным, во всяком случае, для Роджера. Все шло хорошо, пока он обсуждал с Кэролайн подробности ее рабочего дня или недавний политический скандал на севере штата. Но все его словесные кульбиты встретили у Меланты не больше энтузиазма, чем прошлогодние предвыборные обещания у избирателей. Возможно, Кэролайн права — девочка действительно боится его.

Кэролайн преуспела несколько больше. Она сумела вовлечь Меланту в разговор о ее увлечениях, любимой еде и музыкальных пристрастиях. Первые вращались вокруг рисования и садоводства, вторые включали греческую и марокканскую кухню и любые морепродукты, третьи влекли ее мысли к современным поп-дивам, о большинстве из которых Роджер никогда не слышал.

Но все попытки перевести разговор на события предыдущего вечера приводили либо к молчанию, либо к быстрой перемене темы.

Все же девочка была вполне вежлива, а ее манеры за столом выдавали приличное воспитание. Она также поспешила похвалить безыскусную запеканку из макарон, сыра и помидоров, которую Роджер с Кэролайн дружно забраковали.

Все это, разумеется, совершенно не означало, что она не могла зарезать их ночью. Загружая тарелки в посудомоечную машину, Роджер решил забрать острые ножи в спальню, перед тем как лечь спать.

Атмосфера немного оживилась, когда они убрали со стола и перешли в гостиную. Кэролайн достала колоду карт, и Меланта сразу с энтузиазмом включилась в игру; впервые она действительно стала похожа на двенадцатилетнюю девочку.

Но странности продолжались. Для некоторых карточных комбинаций она употребляла необычные выражения, иногда издавая восклицания на иностранном языке, который Роджер не мог определить. К тому же, после того как они переиграли карточный репертуар

Кэролайн, Меланта научила их новой игре, о которой супруги никогда не слышали.

Но с каким бы энтузиазмом Меланта ни сражалась в карты, она все еще явно была заторможена. В девять часов, когда они заметили, что глаза у нее слипаются, Кэролайн прекратила игру.

— Пора спать, Меланта, — сказала она, собрав карты и складывая их обратно в футляр. — Нам надо рано вставать на работу, и тебе, похоже, хороший сон тоже не повредит.

— Да. — Меланта замялась. — Я... может, я лучше... мне, наверное, надо идти.

— Ничего подобного, — твердо сказала Кэролайн, встала и принялась убирать подушки с дивана. — Дай-ка я пойду, возьму простыню, одеяла и подушку, и мы уложим тебя прямо тут.

— Если только ты не хочешь, чтобы мы тебя куда-нибудь отвели, — предложил Роджер. — У тебя есть какая-то семья, куда ты можешь пойти?

Меланта опустила глаза; безмятежный ребенок вдруг исчез.

— Нет, — ответила она. — Не... нет.

— Тогда решено, — жизнерадостно сказала Кэролайн, словно даже и не заметила неловкую перемену темы. — Давайся принесу постельное белье и найду тебе зубную щетку.

Спустя пятнадцать минут они уложили девочку на диване. Роджер убедился, что балконная дверь заперта и что ручка от швабры на месте, и задернул занавески.

— Все в полном порядке, — объявил он, и Кэролайн погасила свет. — Спи спокойно.

— Спокойной ночи, — сказала Меланта уже сонным голосом.

Кэролайн направилась в спальню. Роджер перепроверил замки на входной двери и последовал за ней.

— Она напугана и от кого-то скрывается, — сказала Кэролайн, доставая из-под подушки ночную сорочку. — Я все же думаю, что это как-то связано с семьей.

— Кажется, ты права, — согласился Роджер, расстегивая рубашку. — Я только не уверен, что ее обижают в семье. Если не считать синяков на шее, она выглядит здоровой и ухоженной.

— На первый взгляд — да. — Кэролайн села на край кровати и скинула туфли.

Роджер видел, что она устала — гораздо больше, чем обычно к половине десятого в четверг. Происшествие с Мелантой явно подействовало на нее угнетающе.

— Кстати, о синяках, — добавила она. — Ты заметил, что они почти исчезли?

— Да, заметил, — сказал Роджер. — Может, на ней быстро заживает?

— Не знаю, — вздохнула Кэролайн, надевая сорочку. — И что нам теперь делать?

— Сдаюсь, — признался он. — Все, что я могу предложить, — это снова позвонить утром в полицию.

— Она не захотела встретиться с ними вчера вечером, — напомнила Кэролайн, поморщившись, когда тело ее коснулось холодных простыней. — Сомневаюсь, что она захочет встретиться с ними завтра.

— Тогда она должна рассказать нам, что происходит, — твердо сказал Роджер. — Или она расскажет нам, или полиции.

— Или снова проделает фокус с исчезновением.

— Может быть, утром она будет доверять нам чуть больше, — сказал Роджер, забираясь в постель рядом с Кэролайн. — Приятных снов.

— Тебе тоже. — Она повернулась, чтобы поцеловать его.

Он выключил ночник и устроился под ватным одеялом, дрожа на холодных простынях.

По крайней мере, Кэролайн, кажется, простила его, если сегодня он что-то сделал не так. Это был долгий день, и он ужасно устал. Но сон упрямо не шел к нему. Он тихо лежал рядом с Кэролайн, слушая ее ровное дыхание, и смотрел на край балконной двери, где свет города пробивался из-за темной портьеры. Снова и снова он прокручивал в голове происшествие в переулке, пытаясь вспомнить каждое слово, которое сказал таинственный мужчина, каждый оттенок его голоса, мимику, каждую необычную деталь или событие, произошедшее до или после того, как он сунул в руку Роджеру пистолет. Но клубок загадок никак не распутывался.

Для обычных людей, таких, как он с Кэролайн, все это, пожалуй, слишком. Он твердо решил, что утром они дадут Меланте последний шанс объясниться, а после — полиция, нравится ей это или нет. А что до фокуса с исчезновением на этот раз он сам проследит, чтобы девчонка никуда не делась. Если надо, будет держать за руки.

И тут он услышал тихий глухой стук, откуда-то из-за наружной стены. Роджер замер и напряг слух. Может, показалось? А может, это просто Меланта дернулась во сне?

Звук повторился. Он явно исходил снаружи из-за стены и определенно рядом с балконной дверью.

На балконе кто-то был.

Роджер высунул ноги из-под одеяла, загораясь внезапной яростью. Значит, Меланта даже не собирается дожидаться утра, чтобы повторить свой трюк с исчезновением.

Как бы не так!

Потребовалось всего несколько секунд, чтобы достать с полки шкафа тренировочный костюм и натянуть его. Осторожно приоткрыв дверь, он выскользнул из спальни.

Босые ступни съезжились, когда он ступил на ледяные доски пола в прихожей. Но Роджер не обращал внимания на холод. Два раза подряд ей не сбежать, дудки! Он повернул в гостиную...

И остановился как вкопанный. Шторы здесь были не такие плотные, как в спальне, и сквозь них проникало достаточно света, чтобы разглядеть Меланту, лежащую на диване под одеялом.

И более чем достаточно, чтобы увидеть силуэт на балконе.

Первая реакция: «Звони девять-один-один!» Но спустя мгновение Роджер понял, что это бесполезно. К тому времени, когда приедет полиция, непрошенный гость уже смоеется. А может вломиться в квартиру и убить всех троих!

Впрочем, у него нет ничего, кроме нескольких кухонных ножей и дурацкого игрушечного пистолетика. Который, однако, выглядит как настоящий.

Тень перемещалась — кто-то крадучись двигался по балкону. Осторожно вернувшись в кухню, Роджер открыл ящик и запустил руку под вязаный коврик.

Пистолет исчез.

Несколько томительных мгновений его пальцы отчаянно шарили между хламом. Не мог он исчезнуть. Только вчера он положил оружие сюда.

В гостиной Меланта зашевелилась под одеялом; Роджер скривился. Конечно — девчонка взяла. После того как они с Кэролайн легли спать, обыскала ящики и забрала пистолет.

Он вышел из кухни. Тень исчезла, но слышалось слабое поскребывание. Пытается открыть балконную дверь?

Большая часть ножей была в спальне, куда он их отнес, пока Кэролайн искала запасную зубную щетку. Но тот, что он вчера сунул на полку для безделушек, когда пришла полиция, там и оставался. Вытащив нож из-за тарелки, Роджер крепко сжал его и двинулся через гостиную к балкону.

Казалось, что эти двадцать футов он шел целую вечность. Подойдя к занавескам, он нагнулся и бесшумно вынул палку из направляющей. Затем, выпрямившись, отступил к другому краю двери и просунул руку за край занавески. Сделав глубокий вдох, он отдернул защелку, резко толкнул дверь в сторону и выпрыгнул на балкон, держа нож наготове.

Балкон был пуст.

Роджер дважды оглянулся. Никто не прятался по углам, сверху не свисали веревки, за стенку балкона не цеплялись абордажные крючья. Ничего, кроме идиотских карликовых апельсиновых деревьев.

Но кто-то же был там. Тот звук и движущаяся тень не приснились. Роджер перевел взгляд налево, оценивая, не мог ли этот таинственный «кто-то» допрыгнуть до соседнего балкона.

И там, на расстоянии двадцати футов, у дальнего угла здания увидел силуэт человека. Сидевшего на наружной стене как муха.

Роджер смотрел, и внутри у него холодело. Механически он отметил, что человек не стоял на лестнице: он располагался на отрезке стены между балконами, где закрепить ее было бы нигде. Он не висел на веревке или трапедии: из-за свеса крыши он оказался бы на расстоянии нескольких футов от стены, а вместо этого прижимался прямо к каменной облицовке.

А затем, на глазах у Роджера, он начал карабкаться вверх. Не так, как люди лазают по стенам в кино, где всегда что-то в движении персонажа выдает наличие страховки. Руки человека поочередно выдвигались вверх, прижимаясь к стене и подтягивая тело, в то время как противоположная нога поднималась и отталкивалась. Он двигался так же свободно, будто шел по улице; в то же время Роджер чувствовал напряжение работающих мышц. Это выглядело как наяву.

И это было наяву.

Фигура проползла наискосок между двумя этажами и исчезла за углом с другой стороны здания. Роджер глядел вслед, ожидая, что странный человек вернется, но большей частью своего существа горячо надеясь, что нет.

— Роджер? — шепнула Кэролайн.

Он вздрогнул от неожиданности, как бы очнувшись. Жена стояла в проеме двери, плотно запахнув халат.

— В чем дело? — прошипела она.

Роджер еще раз взглянул на угол дома и сделал глубокий вдох...

И тут за спиной Кэролайн он увидел Меланту, которая сидела на диване с застывшим лицом, широко раскрыв глаза.

— Ничего, — ответил он, стараясь говорить обычным голосом. — Мне показалось, что я что-то услышал, вот и все. Должно быть, приснилось.

— Вот как, — произнесла Кэролайн; он пожалел, что так мало света и невозможно видеть выражение ее лица. — Ты бы лучше шел обратно, пока совсем не замерз.

— Ага. — Дрожа, он вошел в комнату. Дверь за собой он запер очень тщательно.

Роджер дождался, пока они закрыли дверь в спальню, отделяющую их от Меланты, легли в постель и выключили свет, и только затем рассказал всю историю.

— Ты уверен, что тебе не приснилось? — спросила она, когда он закончил.

— Когда мне снится сон, я не оказываюсь босым на балконе, — заметил Роджер, помимо воли раздражаясь. Да, это выглядит невероятно. Но проклятье, она ведь его жена! Она должна верить, когда он что-то говорит.

— Я не утверждаю, что приснилось, — поспешила уверить его Кэролайн. — Я просто пытаюсь перебрать все возможности.

— Я уж перебрал все, — пробормотал Роджер, и раздражение сменилось чувством вины за резкость. — Извини, просто...

Она сжала его руку под одеялом.

— Знаю, — тихо ответила она. — Я только думала вслух.

— Так продолжай, — сказал он. — Я уже совершенно запутался.

— Ладно, — нерешительно начала она. — Так. У него не было лестницы — это ты видел — и веревки, из-за свеса крыши. Присоски?

Роджер покачал головой.

— Он был невысокого роста, но весьма плотного телосложения. Присоски, достаточно мощные, чтобы его удержать, должны были быть видны.

— Невысокий, но плотный, — задумчиво повторила Кэролайн. — Как человек, который вчера передал нам Меланту?

— Я тоже об этом подумал, — сказал Роджер. — Но этот, похоже, ниже ростом и не такой коренастый.

— И пистолет исчез.

— Пистолет исчез, — подтвердил Роджер. — Полагаю, Меланта его взяла.

— Зачем?

— Откуда мне знать? — проворчал он. — Может, это настоящий пистолет с каким-то секретом.

— Не думаю, что это настоящий пистолет, — медленно произнесла Кэролайн. — Ты видел, как она, проснувшись, сидела на диване, напуганная до смерти. Если бы у нее было оружие, думаю, она держала бы его наготове:

— Тогда куда он делся? — возразил Роджер. — Не просто же испарился.

— Не знаю, — сказала Кэролайн. — Ты хочешь поискать его сейчас?

Роджер вздохнул.

— Нет, займемся этим с утра. Давай попробуем уснуть.

— Хорошо. — Кэролайн снова сжала его руку. — Спокойной ночи.

— Еще раз, — сухо напомнил Роджер. — Будем надеяться, теперь она будет спокойной.

— Да. — Она помедлила. — Знаешь, ты очень смело поступил. Выйти одному...

— Ты хочешь сказать, очень глупо поступил, — поправил Роджер. — Хотя страховка-то оплачена.

И почувствовал, как она напряглась. Опять глупость ляпнул.

— Спи спокойно, — пробормотала она.

— Ты тоже, — сказал он.

Повернувшись на бок, он взбил подушку и попытался устроиться поудобнее.

Но перед этим пошарил на полу, на месте ли ножи. На всякий случай.

Кэролайн тихо лежала в темноте, слушая, как дыхание Роджера становится глубоким и ровным. Обычно она первая мгновенно засыпала, но сегодня, похоже, они поменялись ролями. Теперь уже она лежала с открытыми глазами, глядя на свет, пробивающийся из-за портьеры, и напряженно пыталась уловить малейшие звуки. Но загадочный гость, по-видимому, ушел.

Необдуманное замечание Роджера по поводу страховки тоже не способствовало спокойному сну.

Так она провела полчаса, вслушиваясь в приглушенные звуки уличного движения, и наконец сдалась. Осторожно выскользнув из кровати, она накинула халат и тихонько вышла из комнаты.

Меланта по-прежнему лежала на диване, свернувшись под одеялом. С минуту Кэролайн раздумывала, что, возможно, она будет более разговорчивой в отсутствие Роджера. Но девочке надо поспать. Вернувшись на кухню, Кэролайн включила подсветку микроволновки и открыла вещевой ящик.

Роджер говорил, что сунул пистолет под ее вязаный коврик. Ухватив за краешек это незаконченное произведение, она вытащила его и положила на пол.

Пистолета действительно не было. Она пошарила в ящике, чтобы убедиться, не

завалился ли он еще куда-нибудь. Роджер может называть это хламом, если ему так хочется, но для нее каждый предмет здесь имел свою историю, напоминавшую о каком-то времени или событии в их совместной жизни. Тут был черный шуруп с крестообразной головкой, выпавший из старого гнутого кресла-качалки, которое они отдали сестре Кэролайн, когда у той родился ребенок. Тут были два рулона цветной ленты, оставшиеся с прошлого Рождества. Роджер взял второй, не заметив, что первый уже начат. За прошедшие праздники они так и не использовали их до конца.

Ее пальцы остановились. Посередине ящика, возле коробки с бигуди и резинками для волос, лежала большая брошь.

Она взяла ее и повернула к свету. Красивая вещь — дюжина серебряных листочков, свитых двумя концентрическими кругами с фиолетовым камнем посередине, связанных тонкой серебряной паутиной. Она была дюйма три диаметром и тяжелее, чем на вид; такая брошка легко могла порвать блузку, если неправильно приколоть.

Раньше она никогда ее не видела.

Кэролайн взвесила брошь на руке. Для серебра слишком тяжелая. Белое золото или платина? Она осмотрела заднюю сторону с искусно выделанной, антикварного вида застежкой, но там не было никаких знаков.

В то же время украшение о чем-то напоминало. Что-то в нем было странно знакомое.

Но вспомнить не получалось. Кэролайн положила брошь на разделочный стол и задвинула вещевой ящик. Затем вынула из-под телефона манхэттенский телефонный справочник и перешла к обеденному столу.

«Гр...» — начала Меланта, когда вчера ее спросили о фамилии. Кэролайн предположила — «Грин», и Меланта с неохотой, но подтвердила. Кэролайн не хотела отправлять девочку туда, откуда она сбежала, и на самом деле уже почти решила, что не станет этого делать. Но становилось все яснее, что ситуацию не удастся разрешить, не поговорив с кем-то из тех, кто знал Меланту.

Конечно, даже если она найдет ее семью, что дальше? Поверить их объяснениям? Настаивать на консультациях или вмешательстве Службы по делам семьи, перед тем как они с Роджером отдадут Меланту?

Роджеру это явно не понравится. Он терпеть не мог открытых столкновений и, чтобы избежать их, шел на невероятные ухищрения. На самом деле это было одно из его качеств, изначально привлекших ее. После подростков-переростков и мачо, которые только и ищут драки, общаться с ним было приятным облегчением.

Но есть огромная разница между спокойным, мягким характером и безволием тряпки, о которую вытирают ноги грубияны и безразличные ко всем и вся идиоты. Порой Кэролайн одолевали сомнения, понимает ли эту разницу Роджер. Вздыхнув, она отогнала неприятные мысли и открыла справочник на букву «Г». Перечень Гринов оказался неожиданно большим, он занимал четыре с половиной страницы. Взяв блокнот и ручку, Кэролайн принялась составлять список тех, кто жил поблизости от переулка, где они нашли девочку.

Покончив с первой страницей, она заметила нечто странное. К середине третьей бросилась в глаза еще одна странность. К концу списка она была почти готова разбудить Роджера и показать ему все это.

Но глаза наконец, начали слипаться. В любом случае, посреди ночи они все равно ничего не могли предпринять. Вложив список в телефонный справочник, она убрала его в ящик и выключила подсветку.

В ее отсутствие Роджер развалился посередине кровати. Осторожно устроившись рядом, она мягко подтолкнула его, и, заворчав во сне, он откатился в сторону.

Спустя три минуты, под мерный шорох проходящих машин, она заснула.

Остаток ночи Роджер провел беспокойно, странные сновидения перемежались долгими периодами бодрствования, когда он лежал, слушая завывания ветра за окном. В какой-то момент ему показалось, что Кэролайн встала, но когда он проснулся в очередной раз, она была на своем обычном месте.

Наутро он чувствовал какую-то странную слабость, от которой не удалось избавиться даже с помощью контрастного душа. Бреясь, он слышал запах кофе и надеялся; что Кэролайн заварит его покрепче.

Выйдя из спальни на кухню, Роджер обнаружил, что Кэролайн не только варит кофе, но и готовит завтрак с небывалым размахом. Помимо кофе и апельсинового сока стол был завален ветчиной, бубликами, виноградом, ломтями сыра; тут же стояла уже почти опустошенная тарелка с омлетом. Кэролайн деловито взбивала еще одну порцию у плиты.

Картина сильно отличалась от их обычного завтрака, состоящего из бубликов и пресованной овсянки,^[1] но причину необычного пиршества нетрудно было угадать. Меланта уже сидела за столом, уплетая за обе щеки с энергией, на которую способен только растущий организм подростка.

— Доброе утро, Роджер, — неуверенно улыбнулась Кэролайн. — Как спалось?

— Да ничего, нормально, — солгал он, садясь напротив Меланты. — Доброе утро, Меланта.

Девочка сидела с набитым ртом и молча улыбнулась в ответ. Но глаза ее оставались серьезными.

— Вчера у нас тут был небольшой переполох, да? — небрежно заметил он, пока Кэролайн, оставив омлет, наливала ему чашку кофе.

Такое предупредительное обслуживание тоже было в новинку.

— Надеюсь, ты не перепугалась?

— Нет. — Не глядя на него, Меланта вилкой отломил от сыра треугольник и подцепила на него кусок омлета.

— Ты после этого быстро заснула?

— Угу, — ответила она. — Кэролайн, можно мне еще омлета?

— Конечно. Угощайся. Не против подождать, Роджер?

— Нет, давай доедай, — ответил Роджер.

— Спасибо, — сказала Меланта и сгребла остатки омлета себе на тарелку.

Наливая сок, Роджер исподволь наблюдал за ней. Опять она уклонилась от ответа на вопрос.

Но, по крайней мере, на этот раз он не остался с пустыми руками. Наиболее очевидный вопрос, который она должна была бы задать, — это что он вообще делал на балконе. Тот факт, что вопрос не был задан, подразумевал, что она все знает.

Возможно, она почувствовала его взгляд.

— Я подумала... — вдруг сказала девочка, — я, наверное, лучше приму душ. Можно?

— Конечно, — ответила Кэролайн. — Полотенца в шкафчике рядом с ванной.

— Спасибо.

Быстро запихнув в рот большой кусок омлета, Меланта встала из-за стола и направилась через прихожую в ванную.

— Остается слишком много неясного, — многозначительно произнес Роджер, глядя, как Кэролайн накладывает свежую порцию омлета ему на тарелку.

— Она все равно ничего бы не сказала, — проговорила Кэролайн, взяв свою чашку кофе и сядя на стул, который только что освободила Меланта; — Кроме того, это дает нам шанс поговорить.

Она покосилась на дверь, затем сунула руку в карман халата и достала украшение:

— Взгляни.

Нахмурясь, Роджер взял брошь. Большая заколка или что-то в этом роде из серебряных листьев и нитей с фиолетовым камнем посередине. — Не припоминается, чтобы Кэролайн носила что-либо подобное.

— Полагаю, это не твое.

— До вчерашнего вечера никогда не видела, — подтвердила Кэролайн. — Дело в том, что я нашла ее в вещевом ящике, как раз там, где ты, как говоришь, положил пистолет.

Роджер взглянул на нее исподлобья.

— Ты хочешь сказать, — медленно произнес он, — что это и есть пистолет?

— Она такого же веса и цвета, — сказала Кэролайн.

В ее голосе звучала настойчивость, но Роджер почувствовал, что она отступает. Если он думает, что это нелепо, и так говорит...

Он заставил себя снова посмотреть на брошь. Да, это нелепо. Но не более нелепо, чем любое из событий, произошедших с ними с тех пор, как они отправились на эту злосчастную пьесу.

— Давай попробуем убедиться, что это так, — сказал он. — Первый и самый очевидный вопрос — как?

Кэролайн беспомощно пожала плечами.

— А как человек может ползать по стене дома?

— В точку, — признал Роджер.

— Мне это тоже не нравится, — сказала Кэролайн. — Готов к следующему?

— Погоди.

Он отпил большой глоток крепчайшего кофе.

— Ладно, давай.

— Я ночью просмотрела телефонную книгу, — сказала она, доставая справочник из ящика. — Думаю, мы можем найти, где живет семья Меланты.

— Имея только фамилию Грин?

— Я все равно не могла уснуть.

Открыв справочник, она вынула из него листок бумаги и передала ему.

— В общем, я обнаружила два очень интересных адреса: один на Риверсайд-драйв около Сто четвертой улицы, другой на Западной Семидесятой у Центрального парка. И по каждому проживает около тридцати Гринов.

Насупившись, Роджер уткнулся в бумагу. Первой мыслью было, что она по ошибке выписала некоторые адреса лишней раз. Но чтобы так ошибиться, нужно просто быть под наркозом. У тебя действительно есть причины полагать, что она живет в одном из этих домов?

— Да нет, — сказала Кэролайн. — Я просто подумала, что это выглядит достаточно странно, чтобы заслуживать упоминания.

— Это уж точно, — согласился Роджер. — Адрес на Риверсайд-драйв ближе к тому

месту, где мы нашли ее. Может, стоит проверить, его.

— Может, — сказала Кэролайн, глядя в чашку. — Но я все думаю об этих синяках у нее на шее. Если она пострадала не от семьи, то почему она так не хочет домой? И даже говорить о доме не хочет?

— В самом деле, — согласился Роджер.

Он взглянул на часы и отправил в рот последний кусок омлета.

— Кстати, о прогулках — нам пора на работу.

Кэролайн несколько напряглась.

— Я, в общем, подумала, что, пожалуй, останусь дома. Присмотрю за Мелантой.

Роджер заморгал от удивления. Не пойти на работу — такое предложение совсем не в духе Кэролайн. Впрочем, в данных обстоятельствах...

— Пожалуй, — сказал он. — Возможно, мне тоже стоит остаться.

— Да нет, не надо, — сказала Кэролайн. — Мы справимся.

— А что, если вернется наш полночный гость?

— Среди бела дня? — резонно заметила Кэролайн. — Кроме того, без тебя она, возможно, будет более разговорчивой.

Роджер почувствовал, как у него дернулась губа. Однако жена права.

— Ладно, — проворчал он. — Посмотрим, что тебе удастся из нее вытянуть.

Взяв со стола брошь, он сунул ее в карман.

— Ты забираешь брошь?

— Я думаю в обед наведаться в один из тех заселенных Гринами домов, — ответил он. — Если эта штука действительно имеет отношение к Меланте, то поможет доказать, что девочка у нас.

— А! — сказала Кэролайн каким-то странным тоном. — Ты не думаешь, что будет лучше, если мы потом сходим вместе?

«Иными словами, ты считаешь, что я не справлюсь?»

— Я сам разберусь, — произнес он вслух. — Ты занимайся Мелантой, а я остальным.

— Ладно, — ответила она тем же тоном. — Только будь осторожен, хорошо? Все это выглядит очень странно.

Он фыркнул.

— Дорогая, это более чем преуменьшение.

Роджер поднялся. Кэролайн выдавила подобие улыбки.

— Ты позвонишь?

— В обед, — пообещал Роджер, обходя стол, чтобы поцеловать ее. — А ты звони мне в любое время, если что.

— Не волнуйся, — сказала она. — Все будет нормально.

Всю дорогу в контору он напряженно размышлял, почти не обращая внимания на хмурое небо и обычную толчею в метро. Конечно, эта история с Мелантой сама по себе неприятна, но он никак не мог понять, что происходит с Кэролайн. То она ведет себя совершенно нормально, а то шипит, будто кошка, которой наступили на хвост.

Обычные женские штучки? Или это из-за Меланты?

К тому времени, как он доехал до конторы, солнце уже стало посматривать из-за туч веселее. Но настроение не улучшалось, и после полутора часов бессмысленного переключивания бумаг Роджер наконец, сдался. Ничего не получится, пока не решится проблема с Мелантой, мрачно осознал он.

Через пять минут он уже был на улице. Из двух адресов, которые нашла Кэролайн, ближе был тот, что у Центрального парка. Можно начать и с него.

На обсаженной деревьями улице Роджер обнаружил скромный четырехэтажный дом с видом на парк. Шесть каменных ступеней поднимались с тротуара на небольшую площадку, откуда, повернув под прямым углом, лестница вела в холл. Подходя к дому, он обратил внимание на странную особенность: в отличие от большинства домов на улице окна первого этажа не были зарешечены.

На верхней ступеньке лестницы сидел молодой мужчина и разглядывал улицу, рассеянно сплетая и расплетая пальцы.

— Могу я чем-то помочь? — спросил он, когда Роджер начал подниматься по лестнице.

— Возможно, — ответил Роджер.

Незнакомец выглядел лет на тридцать с небольшим и совсем не походил на лентяя, слоняющегося без дела в середине рабочего дня. Он был худощавый и черноволосый, гладкая смугловатая кожа напоминала южный цвет лица Меланты. Да и необычный разрез глаз тоже похож.

— Мне нужен кто-нибудь по фамилии Грин.

— Вот как, — произнес мужчина.

Голос звучал вполне естественно, но Роджер ясно видел, что его тщательно изучают, как если бы визиты незнакомцев были здесь редкостью.

Все же это Нью-Йорк, где отчуждение является образом жизни.

— Да. — Роджер остановился на средней площадке. — Насколько я понимаю, здесь проживают несколько человек по фамилии Грин.

— В общем-то, все четыре квартиры занимают Грины, — ответил мужчина. — Вам какие нужны?

Роджер удивленно посмотрел на дом.

— Четыре квартиры, — повторил он. — Всего?

— Разве для такого дома мало? — возразил собеседник. Тон был слегка насмешливый, но взгляд оставался совершенно серьезным.

— Должно быть, семьи очень большие, — сказал Роджер. — Я так понял, здесь живет человек тридцать Гринов.

— А, понятно, — закивал мужчина. — На самом деле тут просто тридцать телефонных линий. Две семьи занимаются юридическими консультациями для какого-то банка — вроде «Чейз Манхэттен».

— Занятно, — произнес Роджер.

Такое объяснение могло удовлетворить случайного прохожего, но не его.

— Стало быть, здание зарегистрировано как промышленное?

Мужчина прищурился.

— Я в юридических тонкостях не разбираюсь.

— Возможно. А я разбираюсь.

— Вы полицейский?

Роджер покачал головой.

— Просто обеспокоенный гражданин.

— Обеспокоенный регистрацией? — парировал собеседник. — Или чем-то еще?

Роджер решил, что настал подходящий момент.

— На самом деле меня интересует одна семья, — сказал он, оглянувшись на тротуар,

чтобы убедиться, что их никто не слышит. — Семья, из которой могла пропасть девочка в среду вечером.

— Он все знает, — раздался позади угрюмый голос.

Роджер резко обернулся. У подножия лестницы рядом с одним из деревьев, растущих вдоль тротуара, стоял еще один темноволосый молодой человек. В руке он держал пистолет.

На одно томительное мгновение Роджер застыл, пораженный невозможностью происходящего. Всего три секунды назад этого человека не было — Роджер осмотрел все вокруг. Не мог он, и появиться из квартиры под лестницей в цокольном этаже — Роджер бы увидел. Ему буквально неоткуда было взяться.

И все же он стоял перед ним.

— Вижу, у вас тут кое-что посерьезнее нарушения регистрации, — произнес он, сохраняя внешнее хладнокровие.

— Порфирио, ты в уме? — зашипел первый.

— Заткнись, Ставрос, — ответил человек с пистолетом, поднимаясь по ступеням, и остановился перед Роджером, буравя его жгучим взглядом. — Ты сам слышал. Он знает, где...

Он вдруг запнулся; несколько секунд они со Ставросом молча глядели друг на друга. Роджер затаил дыхание, затем губы Порфирио дрогнули, и он с явной неохотой опустил пистолет.

— Приношу извинения, — с усилием произнес он. — Меня волнует...

И опять остановился на середине фразы.

— Вы собирались сказать, по какому вы делу, — нарушил молчание Ставрос.

— Да, — не спуская с Порфирио глаз, сказал Роджер и мысленно перекрестился. — Я ищу родителей Меланты Грин.

Порфирио что-то пробормотал себе под нос;

— Говорил я, что он знает, — сказал он.

— Какое отношение вы имеете к девочке? — спросил Ставрос, не обращая внимания на своего друга.

— Мы хотим вернуть ее домой, — заверил его Роджер, — только и всего.

— Чудесно. — В голосе Ставроса послышался намек на оживление. — Так приведите ее. Мы о ней позаботимся.

— Значит, ее родители живут здесь? — спросил Роджер. — Очень хорошо. Я хочу с ними поговорить.

Ставрос бросил взгляд на Порфирио.

— К сожалению, ее родителей сейчас нет, — сказал он. — Может, кто другой подойдет?

— Кого вы предлагаете? — осторожно спросил Роджер.

Последовал очередной быстрый обмен взглядами.

— Вам надо поговорить с Александром, — сказал Ставрос. — Я бы доставил его сюда через полчаса.

— Извините, у меня есть еще дела, — солгал Роджер. Чем дольше он общался с этими людьми, тем неуютнее ему становилось.

— Я зайду в другой раз, — добавил он, пытаясь обойти Порфирио.

Тот быстро шагнул в сторону, преградив путь.

— О-о, — произнес он, поведя для убедительности дулом пистолета. — Если говорят, что надо подождать Александра, ты подождешь.

— Порфирио, убери оружие, — приказал Ставрос. — Послушайте, господин... как вас

зовут, в конце концов?

— Роджер Уи... — оборвал себя Роджер, вовремя спохватившись. — Просто Роджер.

— Ладно, — сказал Ставрос. — Я так понимаю, вы не можете дожидаться Александра. Но может, хоть с кем-то поговорите?

— Опять же, кого вы предлагаете? — спросил Роджер.

— Тут есть женщина по имени Сильвия, — сказал Ставрос. — Не уделите ей несколько минут?

У Роджера, но спине пробежали мурашки. Меньше всего на свете ему хотелось оставаться здесь даже лишнюю секунду.

Но Порфирио по-прежнему держал его на мушке. И как-никак он пришел именно для того, чтобы поговорить с кем-нибудь о Меланте.

— Разумеется, вы можете уйти в любую минуту, — пообещал Ставрос. — Но поговорить с Сильвией в ваших же интересах, да и Меланты тоже.

— Кем она приходится Меланте?

Роджер чувствовал себя увереннее. По-видимому, Ставрос неправильно истолковал его колебания, приняв нерешительность за осторожность. Может, удастся выкрутиться, притворяясь мужественным и сдержанным.

— Она член семьи, — сказал Ставрос. — Всё будет нормально. Поверьте.

Роджер поджал губы, словно взвешивая варианты, затем кивнул.

— Хорошо, — как бы делая одолжение, произнес он. — Где она?

— Я покажу, — вызвался Порфирио, запихивая пистолет в карман брюк.

— Я сам, — сказал Ставрос. — Проходите, Роджер. Рядом с внутренней дверью на стене висел домофон.

Ставрос не стал нажимать на кнопки, а просто повернул ручку и толкнул дверь. Старинный холл, будто чудом избежал веяний времени. Ставрос указал на полированную деревянную лестницу, и они начали подниматься.

— Вы сказали, что Сильвия — член семьи, — сказал Роджер. — Семьи Меланты?

— Мы все — семья Меланты, — ответил через плечо Ставрос.

— Вот как? — Роджер нахмурился.

Глаза и цвет лица у Ставроса действительно были как у Меланты, но, помимо этого, никакого сходства с ней он не имел. Дальний родственник? Или имеется в виду, что они принадлежат к одной народности?

Они поднялись на третий этаж. В воздухе кружилась смесь странных ароматов; Роджер невольно наморщил нос, пытаясь уловить составляющие. Пахло, конечно, едой, но ему никак не удавалось определить национальную принадлежность кухни.

— Сюда, — произнес Ставрос, открывая дверь.

В коридор ворвалась еще более сильная волна экзотических запахов. Собрав волю в кулак, Роджер вошел.

С первого взгляда комната напомнила Роджеру гостиную девятнадцатого века, с цветочными мотивами на обоях, простым темным ковром на полу и мебелью, среди которой чувствовал бы себя уютно его дед. Приглядевшись, он отметил и атрибуты современности: абстрактные картины на стенах, телефонный аппарат, а в дальнем углу на столе компьютер новейшей модели.

Посередине комнаты стояла темноволосая женщина лет тридцати с теми же южными чертами, что у Меланты и тех мужчин, которых он встретил внизу. К блузке, почти у плеча,

была приколота брошь, свитая из тонких серебряных нитей. Брошь, весьма походившая на ту, что лежала у него в кармане.

— Входите, Роджер, — пригласила женщина, видя, что Роджер остановился в дверях. — Меня зовут Кассия. Я коллега Сильвии.

— Спасибо, — сказал Роджер. — Просто коллега? Не член семьи?

— Мы все — семья, — ответила Кассия. — Сюда, пожалуйста.

Женщина вступила в сводчатый коридор, выходящий из задней части гостиной, и жестом пригласила идти за ней. Роджер двинулся следом и, пользуясь, случаем, разглядел брошь поподробнее. Она не являлась копией той, что лежала у него в кармане, но, несомненно, была выполнена в том же стиле. Роджер гадал, хороший или дурной это знак.

Мебель в столовой представляла собой такое же смешение старины и современности, что и в гостиной. Середину комнаты занимал длинный деревянный стол, окруженный стульями с прямыми спинками, которых хватило бы человек на пятнадцать. За столом обедало пять-шесть ребятишек, примерно от шести до одиннадцати лет. У ближнего конца стола сидела женщина средних лет, по всем признакам — воспитательница. Напротив, у дальнего конца, восседала куда более пожилая дама, вся седая, с лицом, изборожденным глубокими морщинами. Дети веселились, смеялись и болтали на незнакомом языке, уплетая угощение за обе щеки.

Роджер нахмурился. Обед?

Без сомнения, это обед. Большие тарелки, полные ломтей отварного мяса — похоже, ягнятина, — да еще рис, три вида овощей, черный хлеб домашней выпечки, масло и молоко. Точно обед.

В одиннадцать часов утра.

— Вы Роджер.

Роджер перевел взгляд со стола на лицо пожилой женщины. Даже время не смогло уничтожить следы поразительной красоты. Ясные внимательные глаза искрились умом. У нее был такой же, как у Меланты и Кассии, средиземноморский цвет лица.

Так же как и Кассия, она носила изящную серебряную брошь, только с зеленым камнем.

— Да, — подтвердил он. — А вы Сильвия.

— Верно, — сказала она. — Я признательна, что вы согласились поговорить со мной.

— Не за что, — ответил Роджер. — Жаль прерывать раут.

— Едва ли общество шестерых детишек можно назвать раутом, — с улыбкой произнесла Сильвия.

— Должно быть, невероятно прожорливые, — сказал Роджер, кивая на стол. — Или ждете пополнения в рядах едоков?

Дети перестали разговаривать и с любопытством смотрели на посетителя.

— Полагаю, нам лучше перейти в гостиную, — сказала Сильвия, отодвигая стул.

Несколько слов на том же непонятном языке, и дети вернулись к еде.

— Они учатся дома, — объяснила она, выходя из-за стола.

— А обед, — спросил он, — в одиннадцать утра?

— У них отцы работают в ночную смену, — сказала она. — Они сегодня задерживаются, и мы разрешили детям пока поесть.

— Ясно. — Роджер прикусил губу.

Значит, на него навалится этакая толпа? Просто здорово. Когда он и Сильвия вернулись в гостиную, Кассия стояла у дивана с высокой спинкой.

— Садитесь, — Сильвия указала на большое мягкое кресло и уселась на диван рядом с молодой женщиной. — Насколько я понимаю, вы принесли новости о Меланте. Она у вас?

Роджер внимательно следил за пожилой дамой. Она слегка подалась вперед, глаза светились ожиданием.

— Я знаю, где она, — осторожно сказал Роджер. — Могу я поинтересоваться, кем вы ей приходитесь?

— Я из ее семьи, — кратко ответила Сильвия. — Что именно она вам рассказала?

У Роджера перехватило горло. «Что она вам рассказала?» Даже не спросила о здоровье Меланты, как она, в безопасности ли. Первый вопрос Сильвии был, где находится Меланта, второй — говорила ли девочка что-нибудь.

Кто-то хотел задушить Меланту. Возможно, тот, кого волновало, что она может рассказать посторонним?

— Я знаю, что кто-то пытался ее убить, — спокойным тоном сказал Роджер, внимательно следя за лицом своей собеседницы.

Ни малейшего удивления.

— Я знаю, что она боится за свою жизнь.

— Что-нибудь еще?

Роджер заколебался. Конечно, рискованно, но все же любопытно посмотреть на реакцию.

— Мне известно, что ею кое-кто интересуется.

И снова лицо Сильвии даже не дрогнуло. Но Кассия не столь хорошо владела собой. Достаточно было увидеть, как сжались губы и напряглось ее горло, и он понял, что попал в точку.

Значит, они знают о том грабителе в переулке. Интересно, знают ли они также и о человеке-мухе?

— В самом деле? — произнесла Сильвия. Ее голос, как и лицо, оставался спокойным. — Кто бы это мог быть?

— Я думал, вы скажете, — предложил Роджер.

— Я бы предпочла поговорить о Меланте, — сказала Сильвия.

— Очень хорошо, — сказал Роджер. — Можете начать с того, почему вас, похоже, совершенно не волнует ее судьба.

— Неправда, — запротестовала Кассия. — Нас это больше волнует, чем...

Она резко оборвала себя.

— Неуместное замечание, — сказала Сильвия. — Но Кассия права. Судьба Меланты волнует нас больше, чем вы можете представить. Гораздо больше, чем вас, уж если на то пошло.

— Любопытная теория. — Роджер почувствовал, как кровь прилила к лицу. — Особенно учитывая, что вы даже не поинтересовались ее здоровьем.

Сильвия пожала плечами.

— Мы знаем, что она жива, а тот факт, что вы здесь, означает, что она чувствует себя, по крайней мере, неплохо. В противном случае как бы вы попали сюда?

— Разумеется.

Весьма логично. На самом деле он сам мог бы выдвинуть такой аргумент.

— Но ей, несомненно, все еще грозит опасность, — продолжала Сильвия; тут голос ее помрачнел. — Вот почему нужно, чтобы вы привели ее сюда.

Роджер покачал головой.

— Я не могу отдать ее никому, кроме родителей.

Сильвия нахмурилась.

— Вы не сможете защитить ее, Роджер. Только мы можем.

— Возможно, — сказал Роджер. — От кого именно мы ее защищаем?

Лицо Сильвии посуровело, она впиалась взглядом в Роджера.

— Послушайте меня внимательно, — понизила она голос, отчеканивая слова. —

Меланта не единственная, кто сейчас в опасности. Целый город находится на грани хаоса и разрушения. Если вы не хотите стать ответственным за смерть тысяч людей, вы скажете мне, где она.

Она резко поднялась на ноги.

— И скажете мне прямо сейчас.

На мгновение время в комнате будто остановилось. Сильвия возвышалась, подавляя собою все вокруг, лицо ее светилось, словно у греческой богини, глаза пылали, требуя немедленного и беспрекословного повиновения. Роджер съехал в кресле, не в силах противостоять этому взгляду, не в состоянии даже бежать.

И вдруг, заслонив Сильвию, перед ним встали два других образа. Один — испуганная Меланта указывает на человека за балконной дверью. А рядом лицо Кэролайн. Она взирает на Роджера с жалостью и презрением, как всегда, когда он пытается уйти от конфликтов.

Он подумал о Кэролайн и о том, как жена будет смотреть на него, если сейчас он спасует и выдаст Меланту.

И вдруг стало ясно, какого именно конфликта ему хочется избежать больше.

— Извините. — Он заставил себя подняться. — Я еще свяжусь с вами.

На мгновение показалось, что Сильвия попытается физически остановить его. Глаза ее вспыхнули еще ярче, морщины вокруг рта напряглись. Роджер неподвижно стоял перед креслом, стараясь собраться с духом, чтобы пройти к двери. Если она решила встать у него на пути или, хуже того, вызвать Порфирио и Ставроса...

К его облегчению, морщины на лице пожилой женщины разгладились, а огонь в глазах погас.

— Хорошо, — сказала она прежним спокойным тоном. — Я не могу вас удерживать. Но передайте Меланте мои слова. Скажите, что, если она придет, Александр готов ее защитить.

— Я передам, — пообещал Роджер, внутренне содрогаясь.

Сердце колотилось от страха и возбуждения, когда, оторвав подошвы от пола, он прошел через комнату. Но обе женщины лишь молча провожали его взглядом.

До тех пор, пока он не взялся за ручку двери.

— Что касается вас, — добавила Сильвия, — предупреждаю, что для тех, кто находится рядом с Мелантой, город больше не безопасен.

Роджер сглотнул.

— Угрожаете?

— Просто констатирую факт, — ответила она. — До свидания, Роджер.

Он опасался, что вся команда с ночной смены, о которой упоминала Сильвия, поджидает на лестнице, готовая наброситься на него. Но там было пусто. Спустившись, он вышел на улицу, где не встретил ни Порфирио, ни Ставроса. Стараясь не торопиться, Роджер пошел по улице, спиной ощущая, что за ним наблюдают. Он дошел до Центрального парка, где царила обычная суэта...

И только теперь почувствовал, что снова в Нью-Йорке.

Он прошел шесть кварталов, прежде чем странное покалывание в спине потихоньку растворилось в привычных шумах и запахах города. Только выйдя на освещенную солнцем улицу, он осознал, насколько чары старого дома заворожили его.

Отправляясь туда, Роджер надеялся, что загадка Меланты хоть немного прояснится. А все только больше запуталось.

Он шагал, соображая, что делать дальше. Домой нельзя, во всяком случае, нельзя идти по маршруту, хотя бы отдаленно напоминающему прямую. Он не мог определить, следят ли за ним, но ни на миг не сомневался, что следят. Люди Сильвии хотели добраться до

Меланты и такую соблазнительную возможность упустить не могли.

На полдороге к конторе он вдруг понял, что и туда идти небезопасно. Даже при том, что его фирма в здании лишь одна из ста, нельзя быть уверенным, что за ним не проследят и не узнают имя и адрес.

Возможно, уже теперь слишком поздно. Хотя он и не сообщил свое полное имя, вряд ли в телефонном справочнике так уж много Роджеров на «Уи».

Слева показался ресторанчик, заполненный ранними посетителями. Нырнув в дверь и отказавшись от предложенного меню, он достал мобильный телефон.

Кэролайн ответила на третий звонок:

— Слушаю.

— Это я, — сказал Роджер. — Все в порядке?

— Да, — заверила Кэролайн. — У нас все отлично. Я показываю Меланте, как закрывать...

— Кто-нибудь звонил? — перебил Роджер. — Приходил?

Ответ прозвучал не сразу.

— Никто. — Кэролайн понизила голос. — Что случилось?

Роджер замялся; может, все-таки он преувеличивает опасность? Здесь, на солнышке, под свежим нью-йоркским ветерком все произошедшее казалось таким нелепым.

Но завуалированные угрозы Сильвии ему не привиделись. И синяки на шее Меланты тоже.

И уж точно не привиделся Порфирио с пистолетом.

— Может, и ничего, — ответил он Кэролайн. — Несколько минут назад я побывал в том доме у Центрального парка. Я нашел людей, которые утверждали, что знают родителей Меланты, но поговорить с ними не дали.

— Как-то странно.

— Это только цветочки, — заверил Роджер. — Может, я и преувеличиваю, но я хочу, чтобы вы с Мелантой немедленно ушли из дома.

На этот раз молчание в трубке длилось дольше.

— Прямо сейчас?

Что бы ни подумала Кэролайн, голос ее нисколько не изменился.

— Да, думаю, да. — Роджер старался сообразить, что же делать. — Нужно найти гостиницу. Приличную и желательно не очень дорогую.

— А что, если поехать к Полу и Джанет? — предложила Кэролайн. — Они еще неделк пробудут в Орегоне, уверена, они не станут возражать.

Роджер поджал губы. Семья Янг жила в Йорквилле на восточной стороне Манхэттена рядом с небольшим парком развлечений под названием «Джон Джей-парк». Если Порфирио со своими дружками начнут шарить рядом с квартирой Уиттиеров, им понадобится немало времени, чтобы добраться до того района.

— Ключ у нас есть?

— Он и не нужен, — сказала она. — Забыл? У них на входе и в квартире электронные замки.

— Ах да.

Роджер вспомнил разговор о нововведениях в кооперативе у Янгов, когда они с Кэролайн, будучи в гостях, играли в карты.

— Не хочешь же ты сказать, что помнишь коды?

— Конечно, помню. Ручка и бумага есть?

— Подожди.

Ручка нашлась сразу, как и обычно, в кармане рубашки. С бумагой тоже не возникло проблем: сложенная вдоль программка спектакля, на который они ходили в среду, осталась в кармане пальто.

— Давай.

— Сорок-пятьдесят один — наружная дверь, — сказала она, — шестьсот пятнадцать-девять-десять три — квартира.

Записывая цифры, Роджер недоверчиво качал головой. И как она умудряется запоминать такие вещи?

— Готово, — сказал он, запихивая программку обратно в карман. — Собери, что надо на несколько дней, и отправляйся.

— Машину брать?

Роджер на секунду задумался. Старый «бьюик-сенчури» — подарок бабушки Кэролайн — использовался редко, за исключением периодических выездов на выходные и визитов раз в полгода к семье Кэролайн в Вермонте. Но пока она дойдет до автостоянки, пока выведет машину, пройдет время, а Роджер уже опять начал ощущать в спине странное покалывание.

— Нет, идите так, — сказал он. — И возьми такси — привлечете меньше внимания, чем в метро.

— Твои вещи тоже собрать?

— Пожалуй, да, — ответил он. — Будет бессмысленно, если я отвяжусь от хвоста, а потом снова явлюсь на квартиру.

Кэролайн ахнула.

— За тобой следят?

— Не знаю, — сказал он. — Но я бы на их месте следил, если бы так хотел достать Меланту.

— Я постараюсь уйти побыстрее. — Голос Кэролайн дрогнул.

— Хорошо, — сказал Роджер. — Ты не бойся. Кто бы ни были эти люди, они предпочитают обдѣлывать свои делишки ночью или при закрытых дверях. Днем на людях с тобой ничего не случится.

Кэролайн выдавила смешок.

— Тебя послушать, мы имеем дело с какими-то вампирами.

— Не смейся, — предупредил Роджер. — Сейчас я уже ничего не исключаю. Просто уходи оттуда.

— Хорошо, — ответила Кэролайн. — Будь осторожен.

— Конечно, — пообещал Роджер. — Ты тоже.

Роджер вошел в метро на станции «Колумбус-Серкл», сунул карту в турникет и спустился вниз. Как и обычно, в середине дня, народу на платформе было много. Подошел поезд, также полный. Роджер сумел протиснуться в небольшой свободный угол в конце вагона и там пристроился.

Держась за верхний поручень и покачиваясь в такт движению, он невольно оглядел пассажиров. У всех Гринов, с которыми он до сих пор встречался, были черные волосы и смуглая кожа, как у Меланты. Но глупо было бы думать, что они все одинаковые, даже если принадлежат к одной семье. Еще глупее думать, что у них не найдется друзей, которых можно подключить к делу.

Значит, хвостом может оказаться буквально любой в этом вагоне. Скажем, коренастый мужик в том углу, который прижимает к уху средним пальцем наушник CD-плеера и, шевеля губами, качает головой в такт музыке. По комплекции похож на того, что пристал к ним в переулке два дня назад. Если на то пошло, похож и на того, что ползал прошлой ночью вокруг балкона.

Может, они все работают на Сильвию? Или тот парень из переулка против нее, а человек-муха работает на нее?

Или вон там, в середине вагона девочка-негритянка примерно одного возраста с Мелантой уткнулась в учебник по алгебре. По одежде похожа на недавнюю эмигрантку, а акцент Меланты не походит ни на один из знакомых Роджеру европейских. Весьма вероятно, Меланта прибыла с Карибских островов или из Северной Африки.

Может, за ним шпионит та супружеская пара, похоже, немцы, сосредоточенно изучающая карту метро. Ему бы в голову не пришло связать их с Мелантой, именно такие люди и нужны Сильвии.

Если, конечно, все они не носят такие же брошки, как Сильвия и Кассия. Тогда с хвостом не было бы никаких проблем.

Брошью, перехватив поручень другой рукой, он достал из кармана брошь, которую Кэролайн нашла в вещевом ящике. Для украшения слишком тяжелая, так же как тот пистолет казался слишком легким для настоящего оружия. Но одинаковы ли они по весу, трудно сказать. А при искусственном освещении цвет камня вообще не определить, не говоря уже о таком странном, как этот.

Он сунул брошь в карман. Надо будет посмотреть на улице, при дневном свете.

Поезд двигался на юг, на каждой остановке входили и выходили пассажиры. Роджер оставался в своем углу, даже когда мог занять освободившееся место. Его гораздо больше интересовали пассажиры, чем собственный комфорт, к тому же стоя он лучше видел весь вагон. Какое-то время он пытался уследить, какие пассажиры входят и выходят на каждой остановке, но потом бросил это явно бессмысленное занятие.

И все же, может быть, ему удастся подкинуть шпионам Сильвии сюрприз, если повезет.

Он вышел на «Шеридан-сквер», на западной окраине Гринич-Виллиджа, и поднялся наверх. За несколько кварталов отсюда находится станция «Западная Четвертая улица», где пересекаются сразу несколько веток. Там множество людей одновременно садится на разные поезда. И если удастся хоть немного опередить хвост, есть неплохая возможность оторваться от слежки.

Роджер быстро шагал по тротуару, обдумывая свой план, когда кто-то крепко взял его за руку повыше локтя.

— Что такое?! — огрызнулся он, оборачиваясь, и попытался вырваться.

Он ожидал увидеть смуглого европейца, но на него смотрел совсем другой человек — широкое, грубое лицо в морщинах, обрамленное редкими каштановыми волосами, ярко-голубые глаза, плечи шире, чем у Роджера, почти на ладонь. По хватке, с которой коренастый незнакомец держал его руку, Роджер понял, что тот обладает силой атлета.

— Спокойно, — произнес человек, примирительно улыбаясь. — Мы только хотим поговорить.

— Поговорить? — осторожно спросил Роджер, снова пытаясь освободиться.

Рука незнакомца держала его как капкан.

— О чем?

- Не о чем, — поправил тот, — а о ком. О твоей юной подруге, конечно.
- Какой юной подруге?
- А о какой ты думаешь? — сказал мужчина. — О Меланте Грин.

Роджер двигался на юго-восток в сторону станции метро «Западная Четвертая улица», рядом с Вашингтон-сквер. Теперь, ведомый своим новоявленным другом, он шел в восточном направлении.

— Куда мы идем? — поинтересовался Роджер.

— В переулок Макдугал, — ответил квадратный человек, обводя его вокруг стайки галдящих школьников. — И мы действительно хотим только поговорить.

— Ага, — пробормотал Роджер. — Могу я узнать, кто такой «мы»?

— Кто такие «мы», — поправил незнакомец. — Для начала меня зовут Вулфи.

— Очень приятно — Роджер.

Дальше они молча шли к Шестой авеню. Станция метро, куда направлялся Роджер, оставалась в квартале отсюда, и с минуту он раздумывал, не попытаться ли бежать. Если рвануть изо всех сил, более длинные ноги помогут ему убежать от Вулфи.

Но Вулфи, по-видимому, мыслил в том же направлении. Как только они ступили на обочину, хватка на локте стала крепче, не причиняя боли, но ясно давая понять, что к чему.

Переулок Макдугал тянулся на полквартала и состоял из двух — и четырехэтажных домов; с одной стороны были железные ворота, с другой — тупик. Возле ворот околачивался еще один коренастый, беспрерывно поигрывая карманным ножичком. Когда они подошли, он открыл ворота и, пропустив их, тут же зашел следом. Вулфи направился к среднему дому и поднялся на последний этаж. Он постучал, и спустя минуту дверь открыла женщина средних лет, не такая широкоплечая, но скроенная так же, как и Вулфи.

— Это он? — спросила она, оглядывая гостя с головы до ног.

— Это он, — подтвердил Вулфи. — Его зовут Роджер.

— Здравствуйте, Роджер, — сказала женщина. — Меня зовут Кристин.

Они вошли. К некоторому удивлению Роджера, это оказалась не стандартная квартира, а довольно большая комната, оборудованная как мастерская художника. Несколько картин в рамах и без рам стояло вдоль стен, а на мольберте — незаконченная. Напротив, у одного из окон, сидели двое детей, занимаясь лепкой из разноцветной глины. Над ними склонился старик в заляпанном рабочем халате, наблюдая за работой и время от времени тихо делая замечания.

— Отец, — позвала Кристин, — пришел Вулфи с Роджером.

Старик выпрямился. Роджера уже немало не удивил его невысокий рост и ширина плеч.

— Ты уверен, что это он? — отозвался старик.

— Вполне, — ответил Вулфи. — Дерек видел, как он выходил из дома Александра. К тому же, — многозначительно прибавил он, — у него трасск Меланты.

— Вот как, — произнес старик.

Похлопав одного из ребят по плечу, он направился к гостям, сильно хромя.

— Роджер, кажется? — спросил он, остановившись в двух шагах.

— Да, — подтвердил Роджер.

— Меня зовут Торвальд.

Он вытянул руку вперед:

— Могу я взглянуть на трасск?

— Простите? — нахмурился Роджер, глядя на протянутую к нему широкую ладонь.

Свободный рукав халата обнажил руку, и Роджер увидел, что на правом запястье Торвальд носит плотно облегающий широкий браслет, сделанный из рифленого металла. Часы в богемном стиле?

— Я совершенно не понимаю, о чем вы говорите.

— Обыскать его? — угрюмо спросил тот, что с ножом.

— Спокойнее, Гарт, — ответил Торвальд, не спуская с Роджера взгляда холодных голубых глаз. — Уверен, что Роджер упрямится не намеренно.

— Конечно, — заверил его Роджер, стараясь унять дрожь в голосе.

Обликом и манерами Торвальд разительно отличался от Сильвии, но в них обоих было нечто одинаково пугающее и зловещее.

— Мне ничего не известно о... как вы это назвали?

— Трасск, — повторил Торвальд, слегка нахмурившись. — Дерек видел его вблизи, Вулфи?

— Нет, с другого конца вагона в метро, — ответил Вулфи. — Но он был точно серебряный с фиолетовым камнем, как тот...

— Погодите, — перебил Роджер. «Серебряный с фиолетовым камнем...» — Вы об этом говорите?

Порывшись в кармане, он вытащил брошь, которую Кэролайн нашла в вещевом ящике.

— Вот. — Вулфи показал пальцем на брошь. Движение обнажило запястье, и Роджер увидел, что он носит такой же браслет, как и Торвальд.

— Он, — подтвердил Гарт.

Перебросив нож в другую руку, он выхватил брошь у Роджера и протянул ее Торвальду.

— Да, вижу, — сказал Торвальд.

Он не взял брошь, а лишь задумчиво смотрел на нее.

— Какова ваша роль во всем этом, Роджер?

Роджер покачал головой.

— Я просто случайный свидетель.

— При этом вы носите с собой трасск Меланты, — заметил Торвальд. — Это подразумевает гораздо более близкие отношения.

— Только отчасти, — сказал Роджер. — Я пытаюсь действовать в интересах Меланты.

— У Меланты больше нет никаких интересов, — заявил Вулфи. — Сделка состоялась.

— Конечно, не все ее одобрили, — сказал Гарт, не переставая вертеть в руках брошь. — А он вот только что вышел от Александра.

— Александр не причастен к исчезновению, — ответил Торвальд. — Я глаз с него не спускал, и он все еще оставался с нами, когда улеглась суматоха.

— Но он мог выпустить ее из круга и передать тому, кто заранее проинструктирован, — возразил Гарт. Он указал на Роджера. — Как вот он, например.

— Весьма рискованно, — усомнился Вулфи. — Учитывая, что Сирил стоял тут же рядом.

— Если только Сирил не сговорился с ним, — вступила Кристина. — Может, он передумал насчет соглашения.

— Или не собирался соблюдать его с самого начала, — заметил Торвальд, изучающе глядя на Роджера. — Что скажете, Роджер?

Роджер покачал головой.

— Я лишь пытаюсь помочь Меланте, — сказал он, стараясь говорить ровно. — Об

остальном мне ничего не известно.

— Может, стоит поднажать на него? — зловеще произнес Вулфи, не спуская глаз с Роджера.

— Не надо так грубо, — упрекнул его Торвальд. — Роджер ведь наш гость.

— Или агент зеленых, — возразил Вулфи. — Что будем с ним делать?

Торвальд поджал губы. Роджер затаил дыхание...

— Отпустим, — произнес старик.

— Вы уверены, что это разумно? — спросил Вулфи.

Торвальд лишь молча приподнял брови.

— Ладно, — со вздохом произнес Вулфи. — А что с трасском?

Торвальд перевел взгляд на Гарта и наклонил голову в сторону Роджера:

— Отдай ему.

Гарт молча шагнул к Роджеру и сунул ему брошь в руку.

— Но передайте своим зеленым друзьям следующее, — продолжал Торвальд с неожиданной угрозой в голосе. — Ситуация не может оставаться и не останется прежней. У них есть пять дней до вечера в среду, чтобы решить, что они собираются делать. А потом... в общем, последствия не заставят себя ждать.

В комнате вдруг стало зябко.

— Я передам, — пообещал Роджер. — Если когда-нибудь вообще их увижу.

— Уверен, что увидите, — сказал Торвальд и, порывшись в кармане халата, извлек визитную карточку. — Если вам захочется поговорить, звоните, — добавил он, сунув визитку Роджеру в нагрудный карман. — Или заходите в любое время.

— Спасибо, — выдавил Роджер.

Торвальд угрюмо кивнул.

— До свидания, Роджер.

* * *

Спустя две минуты Роджер шагал по освещенной солнцем улице под безразличными взглядами нью-йоркской толпы.

Его трясло как осиновый лист.

«Это просто нелепо», — говорил он себе снова и снова, возвращаясь обратно к станции «Западная Четвертая улица». На него никто не наставлял пистолет, как Порфирио в доме Гринов. Ему не выкручивали руки, не угрожали и даже не особенно грубо разговаривали.

И все же, выйдя на солнце, он испытывал чувство, будто избавился от чего-то мрачного и давящего. Он ощущал это даже сильнее, чем когда вышел из дома у Центрального парка.

Но почему? Комната Торвальда была хорошо освещена и залита таким же солнечным светом, что и улица. Ни в мебели, ни в убранстве комнаты определенно не было ничего загадочного или зловещего. Одинаковые украшения? Едва ли. В таком переполненном этнической богемой месте, как Манхэттен, на браслет Торвальда никто бы и внимания не обратил.

Нет, дело, должно быть, в самих людях. Но что? Грубое телосложение, сам факт, что все они выглядят как борцы? Вряд ли.

Стало быть, ни дом, ни разговор, ни люди. Выходит, для ощущения тревоги нет никакой

разумной причины.

Но оно не проходило.

Роджер успел пройти целый квартал от мастерской Торвальда, когда раздался телефонный звонок. Чуть не подпрыгнув, он сунул брошь в карман, вытащил телефон и нажал кнопку:

— Слушаю.

— Роджер? — раздался неуверенный голос Кэролайн.

Он немного расслабился.

— Да, я. А что, не похож?

— Не похож. — Ее голос тоже звучал как-то странно. — С тобой все в порядке?

— Лучше некуда, — проворчал он. — Просто меня только что заставили совершить экскурсию в еще один нью-йоркский дом с привидениями.

— Что?!

Роджер потряс головой, злясь на самого себя. Зачем же срываться на Кэролайн?

— Прости, — извинился он. — Скажем так, меня побудили встретиться с еще одним участником безумной игры, в которую мы, похоже, ввязались. — Он вытащил из кармана визитку. — С господином по имени Торвальд Грей. Вы уже устроились?

— На самом деле мы в магазинчике Ли. — Она назвала небольшой универсальный магазин на углу Девяносто шестой улицы, по диагонали, напротив, от их дома. — Не волнуйся, нас никто не слышит я говорю из задней комнаты. Меланта что-то потеряла, кажется, у нас дома и не хочет без этого уезжать. Мы договорились пойти сюда, пока не сможем поговорить с тобой.

— Что бы это ни было, ни в коем случае не возвращайтесь, — настойчиво проговорил Роджер. — Весь план как раз в том, чтобы уйти до того, как кто-нибудь придет за вами.

— Это понятно, — немного резковато ответила Кэролайн. — Но она очень расстроена, и я пообещала, что мы попробуем что-нибудь придумать.

Роджер в отчаянии поднял глаза к небу. Час от часу не легче.

— Что именно она потеряла?

— Я не совсем поняла, — сказала Кэролайн. — Она говорит про какой-то треск или что-то в этом роде.

— Не треск, а трасск, — поправил Роджер, невольно улыбаясь. — Пусть успокоится — он у меня.

— У тебя? А что это?

— Это брошь, которую ты нашла в вещевом ящике, — пояснил Роджер. — Торвальд и его друзья любезно сообщили мне, как она называется.

На мгновение в трубке повисло молчание.

— Ты говоришь о броши, которая, возможно, была пистолетом, да? — спросила Кэролайн. — И этот Торвальд знает о ней?

— Он знает гораздо больше, чем мы, — сказал Роджер. — Но сейчас это не важно. Отправляйтесь побыстрее. И сразу звони, если будут еще какие проблемы.

— Попробую, — ответила Кэролайн. — До сви...

— А ну, погоди, — перебил Роджер. — Что значит «попробую»? Ты позвонишь, я тебе говорю.

— Я могу позвонить, только если у тебя включен телефон, — терпеливо объяснила Кэролайн.

— Он и включен, — сказал Роджер, на секунду отняв телефон от уха, чтобы проверить индикатор зарядки. — Все время включен, с тех пор как я ушел из конторы.

— Значит, ты был где-то под грудой железа, — ответила Кэролайн. — Пятнадцать минут назад я пыталась тебе звонить и все время получала ответ «вне зоны действия».

— Чушь какая-то! — возмутился Роджер. — Пятнадцать минут назад я был...

И запнулся.

— Я был у Торвальда, — медленно продолжал он. — Это небольшой старый дом, там нет никаких железных конструкций. Мобильник должен работать там совершенно нормально.

— Так же, как не должны были гаснуть фонари два дня назад? — тихо спросила Кэролайн.

Роджер поморщился.

— Да, — согласился он. — Ты там осторожнее, ладно? Кто знает, сколько еще участников в этой игре.

— Уверена, Меланта знает, — сказала Кэролайн. — Может, мне удастся ее разговорить.

— Только после того, как окажетесь в квартире у Янгов, — предупредил Роджер.

— Да, конечно, — ответила Кэролайн, подавляя вздох. — Ну, пока.

Роджер выключил телефон и оглянулся по сторонам. Возможно, кто-то из людей Сильвии все еще следит за ним, надеясь, что он выведет их на Меланту. Более чем вероятно, что теперь и Торвальд подсадил свой хвост. Две столь разные группы, и каждая отчаянно желает добыть Меланту.

И до сих пор он не имеет малейшего понятия почему.

Но Кэролайн права — Меланта знает. Видно по глазам, уклончивым ответам, по страху. Знает.

И сегодня, так или иначе, он получит от нее ответы.

Кэролайн недовольно хмыкнула и повесила трубку на рычаг.

«Только после того, как окажетесь в квартире у Янгов».

Ну да — будто она собирается стоять тут на виду у всего Нью-Йорка и час разговаривать с Мелантой. Неужели он думает, что она сама не понимает? Неужели Роджер считает, что она совсем без головы?

— Что он сказал?

Кэролайн обернулась — из-за двери выглядывало озабоченное лицо Меланты.

— Все в порядке, — заверила она девочку, стараясь подавить раздражение в голосе.

В конце концов, нет никакого смысла посвящать Меланту во все это.

— Твой трасск у Роджера. Он принесет его на другую квартиру.

— А-а. — Голос Меланты звучал не очень уверенно. — Он ведь будет аккуратно с ним обращаться?

— Ну конечно, — сказала Кэролайн, внимательно глядя ей в лицо.

Узнав, что брошь нашлась, та немного расслабилась. Но лишь немного.

— Ну, пойдем, — продолжала Кэролайн, стараясь придать голосу веселые нотки. — Раз уж мы здесь, может, тебе что-нибудь нужно? Может, хочешь перекусить, чтобы не терпеть до обеда?

Меланта медленно оглядела магазин, опять как-то неуверенно.

— Да, — пробормотала она.

Бросая взгляды из стороны в сторону, она медленно двинулась вперед.

Кэролайн, нахмурясь, наблюдала за ней. В течение последних пятнадцати минут девочка была не в состоянии думать и говорить ни о чем другом, кроме своего трасска. Теперь, словно в мозгу у нее щелкнул какой-то переключатель, все ее внимание сосредоточилось на отделе быстрого обслуживания.

— Дозвонились?

Обернувшись, Кэролайн увидела хозяина магазина, выходявшего из склада с тремя коробками сигарет.

— Да, спасибо, Ли, — отозвалась она. — Спасибо, что разрешили воспользоваться телефоном.

— Какие проблемы? — ответил тот. — В любом бизнесе первое дело — это угодить клиенту.

— Вы меня выручили, — сказала Кэролайн. — Скоро надо будет все-таки покупать второй мобильный.

— Да, купишь, а потом уже и обойтись без него нельзя, — предупредил Ли. — И хлопот не оберешься: то у них сеть переполнится, то система полетит, то неизвестно что. По мне, лучше старые добрые провода.

— Возможно, вы правы, — дипломатично сказала Кэролайн.

— А кто эта юная леди? — спросил Ли, кивнув в сторону торгового зала. — Родственница?

— Нет, просто знакомая, — ответила Кэролайн, поворачивая голову вслед за его взглядом. — Она немного погостила у нас, и...

Продолжение старательно придуманной истории застряло в горле. Меланта не

остановилась у витрины с закусками. Она продолжала идти медленным, размеренным шагом.

Прямо к двери.

— Извините, — пробормотала Кэролайн и, поставив чемодан, заторопилась следом.

Сомнений не было — девочка направляется к выходу. Кэролайн хотела было позвать ее, но вовремя сообразила, что имя «Меланта» может привлечь совсем ненужное внимание. Ускоряя шаг, она старалась оказаться у двери первой.

Как ни странно, несмотря на фору, догнать Меланту оказалось совсем нетрудно. Пока Кэролайн в панике маневрировала между покупателями, периодически выкрикивая невразумительные междометия, девочка продолжала идти тем же размеренным шагом.

«Она будто и не хочет убегать, а только притворяется», — подумала Кэролайн.

Она догнала девочку за несколько шагов до двери.

— погоди-ка. — Она ухватила ее за руку. — Куда это ты собралась?

Меланта повернула голову... и у Кэролайн перехватило дыхание. Лицо девочки превратилось в ничего не выражающую маску, веки были прикрыты, словно в полусне. Зрачки так расширились, что почти заполнили радужную оболочку.

— Мне надо вернуться, — проговорила она низким, осипшим голосом. — Дело нужно завершить. Мне надо вернуться.

Она снова двинулась к двери.

— Ну, нет. — Кэролайн крепче сжала ее руку. — Никуда ты не пойдешь без...

«Приведи ее ко мне».

Кэролайн вздрогнула. Произнесший эти слова голос был не похож ни на один из слышанных ею раньше. Он будто доносился издалека и в то же время как бы звучал рядом. Совершенно незнакомый голос, но ей казалось, что она давно знает того, кто говорит.

И раздавался он не в ушах, а в голове.

«Приведи ее ко мне, — продолжал голос. — Открой дверь и приведи дитя мира ко мне».

Кэролайн нахмурилась. Открыть дверь? Но дверь магазина и так открыта.

— Кто это? — прошептала она. — Да где вы?

«Ты должна понять, что я делаю это ради всеобщего блага, — произнес голос. — Отопри дверь и приведи дитя мира ко мне».

Магазин покачнулся перед глазами у Кэролайн, словно тротуар в жаркий июльский день. Голос звучал так убедительно, так настойчиво, так уверенно. Ему нельзя отказать. Нельзя не привести к нему Меланту.

Меланта. Девочка, которая смотрела на нее безнадежным взглядом, сжавшись от холода в комок в том темном переулке. Девочка, которая обрела покой и безопасность у них дома и была как нормальный ребенок, пока враждебный мир снова не навалился на нее.

Девочка, у которой оставил на шее синяки тот, кто хотел ее убить.

— Нет, — прошептала Кэролайн вслух. — Уйдите и оставьте нас в покое.

Она отчаянно тряхнула головой; зрение прояснилось, и предметы вокруг, словно в сфокусированном объективе, встали на свои места.

Где-то рядом раздался мягкий звонок дверного фотоэлемента, и Кэролайн поняла, что Меланта каким-то образом освободила руку. Оглянувшись, она увидела, что девочка уже шагнула за порог магазина.

— Вернись сейчас же! — Кэролайн в два прыжка догнала девочку и снова схватила ее за

руку. — Никуда ты не пойдешь.

«Приведи ее ко мне».

Голос продолжал звучать так же настойчиво. Но уже не действовал.

Во всяком случае, на Кэролайн. А Меланта, похоже, все еще не освободилась от его власти. Она тянула Кэролайн, как собака на поводке, направляясь к углу перекрестка.

— Ну погоди, Меланта, — ласково звала Кэролайн. Она изо всех сил упиралась каблуками, стараясь, чтобы происходящее не выглядело как семейная сцена. Меньше всего ей хотелось, чтобы кто-нибудь вызвал полицию с жалобой на жестокое обращение с ребенком. Она быстро оглянулась, но, похоже, никто ими не интересовался.

Затем, без особой причины, она взглянула на свой дом, в полуквартале от них.

На их балконе стояли люди. Двое, рядом с апельсиновыми деревьями.

Кэролайн почувствовала, что у нее затряслись руки.

— Пойдем же, — сказала она Меланте, пытаясь увести девочку. С таким же успехом можно было тащить мешок с цементом. — Надо отсюда уходить.

— Нет, — ответила Меланта столь же ничего не выражающим, как и лицо, голосом. — Я должна вернуться.

— Меланта, перестань сейчас же! — приказала Кэролайн, с трудом оттаскивая ее под призрачную защиту навеса над входом в магазин.

Повернув ее к себе, она схватила девочку обеими руками за запястья.

— Ты слышишь меня? Тебе не надо никуда возвращаться. Да посмотри на меня, Меланта.

Меланта моргнула... лицо ее как будто расслабилось.

— Кэролайн? — прошептала она.

— Да, — твердо проговорила Кэролайн. — Ты не должна слушать его, Меланта.

— Но они погибнут, если я не вернусь, — умоляюще сказала Меланта.

Ее глаза все еще были полузакрыты, но, по крайней мере, зрачки стали нормальными.

— Они же погибнут.

— Кто погибнет? — спросила Кэролайн, чувствуя, что внутри все холодеет.

— Он сказал, что я не должна была убегать, — сказала Меланта. — Но я не убегала. Я не сама.

— Знаю, лапочка, — заверила Кэролайн. — А кто погибнет, если ты не вернешься?

— Грины. — Глаза Меланты наполнились слезами. — Грей. — Она крепко зажмурилась, и слезинки покатались по щекам. — Все.

У Кэролайн по спине побежали мурашки. «Грей». Не это ли имя упоминал Роджер?

— Ты имеешь в виду — Торвальд и его семья?

— Все, — повторила Меланта. — И я буду в этом виновата.

Кэролайн сделала глубокий вдох.

— Нет, не будешь, — сказала она как можно тверже. — Потому что мы с Роджером этого не допустим.

— Но...

— Никаких «но», — отрезала Кэролайн, стараясь не обращать внимания на голос, который все еще свербел где-то в голове. — Этого не случится. Понимаешь?

Меланта с трудом глотнула.

— Но если это единственный выход?

— Мы найдем другой, — пообещала Кэролайн, стискивая ее руки в своих. — Но сейчас

нам надо отсюда уходить.

— Госпожа Уиттиер!

Напрягшись, Кэролайн оглянулась. Но это был Ли с ее чемоданом в руке.

— Вот, вы забыли...

— Спасибо, — поблагодарила Кэролайн, все еще не решаясь выпустить руки Меланты. — Поставьте его там, пожалуйста, хорошо?

Ли нахмурил лоб.

— У вас все в порядке? — спросил он, ставя чемодан рядом с дверью.

Кэролайн поколебалась. Что она может сказать?

— У нас тут вышел небольшой спор, — ответила она.

— Да? — Ли пристально смотрел на Меланту. — Вы в порядке, мисс? Вы очень бледная.

Меланта вопросительно взглянула на Кэролайн, затем снова на Ли. — Все нормально. — Голос ее лишь слегка дрогнул.

— Точно? — Он явно колебался. — Может, я могу чем-то помочь?

— Да, можете, — вдруг сказала Кэролайн. — Позвоните девять-один-один и скажите, что кто-то проник в нашу квартиру.

У Ли расширились глаза.

— Откуда вы знаете?

— Они на нашем балконе, — ответила Кэролайн. Она осторожно высунула голову из-под навеса, чтобы взглянуть на балкон. Там никого не было.

— Были, — поправилась она, снова прячась. — Наверное, вошли в квартиру. Пожалуйста, а?

Ли поджал губы, но все же кивнул.

— Ладно, какой адрес?

Она назвала адрес, он снова кивнул.

— Хорошо, подождите тут, — и, повернувшись, поспешно вошел в магазин.

Кэролайн еще раз выглянула из-под навеса. На балконе по-прежнему было пусто, но если люди оттуда видели ее, то, наверное, уже спускаются.

— Надо идти, Меланта, — шепнула она девочке, отпустив одну руку и подхватывая чемодан.

— Нет, погоди. — Меланта вдруг схватилась за нее. — Они все еще там.

Кэролайн нахмурилась, глядя на пустой балкон.

— Где?

— На стене слева от балкона, — показала Меланта. — Двое серых.

Кэролайн нахмурилась сильнее. «На стене слева от...» У нее вдруг перехватило дыхание. Она увидела что-то на стене дома, именно там, где показывала Меланта. Не людей, а что-то похожее на две волны или гигантские капли воды.

Только они двигались по стене вверх, а не вниз.

— Это что ж такое? — выдохнула она.

— Это серые, — прошептала Меланта. — Они пришли за мной.

— Серые? — отозвалась Кэролайн, и рассказ Роджера о ночном кошмаре пронесся у нее в голове.

Но человек-муха был именно человеком. А тут что-то совершенно иное.

— Они в каких-то защитных костюмах? — спросила она, отчетливо сознавая, что такого

просто не может быть.

— Они маскируются. — Меланта задыхалась отрывисто. — Надо уходить отсюда.

Волны прекратили движение, и, даже зная, куда смотреть, Кэролайн перестала их видеть.

И тут она увидела что-то, отчего и, у нее перехватило дыхание. Сами фигуры действительно были не видны... но чуть ниже места, где они остановились, виднелись два небольших темных полумесяца на светлом фоне стены.

Двое исчезли. Но их тени остались.

— Надо уходить, — повторила Меланта.

— Знаю, милая. — Кэролайн оглянулась на магазин. Люди-невидимки ползают по стенам, кто-то мысленно говорит с ней...

Ее взгляд упал на небольшую полку с шарфами рядом с кассой.

— Сюда. — Она потянула Меланту обратно в магазин. — Заправь волосы под воротник, — велела она, вытаскивая с полки шарф самой тусклой расцветки.

Порывшись в кошельке, она нашла десятидолларовую бумажку и бросила на прилавок, потом повернулась к Меланте, набросила ей на голову шарф и завязала под подбородком так, как, она видела, это делают пожилые женщины.

— Как тебе это?

— Я выгляжу как старуха, — с обидой сказала Меланта; страх мгновенно отступил перед детскими представлениями о моде.

— Будем надеяться, что и другие так же подумают, — сказала Кэролайн. — Иди, немного согнувшись, сделаем вид, будто я веду маму на прогулку.

Меланта скривилась, но кивнула:

— Попробую.

— Хорошо.

Кэролайн согнула руку в локте, вложила в изгиб руку Меланты, как это делают, гуляя, другие женщины, и взяла чемодан.

— Пошли.

Они вышли из магазина и направились в противоположную от дома сторону. Кэролайн чувствовала, как дрожит рука Меланты, ей самой хотелось бросить изображать мать с дочерью и кинуться бежать. Стиснув зубы, она сосредоточила свое внимание на том, чтобы идти медленно, и в то же время высматривала такси.

Они прошли полквартала, прежде чем Меланта снова заговорила:

— Мы идем к вашим друзьям?

— Конечно. А что? Ты хочешь пойти куда-то еще?

— Нет, — пробормотала Меланта, заправляя под шарф непокорную прядь волос.

Только после того, как они уже поймали такси и сели в машину, Кэролайн догадалась, что девочка на самом деле имела в виду.

Продолжая идти от магазина по Девяносто шестой улице в том же направлении, они, в конце концов, дошли бы до Центрального парка и той квартиры, в которой побывал Роджер утром.

До того дома, где жили все Грины.

День выдался трудный, писанины было больше обычного, и меньше всего старшему следователю Тому Ференцо хотелось осматривать очередное место преступления.

— Надеюсь, это не очень надолго, — сказал ему напарник, Джон Пауэлл, когда, показав консьержу значки, они направились к лифту. — Сэнди думала, что мы для разнообразия проведем вместе все выходные.

— Через час освободимся, — пообещал Ференцо, надеясь, что так и будет.

Пауэлл, который был на четырнадцать лет моложе, еще не утратил способности расслабляться в свободное время и ждал наступления выходных уже с утра среды. Кстати, и его жена тоже. Ференцо совсем не хотелось, чтобы непредвиденная работа разрушила эти радужные планы.

— Обычное ограбление, самое милое дело, — напомнил он товарищу, нажимая кнопку шестого этажа. — Ни убийства, ни заложников. Проще пареной репы.

— Возможно, — проворчал Пауэлл. — Но ты же знаешь Смита. Если есть какие-то нестыковки, он в них так и вцепится.

— Это да, — согласился Ференцо.

Джефф Смит был самым рьяным полицейским, какого Ференцо приходилось встречать, и это знали все, начиная с лейтенанта Серреты и кончая самым младшим сотрудником в участке. Даже заурядное преступление протоколировалось по полной программе, когда на выезде были Смит и Хилл.

— А может, и у него большие планы на выходные.

Пауэлл фыркнул:

— Ага. Перечитать Устав уголовной полиции Нью-Йорка.

— Кто-то же должен знать, что там написано, — пожал плечами Ференцо.

Когда они поднялись, Смит стоял в коридоре у открытой двери и разговаривал с мужчиной средних лет в рубашке защитного цвета и просторных брюках. На того, похоже, напал нервный тик, что в подобных обстоятельствах не удивительно.

Удивительным было другое — обычно на лице у Смита словно было написано: «Полицейский — твой лучший друг». На этот раз он имел вид сурового стража закона и напоминал кота, подкарауливающего мышь.

Когда подошли Ференцо и Пауэлл, он поднял глаза, и что-то в его взгляде подсказало Ференцо держаться официально.

— Констебль Смит, — обратился он к Коллеге, — что тут у нас?

— Это господин Умберто, — столь же официально отвечал Смит. — Домоправитель.

— Здравствуй, господин Умберто, — кивнул Ференцо.

— А вот место преступления, — продолжал Смит. — Квартира Роджера и Кэролайн Уиттиер.

— Похоже, обошлось без взлома, — заметил Пауэлл, разглядывая дверь.

— Так и есть, — подтвердил Смит. — Преступники — трое мужчин, белые, но смугловатые, как бы восточного типа, все среднего роста и стройного телосложения. Одному лет шестьдесят — семьдесят, другим лет по двадцать пять.

— А откуда это известно? — спросил Ференцо.

Смит искоса взглянул на Умберто.

— Господин Умберто сам впустил их в квартиру.

— Вот как, — произнес Ференцо.

Тогда понятно, отчего у мужика нервный тик. Знакомая история — придет сладкоречивый мошенник, наплетет с три короба и уговорит открыть перед ним все запоры.

— Могу я узнать почему, господин Умберто?

Умберто поморщился, словно от боли.

— Думаю... потому, что он велел впустить его.

Ференцо нахмурился. Обычно в таких случаях начинаются увертки и отговорки.

— Что вы имеете в виду? Что конкретно он сказал вам?

Несчастный домоуправ снова поморщился.

— Он просто... сказал открыть дверь. И я... открыл.

— У него был наряд на ремонтные работы? — спросил Ференцо, движимый желанием дать человеку шанс хоть как-то оправдаться. — Или оружие? Он угрожал вам?

— Нет. — Умберто выглядел скорее озадаченным, чем смущенным, словно сам не до конца понимал, что произошло. — Он просто сказал открыть дверь. И я открыл.

— А как они вообще нашли вас? — вмешался Пауэлл. — Разве консьерж не должен задерживать незнакомцев?

Умберто беспомощно пожал плечами.

— Он, должно быть, тоже просто впустил их.

— Приятно иметь дело с таким услужливым персоналом. — Ференцо обернулся к Смиту: — Жильцам сообщили?

— Мы связались с их работодателями, — отвечал Смит. — Господин Уиттиер, юрист, ушел с работы примерно в десять двадцать утра и не вернулся. Госпожа Уиттиер, агент по продаже недвижимости, вообще не вышла на работу.

— Мобильники?

— Один. — Смит протянул записную книжку. — Господин Умберто только что дал мне номер, я подумал, может, вы захотите позвонить сами?

— Спасибо. — Ференцо переписал номер в свой блокнот. — Давайте сначала осмотрим квартиру.

— Хорошая мысль, — сказал Смит. — Там тоже не без странностей.

— Да? — поднял брови Ференцо. — Покажите. Господин Умберто, пожалуйста, подождите здесь.

Хилл встретила их посреди гостиной, уперев руки в бока.

— Здравствуйте. Любопытное ограбление, как, по-вашему?

— Весьма нетрадиционное, — согласился Ференцо, оглядывая комнату.

Ни одна лампа, картина или диванная подушка не сдвинута с мест. Если комнату и обыскивали, то здесь побывали какие-то маниакально аккуратные грабители.

— Спальня?

— То же самое, — ответила Хилл. — На туалетном столике шкатулка с драгоценностями. Похоже, не трогали.

— Кто сообщил? — спросил Пауэлл.

— Владелец магазинчика на Девяносто шестой, — ответил Смит. — Говорит, госпожа Уиттиер сказала ему, что увидела на своем балконе людей, и попросила набрать девять-один-один. И сразу после того ушла.

— Сразу — после перебранки со своей юной подругой, — добавила Хилл. — Девочка

лет двенадцати.

— Что за перебранка? — спросил Ференцо.

Он подошел к стеклянной раздвижной двери и бросил взгляд на балкон. Ничего, кроме двух деревьев в кадках.

— Он стоял слишком далеко, чтобы слышать разговор, — сказал Смит. — Зато видел, как госпожа Уиттиер схватила девочку за руки. А еще, после того как сказала ему набрать девять-один-один, схватила с полки шарф, повязала девочке на голову, и обе ушли.

— Интересно, — задумчиво проговорил Пауэлл. — Кто сейчас так носит шарфы?

— Женщины за восемьдесят и те, кто хотят изменить внешность, — ответил Ференцо.

Он достал резиновые перчатки и присел рядом с балконной дверью. На стекле рядом с замком выделялся какой-то странный круг, покрытый трещинами.

— Может, кредиторы? — спросил Пауэлл.

— Или мы говорим о похищении? — мрачно добавил Смит.

— Женщины обычно похищают младенцев, а не десятилетних, — сказал Ференцо, проводя пальцем по сетке трещин. Со стороны комнаты стекло было гладким. — Джон, посмотри-ка.

Он отступил в сторону, давая Пауэллу место.

— Похоже, ударили молотком или чем-то в этом роде, — предположил молодой напарник.

— Слишком равномерно распределены трещины, не похоже на молоток, — отметил Ференцо. — В середине нет следа от удара.

— Ты прав, — согласился Пауэлл. — Били чем-то помягче, чем обычный молоток.

— Кроме того, били снаружи, — добавил Ференцо. Осторожно, чтобы не смазать возможные отпечатки пальцев, он вынул палку от швабры из направляющей и отщелкнул замок.

— Хилл, сходи на лестницу и последи, чтобы Умберто не исчез.

Трое оставшихся полицейских вышли на балкон.

— Не понимаю, что тут можно делать, — заметил Пауэлл. — Разве что летом позагорать.

— Вон еще одна дверь. — Смит кивнул в дальнюю сторону балкона. — Может, попытались подслушать, что происходит в спальне?

— Вряд ли тут что расслышишь при таком движении, — проворчал Пауэлл, обходя деревья и направляясь к другой двери.

Ференцо сидел на корточках возле двери в гостиную.

— Молотком били явно с этой стороны, — сказал он, проводя рукой в перчатке по трещинам у замка.

— Погоди-ка. — Пауэлл вдруг остановился и припал на колено рядом с одним из деревьев. — Молотком, говоришь? Или топором?

— Что такое? — наморщил лоб Ференцо.

— Взгляни. — Пауэлл показал на комель дерева.

Ференцо подошел. В том месте, где ствол уходил в землю, виднелся неглубокий надрез примерно в дюйм длиной.

— Так, а вот это уже интересно. — Он нагнулся, чтобы разглядеть получше.

Надрез едва пробил кору, а края его выглядели странно гладкими, так же как трещины на стекле.

— Похоже, у них был довольно тупой топор.

— Там то же самое. — Пауэлл указал на другое дерево. — Вижу, — кивнул Ференцо. — Смит, пойдй спроси Умберто, были ли у его гостей инструменты.

— Понял. — Смит вернулся в квартиру.

— По мне, все это похоже на какую-то странную шутку, — заметил Пауэлл.

— А с кем шутили? — спросил Ференцо. — С Уиттиерами?

— Или с нами, — угрюмо сказал Пауэлл. — Полно придурков, которые обожают привлекать внимание. Особенно внимание полиции.

— Да, как ни странно, — согласился Ференцо. — Пойди, позови Хилл, пусть узнает, не числится ли за Умберто приводов.

— Сделаем.

Пауэлл встал, отряхнул колени и вышел.

Ференцо изучал порез на дереве еще несколько мгновений, затем поднялся на ноги и взглянул вниз на улицу. Сразу за углом улицы он увидел магазинчик, из которого якобы поступил звонок в службу «911».

Стало быть, балкон действительно оттуда можно видеть. Если нужно.

Он вышел в гостиную и задвинул дверь. В другом конце комнаты тихонько совещались Смит и Пауэлл, Хилл стояла поодаль и негромко говорила по рации.

— Умберто говорит, что ни топоров, ни молотков у них не было, — доложил Смит, когда Ференцо подошел к ним. — Мешков и рюкзаков тоже.

— Хотя у Умберто, видимо, есть хорошо оборудованная мастерская, — отметил Пауэлл.

— Не хочешь позвонить Уиттиерам на мобильник? — спросил Смит.

Ференцо колебался. К сожалению, несмотря на интригующие обстоятельства, бригада уголовного розыска не может заниматься простым проникновением в дом, забот и так невпроворот.

— Нет, займитесь этим сами. Хотя интересно будет взглянуть на отчет.

Хилл убрала микрофон в наплечный кармашек.

— Пока по господину Умберто ничего не нашли.

— Что ж, тогда оставляю это дело в ваших надежных...

Ференцо не договорил. Из кухни послышалась трель телефонного звонка.

— Будем отвечать? — тихо спросил Пауэлл.

— Нет. — Ференцо направился на звук. — Кто-нибудь видел, есть у них автоответчик?

— Да, встроенный, — сказал Смит.

— Наверное, звонят из химчистки, что свитера готовы, — пробормотал Пауэлл по дороге на кухню.

Автоответчик, щелкнув, включился; полицейские молча слушали торопливый и небрежный текст: «Привет, Роджера и Кэролайн нет дома, оставьте сообщение». Типичная манхэттенская пара, прикинул Ференцо: положительные, все в работе, но не блещут ни воображением, ни юмором. Сообщение кончилось, раздался характерный сигнал, и в последнее мгновение он заключил сам с собой пари, что звонит какой-нибудь торговый агент.

— Здравствуйте, Роджер, меня зовут Сирил, — произнес вкрадчивый голос с едва уловимым акцентом. — Я слышал, вы были утром у Александра и говорили с Сильвией. Я также слышал, что вы знаете, где находится Меланта.

Ференцо сдвинул брови. Меланта Девочка, которую видели с госпожой Уиттиер?

— Насколько я понимаю, Сильвия пыталась убедить вас привести ее к себе, — продолжал голос. — Но предупреждаю: послушавшись Сильвии, вы сделаете ужасную ошибку. Если вы отдадите Меланту кому-нибудь, кроме меня, то собственными руками прольете кровь тысяч ньюйоркцев.

У Ференцо екнуло в груди. «Кровь тысяч ньюйоркцев?»

— И как, возможно, упоминала Сильвия, времени осталось мало, — говорил голос. — У вас есть всего пять дней, чтобы привести девочку к нам в Риверсайд-парк до того, как хаос охватит город. Мы сделаем все, что вы попросите, заплатим любую цену, чтобы она вернулась. Надеюсь, вы примете правильное решение, и мы скоро увидим вас здесь с Мелантой.

Послышался еще один щелчок, и связь разъединилась. Ференцо оглянулся на Пауэлла.

— Если это шутка, — произнес он, — то она переходит уже все границы.

— Так, ничего не понимаю, — наморщив лоб, признался Пауэлл. — У нас что, проникновение в дом превратилось сначала в похищение, а теперь в террористическую угрозу?

— Что-то во что-то превратилось, — согласился Ференцо. — Я только не уверен, что и во что именно. Смит, спроси Умберто, не видел ли он Уиттиеров с десяти или двенадцатилетней девочкой. Хилл, узнай, есть ли что по обоим Уиттиерам.

Смит, кивнув, направился к двери, Хилл достала микрофон.

— А ты со мной, — добавил Ференцо, обращаясь к Пауэлла. — Хочу осмотреть спальню.

Они прошли через прихожую в спальню.

— Что ищем? — спросил Пауэлл.

— Свидетельство того, что здесь жил еще один человек, — оглянулся Ференцо.

— Проверь шкаф, а я посмотрю в корзине для белья.

С минуту они работали молча.

— Ничего, — доложил Пауэлл. — Все женские вещи, похоже, одного размера.

— Проверь, нет ли двух вещей на одной вешалке, — напомнил Ференцо, доставая из корзины немного помятую простыню, и положил ее на кровать.

— На каждой вешалке по одной, — подтвердил Пауэлл. — Что у тебя?

— Простыня, одна, — ответил Ференцо, указывая на лежащее, на кровати белье. — Наволочка, тоже одна. А в обычной смене белья должно быть две.

— Кто-то спал на диване, — кивнул Пауэлл.

— С языка снял, — согласился Ференцо.

Он оглянулся в дверях стояла Хилл.

— По Уиттиерам ничего, — доложила она. — Зато два дня назад муж звонил девять-один-один и сообщил, что они с женой нашли девочку в переулке у Бродвея.

— Есть, — сказал Пауэлл.

— Может, и нет, — предупредила Хилл. — Когда полиция прибыла, никакой девочки не оказалось. Уиттиеры заявили, что она вышла на балкон и исчезла. Полиция все обыскала, ничего не нашла и уехала.

— Даже если она и уходила, то, похоже, снова вернулась, — сказал Ференцо. — Давайте посмотрим, не сможет ли Умберто пролить хоть какой-то свет на это дело.

Они вернулись через прихожую к входной двери, и вышли на лестницу.

— Он говорит, что видел Уиттиеров с детьми, только когда к ним приходили друзья, —

сообщил по дороге Смит. — Но за последний месяц таких визитов не было.

Ференцо кивнул.

— Господин Умберто, нам нужно имя и адрес консьержа, который дежурил в среду вечером около...

Он взглянул на Хилл и поднял брови.

— Звонок поступил в десять сорок три.

— С девяти тридцати до одиннадцати тридцати. — Ференцо перевел взгляд на Смита. — Позвонишь ему и узнаешь, не помнит ли он что-нибудь о поведении Уиттиеров в тот вечер. Когда ушли, когда пришли, с кем были — знаешь, что делать.

Смит кивнул и повернулся к Умберто. Ференцо поймал взгляд Пауэлла, показал на дверь, и они вернулись в квартиру.

— Пора звонить владельцу магазинчика? — спросил Пауэлл.

— Попробуем сначала потревожить семейное гнездышко.

Ференцо вынул телефон и полистал записную книжку. Набрав номер мобильного Уиттиера, он жестом подозвал Пауэлла, чтобы тот тоже мог слышать.

Ответили на второй звонок.

— Алло? — Голос звучал напряженно.

— Господин Уиттиер?

Последовало короткое молчание, и когда голос ответил снова, то звучал немного иначе:

— Да?

— Говорит старший следователь уголовной полиции Нью-Йорка Томас Ференцо, — представился Ференцо. — Я веду дело по взлому вашей квартиры, который произошел днем.

— Взлому?

— Да. Я рассчитывал, что вы чем-то поможете нам.

Снова короткое молчание.

— Да, конечно, — ответил Уиттиер. — Что я могу для вас сделать?

— Во-первых, ваша жена с вами?

— Нет, она... ее здесь нет.

— А как насчет вашей знакомой Меланты?

На этот раз молчание длилось заметно дольше. Ференцо напрягся, вслушиваясь в рокот, различимый на заднем плане. Похоже, вагон метро, определил он.

— Не понимаю, — наконец ответил Уиттиер.

— Я просто хочу узнать, Меланта с вами или с вашей женой, только и всего, — тем же небрежным тоном сказал Ференцо.

— Извините. Это имя мне незнакомо.

— Ясно.

Глядя на Пауэлла, Ференцо многозначительно поднял бровь.

Напарник понимающе кивнул. Ответ выглядел бы совершенно невинно, если бы не задержка на пять секунд.

— Где вы сейчас находитесь, господин Уиттиер?

— А что? — вдруг с подозрением спросил Уиттиер.

— Для возбуждения дела нужно ваше заявление.

— А-а. Я... куда мне надо прийти?

— Мы из двадцать четвертого участка. Дом сто пятьдесят один по Западной Сотой улице. Когда вы сможете зайти?

— Я сейчас немного устал, — уклончиво сказал Уиттиер. — Как насчет завтрашнего утра?

— Лучше бы сегодня вечером. — Поразмыслив, Ференцо решил не нажимать. Ему не хотелось, чтобы человек пустился в бега еще до того, как он разберется, что здесь, в конце концов, происходит. — Я там буду до девяти.

— Извините, но раньше, чем завтра я никак не смогу.

— Ну что ж, тогда увидимся завтра, — сказал Ференцо небрежным тоном, будто ему это не так важно. — До свидания.

Он выключил телефон.

— Не хочет с нами говорить, это ясно, — заметил Пауэлл. — И даже не подумал спросить, не украли ли что-нибудь.

— Потому что знал — ни на какие его земные сокровища не покушались.

Повернувшись, Ференцо посмотрел на мерцающие за окном городские огни, и внутри у него похолодело. Если что-то и могло поглотить его внимание целиком, так это мысль о том, что на улицах его города прольется кровь невинных людей, не важно из-за кого — серийного убийцы, бандитских разборок или террористов.

— Пойдем, поговорим с хозяином магазинчика и выясним, сильно ли торопилась госпожа Уиттиер, — решил он. — Если кто-то преследует девочку, вряд ли она рискнула бы ждать автобуса или идти в метро.

— Значит, такси, — кивнул Пауэлл. — Надо обзвонить таксопарки и узнать, кто посадил женщину с девочкой в этом квартале в интересующее нас время.

— Да, — подтвердил Ференцо. — А Смит и Хилл забирают Умберто в участок, пусть с ним поработает Карстерс. Может, удастся составить портреты злоумышленников.

— Пусть послушает автоответчик, — предложил Пауэлл. — Вдруг узнает голос Сирила?

Когда они вышли в коридор, Умберто нервно переминался с ноги на ногу.

— Наши сотрудники дадут вам прослушать сообщение, записанное автоответчиком, может быть, узнаете голос, — сказал ему Ференцо. — Мы бы хотели, чтобы после этого вы прошли в участок и описали злоумышленников нашему художнику.

Тот сглотнул.

— Да, конечно. Я сделаю все, чтобы помочь.

— Последний вопрос, — сказал Ференцо. — Сколько времени прошло между уходом этих людей и появлением констеблей Смита и Хилл?

Умберто наморщил лоб.

— Полчаса. Может, немного больше.

— И за все это время вам не пришло в голову позвонить в полицию?

— Как же не пришло? — Умберто даже возмутился. — После того, как они проникли в квартиру? Конечно, пришло.

— Так почему не позвонили?

Умберто открыл рот... и снова закрыл.

— Не знаю, — наконец произнес он. — Думаю, потому, что он сказал мне не звонить.

Ференцо скривил губы.

— Ясно. По крайней мере, у вас есть серьезное оправдание.

Кивнув Пауэллу, он направился к лифту.

Роджер уже давно не бывал в Квинсе и, когда вышел из поезда, вспомнил почему. Привыкший к громадным зданиям Манхэттена, в этом районе города он всегда чувствовал себя как-то странно и неуютно.

Но рядом со станцией метро находился небольшой торговый пассаж — образчик современной архитектуры. Сегодня именно это сооружение его и интересовало.

Он быстро прошел по пассажи, лавируя в переходах между отделами, стараясь заметить хвосты новоявленных друзей, которые, как он подозревал, все еще следили за ним. Но он никого не видел и уже начал надеяться, что запутанный маршрут в метро Нью-Йорка, по которому он путешествовал последние два часа, сбил их со следа.

Тем не менее, он еще минут десять кружил по пассажи, перед тем как юркнуть в один из отделов. Спустя еще десять минут, в новой шляпе и двусторонней куртке, стараясь разглядеть путь сквозь очки с толстыми стеклами в роговой оправе, он вышел из пассажа и направился обратно к станции метро.

Время он рассчитал идеально. Через тридцать секунд после того, как вошел на станцию, он сидел в очередном поезде, идущем на Манхэттен.

Роджер нашел брошенную газету и всю дорогу держал ее перед собой, притворяясь, что читает, а сам следил поверх нее за людьми, которые входили и выходили из вагона. Народу было не так мало, как он ожидал, двигаясь в направлении, противоположном основному потоку в час пик, и, в конце концов, до него дошло, что в пятницу вечером в центр едет больше, чем обычно, людей, желающих вкусить радостей ночной жизни шумного города.

Поезд грохотал по рельсам, а Роджер все больше съеживался на сиденье. Он устал, голова и глаза болели от толстых стекол очков, и его все больше злило положение, в котором они оказались из-за Меланты. В ту самую минуту, когда она снова появилась у них на балконе, надо было брать ее за шиворот и тащить в полицию. Сделай он так, и сейчас они с Кэролайн сидели бы в их уютной кухне и обедали.

Но, конечно, Кэролайн со своим сочувствием к обиженным не могла этого допустить. Она настояла, чтобы Меланта осталась, а у него не хватило духу возразить. И теперь ничего не изменишь.

Он вышел на станции «Гранд-Сентрал» и стал думать, стоит ли сделать еще несколько кругов по Манхэттену. Но он уже слишком устал. Кроме того, если они его до сих пор не потеряли, то все меры предосторожности бесполезны. Он сел в нужный поезд и поехал в Йорквилл.

Когда он в последний за сегодня раз вышел из метро и устало побрел к дому Янгов, до которого надо было идти пять кварталов, уже снова наступил холодный вечер, а улицы опять стали пустынными. Навстречу ему еще попадались люди, но большинство жителей окрестных домов уже вернулись с работы домой. Поднимаясь по ступенькам на крыльцо дома, он заметил две темные фигуры в парке через улицу, но они стояли слишком далеко, чтобы внушать опасения. Достав театральную программку, он поднялся к парадной двери и на новом блестящем электронном замке набрал номер, который дала ему Кэролайн.

Замок открылся с приятным тихим щелчком, и Роджер вошел в уютное тепло подъезда, ощущая доносившийся откуда-то запах жареной свинины с розмарином. Поднявшись по ступенькам на третий этаж, он набрал второй номер на клавиатуре у двери Янгов и вошел в

квартиру.

В дальнем углу гостиной неярко горел одинокий светильник. Не считая этого света, вся остальная квартира тонула в темноте.

И была совершенно пуста. Он обошел помещение комната за комнатой, и сердце его билось все сильнее по мере того, как он убеждался, что они пусты. С того времени, как он разговаривал с Кэролайн, прошло уже несколько часов — они с Мелантой должны были быть здесь уже давно.

Наконец, зайдя в последнюю из трех спален, он обнаружил, что они действительно здесь побывали. У дальней стены стоял один из его чемоданов, а на одной из двух односпальных кроватей лежала пара аккуратно сложенных блузок и брюк Кэролайн. Но куда же они ушли?

Он вернулся в прихожую и толкнул дверь, ведущую на кухню. На одном из буфетов под полкой с блестящими медными сковородками аккуратно стоял пакет, полный продуктов.

Роджер заглянул в пакет, и во рту у него появился кислый привкус страха. Значит, они ушли не в магазин, во всяком случае, не за продуктами. За одеждой для Меланты? Но Кэролайн вряд ли отважилась бы на это, особенно учитывая, что наступает вечер. Они также не пошли в ресторан, ведь здесь есть все, чтобы спокойно пообедать.

Похитили? Но никаких следов борьбы нет, а представить, что Кэролайн могла позволить забрать Меланту без борьбы, невозможно.

Если только это не произошло в атмосфере строгой официальности. Роджеру уже звонил человек, который представился полицейским и пытался заманить обратно домой. Если этот человек выследил Кэролайн, он мог воспользоваться той же уловкой.

Отдала бы Кэролайн Меланту незнакомцу в форме и с удостоверением? Вероятно.

Но если им нужна только Меланта, куда делась Кэролайн?

Он, не отрываясь, смотрел на пакет с продуктами. Куда же они могли пойти после наступления темноты? В кино? К врачу? В парк?

В парк.

Он нахмурился; в памяти вдруг всплыл обрывок разговора. Загадочный грабитель с загадочным пистолетом спрашивает, какие деревья у них на балконе. На том самом балконе, где исчезла Меланта, когда пришла полиция. На балконе, на котором она снова стояла, появившись через девятнадцать часов.

По ногам вдруг подуло холодом. Кто-то открыл дверь? Но на лестничной площадке совсем не холодно.

Кто-то открыл окно.

Посередине кухонного стола, между разделочной доской и хлебницей, стояла деревянная подставка с набором ножей. С колотящимся сердцем Роджер бесшумно подошел и вытащил самый большой. Затем вернулся к двери и тихо открыл ее.

Их было двое: моложавые мужчины средних лет, широколицые и коренастые. Первый, с мощными плечами, распирающими синюю куртку, уже влез и стоял в дальнем конце гостиной. Второй, габаритами лишь чуть поменьше, в серых штанах и серой куртке с овчинным воротником, пролезал в открытое окно.

Первый мужчина сразу увидел Роджера.

— Где она? — спросил он сирым голосом, протянув в сторону Роджера правую руку, будто для рукопожатия.

— Вон отсюда! — приказал Роджер дрожащим голосом. — Слышите меня?

Он шагнул вперед, подняв нож, как он надеялся, угрожающе. Мужчина не шевельнулся, а второй протянул руку вперед таким же жестом. Рукав при этом немного сдвинулся и обнажил широкий браслет того же стиля, что у Торвальда и его друзей.

Это подстегнуло Роджера.

— Я сказал — вон! — повторил он. — Скажите Торвальду, что он ее не получит.

Он сделал еще один шаг вперед, отчаянно надеясь, что они примут его блеф за чистую монету, и лихорадочно соображая, что делать, если нет.

— Ты прав, не получит, — согласился мужчина в синей куртке.

Он встряхнул рукой...

Роджер внезапно остановился, увидев, как у того на ладони сверкнуло что-то блестящее; тонкие, будто металлические, щупальца метнулись вперед вдоль пальцев, как взрыв крошечного фейерверка. Не успел он вздохнуть, как нити снова свернулись, молниеносно переплетаясь и свиваясь между собой. Переплетенные щупальца стянулись к ладони, уплотняясь, темнея и преобразуясь в угловатую форму...

И спустя мгновение Роджеру в лицо смотрел ствол небольшого серого пистолета.

Не веря глазам, он глядел на оружие с раскрытым ртом. В руке у мужчины секунду назад ничего не было, рукав открыт, никаких признаков кобуры или чего-то такого, откуда бы мог появиться пистолет. Мелькнула новая блестящая вспышка, и, взглянув на второго, Роджер увидел в его руке еще один пучок металлических щупальцев, свернувшихся в пистолет.

Каким бы невероятным это ни казалось, теперь прямо в грудь ему смотрели два дула.

— Ну что? — Голос второго звенел от презрения. — Хочешь по-хорошему или по-плохому?

Роджер с шумом вздохнул. Если посчитать, то за последние дни на него наставляют пистолет уже в третий раз. Внутри у него что-то оборвалось.

— Догадайся, — прорычал он, подняв нож, и двинулся вперед.

Значит, они не принимают его всерьез, так? Отлично. Пора узнать, насколько далеко они готовы зайти, чтобы добраться до Меланты.

Как только Роджер двинулся на них, лицо первого ожесточилось. Даже глазом не моргнув, он нажал на спуск.

Но не последовало ни грохота выстрела, ни даже мягкого хлопка, который используют в кино, когда пистолет оснащен глушителем. Пистолет издал тихий, но резкий звук, как электрогитара, когда гитарист, дернув струну, скользит пальцем по грифу. Из дула метнулась тонкая белая линия...

От тяжелого удара в грудь Роджер пошатнулся.

Он задохнулся и качнулся назад, схватившись за грудь: Ощущение было такое, будто кто-то запустил в него кегельным мячом. Он опустил глаза, со страхом ожидая увидеть кровь, струящуюся из зияющей раны, пробитой в груди.

Никакой крови. Не было и раны, ни зияющей, никакой. На новенькой куртке не осталось никаких следов.

Холостые патроны?

Нахмурясь, он поднял взгляд. Мужчины, не отрываясь, смотрели на него, будто ожидая, что он предпримет.

В данных обстоятельствах, решил Роджер, выбора нет. Он глубоко вздохнул, преодолевая острую боль в груди, и снова шагнул вперед.

На этот раз выстрелили оба, с двойным гитарным звуком выпустив стреловидные белые линии. Теперь в его торс ударили два кегельных мяча, отбросив еще сильнее. Не успел он вновь обрести равновесие, как выстрелы повторились, на этот раз двойной удар распластал его на спине.

Он потряс головой; теперь боль пронзала все тело. Падая, он уронил нож и потянулся, чтобы схватить его. Снова звякнуло, нож подскочил на полу и отпрыгнул в угол. Роджер поднял взгляд на мужчин, которые по-прежнему бесстрастно наблюдали за ним, и стал подниматься.

И тут сквозь открытое окно услышал крик.

Но не обычный крик. Тонкий и плачущий, он нес такую силу и мощь, что ноги у него подогнулись, и Роджер опять растянулся на ковре.

Мужчин тоже тряхнуло; они вдруг словно забыли о Роджере и ноже. Бросившись к окну, оба один за другим вылезли наружу. Когда последний скрылся, Роджер снова что-то слышал, даже, скорее, почувствовал, как ультразвуковой собачий свисток. Пол качнулся под ногами.

А когда этот странный крик затих, Роджер услышал нечто, отчего кровь застыла в жилах. Женский голос, искаженный болью, звал Меланту.

Голос Кэролайн.

* * *

Кэролайн вышла из такси за два дома до квартиры Янгов, на случай если кто-то потом будет расспрашивать водителя, проделав оставшийся путь пешком, после того как машина скрылась за углом. Память не подвела, коды к замкам оказались правильными, и спустя несколько минут они с Мелантой уже были в квартире. Оставив чемодан в одной из спален, вместе сбежали в ближайший магазин за Продуктами. Все это время Меланта почти ничего не говорила, отвечая только на прямые вопросы. Кэролайн, со своей стороны, тоже не очень хотелось разговаривать.

Когда они вернулись, шел уже пятый час. Меланта поставила свою часть продуктов на кухонный стол и тихо пошла в комнаты. Кэролайн выгрузила продукты из пакетов и стала нарезать индейку и баранину. Пока она работала, в животе стало урчать. События сегодняшнего дня заставили их с Мелантой пропустить обед, и теперь она умирала с голоду. Уложив ломтики мяса на тарелку, она поставила ее в микроволновую печь и, усевшись на скамейку у стола, приготовила все необходимое для сэндвичей. Когда мясо было готово, она накрыла на стол и отправилась за Мелантой.

Девочка сидела в гостиной у окна, глядя на парк через дорогу.

— Я сделала сэндвичи, — объявила Кэролайн.

— Я не хочу.

Меланта продолжала смотреть в окно.

— Тебе надо что-то поесть. Ты ведь растешь.

Меланта взялась рукой за горло.

— Осталось недолго, — прошептала она.

— Все будет хорошо, Меланта. — Кэролайн подошла к девочке и положила ей руку на плечо. — Мы не дадим тебя в обиду.

Меланта хотела что-то сказать, но только покачала головой.

— Ну, перестань. — Кэролайн потрепала ее по плечу. — А я вот хочу есть, и терпеть не могу обедать одна.

Меланта тяжело вздохнула, но все-таки поднялась. Бросив на парк последний взгляд, она направилась за Кэролайн на кухню.

— Я сделала с бараниной специально для тебя, — сообщила Кэролайн, села за стол и жестом пригласила Меланту. — Хочешь еще и сыра?

Меланта заколебалась, но запах еды был слишком соблазнительным даже при таком плохом настроении.

— Ага.

Она села на скамейку напротив Кэролайн и отделила от нарезанной буханки хлеба два куска.

— Мне ни разу не попадался козий сыр, — заметила Кэролайн, отрезая кусок чеддера. — Где вы его покупаете?

— На Западной Двести четвертой есть магазин, — ответила Меланта, кладя на хлеб баранину. — Там живет много наших.

— А-а, — непринуждённо сказала Кэролайн. «Наших».

— Где именно ты живешь?

— В парке Инвуд-Хилл. — Девочка положила на сэндвич два куска сыра. Ее пальцы остановились. — Я имею в виду, — осторожно поправила она, — в Инвуде, рядом с парком.

— А братья или сестры есть? — Кэролайн откусила от сэндвича.

— Нет. — Меланта потрясла головой.

— А родители? — спросила Кэролайн. — Кем работает твой отец?

— Он трудящийся. А мама... — Она запнулась и затравленно посмотрела на Кэролайн. — Я не должна говорить об этом.

— Ничего, — заверила Кэролайн; — А ты вообще ладишь с семьей?

У Меланты снова напряглась шея, она закрыла глаза, и Кэролайн увидела, что под ресницами у нее собираются слезы.

— Я люблю их, — еле слышно проговорила она. — Я не могу допустить, чтобы они погибли.

— Ты хочешь сказать, вместе с остальными Гринами Греями?

Меланта распахнула глаза.

— Что тебе об этом известно? — требовательно спросила она.

— Только то, что ты мне сказала. — Кэролайн даже испугалась. — У Ли, помнишь? Что там вообще произошло?

Меланта сгорбилась.

— Это был Сирил, — дрожащим голосом ответила она. — Он звал меня.

— Но он ведь не просто звал тебя, так? Он хотел заставить тебя прийти к нему.

— Откуда ты знаешь? — нахмурилась Меланта.

— Потому что он и меня пытался заставить. Хотя, полагаю, он думал, что мы все еще дома.

— Он и с тобой говорил? — Уныние Меланты мгновенно сменилось изумлением. — Я не знала, что он это может.

— Ну, чей-то голос говорил у меня в голове. А кто такой этот Сирил?

У Меланты дернулась губа.

— Один из наших вождей. Не настоящий вождь, только заклинатель. Сейчас у нас нет настоящих вождей.

— Ясно, — самоуверенно сказала Кэролайн, пытаюсь найти в сказанном хоть какой-то смысл.

Насчет «трудящегося» вопросов вроде не возникало, но кем мог быть заклинатель?

— А почему он назвал тебя «дитя мира»?

— Они говорят, что я могу прекратить вражду, — опустив глаза, тихо сказала Меланта. — Сирил и Хафдан говорят, что если я... — Она умолкла и задрожала.

— Хафдан тоже заклинатель?

Меланта потрясла головой.

— Он Грей. У них нет заклинателей.

— И как, по их мнению, ты можешь прекратить вражду?

Ответа не последовало.

— Меланта, что случилось в среду вечером? — мягко спросила Кэролайн.

Девочка снова закрыла глаза, тело ее затряслось от беззвучных рыданий.

— Тебя кто-то хотел убить? — настаивала Кэролайн. — Кто-то, кто не хотел, чтобы вражда прекратилась?

Меланта потрясла головой, вздрагивая все сильнее.

— Ты не понимаешь, — всхлипывая, выговорила она. — Это все они. Все Грины. Все Грей. Они все хотят моей смерти.

Весь следующий час они провели, сидя на скамейке у стола. Кэролайн крепко прижимала девочку к себе, шептала слова утешения, а та рыдала с таким отчаянием и болью, каких Кэролайн никогда не видела у детей. Даже когда слезы, наконец, кончились, Меланта продолжала держаться за Кэролайн, словно за спасательный круг, уткнувшись лицом ей в плечо и еле слышно бормоча какие-то слова на непонятном языке.

Когда, наконец, она замолчала, небо за окном кухни уже стало темнеть. Они продолжали обнимать друг друга, а Кэролайн уже совсем без аппетита смотрела на едва надкусанные сэндвичи, которые давно остыли.

Наконец Меланта оторвалась от нее.

— Извини. — Она еще продолжала шмыгать носом.

— Не извиняйся. — Кэролайн дала ей еще одну салфетку. — Тебе надо было освободиться от этого груза.

Меланта высморкалась и добавила салфетку к скопившейся на столе куче таких же, промокших от слез.

— Сирил на меня разозлится.

— Пусть Сирил утопится в Ист-Ривер, — решительно заявила Кэролайн. — Ты еще голодна?

Меланта посмотрела на сэндвич.

— Да нет.

— Я тоже. Давай уберем со стола и пойдем распакуем вещи.

Меланта взглянула в окно.

— Может, лучше сходим в парк?

— Ну, не знаю.

На опустевшей игровой площадке уже сгустились сумерки, но высокие ворота еще были

открыты.

— Если тебе душно, можно открыть окно.

— Нет, не душно, — как-то неуверенно сказала Меланта. — Там деревья.

— И что? — нахмурилась Кэролайн.

— Просто хочу их посмотреть. Пожалуйста, а?

— Нам лучше поменьше ходить на улицу. — Кэролайн припомнила слова Роджера о том, что надо держаться людных мест и избегать темноты.

— Но может, это последний раз... то есть... — Меланта запнулась, слезы снова навернулись на глаза, и она заморгала. — Там сейчас уже никого нет, — сказала она, наконец. — Я осторожно.

Кэролайн внимательно посмотрела ей в лицо. Взгляд нормальный, зрачки не расширены.

— Ладно, но на несколько минут, — сдалась она. — Только сначала уберем мясо и сыр в холодильник и распакуем вещи.

Небо еще розовело в промежутках между домами, но сумерки уже захватили эту часть города. Было гораздо холоднее, чем ожидала Кэролайн, и, спускаясь по ступенькам на улицу, она плотно застегнула куртку.

Меланта, похоже, не обращала внимания на холод. Даже не запахнувшись, едва взглянув, нет ли машин, она стремительно кинулась через дорогу и побежала через ворота в глубь парка. Кэролайн шла медленнее, оглядываясь — не притаился ли кто-нибудь в тени.

Меланту, кажется, и это не волновало. Перейдя на шаг, она пошла вдоль ряда деревьев, касаясь каждого рукой. У некоторых она задерживалась, ощупывая грубую кору, будто стараясь запомнить их форму. Когда ряд закончился, она перешла к другому. Кэролайн встала примерно посередине между ней и воротами и стала ждать, стараясь не потерять терпения.

Наконец девочка обошла, все деревья и медленно пошла обратно.

— Ну что, все? — спросила Кэролайн.

— Вроде да. — Девочка обернулась и посмотрела на деревья долгим взглядом.

— Тогда пойдем. — Кэролайн хотела взять ее за руку.

Меланта увидела что-то за спиной Кэролайн.

— Можно, я напоследок еще на те посмотрю?

Кэролайн оглянулась. За воротами между оградой и домом, стоящим слева, располагался открытый дворик. В отверстиях, оставленных в покрывавшей землю тротуарной плитке, росло несколько высоких деревьев. Те, что стояли непосредственно вдоль дома, были окружены кустарником, в свою очередь защищенным невысокой проволоочной оградой.

— Не знаю, Меланта, — с сомнением проговорила Кэролайн. — Нам нельзя долго оставаться на улице.

— Ну, пожалуйста. Это же по дороге.

— Две минуты, — вздохнула Кэролайн.

— Спасибо.

Девочка побежала через парк за ворота. Кэролайн ускорила шаг, не желая на этот раз отпускать ее слишком далеко. Меланта провела ладонью по дереву, растущему сразу за воротами, и направилась через мощный дворик к другим, стоявшим за низкой оградой. Перепрыгнув через проволоку, она стала пробираться через кусты к самому большому

дереву.

Кэролайн смотрела на дерево, пытаясь вспомнить, какой оно породы, когда ей показалось, что по стволу у комля пробежала рябь. Рябь превратилась в длинный пузырь; и вдруг из него вышла человеческая фигура, без видимых усилий просочившись сквозь кору.

Не успела, Кэролайн даже ахнуть, а в кустах перед деревом уже стояла старая женщина.

Меланта дернулась, будто наступила на голый электропровод, и замерла. Но пораженная Кэролайн едва обратила на это внимание. За деревом женщина прятаться не могла, слишком оно было тонким, и уж точно не поднялась из кустов.

Однако вот она стоит, сердито ворча что-то на непонятном языке. Меланта, дрожа, отступала назад. Дойдя до ограды, она чуть не споткнулась, но перешла через нее и ступила на кирпичную мостовую. Женщина выпалила последние слова и зашагала через кусты к девочке.

Паралич у Кэролайн сразу прошел.

— Не трогайте ее! — приказала она.

Кинувшись к Меланте, она обхватила ее сзади за плечи.

— Ступай домой, и нечего совать нос в чужие дела, — презрительно сказала старуха. — Оставь дитя мира ее народу.

— Нет. — Кэролайн шагнула вперед и встала перед Мелантой.

Она отстраненно подумала, что Роджер никогда не поймет, никогда не простит, если ее здесь сейчас убьют. Но выбора нет. Меланте нужна помощь, помочь ей больше некому, и с этим ничего не поделаешь.

— Это вы уходите! — выпалила она. — А то вызову полицию.

Женщина остановилась, освещенное фонарями лицо стало холодным и жестким. Она вытянулась во весь рост, набрала воздуха, открыла рот...

И закричала.

Звук ударил Кэролайн в лицо, будто пощечина, она отшатнулась. В этом не поддающемся описанию крике-завывании была некая сила, смесь ярости и властного повеления, внушающая первобытный страх. Кэролайн вдруг обнаружила, что лежит на земле, причем даже не помнит, как потеряла равновесие. Стараясь побороть головокружение, из-за которого все будто вращалось вокруг нее, она отчаянно пыталась найти глазами Меланту.

Девочка стояла над ней, вопль, судя по всему, никак на нее не подействовал. Но это уже была не та несчастная маленькая девочка, одиноко свернувшаяся калачиком в переулке, над которой Кэролайн и Роджер склонились два дня назад. Губы Меланты были плотно сжаты, в глазах горел яростный, грозный огонь. Она подняла взгляд на старуху и глубоко вдохнула; Кэролайн приготовилась услышать еще один вопль.

Но крик, который исторгла Меланта, был совершенно другим. Он был почти совершенно беззвучным, загрохотал прямо внутри головы и в животе, приподнял Кэролайн и снова бросил на землю. Земля вновь вздыбилась, на этот раз Кэролайн упала на бок и перекатилась на живот.

— Меланта! — слышала она собственный крик, от которого в горле стало больно. — Меланта, перестань!

В ответ снова раздалось ужасное завывание старухи, и мир опять закрутился вокруг Кэролайн.

Визг еще эхом отдавался в голове, когда она слышала восклицание:

— Кэролайн!

Это была Меланта.

Кэролайн перекадилась на бок и заморгала; перед глазами туманилось. Держа Меланту за запястье, старуха тащила ее назад к низенькой ограде, та вырывалась; обе отчаянно размахивали руками. Стиснув зубы, Кэролайн поднялась на колени.

Она пыталась встать на ноги, когда что-то невидимое пролетело мимо нее, выбив кусок из мостовой.

Она обернулась. Выстрел, или что бы это ни было, исходил сзади, от дома Янгов. Но в свете фонарей никого не было видно.

Вдруг ее глаз уловил какое-то движение на стене дома Янгов, и оттуда над головой метнулась тонкая белая линия. За спиной раздался громкий хруст, она резко обернулась и увидела, как одна из нижних ветвей дерева позади Меланты и старухи отломилась у самого ствола и упала на землю.

Старуха сердито заворчала и оттолкнула Меланту. Встав с вызывающим видом, она выпрямилась во весь рост и снова набрала в легкие воздуха.

Но даже если она собиралась снова закричать, это ей не удалось. В то самое мгновение, когда она открыла рот, еще одна белая линия стрелой уперлась ей прямо в грудь, и женщину отбросило так, будто ее ударил автомобиль. Со страшной силой она ударилась о дерево, отлетела в сторону и упала на кусты.

Преодолевая боль, Кэролайн повернула голову, и внутри у нее похолодело. Что-то в позе, лежавшей в кустах старухи говорило, что она мертва.

— Меланта? — неуверенно позвала Кэролайн. — Меланта!

— Я здесь, — откуда-то рядом донесся дрожащий голос девочки.

Несмотря на сильное головокружение, Кэролайн снова поднялась на колени.

Небо вдруг осветилось пульсирующими вспышками красного света. Послышался рев автомобильного двигателя, и, взвизгнув тормозами, у входа во дворик резко остановилась полицейская машина. Дверца распахнулась, и из нее выскочил человек.

— Полиция! — крикнул он. — Не двигаться! Стоять!

Кэролайн услышала топот.

И в следующее мгновение Роджер упал рядом с ней на колени, крепко обхватив ее руками.

— Кэролайн! — тяжело дыша, проговорил он.

— Со мной все в порядке. — Она прижалась к нему.

К мельканию красного света добавился белый луч прожектора, заливая все ослепительным светом, и она оглянулась, ища Меланту. Куртка, которую она дала девочке, лежала в нескольких футах на земле. Сама Меланта исчезла.

Мертвая женщина тоже.

Ференцо шел через двор, перед ним плясали бесчисленные блики прожекторов, светивших ему в спину. Он остановился у выбитой в кирпиче дыре.

— Здесь?

— Нет, там, — поправил его шедший рядом полицейский и указал на место ближе к проволочной ограде. — Я видел, как она лежала вон там.

Ференцо взглянул на помятые кусты, растущие вдоль здания. В них могла спрятаться белка, но никак не девочка.

— А после того, как она встала, куда пошла?

— Не знаю. — Констебль старался подавить досаду в голосе. — Она только приподнялась, когда я навел прожектор.

— А что пожилая женщина?

— Она лежала вон там. — Полицейский указал на смятые кусты перед деревом с отломанной веткой. — Я и ее видел перед тем, как повел прожектором.

Ференцо оглянулся. Две женщины, одна из которых, предположительно, была застрелена, просто растворились в воздухе.

Нет ни тела, ни крови, ни следов от пуль. Старуха исчезла вместе с девочкой, так же как и двое мужчин, о которых им с Пауэллом что-то лепетал Уиттиер. И никаких доказательств, что это не была галлюцинация или розыгрыш.

Кроме, конечно, дырок в кирпиче и сломанной ветки.

Он шагнул, чтобы рассмотреть поближе. Это не веточка, которую мог сломать десятилетний шалопай, повиснув на ней. Длинная, крепкая, дюйма два в диаметре, такие обычно отрезают бензопилой.

Но эта не была отпилена, а как бы срезана. Словно кто-то с огромной силой рубанул по ней тупым топором.

А вообще, срез весьма напоминал те ранки, которые он видел на стволах деревьев в квартире Уиттиеров.

Ференцо присел около ветки, нахохлившись от досады.

Понадобилось около часа, чтобы найти таксиста, подвозившего Кэролайн Уиттиер с девочкой, и они прибыли на место всего лишь за несколько минут до происшествия. Если бы таксист сразу дал правильный адрес, они с Пауэллом видели бы все своими глазами, а так пришлось разглядывать имена на почтовых ящиках за два дома отсюда.

Но что вышло, то вышло. Оглядываясь, он начал привставать.

И замер. Под этим углом он увидел то, чего не заметил раньше. По мостовой расплзались тонкие трещины. Возможно, след от удара, но не того, что пробил в плитке дыру. Радиальные лучи расходились недалеко от проволочной ограды.

— Где, ты говоришь, лежала женщина, когда вы выехали из-за угла? — обратился он к полицейскому.

— Вот здесь. — Тот ткнул пальцем в фуге от точки, в которой сходились трещины.

— Спасибо. — Ференцо выпрямился.

Пройдя через двор, он пересек улицу и протиснулся через небольшую толпу зевак, собравшихся у дома. Стоявший у дверей полицейский впустил его, и он устало поднялся на третий этаж.

На стук открыл Пауэлл.

— Ну что? — спросил Ференцо.

— Сделали заявление, — пожал плечами тот. — Ничего не проясняет по сравнению с тем, что они уже говорили внизу.

Уиттиеры сидели рядышком на диване, Кэролайн обнимала ладонями чашку чая; неподалеку, прислонясь к стене, стоял полицейский.

— Здравствуйте, господа. — Ференцо вошел в комнату и сел на стул напротив них. — Я старший следователь Томас Ференцо. Мы уже разговаривали с вами сегодня днем, господин Уиттиер.

— Да, — поджал губы Уиттиер.

— Начнем с Меланты. Мне нужно знать, каково ее полное имя и где она сейчас.

Уиттиеры переглянулись, муж едва заметно кивнул.

— Мы думаем, что ее зовут Меланта Грин, — напряженно сказала госпожа Уиттиер. — И мы не знаем, где она. Когда я стала ее искать после приезда полиции, она исчезла.

— А вы? — Ференцо перевел взгляд на Уиттиера. — Вы видели, куда она подевалась?

— Когда я бежал, она лежала в нескольких футах от Кэролайн, — покачал головой Уиттиер. — Но я думал только о жене.

— Вы видели, как она встала или поползла куда-то? — настаивал Ференцо. — Помните, куда она смотрела? Ну, хоть что-нибудь.

— Помню только, что видел куртку Кэролайн на земле.

— Где она пряталась, когда в среду вечером к вам приехала полиция?

— Этого я тоже не знаю.

Ференцо взглянул на Пауэлла. Тот тут же направился к двери, жестом пригласив за собой другого констебля. Полицейский вышел в прихожую, и Пауэлл закрыл за собой дверь.

— Значит, так. — Ференцо откинулся на стуле. — Теперь мы одни и, если хотите, можем поговорить без протокола. Просто расскажите, что случилось.

— Что вы имеете в виду? — осторожно спросил Уиттиер.

— Я имею в виду все эти странности, о которых вы боитесь говорить. — Ференцо внимательно смотрел на лица супругов, стараясь определить, угадал ли он. — Например, привычку Меланты исчезать всякий раз, когда появляется полиция. Или расскажите о тех людях, что пытались пролезть с балкона в вашу квартиру. Тут оба дернулись.

— Пролезть с балкона, говорите? — нахмурился Уиттиер.

— Они пытались пробить стекло молотком, — ответил Ференцо. — По моим предположениям, их спугнули другие, те, кто вошел через переднюю дверь.

— Погодите-ка, — недоуменно спросил Уиттиер, — вы хотите сказать, что к нам влезли две разные шайки?

— Трое через дверь, двое с балкона. — Ференцо перевел взгляд на его жену и вопросительно поднял брови. — Вы ведь двоих там видели, не так ли, госпожа Уиттиер?

Уиттиер посмотрел на жену:

— Ты видела кого-то на балконе?

— Да, когда была у Ли в магазине. — В голосе ее звучал непонятный страх. — Их действительно было двое.

— И они, по-видимому, пытались срубить ваши деревья в кадках, — продолжал Ференцо.

На этот раз ответом было невинное изумление без малейшего намека на ложь или

недомолвки.

— Наши деревья? — спросил Уиттиер. — Зачем?

— Понятия не имею. Кто такой Сирил?

Неожиданная перемена темы застала супругов врасплох, оба заколебались лишь на долю секунды, но Ференцо этого было достаточно.

Уиттиер все же попытался прикинуться дурачком.

— Какой Сирил?

— Он звонил к вам домой, когда мы находились там, — сообщил Ференцо. — Сказал, что, если вы не вернете ему Меланту, погибнут тысячи ньюйоркцев.

Его взгляд посуровел.

— Полагаю, не нужно объяснять, как мы теперь реагируем на подобные угрозы?

— Да, сэр, — поморщился Уиттиер.

— Тогда расскажите, что происходит.

— Богом клянусь, я понятия не имею, — вздохнул Уиттиер. — Мы уже говорили вашему сотруднику: Меланту отдали нам под дулом пистолета. С тех пор нас швыряет как шарики от пинг-понга в ураган.

Ференцо удержал гримасу. Хотя ответ совершенно неудовлетворительный, голос и мимика Уиттиера наконец стали искренними.

— А Сирил?

— Меланта сказала, что он «один из них». — Госпожа Уиттиер беспомощно развела руками. — Это все, что я знаю.

— У меня такое, впечатление, что он тоже вовлечен в какое-то соглашение, — вступил Уиттиер. — Но что за соглашение и с кем, я не знаю.

— Возможно, с кем-то по имени Хафдан, — предположила госпожа Уиттиер. — Меланта его тоже упоминала.

— А что насчет смерти тысяч ньюйоркцев? — спросил Ференцо. — О чем, по-вашему, он говорил?

Уиттиеры снова переглянулись.

— Меланта сказала мне, что все Грины и Грей погибнут, если она не вернется, — неуверенно сказала она. — Но я не знала, что их так много.

— Грины в смысле однофамильцы Меланты?

— Да, хотя это может быть просто совпадение, — ответила госпожа Уиттиер. — Но потом она сказала, что все хотят именно ее смерти.

— А Сирил что-нибудь еще говорил? — спросил Уиттиер.

— Ничего вразумительного. — Ференцо решил пока не говорить об упоминании Сирилом неких Сильвии и Александра. — Мы слушали через автоответчик. Потом сможем прослушать все сообщение целиком, если захотите.

— А что теперь будет? — осторожно поинтересовался Уиттиер.

Ференцо смерил его взглядом, который лейтенант Серрета называл «официальным полицейским».

— Если вы спрашиваете, арестуем ли мы вас, то ответ отрицательный. Но эта история для вас не закончилась. Если девочка появится или вы узнаете что-то еще — вы немедленно звоните мне. Понятно?

Уиттиер выпятил нижнюю губу.

— Да, сэр.

Ференцо встал, достал бумажник и вытащил из него визитную карточку.

— Здесь мой рабочий и мобильный телефоны. — Он протянул карточку Уиттиеру. —

Звоните в любое время.

— Да, сэр. — Уиттиер осторожно взял карточку.

— Тогда я прощаюсь. — Ференцо кивнул обоим. — Запритесь хорошенько.

Пауэлл ждал сразу за дверью.

— Слышал что-нибудь?

Напарник покачал головой.

— Почти ничего. Дверь довольно толстая.

— Вкратце: они не знают Сирила, не знают, куда подевалась девчонка, и вообще ничего не знают.

— Ты сказал им, что Умберто опознал голос Сирила как главаря этих вежливых грабителей?

— Нет, думаю, об этом мы пока умолчим, — ответил Ференцо. — Поскольку, хотя они явно изумились, узнав, что кто-то пытался проникнуть к ним с балкона, ни один даже не подумал спросить, как вообще этот «кто-то» забрался туда среди бела дня.

— И как же?

— Чтоб я знал! — бросил Ференцо и направился к лестнице. — Только думаю — они-то знают.

— Хочешь вменить им противодействие следствию?

Ференцо покачал головой.

— Лучше подержать их на длинном поводке.

— Сомневаюсь, что Серрета подкинет людей, — предупредил Пауэлл.

— Я и не собираюсь просить, — ответил Ференцо, спускаясь по лестнице. — Думаю, сами справимся.

Пауэлл бросил мрачный взгляд.

— То есть накрылись мои выходные?

— Кровь тысяч ньюйоркцев, Джон, — напомнил Ференцо.

— Тебе-то хорошо говорить, — проворчал Пауэлл. — Твоя Клара с девочками в отъезде, теперь можешь развлекаться, как хочешь.

— Санди поймет, — заверил его Ференцо.

— Санди уже устала понимать, — возразил Пауэлл. — Чтоб им всем пусто было! Прямо сейчас начинаем?

— Сегодня они никуда не сбегут. Если Уиттиеры действительно не знают, куда делась девчонка, то будут сидеть тут, по крайней мере, до утра, на случай если она вернется.

— А вдруг вернется?

— Нет, — твердо сказал Ференцо. — Куда бы она ни подевалась, чувствую, ушла она не добровольно.

Они вышли из парадного, возле которого дежурил полицейский, и вдохнули промозглый вечерний воздух. Криминалисты заканчивали работу, гасили и убирали фонарики. У тротуара стоял грузовичок с надписью «Парковое управление», двое рабочих тащили к нему отломанную ветвь.

— Мне все-таки кажется, что нельзя оставлять их без присмотра, — сказал Пауэлл.

— И не оставим, — заверил его Ференцо. — Думаю, я найду кого-нибудь, кто покараулит дом до утра, когда мы вернемся.

Он почувствовал взгляд Пауэлла.

— Это кого, Смита, что ли?

— Почему бы и нет? — возразил Ференцо, доставая мобильный телефон. — Он же хочет работать в розыске. Будет только честно, если мы покажем ему, с чем связана эта работа. — У тебя в трубке даже есть его номер?

— Дурака не валяй, — урезонил напарника Ференцо. — Он у меня на ускоренном наборе.

* * *

Роджер запер за оперативниками дверь, задвинул засов и навесил цепочку. Затем обошел квартиру и проверил все окна.

Когда он вернулся, Кэролайн по-прежнему сидела на диване, глядя в чашку.

— Ну как ты?

Она слегка пожала плечами.

— Нормально.

— Как бок? — спросил он, чувствуя, что грудь заболела сильнее, будто из солидарности.

— Ничего. — Она еще раз пожала плечами.

Роджер вздохнул и сел рядом.

— Ты не виновата, Кэролайн, — тихо сказал он. — Правда.

— Это я отпустила ее во двор. — Она пыталась сдержать слезы, нижняя губа задрожала. — Могла бы не пустить, но пустила. Как же не виновата? — Она покачала головой. — Эта женщина появилась прямо из дерева. — Ее передернуло. — Я знаю, что ты не поверишь, но это так.

— Не важно, откуда она появилась. — Роджер удержал себя от очевидного вопроса.

До того, как полицейские отвели их в квартиру, Кэролайн успела рассказать обо всем только вкратце, поэтому загадочная женщина и ее непостижимое появление, как и многое другое, оставалось ему непонятным.

— Я хочу сказать, что если бы ты осталась дома, то и Меланта была бы здесь, когда явились мои бандюги. Как бы ты ни поступила, беды было бы не миновать.

Кэролайн шмыгнула носом.

— Они, наверное, проследили за такси.

— А может, и нет. — Роджер старался, во что бы то ни стало прекратить это самобичевание. — Может, они следили за мной.

— Нет, за мной, — настаивала она. — Мы видели, как они лезли по дому, когда выходили от Ли.

— Лезли? — нахмурился Роджер. — Ты хочешь сказать, снаружи?

Она кивнула.

— Меланта назвала их Греями.

— Грей, — пробормотал Роджер. Грины и Грей. Эти фамилии уже начали вызывать у него какие-то неприятные ощущения. — Как они выглядели?

— Не знаю. Такие невысокие, плотные. Примерно, как ты описал того, который забрался к нам прошлой ночью.

— И как те, что только что стреляли в меня, — кивнул Роджер.

Кэролайн резко повернулась.

— В тебя стреляли?

— Из пистолетов, возникших неизвестно откуда и стреляющих невидимыми кегельными мячами. — Он осторожно потер саднившую грудь. — Я через всю комнату полетел.

— Дай посмотрю. — Кэролайн поспешно поставила чашку и расстегнула молнию его куртки. — Ты не говорил, что тебя ранили.

— Да там ничего, — заверил Роджер, а она, расстегнув куртку, принялась за рубашку. — Я же говорю, будто попали кегельным мячом.

— Так, ну крови нет, — произнесла Кэролайн, осматривая грудь. — Но синяки будут.

— Переживу. — Он застегнул рубашку. — Еще хорошо, что эти штуки не были заряжены тем, что отстреливает ветки деревьев.

У Кэролайн перехватило дыхание.

— Так это был выстрел?

— А что еще? Я еще не успел выйти, когда ветка упала, но видел, как женщину отбросило на дерево. Так же, как и меня, только гораздо сильнее.

— Может, и с Мелантой случилось то же, — вздохнула Кэролайн. — Ах, Роджер, она доверяла нам, а мы так ее подвели. Что же нам делать?

— Не знаю. — Роджер взял жену за руку, стараясь подавить собственные угрызения совести.

Возможно, если бы он не давил так на девочку — если бы Меланта доверилась им и рассказала всю правду, — то можно было бы избежать этого кошмара. А теперь слишком поздно. Теперь, скорее всего, эта история навсегда останется загадкой.

Если только...

Он отпустил руку Кэролайн, встал и направился в другой конец комнаты.

— Куда ты?

— Ференцо сказал, что на нашем автоответчике сообщение, — напомнил он, снимая трубку, и набрал номер.

Кэролайн подошла и встала рядом; автоответчик включился, и Роджер набрал код доступа, а затем включил громкую связь.

— Здравствуйте, Роджер, меня зовут Сирил, — произнес незнакомый голос. — Я знаю, вы были утром у Александра и говорили с Сильвией...

Они дослушали сообщение до конца. Роджер заметил, что, когда речь зашла о гибели тысяч ньюйоркцев, Кэролайн вздрогнула.

— ...Надеюсь, вы примете правильное решение, и мы скоро увидим вас здесь с Мелантой, — закончил голос.

Раздался щелчок разъединения, сообщение закончилось.

— Чудненько, — проворчал Роджер. — Ни больше, ни меньше как завуалированная угроза...

— Здравствуйте, Роджер, меня зовут Александр, — неожиданно раздался новый голос. — Я хочу извиниться, что не смог прийти, когда вы утром заходили к нам. Сильвия рассказала мне о вашем с ней разговоре, и я чувствую, что ее рвение, возможно, исказило ваши представления о нас. Я бы хотел это исправить, а также рассказать вам все до того, как вы примете решение, что делать с Мелантой. Я был бы чрезвычайно рад увидеть вас снова

здесь; есть также другой вариант: один из ваших хорошо знаком с ситуацией.

Роджер напрягся. «Один из ваших»?

— Его зовут Отто Веловски, он живет в многоквартирном доме напротив Джексон-сквер, — продолжал Александр. — Пожалуйста, поговорите с ним. Я не преувеличиваю, когда говорю, что судьба целого города висит на волоске.

Снова раздался щелчок, на этот раз последовала тишина. Роджер подождал еще, чтобы убедиться, что сообщений больше нет, и щелкнул по рычажку.

— Где Джексон-сквер? — спросила Кэролайн.

— Понятия не имею. Не знаешь, есть у Янгов хорошая карта города?

— Должна быть здесь. — Кэролайн выдвинула ящик под телефоном.

Карта действительно лежала там, под небольшой пачкой блокнотов и карандашами. Они вернулись на диван и с минуту молча изучали ее.

— Вот. — Кэролайн показала на пятнышко в западной части Гринич-Виллиджа на углу Четырнадцатой улицы и Восьмой авеню. — Один из маленьких парков.

— Понятно, — кивнул Роджер, изучая место. Недалеко от итальянского ресторанчика, куда он несколько раз водил Кэролайн, когда еще ухаживал за ней. — А адрес он дал? Я что-то не помню, чтобы он об этом говорил.

— Найдем в телефонной книге, — сказала Кэролайн. — Интересно, кто он и как с этим связан?

— Меня больше волнует замечание насчет «один из ваших». Как-то странно.

— И женщина у дерева сказала мне оставить Меланту ее народу, — медленно произнесла Кэролайн. — Роджер, ведь это не просто две народности, да?

Он покачал головой.

— Никакие народности, о которых мне приходилось слышать, не ползают по стенам и не выходят из деревьев.

— Деревья! — Кэролайн схватила его за руку. — Роджер, если та женщина могла выйти из дерева, может быть, Меланта зашла в него?

— Господи, конечно, — пробормотал Роджер. Отдельные кусочки головоломки внезапно сложились в единое целое. — Так вот как она исчезла в среду вечером. Спряталась в одном из апельсиновых деревьев. — Он тихонько фыркнул. — Себе не верю.

— Ладно, не важно. — Кэролайн вскочила на ноги и направилась к двери. — Пошли.

— Тпру! — сказал Роджер. — Это куда еще?

— Конечно во двор. — Кэролайн схватила куртку со спинки стула. — Надо посмотреть, нет ли Меланты в том дереве.

— Под присмотром полиции?

Кэролайн застыла с рукой в одном рукаве.

— Ох. Нет, наверное, это опасно.

— Да уж точно опасно, — согласился Роджер, обдумывая положение. — Может, даже и после того, как они уйдут. Если та женщина все еще там и не успела увидеть, куда делась Меланта, это выдаст ее.

— Не знаю. — Взгляд Кэролайн странно затуманился. — Она казалась мне такой мертвой.

— А куда делось тело? — возразил Роджер. — Кроме того, даже если ее там нет, то могут быть ее люди.

— Или те, кто стрелял в тебя, — согласилась Кэролайн, снова вздрогнув. — Я говорила

тебе, что они могут становиться невидимыми?

У Роджера перехватило дыхание.

— Нет, не говорила, — произнес он, с трудом сдерживаясь, чтобы не заорать. Забыть такой пустячок. — Откуда ты знаешь?

— Те Грей, что ползали сегодня по нашему дому, были невидимыми, — ответила Кэролайн. — Видно, как они ползут по стене, но только, когда двигаются. Как только они останавливаются, то их, будто и нет.

— Просто обалдеть. — Роджер украдкой оглянулся.

— Но они не совсем невидимые, — добавила Кэролайн. — Тени видны.

— Вот как. — У Роджера мелькнула идея. — Подожди тут.

Он нашел увесистый фонарь на четырех батарейках, который Янги держали на случай отключения света, и снова обошел всю квартиру. Тщательно освещая стены и потолки, Роджер искал похожие на людей тени, но, к своему облегчению, ничего не обнаружил.

— Похоже, всё чисто, — доложил он, вернувшись в гостиную.

— Хорошо бы, — сказала Кэролайн. — Что теперь?

Роджер выглянул в окно. Проекторы, которые полиция установила вокруг парка, были разобраны и убраны в фургон.

— До утра мы все равно ничего не сможем предпринять. Мы не знаем, кто следит за нами, и, даже если найдем Меланту, нам некуда деться, кроме этой квартиры. А мы уже видели, как она уязвима.

— Но нельзя же оставлять девочку на улице на всю ночь.

— Если исходить из предположения, что она находилась в одном из твоих деревьев всю ночь и большую часть следующего дня, — напомнил он, — то должна выдержать до утра.

— Наверное, — неохотно согласилась Кэролайн. — А что потом?

— Вызовем такси, — сказал Роджер. — Пока машина стоит с работающим двигателем, ты подойдешь к дереву и попробуешь вызвать ее оттуда. Если она там и ответит, нам удастся выехать на федеральную трассу до того, как нас смогут остановить.

Он снова выглянул в окно.

— Если получится, вы вдвоем сможете укрыться в какой-нибудь гостинице, а я отправлюсь к Веловски и попробую узнать, что он может прояснить в этой чертовщине.

— Так жаль, что больше ничего нельзя сделать, — вздохнула Кэролайн.

— Мне тоже, но больше я ничего не могу предложить.

— Я могу, — неохотно произнесла Кэролайн. — Может, мы, по крайней мере... Ладно, не важно.

— Что? Ну, скажи.

— Может, мы, по крайней мере, будем спать на раскладушке, а не в спальне? — неуверенно спросила она. — Я помню, она смотрела, как я набирала код у парадного. Тогда, если она войдет в дом, но не вспомнит код квартиры, мы услышим, как она постучит.

— Конечно. — Роджер удержался от вздоха. Он всегда плохо спал на раскладушках, и Кэролайн знала это. А так мысль неплохая. — Принеси наши вещи, а я расстелю постель.

— Ладно. — Она вдруг быстро поцеловала его. — Спасибо.

— Да не за что, — заверил он.

Кроме того, подумал он, ставя диванные подушки вдоль стены, где бы они сегодня ни легли, все равно он будет спать плохо.

Солнце еще только встало над Квинсом, а Ференцо и Пауэлл уже с полчаса сидели в машине на посту, когда Уиттиеры, наконец, сделали ход.

— Вот они, — объявил Ференцо, толкая локтем напарника, который как раз отвернулся.

— Где? — Пауэлл повернул голову.

— Такси, — кратко ответил Ференцо, указывая на машину, притормозившую позади них около дома.

Спустя мгновение вышли Уиттиеры, Роджер направился прямо к такси и открыл заднюю дверь. Его жена, однако, к некоторому удивлению Ференцо, пошла через дорогу.

— Куда это ее нелегкая понесла? — пробормотал Пауэлл.

— Похоже, идет к месту преступления, — нахмурился Ференцо, глядя, как молодая женщина переступила через низкую ограду и протиснулась сквозь кусты к дереву с отломанной веткой. — Возможно, что-то ищет?

— Если так, то при этом еще сама с собой разговаривает, — откликнулся Пауэлл.

— Точно. — Ференцо нахмурился сильнее, следя за губами Кэролайн.

Движение губ, пауза; опять движение, опять пауза. Будто что-то говорит и ждет ответа.

Ответа, судя по всему, не последовало. Через полминуты госпожа Уиттиер оставила попытки и вернулась к мужу, ждавшему у такси.

— Уезжают. — Ференцо повернулся к рулю и взялся за ключ.

Двигатель, чихнув, завелся, из вентиляционных отверстий подуло холодным воздухом. В зеркало было видно, как Уиттиеры сели в такси и водитель отъехал от тротуара. Проехав мимо Ференцо и Пауэлла, машина направилась к следующей улице, мигая левым поворотником.

— Поехали, — пробормотал Ференцо, выворачивая от тротуара. Такси притормозило перед поворотом. — Ставлю пять баксов, что едут на федеральную трассу...

— Притормози, — перебил Пауэлл, показывая направо. За высокой оградой, окружающей парк, к ним бежал темноволосый мужчина, отчаянно размахивая руками.

— Как он туда попал, когда ворота еще закрыты? — пробормотал Пауэлл.

— Узнаем, что ему нужно. — Ференцо посмотрел вслед такси, скрывшемуся за углом. — Может, просто вызовем подмогу и поедем дальше.

Пауэлл опустил стекло, в машину ворвался холодный воздух.

— В чем дело? — спросил он.

Человек остановился, открыл рот и закричал.

Звук ударил Ференцо по голове, словно молот, машина подпрыгнула, как взбрыкнувшая лошадь. Руль вырвался из рук, улица, парк и все вокруг накренилось, а верх и низ вдруг перестали существовать. Сквозь этот страшный звук едва пробивался вопль Пауэлла.

И тут мир выпрямился. Ференцо увидел, что мчится прямо на тротуар. Ощущение нешуточный выброс адреналина, он крутанул руль, но слишком поздно. Резко подпрыгнув, машина перевалила через поребрик и врезалась в фонарный столб.

— Ты в порядке? — Ференцо потряс головой.

— Да, — слабо простонал Пауэлл. Судя по всему, он чувствовал себя так же, как и Ференцо. — Проклятье, вон он уходит.

Мужчина развернулся и бежал обратно к ограде в противоположной стороне.

— Ну, нет! — прорычал Ференцо, отстегивая ремень, и распахнул дверцу.

Он неловко выкарабкался наружу, спрыгнул на землю и бросился через дорогу. Эхо такого же крика он слышал прошлой ночью и теперь не собирался упустить того, кто издал его.

Он пересек улицу и подбегал к воротам, когда преследуемый обернулся на бегу и испустил еще один вопль.

Ференцо находился от него, по крайней мере, на вдвое большем расстоянии, чем в первый раз, но эффект оказался тот же. Земля опять резко подпрыгнула, но теперь он упал лицом вперед на железную ограду. Только по счастливой случайности он сумел ухватиться за один из прутьев и замедлить падение. Все вокруг снова завертелось, и он беспомощно повис на пруте. Спустя мгновение он понял, что лежит на земле, причем совершенно не помнит, как упал. Искры перед глазами постепенно рассеялись, он поднял голову и огляделся.

Человек исчез.

Послышались торопливые шаги; он перекатился на бок и увидел Пауэлла, который с пистолетом в руке присел рядом с ним, глядя сквозь ограду в парк.

— Куда он побежал? — спросил тот.

— Это ты меня спрашиваешь? — зарычал Ференцо. Держась за ограду, он поднялся на ноги. — Ты-то куда смотрел?

— На него, куда же еще, — раздраженно ответил Пауэлл, помогая Ференцо свободной рукой. — Он забежал за дерево, и больше я его не видел. Ты в порядке?

— Вроде да.

Глядя сквозь ограду, Ференцо потер влажные ладони о брюки. Человек, несомненно, бесследно исчез, как Меланта и старуха прошлым вечером, Это уже стало порядком надоедать.

— Знакомую он исполнил песенку?

— Таковую же, как мы слышали вчера вечером, — подтвердил Пауэлл. — Похоже на звуковое оружие, с которым развлекались военные.

— Только наш парень сделал это без всяких приспособлений.

— Если у него не спрятано что-нибудь под курткой.

— Возможно. — Ференцо оглядел улицу. — Как бы то ни было, он подарил Уиттиерам фору на сегодня.

— Значит, они все время лгали, — со злостью сказал Пауэлл. — Я-то надеялся, что это действительно невинные свидетели.

— погоди горячиться, — предупредил Ференцо. — Люди, достаточно хитрые, чтобы обмануть таких опытных полицейских, как мы, должны быть и достаточно хитры, чтобы не уезжать в такси, обвешанном крупными номерами.

— Пожалуй, — нахмурился Пауэлл. — Они будто даже не знали, что мы здесь.

Ференцо кивнул.

— Откуда следует, что наш друг с шумовым устройством мог действовать без их ведома.

— Сирил?

— Или Александр, или Сильвия, или любой другой, о ком мы еще не слышали. На выбор.

Пауэлл скривился.

— Кто вообще все эти люди?

— А пес их знает, но мы с ними разберемся, — пообещал Ференцо.

Он устало обошел вокруг машины и уселся за руль.

— Садись, попробуем тронуться с места.

* * *

— Ничего, я так понимаю? — спросил Роджер, когда такси отъехало от тротуара.

Кэролайн покачала головой, стараясь изо всех сил не ругать себя за то, что не пошла искать Меланту вечером. Она так же старалась не винить Роджера за то, что не пустил ее.

— Если она и была там, то сейчас нет.

— Извини, — тихо сказал он. — Наверное, надо было поискать ее вечером.

Кэролайн промолчала.

В такой ранний час движение, по нью-йоркским стандартам, было довольно свободное, и таксист домчал их до Четырнадцатой улицы почти за рекордное время. Отсюда до Джексон-сквер можно было ехать по прямой.

Однако они не поехали до конца. Памятуя о вчерашнем, Кэролайн настояла, чтобы выйти на Пятой авеню и пройти два квартала на север, прежде чем повернуть в нужном направлении. Время для визита все еще было слишком раннее, поэтому, опять по ее предложению, они зашли в кафе, чтобы позавтракать.

Трапеза проходила тихо. На что бы ни падал взгляд Кэролайн — сыр, тонко нарезанное мясо, даже темные волосы официантки, — все почему-то напоминало ей о Меланте. Роджер тоже молчал, без видимой охоты жуя бублики с кофе, но думал ли он о том же — неизвестно.

Выйдя из кафе в девятом часу, они обнаружили, что раннее солнце затянули плотные темные облака и накрапывает мелкий дождик.

— Прекрасно, — пробормотал Роджер.

Оглянувшись, он направился к лотку, где рядом с журналами и фасованными закусками на видном месте лежали складные зонты.

— Если ты ради меня, то не надо, — сказала Кэролайн, увидев, что он выбрал черный зонт и полез в карман за деньгами.

— Не только ради тебя, милая, — заверил Роджер, взяв ее за локоть, и свободной рукой раскрыл зонт. — Видишь? — Он поднял зонт над головой и притянул Кэролайн к себе. — Мгновенная близость.

— А! — наконец поняла она. — Здорово.

— Спасибо. Будем надеяться, что дождь не перестанет.

Дом Веловски, оказался старой кирпичной постройкой прямо через дорогу напротив парка на Джексон-сквер. Найдя нужную кнопку вызова, Роджер, лишь немного поколебавшись, нажал ее.

Ответили с изумительной быстротой.

— Да?

— Мы ищем Отто Веловски, — произнес Роджер в домофон.

— Вы нашли его, — живо ответил невидимый собеседник.

Нестарый голос, подумала Кэролайн, должно быть, мужчине лёт пятьдесят пять.

— Кто вы?

— Роджер и Кэролайн Уиттиер, — ответил Роджер. — Нам сказали...

— Квартира четыреста двенадцать, — перебил голос.

Домофон запищал, и Роджер толкнул дверь. По лестнице, уходящей вправо, они поднялись на четвертый этаж. Одна из дверей сразу же открылась, и на пороге появился мужчина.

Ему оказалось совсем не пятьдесят. Он был, по меньшей мере, лет на тридцать старше, чем ожидала Кэролайн, с морщинистым лицом, худощавый и совершенно седой.

— Входите. — Он сделал жест костлявыми пальцами, и Кэролайн поняла, что он даже старше восьмидесяти.

Девяносто лет, не меньше, может быть, даже девяносто пять, но, по-видимому, старикан все еще бодр. Роджер нервно сжал ее руку, и они вошли в квартиру.

— Мы совсем без предупреждения, спасибо, что согласились поговорить, господин Веловски, — сказала Кэролайн, оглядывая комнату, пока старик запер дверь.

Интерьер оказался вполне уютным: мебель в старинном стиле, темный ковер, со вкусом подобранные обои с рисунком из небольших абстрактных фигур. На стенах висело несколько гравюр в рамах, в дальнем углу на столе тихонько жужжал компьютер. Рядом с компьютером стояла кружка с горячим кофе.

— Надеюсь, мы не помешали?

— Нисколько, — заверил Веловски, жестом указав на диван с расшитыми кружевными подушечками. — Могу я предложить вам кофе?

— Спасибо, нет, — несколько напряженно вставил Роджер, оглядываясь. — У вас с Александром, должно быть, один художник-оформитель.

— Похожие люди — похожие привычки. — Веловски взял с компьютерного стола кружку и уселся в большое мягкое кресло возле кофейного столика, стоявшего напротив дивана. — Прошу садиться.

— Что говорил вам о нас Александр? — спросил Роджер, когда они уселись на диван.

— Ничего. Он просто сказал, что я должен рассказать вам все. — Сияющие глаза перебегали с одного на другого. — Надеюсь, вы осознаете, какую честь вам оказывают. Помимо меня вы будете первыми людьми, узнавшими всю правду.

У Кэролайн по спине пробежала дрожь. Размышляя с Роджером о том, кто такие Грины и Грей, они, в общем, пришли к выводу, что это не люди. И все же она не могла до конца принять всерьез такой вывод, инстинктивно противилась ему.

До настоящей минуты.

— Мы слушаем, — напомнил Роджер.

— Не сомневаюсь. — Веловски отхлебнул кофе и поставил кружку на стол. — Это был тысяча девятьсот двадцать восьмой год. — Он откинулся в кресле и устремил взгляд куда-то вдаль. — Суда с европейцами еженедельно прибывали на остров Эллис, где я работал на очень низкой должности по оформлению документов. В довольно теплый день двадцать восьмого июля, примерно в десять тридцать утра меня послали вниз в кладовую за новой коробкой бланков медицинских заключений. Я шел по коридору, когда увидел, что дверь одной из кладовых распахнута настежь и из нее выходит вереница темноволосых людей.

— Не ваших коллег, полагаю, — осмелился вставить Роджер.

— Гораздо хуже, — продолжал Веловски. — Эта комната была не больше, чем кладовка уборщика. Клоунский номер с машиной, может, и популярен в цирке, но из двери вышло уже десять человек, а я отлично знал, что столько народу туда не впихнуть. Мы увидели друг

друга одновременно, и они обрадовались не больше, чем я. Первые двое — высокие, стройные, но очень мускулистые парни — направились ко мне как пара львов, высматривающих газель на обед. Оба встряхнули кистями рук, и вдруг у них оказались длинные, устрашающего вида ножи. Тут я понял, что попал в переплет.

— И конечно, они вас убили, — пробормотал Роджер.

— Тсс! — зашипела Кэролайн. — Дай ему рассказать.

— Да, Роджер, уж потерпите, — сказал Веловски. — Я репетировал это выступление семьдесят пять лет, и вот впервые мне позволено выйти на сцену. Разрешите же мне немного растянуть удовольствие.

— Извините, — махнул рукой Роджер.

— Спасибо. В общем, старший из них что-то сказал на иностранном языке и жестом подозвал меня к себе. Он стоял рядом с мальчиком; позже я узнал, что это его двенадцатилетний сын. На меня был направлен десяток ножей, и я решил, что лучше всего послушаться. Когда я подошел, человек протянул руку и... коснулся моего лба.

Веловски остановился и перевел взгляд за окно.

— С тех самых пор я все пытаюсь описать словами то, что произошло, — задумчиво произнес он. — Но до сих пор так и не сумел. Я словно читал его мысли, а он — мои, и мы говорили на каком-то глубинном, корневом языке человеческой души. Я... ощущал его воспоминания: образы, звуки, запахи, прикосновения, вкус. Я вспоминал вместе с ним, следя за логикой и сложными цепочками его мыслей. Ощущение одновременно радовало и путало, невероятно необычное, странное и непонятное, и в то же время уютное, как старый свитер.

Он отвернулся от окна.

— Они называли себя зелеными. Их было шестьдесят, беженцев из другого мира.

— Откуда? — спросила Кэролайн.

— Они не знают, — ответил Веловски. — Звезды здесь выглядят почти так же, как и у них, хотя есть небольшие отличия.

— Любой астрофизик в состоянии это установить, — предположил Роджер. — Они могли бы нарисовать звездные карты для сравнения.

— А также объявить о своем прибытии в утренних новостях, — съязвил Веловски. — Они стараются вести себя незаметно, если вы еще не догадались.

— Но если они не знают, где находятся, то, как попали сюда? — спросила Кэролайн. — Карты, что ли, потеряли?

— У них не было никаких карт или штурманов, во всяком случае, в том смысле, как мы это понимаем. Там, у себя, их оставшиеся дальновидцы сумели обнаружить Землю, и вожди решили, что отправятся сюда. Дальновидцы и оставшиеся землетрясы сумели перебросить корабль на нашу планету, и он оказался в Атлантическом океане недалеко от Лонг-Айленда.

— Как долго длился полет? — спросил Роджер.

Веловски пожал плечами.

— По-видимому, мгновение. Корабль может путешествовать под водой, поэтому они подошли к основанию острова Эллис, частично закопались в ил и прорыли тоннель в кладовую.

— Вы сами видели этот корабль? — спросила Кэролайн.

Веловски кивнул.

— После контакта с вождем я почувствовал слабость — кстати, и он тоже, — поэтому нас отвели на корабль, где жизнепевцы нас подлечили. Я потом спускался туда еще

несколько раз, но уже просто так. Они используют его как теплицу с гидропоникой, чтобы выращивать свои травы и специи.

— А какой он вообще? — спросил Роджер.

— Довольно компактный, но отлично сконструированный. Факт, что увиденное совпало с образами, которые мне только что показали, помог убедить меня, что и все остальное настоящее. Начальник устроил мне страшный разнос, когда я, наконец, вернулся, — улыбаясь, добавил Веловски. — Его особенно взбесило, что я так и не сказал, где был. Если б он только знал!

— Пробраться на Эллис таким путем — выглядит довольно рискованно, — заметил Роджер. — Почему просто не высадиться на берег в Мэне или где-то еще?

— Не знаю, как принималось такое решение, — сказал Веловски. — Знаю точно, что они выбрали Соединенные Штаты сознательно, и могу только предполагать, что они решили: если жить здесь, то официально. Зеленые всегда думают о последствиях.

— Вождь, с которым вы встречались, — Александр? — поинтересовался Роджер.

— Александр — это заклинатель, а не вождь.

— А он не может быть тем и другим одновременно?

— На самом деле — нет, — ответил Веловски. — Точнее, вождь — это заклинатель, но дар заклинателя должен совмещаться с даром провидца. Сейчас у них нет подлинного вождя или провидца, а лишь заклинатель, следующий по старшинству. Положение не идеальное, но это лучшее, что на данный момент может быть.

— Но тот, с кем вы встретились, действительно был настоящим вождем? — спросила Кэролайн.

Веловски кивнул.

— Вождь Элимас, который, к сожалению, умер через неделю после прибытия. Я часто думал о том, не явилось ли причиной его смерти перенапряжение от контакта со мной. — У него дрогнули губы. — А может, я получил часть его силы и выносливости вместе с информацией. Старел я заметно медленнее своих одногодков.

— Но если их возглавляет Александр, то какую роль играет Сирил? — поинтересовался Роджер.

Веловски поморщился.

— К сожалению, из-за отсутствия подлинного вождя у зеленых образовалось две фракции. Во главе каждой стоят соответственно Александр и Сирил.

— А чем занимается Сирил? — продолжал Роджер. — Он тоже заклинатель?

— Это дар, а не должность, — поправил Веловски. — Зеленые рождаются наделенными особыми способностями, которые определяют, кем они будут, когда станут взрослыми. Да, Сирил тоже заклинатель.

— Что вы имеете в виду, когда говорите об оставшихся дальновидцах и землетрясах? — спросила Кэролайн. — У них там случилась какая-то катастрофа?

— Именно это и произошло, — Веловски сжал губы. — Вся их цивилизация была почти сметена разрушительной войной.

— Дайте угадаю, — замогильным голосом произнес Роджер. — Они вступили в войну с народом, который называл себя серыми.

— В самую точку, — горько заметил Веловски. — Тем самым народом, который сейчас угрожает разрушить все, что зеленые успели создать за последние семьдесят лет. Они хотят снова начать войну, чтобы закончить то, что начали еще в своем мире. И в ходе этой войны,

возможно, разрушат наш мир.

На минуту в комнате воцарилось молчание, нарушаемое только тихим побулькиванием в батарее отопления.

— Но почему именно сейчас? — спросила Кэролайн. — Через столько лет?

— В этом и заключается подлинная ирония положения, — вздохнул Веловски. — Я помог зеленым пройти иммиграционный контроль, полагая, что им лучше всего будет в северной части Новой Англии или в Колорадо. Но они, по-видимому, решили для разнообразия пожить в городе, и по настоянию вождя Элимаса я поселил их на Манхэттене. Для такой малочисленной колонии в Центральном парке вполне достаточно деревьев.

— Кстати, деревья, — встрепнулся Роджер. — Что за роль они играют во всем этом деле?

— Структура тела зеленых кардинально отличается от всего земного, — отвечал Веловски. — Клетки их организма гораздо меньше наших, а физическое строение гораздо более изменчиво. У них также странные — будем откровенны — довольно паразитические отношения с деревьями. Они обладают способностью, просочившись сквозь кору, устраиваться в сердцевине дерева, занимая при этом гораздо меньший объем, чем можно себе представить. Находясь внутри дерева, они способны получать от него питание и силу.

— Не очень-то эффективно, — с сомнением произнес Роджер.

— Эффективность здесь не главное, — заметил Веловски. — Например, для человека, больного цингой, несколько миллиграммов витамина С решают все. Если вы в чем-то нуждаетесь, то, каким бы незначительным ни казалось количество, вам все равно это нужно. В данном случае зеленые нуждаются в периодическом контакте с деревьями.

— А могут они лечиться таким образом? — поинтересовалась Кэролайн, вспомнив о синяках Меланты.

— До некоторой степени. Деревья особенно благоприятны для детей, для их нормального роста и развития.

— Квартал восточнее Джексон-сквер, — вдруг сказал Роджер.

— Что? — не понял Веловски.

— Я вдруг вспомнил, как Александр описал, где вы живете, — пояснил Роджер. — Не в Гриниче на Восьмой или в западной части, а напротив Джексон-сквер.

— Типично для зеленых, — согласился Веловски. — Они всегда мыслят категориями деревьев и парков.

Кэролайн кивнула.

— И Меланта сказала мне, что живет в Инвудском парке...

— Меланта? — перебил Веловски, напряженно глядя на нее. — Вы знаете, где Меланта?

— Да, давайте поговорим о Меланте. — Роджер не дал Кэролайн ответить. — Почему все хотят ее убить?

Веловски поколебался, перебегая глазами с одного на другого.

— Если вы знаете, где Меланта, то обязательно должны сказать Александру.

— Это мы уже слышали, — сказал Роджер. — Так вы говорили об острове Эллис.

Веловски еще мгновение смотрел ему в глаза, затем опустил взгляд.

— У меня было на примете несколько рабочих мест, и я нашел зеленым небольшой дом

рядом с Центральным парком для... назовем это штаб-квартирой. Им нужно было всего несколько квартир, поскольку они использовали их только для прописки. Большую часть свободного времени они проводили в самом парке.

— Это не дом на Семидесятой улице у Центрального парка? — спросила Кэролайн. — В справочнике по этому адресу очень много Гринов.

— Да, — подтвердил Веловски. — Но за прошедшие годы они еще больше распространились.

— Много их теперь?

— Около восьмисот пятидесяти. Так или иначе, они неплохо устроились, и должен признать, что я испытывал изрядную гордость. В конце концов — спаситель целой расы.

Его рот сжался в плотную линию.

— Эту гордость я испытывал ровно неделю. Через семь дней после того, как они переехали на Манхэттен, на Эллис прибыли сорок серых.

— Надо понимать, через другую кладовку? — не удержался Роджер.

— На самом деле гораздо более прозаически. Они просто встали на стоянку и ждали, пока не появится подходящее судно с эмигрантами. Взобрались на борт, смешались с пассажирами и через полчаса сошли по трапу на берег.

— Они и по кораблям могут лазать? — спросила Кэролайн.

— По кораблям, домам, горам — чему угодно. По всему, что содержит хотя бы следы металла. Знаете, в своем мире они жили в скалах. Впрочем, нет, вероятно, не знаете. В общем, я их сразу узнал по образам, полученным от вождя Элимаса, и лично занялся их делом.

— Похоже, именно им следовало поехать в Колорадо, — предположила Кэролайн.

— Я пытался, — покачал головой Веловски, — поверьте, пытался. Но они такие же упрямые, как и зеленые, и тоже настояли на Нью-Йорке. Видимо, их привлекли высокие здания, но у меня сложилось впечатление, что затеряться в этническом многообразии города им казалось легче, чем в какой-то местности с однородным населением. Теперь я думаю, что, возможно, и зеленые выбрали Нью-Йорк по той же причине.

— Почему серых это заботит, ведь они могут становиться невидимыми? — задал вопрос Роджер.

— Это не полная невидимость, — ответил Веловски. — Они способны замереть где-нибудь на скале или стене дома, на чем-то однородном по цвету и слиться с поверхностью. Технически это называется маскировкой.

— Удобно, — заметил Роджер.

— Удобно, но лишь в небольших пределах. Они не могут быть невидимыми, ходя по улицам или даже сидя в комнате с обстановкой, хотя бы как в этой. С близкого расстояния их можно видеть даже на стене дома. Но, конечно, это полезное свойство, если нужно следить за зелеными, к примеру, из «утюга» на Медисон-сквер.^[2]

— Это вы их там поселили? — спросил Роджер. — В Нижнем Манхэттене?

Веловски фыркнул.

— Неужели вы считаете, что я настолько глуп? Пришлось порядком покрутиться, но, в конце концов, удалось уговорить их переехать в Бруклин и Квинс.

— Квинс, — пробормотал Роджер. — Ну конечно.

— Что вы говорите?

— Чтобы отцепиться от серых, я пошел в Квинс, — Роджер махнул рукой. — Ладно, не

важно. Итак: Бруклин и Квинс?

Веловски кивнул.

— Я полагал, что они пообвыкнутся в новой среде, а потом переберутся в горы. Думал, что если удастся продержать их в неведении относительно друг друга год-другой, то все образуется. — Он поморщился. — К сожалению, я не учел упрямство обеих групп. Укоренившись в городе, они так здесь и остались.

— Как они узнали друг о друге? — спросила Кэролайн.

— Не знаю, — с горечью ответил Веловски. — Возможно, последствия одиннадцатого сентября — и зеленые, и серые могли участвовать в спасательной операции или расчистке. А может быть, просто группа подростков из зеленых отправилась на экскурсию в Бруклин и увидела людей, о которых сказители говорили как о погибших три четверти века назад, или за десятков световых лет отсюда.

— И вы думаете, они снова собираются начать войну? — спросил Роджер.

Веловски фыркнул.

— Молодой человек, она уже началась. Или вы думаете, я помянул серых шпионов на Медисон-сквер ради красного словца?

Кэролайн взглянула на Роджера.

— Но почему мы тогда ничего об этом не знаем?

— Не будьте так наивны, — снова фыркнул Веловски. — Вторая мировая война тоже началась не в тот день, когда Гитлер вошел в Польшу. Они пока маневрируют: ведут наблюдение, выясняют, где друг у друга укрепления, планируют стратегию.

Он махнул рукой в сторону окна.

— К сожалению, большая часть этих маневров происходит в городе, и серые не защищают собственные дома, а наступают на зеленых. Например, Торвальд, один из руководителей серых, несколько месяцев назад не постеснялся переехать в переулок Макдугал рядом с Вашингтон-сквер и вытеснил из парка всех зеленых. Используя подобную тактику, они сумели проникнуть в Нижний Манхэттен.

— А может быть, и еще дальше, — прошептала Кэролайн.

— Я бы не удивился, — мрачно заметил Веловски. — Бог знает, чего у них только нет — молоты-пистолеты, мобильные телефоны в виде тонкой пленки, силовые линии, по которым можно мгновенно спускаться. А Николос может противопоставить этому только несколько воинов да ревун.

— Кто такой Николос? — спросила Кэролайн.

— Сын Элимаса и единственный командующий. Когда начнутся настоящие бои, именно он будет руководить армией. — Веловски поморщился. — То есть тем, что имеется в наличии. Кроме командиров групп и самих воинов, думаю, способных сражаться больше шестидесяти не наберется.

— Разве нельзя обучить больше? — спросил Роджер. — Вы говорили, их восемьсот пятьдесят.

— Все не так просто. Как я уже говорил, каждый зеленый рождается с определенными навыками, и этим определяется его положение. Если вы родились жизнепевцем, трудящимся или воином, то это и есть ваша судьба.

— Выглядит как кастовая система, — сказала Кэролайн.

— Именно так и есть, — согласился Веловски. — Но она налагается генетикой, а не обществом. Не стоит подходить к зеленым с человеческими мерками. Они не такие, как мы.

— А какие? — парировала Кэролайн.

Старик снова устремил взгляд в окно.

— Кэролайн, я знаю этот народ семь десятилетий, — тихо и серьезно сказал он. — Я наблюдал, чем они занимаются, как работают, видел, какую малозаметную, но реальную пользу приносят городу. Просмотрите полицейские отчеты и убедитесь, сколько уличных грабителей спотыкались и падали, пробегая через парк. Скорее всего, поблизости находился зеленый воин. Или сходите в реабилитационный центр и узнайте, скольких бомжей, которые раньше ночевали на скамейках Центрального парка, им удалось реабилитировать. Там живет много жизнепевцев, и их целительные песни помогают людям удивительным образом.

— Очень за них рада, — отрывисто сказала Кэролайн. — А теперь объясните, почему этот прекрасный и благородный народ хочет убить Меланту.

Веловски поколебался.

— Мне известно только, что они хотят вернуть ее домой. Вам надо поговорить с Александром. Он живет в Центральном парке рядом с Мемориалом седьмого полка, у лужаек для игры в шары. Если вы постоите там, кто-нибудь из его команды свяжется с вами.

— Мы подумаем. — Роджер взял Кэролайн за руку и поднялся. — Спасибо за урок по истории.

— Агрессия серых стояла зеленым их родины, — произнес Веловски, не вставая с кресла. — Не дайте им возможности напасть во второй раз.

— Понятно, — сказал Роджер. — Кстати, где обитает Сирил?

Веловски покачал головой.

— Подход Сирила ничего не даст. Все, чего можно достичь такой политикой умиротворения, — это несколько месяцев или лет мира. Александр — единственный, кто может положить этому конец.

— Да. Адрес Сирила?

Веловски поджал губы.

— Риверсайд-парк, рядом с памятником Каррере.

— Спасибо, — сказал Роджер. — Увидимся.

Дождик моросил настойчивее, хотя далеко не в полную силу. Раскрыв новый зонт, Роджер повел жену обратно к Четырнадцатой улице, маневрируя в потоке пешеходов. Он крепко держал Кэролайн под руку, будто она ребенок, который может вдруг внезапно выбежать на проезжую часть.

А может быть, он просто нуждался в этом именно сейчас. Как и она.

Кэролайн терпеливо ждала, когда он начнет разговор. Они прошли целый квартал, прежде чем он, наконец, спросил:

— И что ты думаешь?

— Прежде всего, он лжет про Меланту. Он прекрасно знает, зачем она им.

Роджер недоуменно взглянул на нее.

— Ты уверена?

— Совершенно: по глазам видно.

— А! — Он немного растерялся. — На самом деле я хотел спросить, что делать с Мелантой, если мы ее все же найдем.

Кэролайн искоса взглянула на него.

— Роджер, они же убить ее хотят.

— Не убежден, что по-прежнему верю в это. Как убийство двенадцатилетней девочки

может предотвратить войну?

— Может, все-таки попытаемся выяснить, прежде чем ее бросят на съедение волкам? — выпалила Кэролайн.

— Они не все волки, Кэролайн. Что бы ни говорила Меланта, не могут же все хотеть ее смерти.

— Откуда такая уверенность?

— Разве ты не слушала? Веловски же ясно дал понять, что между Александром и Сирилом идет борьба за власть. Меланта нужна им обоим, но по разным причинам.

— Или они просто спорят между собой, как получше ее убить, — пробормотала Кэролайн.

— Нет, — покачал головой Роджер. — Вспомни разговор об умиротворении. У Сирила, видимо, есть какой-то план, как откупиться от серых.

— Смертью Меланты?

— Возможно, хотя я до сих пор не понимаю, каким образом. С другой стороны, Александр, похоже, стремится к окончательной победе.

Кэролайн содрогнулась.

— То есть мы должны сделать выбор между смертью Меланты и поголовным уничтожением серых.

Роджер фыркнул.

— У нас нет никакого выбора, — напомнил он угрюмо. — Теперь, когда Меланта исчезла, мы вне игры.

— Нет, — твердо сказала Кэролайн. — Во-первых: они все еще думают, что мы знаем, где она. Это дает нам определенное преимущество.

— Преимущество в чем? Кэролайн, нас это совершенно не касается.

— Когда наш город собираются сделать полем битвы? — возразила Кэролайн. — Еще как касается. И во-вторых: если Меланта на свободе, она обязательно вернется к нам. Уверена, что вернется.

Роджер вздохнул, и она приготовилась к новому спору. Но, к ее облегчению, муж только покачал головой.

— Ну, если все сводится к выбору между Мелантой и серыми, то, по-моему, выбора особенно и нет: ведь это серые разрушили родину зеленых.

— Это Веловски так говорит. Не забывай, что их отношения начались со слияния мозгов, или что там у них было, с вождем зеленых, не говоря о том, что он семьдесят пять лет о них заботился. Понятно, он на их стороне.

— Ну, не знаю.

— И еще одно. Ведь, как ни крути, не зеленый передал нам Меланту. Это был серый.

— А ведь точно, — задумчиво произнес Роджер. — И телосложение, и фокус с исчезновением.

— Так что, по меньшей мере, некоторые из серых тоже не хотят ее смерти, — заключила Кэролайн.

Роджер фыркнул.

— К сожалению, единственный серый, которого мы знаем, — это Торвальд, а он изо всех сил старается выжить зеленых с Манхэттена.

— Если верить Веловски.

— Не Веловски использовал меня вчера в качестве мишени для стрельбы.

— Нам все-таки надо выслушать и другую сторону, — настаивала Кэролайн.

Роджер со вздохом направился ко входу в художественный магазин, видневшемуся неподалеку.

— Прекрасное место для звонка Торвальду. Ему понравится, ведь он любит искусство.

Они вошли. На пороге Роджер сложил и отряхнул зонт. Отойдя в уголок, он достал мобильный телефон.

— Полагаю, я должен говорить?

— Ну, ты же с ним знаком.

— Мне так не кажется.

Найдя в бумажнике визитную карточку, он набрал номер.

Кэролайн тронула его за руку и поднесла к уху воображаемый телефон. Он кивнул и наклонил к ней голову, держа трубку так, чтобы оба могли слышать.

Раздался щелчок, ответил женский голос:

— Алло?

— Будьте добры, Торвальда, — сказал Роджер.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Это говорит Роджер. Мы встречались вчера по поводу трасска.

Короткое молчание.

— Одну минуту.

В трубке повисла тишина. Кэролайн отсчитала десять секунд, затем снова раздался щелчок.

— Здравствуйте, Роджер, — произнес низкий голос. — Чем могу помочь?

— Здравствуйте, Торвальд. Я звоню, чтобы узнать, не проясните ли вы несколько моментов, в которых я не могу разобраться.

— Конечно. Что вы хотите узнать?

— Зачем и вам, и зеленым нужна смерть Меланты?

Снова последовало молчание.

— В прямолинейности вам не откажешь, — ответил, наконец, Торвальд. — Буду рад обсудить это дело. Но только лично, а не по телефону.

Боковым зрением Кэролайн увидела, как Роджер напряженно, улыбнулся.

— Отлично. Как насчет бара в «Ритц-Карлтоне»? Это южная часть Центрального парка Шестая авеню.

Послышался смешок.

— Через дорогу от владений Александра? — сухо сказал Торвальд. — Нет, спасибо. Как насчет скамейки на Полис-плаза?

Роджер хмыкнул.

— Отлично. Когда?

— Хватит вам часа, чтобы добраться?

— Конечно. Тогда до скорого.

Он дал отбой.

— Хитер. — Роджер сунул телефон в карман. — Я знал, ему не захочется встречаться в районе Центрального парка, и предвидел, что он предложит место где-то посередине.

— Что может косвенно свидетельствовать о том, как далеко серые проникли вглубь Манхэттена, — понимающе кивнула Кэролайн.

— Да. Но в данном случае это ни о чем не говорит. Вокруг Полис-плаза столько

полиции, что, даже находясь во владениях зеленых, Торвальд может чувствовать себя в безопасности.

— Так мы пойдем на встречу?

Роджер взглянул в окно.

— Можем пойти, — медленно произнес он. — А можем сами попробовать словчить.

— Что ты имеешь в виду? — с подозрением спросила Кэролайн.

— Торвальд скоро должен отправиться на место встречи. — Роджер, очевидно, продолжал размышлять. — Пока его нет, может, мне заглянуть к нему в студию и посмотреть, что там можно найти?

— Шутишь? — У Кэролайн захолонуло в груди. — А если поймают?

— Ну и что? — возразил Роджер. — Не забывай, Торвальд по-прежнему уверен, что козырь у нас. Если ему нужна Меланта, он не сможет ничего предпринять, даже если застучает меня.

Кэролайн покачала головой. Более безумной мысли Роджер еще никогда не высказывал. Все же нельзя было не признать, что ей приятно видеть мужа столь инициативным, для разнообразия.

— Ладно. Но я с тобой.

— Кэролайн...

— Надо же, чтобы кто-то тебя караулил, — перебила она. — И если Торвальд ничего не сделает с тобой, то и со мной ничего не сделает.

— Полагаю, да, — произнес Роджер примирительно. — Отлично. Пошли.

Они вышли из магазина и направились назад к Гринвич-авеню. Дождь почти прекратился, но Роджер все равно прикрывался раскрытым зонтом. Дойдя до Гринвич-авеню, он повернул на юго-восток.

— Ты говорил, что квартира Торвальда к северу от Вашингтон-сквер? — спросила Кэролайн.

— Да, — подтвердил Роджер. — Пройдем еще два квартала, а потом повернем на юг от парка. Оттуда мы сможем видеть, как Торвальд уйдет.

Внезапно из двери, мимо которой они проходили, вышел широкоплечий мужчина в синей тужурке с поднятым воротником, заступив им дорогу. Роджер дернулся в сторону, чуть не сбив, Кэролайн с ног. Не дав ему опомниться, человек быстро шагнул вперед и замкнул широкую ладонь у него на запястье.

Кэролайн только ахнула, когда второй мужчина в серой куртке с овчинным воротником оказался рядом и ухватил за руку ее. Оба агрессора были приземистые и коренастые.

— Так-так, — мрачно сказал Роджер. — Кэролайн, познакомься с приятелями, которые стреляли в меня вчера.

Кэролайн повернулась, насколько позволяла рука, которую удерживал нападавший. Его широкое лицо было почти веселым, только глаза глядели холодно.

— Вы стреляли в моего мужа?

— Да, извините. Но не забывайте, он шел на нас с ножом. — Он вопросительно взглянул на Роджера. — Ты ведь об этом тоже рассказал?

— Об этом потом, Ингвар, — сказал второй. — Давай-ка уведем их отсюда.

— Конечно. — Ингвар легонько повел рукой Кэролайн в сторону узкой улочки, уходящей направо. — Сюда.

— Куда вы нас ведете? — дрожащим голосом спросила Кэролайн, делая шаг.

— Никуда они нас не ведут. — Роджер крепко сжал ее вторую руку. — Стой на месте, Кэролайн.

Кэролайн взглянула на него с изумлением. Чтобы Роджер сопротивлялся, да еще при таких обстоятельствах, — этого она ожидала меньше всего.

По-видимому, меньше всего ожидали этого и нападавшие.

— Это еще что такое? — скорее испуганно, чем сердито спросил Ингвар.

— Мы никуда отсюда не сдвинемся, — твердо ответил Роджер. — Если хотите что-то сказать, говорите прямо здесь. А если хотите с нами что-то сделать, посмотрим, как это у вас получится на глазах у пятидесяти свидетелей.

Мужчина, державший Роджера за руку, хмыкнул.

— Послушай-ка, дружок...

— Спокойно, Берган, — мягко сказал Ингвар. — Слушай, Роджер, не надо устраивать представление. Отец хочет только немного поговорить.

— Отец? — нахмурился Роджер.

— Наш отец, Хафдан Грей. Торвальд, возможно, упоминал о нем.

— Нет, не упоминал, — мрачно ответил Роджер. — Меланта упоминала.

— Значит, она все-таки у вас, — сказал Берган. — Очень хорошо. Он точно захочет об этом поговорить.

— Отлично. Приведите его сюда, и поговорим.

Берган вздохнул.

— Я думал, ты усвоил вчерашний урок.

Он перехватил руку Роджера левой рукой и встряхнул правой...

Кэролайн застыла, замороженно глядя, как из-под рукава синей куртки вырвались пять жидких серебряных струй и, переплетаясь у самой ладони, превратились в темно-серый предмет, похожий на молоток.

— Помнишь, как бьет молот-пистолет, да? — продолжал Берган, уткнув оружие Роджеру под ребро. — Ты ведь не хочешь, чтобы твоя жена тоже узнала это ощущение, правда?

— Мы не намерены причинить вам вред, — добавил Ингвар, и Кэролайн почувствовала, как в бок ей тоже уткнулось что-то твердое. — Но, повторяю, отец хочет поговорить.

— Ладно, — с усилием произнес Роджер. — Отпустите мою жену, а я пойду с вами.

— Извини, это комплексная сделка, — сказал Берган.

— Слушай, давай не устраивать представление, — укоризненно сказал Ингвар. — Просто пройдем по этой улице до нашей машины и немного прокатимся. Делов-то.

Роджер искоса глянул на Кэролайн.

— Думаю, у нас нет особого выбора, — сказала она.

— Да, послушал бы лучше жену, — заметил Берган. — Пошли, пошли, времени мало.

Роджер опустил плечи, и, ведомые серыми, они свернули в проулок, шагая прямо по лужам и поднимая ногами брызги. Движение по улице было односторонним, Кэролайн заметила, что она застроена почти одними жилыми домами; машины по обеим сторонам оставляли для проезда только узкую полосу. Пройдя немного, они свернули налево на другую узкую улочку.

— Можете и здесь подождать, — сказал Берган, отпустил руку Роджера и пошел дальше по первой улице. — Я все равно вернусь этим путем.

— Давай быстрее. — Ингвар оглянулся по сторонам. — Сейчас.

Ускоряя шаг, Берган удалился.

Кэролайн осмотрелась. На угол выходили двери кафе, но оно, похоже, было закрыто. Машины шли только по Гринвич-авеню в квартале отсюда, а все окна, которые она могла видеть из-под зонта, были пусты. Для похищения Ингвар и Берган, несомненно, удачно выбрали тихое местечко.

— И где же вы оставили машину? — проворчал Роджер, когда Берган скрылся за небольшим подъемом. — В Нью-Джерси?

— Мы подъехали как можно ближе. — Ингвар подтолкнул Кэролайн к боковой улочке. — Давайте немного пройдемся.

На этой улице движение тоже было одностороннее — они шли машинам навстречу, а ширина улицы позволяла водителям парковаться только с одной стороны. Впереди за два квартала виднелась пересекавшая ее трасса с оживленным движением.

— Придется лишний раз размяться, — извинился Ингвар. — Там кто-то глазеет из окна на улицу.

— А вам хочется обойтись без свидетелей, — прошептала Кэролайн.

— Хотелось бы, чтобы нас вообще не замечали, — парировал Ингвар. — Пока, однако, не очень получается.

— А чего вы хотели? — возразил Роджер. — Не надо было убивать ту старушку.

— Это вышло случайно.

Ингвар вытянул правую руку и раскрыл ладонь. Словно при обратной съемке, оружие распалось на серебряные щупальца, которые исчезли в рукаве серой куртки.

— Берган только хотел отогнать ее. Но она использовала ревун, и рука дрогнула.

— Так она, правда, убита? — замирая, спросила Кэролайн.

— Боюсь, да, — признался Ингвар. — Как бы то ни было, отец разгневался так же, как, вероятно, и вы.

Они дошли до следующего перекрестка, тут Ингвар остановился. Посмотрев налево, Кэролайн снова увидела машины, идущие по Гринвич-авеню. Что, если они с Роджером попытаются бежать? Ингвар погонится за ними или просто достанет пистолет и хладнокровно застрелит?

— Так какую роль Меланта играет во всей истории? — спросил Роджер, поворачиваясь к Ингвару.

Тот нахмурился.

— Разве Веловски не сказал? Понятно. Полагаю, это один из вопросов, которые отец хотел обсу...

В это мгновение Роджер выпустил из рук зонт и со всей силы ударил Ингвара кулаком в живот.

Но Ингвар не упал. Даже звука не издал. С таким же успехом можно было ударить трехсотфунтовый боксерский снаряд.

Кэролайн с ужасом взглянула на Ингвара. Но в глазах его не было злобы, только легкая усмешка.

— Слушай, Роджер, — сказал он с укоризной, — не будь уж таким дураком.

Тяжело дыша, Роджер уставился на него, сжимая и разжимая кулак, будто примериваясь для следующего, более успешного удара.

— Даже не пытайся, — добавил серый, опережая его мысль.

Сзади из-за угла послышался звук двигателя, и темно-синий седан, осторожно объезжая припаркованные машины, повернул на их улицу.

— Куда вы нас повезете? — спросила Кэролайн.

— В Бруклин, — ответил Ингвар. Он еще раз оценивающе взглянул на Роджера и повернулся к приближающейся машине. — Примерно полчаса...

Он запнулся на полуслове, потому что машина вдруг рванула, двигаясь прямо на них. Кэролайн увидела, как из водительского окна высунулась рука, направляя на них знакомый серый пистолет.

— Ши-и! — выкрикнул Ингвар и толкнул Роджера на припаркованные машины.

Отпрыгнув на противоположную сторону улицы, он встряхнул рукой и выхватил свой пистолет.

Но опоздал. Не успел он прицелиться, как из руки водителя вырвалась белая линия и ударила его прямо в грудь.

От отчаянного удара Роджера Ингвар даже не покачнулся. А белая линия отбросила его на три фута и распластала на тротуаре. Перекатившись на бок, он снова встряхнул рукой...

— Бежим! — крикнул Роджер.

Кэролайн еще не успела повернуться, как он схватил ее за руку и потащил между машинами к перпендикулярной улице. Оказавшись на тротуаре, они стремглав помчались к Гринвич-авеню. Ревя двигателем, машина без остановки проехала сзади мимо перекрестка.

В них никто не стрелял. Спустя полминуты они стояли на проспекте.

— Погоди, — задыхаясь, проговорила Кэролайн, когда они, перейдя на быстрый шаг, повернули направо. — А что Ингвар?

— Что Ингвар?

— Может, его сбила та машина? — пояснила Кэролайн. — Мы не можем так его там оставить.

— Он бы, уж наверное, нас там оставил.

— Откуда ты знаешь?

Роджер раздраженно вздохнул.

— Зайдем. — Он указал на больницу Святого Винсента через дорогу. — Там должны быть полицейские. Они проверят.

— Думаю, что... — Кэролайн чуть не подпрыгнула, когда рядом с визгом затормозил автомобиль.

Она обернулась, ожидая увидеть синюю машину и Бергана за рулем. Но с облегчением увидела такси.

— Поедем? — крикнул водитель в окно.

— Нет, спасибо, — ответил Роджер.

— А, пожалуй, придется, — раздался сзади тихий голос.

Кэролайн осторожно обернулась. Но это опять оказался не Берган. На них смотрели двое стройных черноглазых темноволосых молодых людей с восточными чертами лица. Под расстегнутыми куртками они держали узкие длинные ножи.

— Господи, — прошептала Кэролайн.

— В машину, — приказал зеленый. Голос его по-прежнему звучал тихо, вежливо, почти приятно.

Кэролайн посмотрела на Роджера. Тот безвольно кивнул. Слишком много обрушилось на них сразу.

Она молча уселась на заднее сиденье. Совсем не удивительно, что водитель оказался темноволосым и смуглым.

Роджер тоже сел в машину, рядом с ним устроился один из зеленых, второй занял сиденье рядом с водителем.

— Сидите спокойно и расслабьтесь, — бросил водитель через плечо, отъезжая от тротуара. — Приятный день для поездки.

— Так, — пробормотал Ференцо. — Значит, здесь.

Он стоял, уперев руки в бока, перед железной оградой, перекрывавшей вход в переулок.

Ответа не последовало. Разумеется, он его и не ожидал. Если не считать обычного мусора, переулок, где, как утверждали Уиттиеры, к ним пристал «грабитель», был пуст.

С минуту он глядел через ограду, оценивая обстановку. Переулок, он и есть переулок, но здесь все-таки было, за что зацепиться взглядом. На улицу выходили фасады сразу трех домов, а справа шестифутовая бетонная стена отгораживала небольшой дворик, назначение которого оставалось непонятным. Из дома во дворик выходила дверь, которая могла пригодиться грабителю, если бы он сумел перелезть через стену.

И конечно, встав на стену, он легко мог перебраться на пожарную лестницу у стены дома. Или взойти по бетонным ступеням позади лестницы, пройти по платформе, занимающей заднюю четверть переулка, и перелезть через забор из железной сетки. Уиттиер утверждает, что отвернулся только на секунду, но Ференцо знал, как часто свидетели ошибаются в оценке времени и расстояния.

В одном он был уж точно уверен: вся эта история дьявольски действовала ему на нервы. С одной стороны, Уиттиеры с их безумными показаниями, которые выглядят почти убедительно, пока не начнешь тянуть за разные концы. С другой — собрание столь же невероятных показаний, исходящих от таких разных источников, как домоправитель Уиттиеров и полицейские, напоровшиеся вчера в Йорквилле непонятно на что. С третьей стороны, собственные наблюдения, начиная со странных надразов на деревьях Уиттиеров и кончая тем, что заставило утром его машину врезаться в фонарный столб.

А с четвертой — нет ни единой зацепки, чтобы связать все это вместе.

Он стал осматривать ограду. Ворота закрыты на хороший и прочный, на вид новый, замок. Запирается ключом, значит, тот, кому надо, может подобрать отмычку.

— Могу я чем-то помочь? — раздался вежливый бас.

Ференцо поднял глаза. У дома справа стоял здоровенный негр с нашивкой «ОХРАНА» на рубашке, из-за него осторожно выглядывала миниатюрная женщина.

— Да. — Ференцо достал полицейский значок и показал его мужчине. — У вас есть ключ от этих ворот?

— Да, сэр.

— Мне нужно осмотреть переулок. Скажите, это новый замок?

— Я повесил его утром в четверг. — Сторож спустился по ступенькам, доставая из кармана ключ.

На следующее утро после того, как Уиттиеры якобы видели ворота открытыми настежь.

— А что случилось со старым?

— Сломал кто-то, — ответил охранник. — Похоже, приложились кувалдой или чем-то вроде того.

— Он у вас?

Тот покачал головой.

— Можно узнать, что вы ищете?

— Улики возможного преступления, — ответил Ференцо. — Не возражаете, если я войду?

Сторож сложил губы трубочкой. Ясно было, что его натащали по поводу законов об обыске и ситуаций, когда ордер нужен, а когда нет. Но, видимо, до сих пор никто вежливо не спрашивал разрешения осмотреть его территорию.

— Если хотите, пойдем вместе, — добавил Ференцо, чтобы успокоить его.

— Нет, мне надо вернуться, — сказал тот, отпирая ворота. — Вы не станете открывать никакие окна или двери?

— Слово скаута, — заверил его Ференцо. — Мне нужно осмотреть только снаружи.

— Хорошо. — Сторож открыл ворота. — Если понадобится, я буду в доме.

— Спасибо. Кстати, в среду вечером не было ничего необычного, кроме сломанного замка?

Охранник пожал плечами.

— Сменщик дежурил, но утром он ничего не говорил. Могу дать его имя, если надо.

— Спасибо, пока не нужно. Если он мне понадобится, я скажу.

— Ладно. Пожалуйста, закройте ворота, когда закончите.

Он грузно поднялся по лестнице и вместе с женщиной вошел в дом.

Присев на корточки у ворот, Ференцо с минуту изучал ушки, на которых висел замок. Парень с кувалдой был необычайно аккуратен. На металле виднелась свежая вмятина там, где висел старый замок, но, помимо этого, на воротах не было никаких повреждений. Выпрямившись, полицейский прошел по переулку, внимательно оглядывая наклонную мостовую, и вернулся назад к каменным ступеням.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ничего.

Ференцо, под все непрекращающейся моросью, повторил маршрут еще раз, внимательно оглядывая каждый дюйм. Но если какие-то следы и были, утренний дождь, по-видимому, смыл их. Вернувшись к воротам, он снова прошел по наклону в конец двора, где зигзагами уходила вверх черная пожарная лестница.

Он остановился под ней, прикрыв глаза, и постарался припомнить каждое слово, сказанное Уиттиерами. На Бродвее к ним пристал невысокий коренастый мужчина, страдающий кашлем, который сунул им в лицо кольт сорок пятого калибра. Он привел их сюда, показал девочку по имени Меланта и велел заботиться о ней. Затем всучил Уиттиеру пистолет и, шатаясь, пошел в конец переулка, исчезнув в то мгновение, как Уиттиер отвернулся.

И примерно тогда же притухшие фонари снова зажглись ярко.

Ференцо нахмурился, вспоминая, как пятнадцать минут назад свернул с Бродвея на Сто первую. Тогда он думал, как найти переулок, но смутно вспомнил, что примерно за полквартала видел...

Он вышел из переулка и направился назад к Бродвею. Точно: под одним из фонарей стояла вишневая машина с подъемной корзиной.

Стоявший рядом бригадир свирепо воззрился на него.

— Надо чего? — вызывающе спросил он с типичным бруклинским акцентом.

— Всего лишь информацию. — Ференцо показал значок. — Что с фонарями?

— Сейчас? Ничего, — немного смягчился бригадир. — Но в среду вечером была куча жалоб отсюда и до Восемьдесят шестой, что тут незнамо что творится.

— В котором часу это было?

— В десять или одиннадцать, — пожал плечами бригадир. — Типа того.

Приблизительно в то же время, когда, как утверждали Уиттиеры, фонари погасли, а потом снова зажглись.

— И вы только сейчас этим занимаетесь?

— Да говорю ж, щас с ними все нормально, — возразил бригадир в прежнем тоне. — У нас два дня ушло, чтоб разгрести бардак на Риверсайд-драйв.

— Да, большое отключение, — кивнул Ференцо. — Это ведь тоже случилось в среду, да?

— Ну. — Бригадир покачал головой. — Дурдом настоящий. Народ говорит, фонари сначала притухли, а через пару секунд взорвались, как салют на шесть кварталов.

— А вы что скажете?

— В смысле — что я скажу? Взорвались они, это точно. А чего там притухали, без понятия.

— В чем причина?

— Да кто его знает, — сказал бригадир. — Будто из-за перегрузки, тока не из-за чего им перегружаться. Мы проверили все кабеля и заменили х... фигову кучу ламп.

— Фигову кучу?

— Жена достает, чтоб не выражался, — пожал плечами бригадир. — А то пацаны тоже начинают.

— М-м. Спасибо.

Ференцо повернулся и пошел назад на Сто первую. Значит, есть хоть какое-то подтверждение рассказа Уиттиеров. Который, к сожалению, оставался совершенно бездоказательным. Если бы Уиттиеры были на Риверсайд-драйв, они, по крайней мере, могли указать на взорвавшиеся лампы. Здесь, на Бродвее, и того не было.

Он вернулся к переулку и снова прошел по наклонной мостовой. Ну хорошо. Уиттиер говорит, что видел что-то похожее на кровь на отданном ему пистолете. Ранение может объяснить, почему, как он говорил, грабитель покачивался, и если это ранение в грудь, то объясняется и мокрый кашель.

Но если кровь попала на пистолет, то могла попасть и на землю. Низко наклонившись к земле, Ференцо снова пошел по переулку, обшаривая глазами грязную мостовую. Дьявольщина, надо было захватить специальный набор.

Он дошел до каменных ступеней, так ничего и не обнаружив. Вероятно, одежда незнакомца впитала большую часть крови, по крайней мере до того, как он покинул переулок.

Ференцо выпрямился, поморщившись от неожиданной боли в спине. Пора с этим кончать и возвращаться к более перспективной версии. Пауэлл уже, наверное, отследил такси, на котором Уиттиеры рванули из Йорквилла, и выяснил, куда они направлялись. Повернувшись, Ференцо в последний раз взглянул на стоящий рядом дом.

И замер. Там виднелось темное пятно, будто человек в пропитанной кровью рубашке прижимался к кирпичной стене, стараясь быть незамеченным.

На высоте восьми футов.

Ференцо отступил от стены и прикрыл ладонью глаза от мороси. На стене виднелись еще несколько пятен, поменьше и более размазанных, будто раненый перемещался по стене вверх и в сторону.

Полицейский тихонько выругался. Наконец-то реальное свидетельство. Но, к сожалению, совершенно нелепое. Если грабитель смонтировал на крыше тали для быстрого

подъема, зачем подниматься наискосок? Зачем, собственно говоря, вообще жаться к стене? Уиттиер сам сказал, что фонари к тому времени уже включились. Как он мог не разглядеть кого-то на стене всего за двадцать футов?

Но, невзирая на нелогичность выводов, сам след был совершенно четким. Если предположить, что пятна — это действительно кровь, не смытая дождем, человек должен был двигаться вдоль стены вверх под углом.

Прямо к пожарной лестнице.

Стена, отгораживающая крошечный дворик, была добрых шесть футов высотой, а времена, когда в академии приходилось лазать по таким постоянно, остались в далеком прошлом. Ференцо опасался, что утратил форму, но сумел влезть на стену, почти не вспотев и ни разу не выругавшись. Взобраться отсюда на лестницу оказалось парой пустяков.

На первых двух площадках крови не было. По идее, и не должно было быть. Следы на стене шли под углом к третьей или четвертой площадке лестницы из семи.

Он нашел то, что искал на третьей площадке: небольшое пятно, смазанное, будто раненому едва хватило сил, чтобы перевалиться через перила на площадку. С минуту Ференцо разглядывал пятно, затем присел, чтобы рассмотреть образующую пол решетку.

Осматривая ее в поисках пятен, он услышал сверху какой-то звук. Он взглянул наверх. Следующая площадка была пуста, а ячейки решетки не позволяли видеть выше. Двигаясь как можно тише, он стал подниматься наверх. Ференцо прошел четвертую площадку и поднялся до половины на следующую, когда шум послышался снова. На этот раз было ясно, что это сдавленный кашель.

Он замер, в голове замелькали воспоминания о перестрелках, в которых приходилось участвовать; несколько секунд он решал, стоит ли вызывать подмогу.

Ференцо показалось, что это кашляет изможденный и страдающий от боли человек. Ну, если он не справится с раненым, который провел на улице три холодные ночи, нечего ему делать в полиции. Ференцо убедился, что девятимиллиметровый «глок» свободно выходит из кобуры, и начал подниматься наверх.

Ни на пятой, ни на шестой площадке никого не оказалось. Ференцо поднимался на седьмую, последнюю площадку, когда услышал кашель снова.

Только на этот раз уже снизу.

Он взглянул вниз. Пожарная лестница, сделанная из металлического профиля и решеток, была совершенно открытой. Тем не менее, если только грабитель не был еще и чревовещателем, Ференцо каким-то образом прошел мимо него.

Он вернулся на пятую площадку, пытаясь обнаружить что-нибудь: — хоть что-то — необычное, когда уловил краем глаза какое-то движение на стене дома, к которой примыкала площадка.

Он повернул голову, но увидел только пустую стену и решетку пола. И тут кирпичный рисунок слегка задрожал. Ференцо сфокусировал взгляд...

И на стене появилось смутное очертание скрюченной человеческой фигуры. Полицейский не помнил, как вытащил пистолет, оружие просто оказалось в его руке.

— Не двигаться! — выкрикнул Ференцо в сторону очертания, а в голове мелькнула мысль, не так ли сходят с ума. — Полиция! Покажи руки.

В течение нескольких секунд ничего не происходило, и за это время Ференцо осознал весь комизм и нелепость стандартного полицейского приказа. «Я сказал невидимке: покажи руки...» Кашлянув, силуэт снова задрожал, затем образ проявился и принял четкие

очертания.

На площадке лежал невысокий коренастый голубоглазый молодой человек, скрючившись от холода, и смотрел на Ференцо из-под полузакрытых век.

— Ты кто? — хрипло спросил он.

Ференцо пришлось прокашляться, прежде чем он смог ответить.

— Старший следователь Томас Ференцо, полиция Нью-Йорка. — Он присел на корточки. — А ты кто такой?

Взгляд парня упал на пистолет, он слабо улыбнулся.

— Он тебе не понадобится.

— Я тоже так думаю. — Ференцо сунул оружие в кобуру. Судя по осунувшемуся лицу и прикрытым глазам, вряд ли парень способен сопротивляться. Что более важно, руки его были пусты и на виду.

— Как тебя зовут?

Молодой человек вздохнул, осторожно, будто оберегая легкие.

— Иона. На кого ты работаешь?

— Я уже сказал. Полиция.

— Я имею в виду, кто тебя послал? — Лицо Ионы ожесточилось. — Сирил или Александр?

— Моего начальника зовут лейтенант Серрета, я работаю в двадцать четвертом участке, — сухо ответил Ференцо. — Если ты хочешь сказать... Постой. — Оцепеневшие мысли, наконец, снова завертелись. — Сирил? Это — тот самый Сирил?

Мгновение Иона смотрел на него с таким выражением, что Ференцо усомнился, так ли тот безобиден. Но взгляд угас, веки снова опустились.

— Значит, ты не с ними. — Он так тяжело дышал, будто один этот взгляд уже истощил его. — Но ведь ты знаешь их?

— Понаслышке. — Ференцо поднял бровь. — Меланту я пока тоже не встречал.

Упомянув имя девочки, он надеялся спровоцировать реакцию. Но к такой реакции оказался не готов. Глаза Ионы распахнулись, кадык напрягся.

— Где она? — потребовал он, пытаясь правой рукой ухватить Ференцо за отворот куртки.

— Давай-ка без глупостей, — предупредил Ференцо; сжав запястье Ионы, полицейский хотел оторвать пальцы раненого от куртки.

Иона поднял левую руку... и к своему изумлению, Ференцо увидел перед собой дуло самого странного пистолета, который ему приходилось видеть.

— Успокойся, — быстро сказал он, отпустив руку Ионы. — Я уже сказал, что не встречался с ней. И не знаю, где она.

Иона на мгновение замер. Оружие, отметил про себя Ференцо, более походило на искусно выточенный судейский молоток с укороченной рукояткой, чем на настоящий пистолет. Но назначение маленькой дырочки, направленной в лицо полицейскому, не вызывало сомнений.

Затем, к его облегчению, правая рука Ионы разжалась и безвольно упала на пол.

— Значит, все-таки спаслась, — прошептал он.

Его левая рука, качнувшись в сторону, выпустила пистолет.

Рука Ференцо тут же метнулась вниз, чтобы поймать оружие до того, как оно упадет. Но поймала только воздух.

— Не сомневаюсь, — рассеянно сказал он, напрасно ища глазами пистолет.

Мало того что появляются и исчезают люди, так еще и пистолеты возникают ниоткуда и пропадают в никуда.

— А теперь надо отвезти тебя в больницу.

— Нет! — Иона слабо ухватился за руку Ференцо, потянувшуюся к мобильному телефону. — Только не в больницу. Они найдут меня там.

— Мы можем поставить охрану, — заверил его Ференцо. — С тобой ничего не случится.

— Александр пройдет через них, — устало сказал Иона. — Вежливо попросит и просто пройдет.

Ференцо открыл было рот... и снова закрыл. Сирил прошел мимо консьержа и управляющего в доме Уиттиеров, только попросив разрешения. Что же, Иона думает, что и полицейские поведут себя так же, если явится Александр и вежливо попросит? Видимо, да.

И может быть, он прав.

— Но тебе нужна медицинская помощь.

Иона покачал головой.

— Мне нужно только поесть и отдохнуть.

— Отдохнуть от этого? — возразил Ференцо, указывая на пропитанную засохшей кровью рубашку.

— Это еще с вечера в среду, — ответил Иона. — Если бы рана была серьезная, я бы уже умер.

Пожалуй, признал Ференцо.

— Предлагаю сделку, — сказал он. — Если сможешь спуститься с лестницы, не потеряв сознание, при этом не откроется рана, и ты не будешь харкать кровью, тогда к врачу не идем. В противном случае — прямиком в больницу Святого Люка. Согласен?

С минуту Иона вглядывался в лицо полицейскому, словно оценивая, можно ли тому доверять, затем кивнул:

— Согласен.

— Отлично. — Ференцо встал и протянул руку. — Попробуем согреться.

Иона был сложен как борец, а весил как два. К счастью, когда Ференцо поднял его на ноги, он смог передвигаться сам. Они спустились по пожарной лестнице, и Ференцо отправился за машиной, оставив раненого в переулке.

— Куда едем? — спросил Иона, когда они, наконец, сели в машину.

— Ко мне домой, это у Линкольн-центра. Мои гостят у родственников в Иллинойсе, так что будем одни.

— Это хорошо.

Ференцо показалось, что дыхание Ионы стало свободнее и ровнее. В то же время он выглядел еще более сонным, чем на пожарной лестнице.

Не успели они доехать до следующего перекрестка, как Иона захрапел.

Ференцо поморщился. Он подозревал, что лейтенанта Серрету просто удар хватит, когда тот обо всем узнает. Но ведь главное — разобраться в деле, и эта игра стоит свеч.

Между тем еще предстоит повозиться с Уиттиерами. Если повезет, может быть, удастся решить их головоломку к тому времени, когда Иона согласится рассекретить свою.

А если повезет хоть еще немного, обе части головоломки совпадут.

Ференцо выудил из кармана и раскрыл мобильный телефон. Пора узнать, как у Пауэлла

продвигаются дела с машиной Уиттиеров.

Дождь начал стихать еще до того, как такси достигло восточной границы Манхэттена. Когда машина доехала до федеральной трассы и повернула на север, на западе сквозь облака стало проглядывать голубое небо. Как и предсказывали зеленые, устанавливалась хорошая погода для поездки.

Но явно не все пассажиры обратили на это внимание. Кэролайн до сих пор не произнесла ни слова и всякий раз, когда Роджер взглядывал на нее, смотрела в окно. Она продолжала держать его руку у себя на колене. Но пальцы были напряженными и холодными, и он хорошо понимал, что страх и неуверенность только отчасти тому причиной.

Ясно, сердится... да и нетрудно угадать, отчего она кипит. Конечно, думает: тряпка. И, наверное — трус.

И возразить нечего.

Когда машина выехала на федеральную трассу, он сначала подумал, что их везут обратно к дому Янгов на то место, где исчезла Меланта. Но водитель проехал поворот, не снижая скорости. Тогда он решил, что их везут в западную часть Центрального парка. Но такси прошло и этот поворот.

Он уже было подумал, что их вообще увозят с Манхэттена, когда водитель свернул на Сто шестнадцатую улицу и направился на запад по Гарлему. Машина проехала этот район и наконец, остановилась у Морнингсайд-парка.

— Приехали. — Зеленый, сидевший рядом с Роджером, открыл дверцу и вылез наружу. — Давай выходи.

Роджер молча повиновался и протянул Кэролайн руку, когда она подвинулась к выходу. Зеленый, сидевший рядом с водителем, тоже вышел.

— Прошу, — показал он рукой в сторону парка.

— Куда мы идем? — Роджер оглянулся по сторонам.

— Туда. — Зеленый указал вверх по склону, где возвышалась внушительная каменная стена. — Колумбийский университет.

— А почему было просто не подъехать с другой стороны? — спросил Роджер.

По спине у него побежали мурашки. Колумбийский университет, которому принадлежит театр Миллера, куда они с Кэролайн ходили перед тем, как встретились с Мелантой. Совпадение?

— Потому что так привлечем меньше внимания, — ответил зеленый. — Да и не развалитесь. Пошли.

От парка до университета вверх по склону было довольно далеко, и, несмотря на то, что подъемы перемежались с ровными участками, к тому времени, когда они добрались до вершины, у Роджера болели ноги. Пройдя немного, но улице, зеленые провели их через открытые ворота в мощный тротуарной плиткой дворик и дальше, по короткой дорожке, к зданию с вывеской «Преподавательский корпус». Поджидавший там еще один зеленый открыл дверь.

— Кабинет ректора, — сообщил он своим. — Второй этаж.

Войдя в кабинет ректора, они обнаружили сидевшего возле круглого стола у окна пожилого человека с морщинистым лицом и пробивающейся в черной шевелюре сединой.

— Роджер и Кэролайн Уиттиер! — приветствовал он их, поднимаясь со стула.

На нем был белый свитер с высоким воротом, просторные черные брюки и форменный пиджак с приколотым на лацкане конусообразным украшением из темной меди.

— Садитесь, пожалуйста.

Усаживаясь напротив, Роджер быстро оглядел старика. Несмотря на морщины и седые пряди, в нем было благородное достоинство, какое он уже раньше заметил у Сильвии.

— Рад, что вы смогли сегодня зайти, — произнес он, когда Кэролайн уселась по левую руку от Роджера. — Меня зовут Николос Грин.

— А! — кивнул Роджер. — Командующий.

— И сын вождя Элимаса, — тихо добавила Кэролайн. — Для восьмидесяти лет вы хорошо выглядите.

— Спасибо. — Николос улыбнулся углом рта и опустился на стул. — Хотя, если честно, зеленые стареют иначе, чем люди.

Он взглянул на двоих зеленых:

— Свободны.

— Есть, — отрапортовал один.

Оба вышли из комнаты.

— Уютное местечко тут у вас, — заметил Роджер. — Если верить вывеске, по выходным здесь закрыто.

— У меня есть определенные привилегии, — пожал плечами Николос.

— Эти привилегии включают похищение и угрозу оружием? — возразил Роджер.

Николос поднял брови.

— Похищение? Ну что вы. Вас пригласили ко мне, и вы приняли приглашение.

— Приглашение было выгравировано на ножах?

— Ножах? — озадаченно переспросил Николос. — Нет-нет. Уверен, вы видели всего лишь трасск. — Он отстегнул булавку от лацкана. — Вот такой.

— Ничего подобного, — проворчал Роджер, раздражаясь от этой детской игры.

— Возможно, сыграло шутку освещение.

Николос переложил булавку в левую руку, медная филигрань блеснула на солнце. С минуту он задумчиво поглаживал ее пальцами. Потом накрыл булавку правой рукой, прижал и сдвинул ладонь вперед.

У Роджера перехватило дыхание. Булавка исчезла. Вместо нее на ладони Николоса лежал длинный узкий нож.

— Видите, какие шутки может играть освещение, — сказал Николос.

Он снова накрыл нож правой рукой и нажал на конец острия, словно складывая телескоп.

— Может создаться впечатление, будто вы видите то, чего и быть не может.

Он несколько раз нажал правой ладонью на левую, как бы меся тесто, и, когда открыл руку, вместо ножа появилась миниатюрная, покрытая медью копия статуи Свободы.

— Очень мило, — заметил Роджер. — Можно?

— Конечно. — Наклонившись вперед, Николос протянул булавку.

Роджер внимательно осмотрел ее. Мини-статуэтка выглядела совершенно однородной и совершенно обыкновенной — безделушка, какие тысячами продаются в сувенирных магазинах на Таймс-сквер. По весу она напоминала пистолет, который грабитель вручил ему в среду вечером, и трасск, все еще лежавший у него в кармане.

— Впечатляет. — Он передал статуэтку Кэролайн.

Николос пожал плечами.

— Дежурный фокус, — с какой-то странной грустью произнес он. — Полезный, но это не более чем воспоминание о счастливых временах.

— Как вы это делаете? — спросила Кэролайн, вертя статуэтку в руках. — Это дар?

— Нет, трасском может манипулировать любой зеленый, — ответил Николос. — И, конечно же, только зеленый. Мы умеем превратить его в любой видимый предмет, такой же по массе. Металл очень прочный, но, как золото, вытягивается почти до бесконечности.

Он протянул руку, и Кэролайн вернула статуэтку. Он снова помял ее в ладонях и растянул в диск размером с обеденную тарелку.

— Как видите, он получился гораздо больше, чем можно себе представить, учитывая первоначальный размер статуэтки. — Он поднял диск. — Не видно лишь, насколько тонким стал металл, чтобы так растянуться.

Николос легонько постучал диском по столу.

— И даже в таком состоянии он достаточно прочный, чтобы держать форму. А можно сделать его гибким и даже совершенно эластичным. — Он снова потер диск, обратив его в огромную гибкую ленту. — Вот так. — Он растянул ее почти на полтора метра и снова отпустил.

— Как долго он остается в таком состоянии? — спросила Кэролайн.

— Принимает прежнюю форму через несколько минут или несколько часов, в зависимости от того, как зафиксировал владелец. Разумеется, зеленый может изменить форму в любой момент, если захочет.

— Универсальный инструмент для каждого приличного зеленого в этом сезоне, — пробормотал Роджер.

— Когда-то так и было, буквально, — ответил Николос. — Теперь уже нет. Перед бегством из нашего мира мы собрали все трасски, что могли, но с тех пор нас стало гораздо больше, и потребность в трассках возросла. Сегодня их хватает только на воинов и нескольких избранных.

— У Меланты тоже был, — заметила Кэролайн.

— Достался ей по особому случаю. Этот трасск когда-то принадлежал моей матери. — Его губы дрогнули. — Она погибла на войне еще до прибытия сюда.

— Сочувствую, — прошептала Кэролайн.

— А почему не изготовить еще? — спросил Роджер. — Забыли секрет?

— Нельзя забыть то, чего никогда не знал, — печально ответил Николос. — На самом деле много лет назад трасски изготовили и передали нам... серые.

— Как серые? — заморгал Роджер.

— Давно, когда мы сосуществовали в мире и гармонии. — Николос взял отливающую медью резиновую ленту за концы, нажал, и трасск принял первоначальную форму. — Повторюсь, воспоминания о счастливых временах.

— Что же случилось? — спросила Кэролайн.

— Мы встретились, в общем, случайно. — Николос пристегнул булавку к лацкану, и взгляд его устремился куда-то вдаль. — Оба наших народа бежали от *других*, которые правили нашим миром. Зеленые переселились на юг, серые — на север, и мы встретились в месте, которое всегда называли просто Большая долина. Вы никогда такого не видели, — тихо произнес он, качая головой. — Быстрая река, на одном берегу поднимающиеся из воды

утесы. Их обжили сотни семей серых. По другую сторону раскинулся лес, поднимаясь к горам, где поселилась другая колония серых. Лес тянется на целые мили, заполняя это пространство, давая место для многих поколений зеленых. Доступ туда был затруднен, и оно находилось в стороне от торговых путей других. Все это позволяло надеяться спокойно, жить многие годы.

Он потрогал трасск.

— Серые сделали нам вот такие игрушки — они были искусными мастерами, намного превосходя лучших из наших создателей и манипуляторов. В свою очередь, мы, используя наши дары, влияли на природу там, где мастерство серых было бесполезно. Наши манипуляторы и трудящиеся создавали сады и особые виды деревьев, а дальновидны подыскивали серым места для охоты и показывали, где прячется дичь и стаи рыб. Наши жизнепевцы во многих случаях могли излечивать их от болезней и ран.

— Мне все-таки непонятно, как эти дары действуют, — сказал Роджер.

— Существует всего несколько основных, которые могут по-разному сочетаться. Высшие дары, называемые также умственными, — провидец, заклинатель, сказитель, жизнепевец, командующий и землетряс. Они также разделяются по силе воздействия: к примеру, дальновидец — это провидец, обладающий меньшей прозорливостью, а дальневещатель — менее сильный заклинатель. С другой стороны, вождь — это редкое сочетание дара провидца и заклинателя. В общем и целом один из восьми зеленых является умственным работником.

— А остальные? — спросил Роджер.

— Их называют работниками ручного труда. Создатель в какой-то степени обладает провидческим даром, принадлежащим провидцам и дальновидцам, а манипулятор является менее сильным землетрясом. Остальные в большинстве обладают дарами разной степени силы и сноровкой, позволяющей быть трудящимися. Они составляют от двух третей до половины населения.

— А воины? — спросила Кэролайн.

— У них дар такой же силы, как и у трудящихся, но больше быстроты и ловкости. Еще они в гораздо большей степени владеют ревуном.

— И вы заранее знаете, в какую из этих категорий попадет каждый ребенок? — спросила Кэролайн.

— Осуждаете? — Николос пристально взглянул на нее.

Кэролайн выдержала взгляд, не мигая.

— Мне трудно поверить, что зеленые настолько не властны над своей судьбой.

— Не сомневаюсь, — спокойно согласился Николос. — Но мы не такие, как вы, Кэролайн. Дар — это не то, что человеческие способности к искусству или механике, которые можно развить или не использовать по собственному выбору. Мы рождаемся с этим так же, как вы с разрезом глаз или цветом кожи. В двенадцать лет каждый ребенок приходит к вождю или провидцу, который проводит ряд испытаний, определяющих дар. У ребенка остается еще три года на познание своих обязанностей и возможностей перед вступлением во взрослую жизнь.

У Кэролайн дрогнули губы.

— Не очень справедливо.

— Не могу не согласиться, — признал Николос. — И должен сказать, какое-то время я завидовал способности людей выбирать судьбу, невзирая на необходимость бороться с

природными недостатками или годами постигать мастерство, которым мы, зеленые, обладаем от рождения. — Он пожал плечами. — Но, люди или зеленые, мы такие, какие есть. Можно только принять это и продолжать жить.

— Возможно. — Кэролайн постаралась ответить спокойно. — Как долго вы жили в Большой долине?

— Не знаю точно, сколько лет. Знаю только, что дедушка отца рассказывал ему о переходе на север и первой встрече с серыми.

— Значит, где-то три поколения. — Роджер с облегчением перешел на обсуждение менее глубокомысленных вопросов. — Вы сами видели Большую долину?

— Конечно. — Кэролайн опередила Николоса. — Веловски же говорил, что Элимас был с сыном, разве не помнишь?

— Все верно, — подтвердил Николос. — Я застал Большую долину, когда закончились добрые времена и начались дурные.

— Как началась война? — спросила Кэролайн.

— С обычного спора. — Николос покачал головой. — Ведь чаще всего так и бывает? У серых стали кончаться запасы каких-то металлов, и они хотели открыть новые шахты вниз по течению. Наши вожди указали, что селения *других* постепенно приближаются к границе Большой долины с той стороны и шум выдаст нас. Мы предложили, чтобы серые отправили экспедицию и закупили металл у *других*.

— И что серым не понравилось? — спросил Роджер.

— Те сказали, что *другие* думают, что все мы погибли, и появление там приведет их в долину гораздо быстрее, чем любой шум. — Николос тихонько фыркнул. — Не знаю, чем они насолили *другим*, с которыми жили вместе до своего бегства, но, зная их буйный нрав и недисциплинированность, думаю, у них могла быть не одна причина, чтобы уклоняться от встречи. Так или иначе, они дали понять, что выступают против любых контактов с *другими*.

— А кто такие эти *другие*? — спросил Роджер.

Николос пожал плечами.

— Сам я их, конечно, не видел, но сказители сохранили воспоминания о людях, похожих на нас с вами. Кое-кто из зеленых даже считает, что они — результат скрещивания зеленых и серых, поскольку обращаются с камнем и металлом как серые и в то же время обрабатывают почву и пользуются деревьями, как мы. — Он махнул рукой. — Теория, конечно, совершенно нелепая, учитывая огромные различия в физиологии между зелеными и серыми. Но, во всяком случае, по культуре и искусствам другие действительно стоят где-то посередине.

— Что, в конце концов, решили с металлом? — спросил Роджер.

— Так ничего и не решили, — мрачно ответил Николос. — Однажды ночью, когда все спали, несколько серых с восточных скал перебрались через реку и подожгли лес.

— Господи! — ахнула Кэролайн.

— Да! — Николос прикрыл глаза; лоб исказили глубокие морщины. — Это невозможно себе представить, — глухо продолжал он. — Перепуганные малыши в деревьях, вокруг которых полыхает пламя, родители отчаянно пытаются вытащить их оттуда. Взрослые и дети, бегущие по горячей листве к спасительной реке.

Когда он открыл глаза, в них горел мрачный огонь.

— И все это время свист молотов-пистолетов серых, выпускающих по лесу залп за залпом.

— Что же ваши воины? — спросил Роджер. — Разве они не отбивались?

Николос горько улыбнулся.

— Конечно, отбивались. Но серые сидели на своих скалах за рекой, слишком далеко, чтобы достать ревуном. В темноте лучники не видели целей, а воины не могли взобраться по скалам, чтобы вступить в рукопашную. В отчаянии вожди собрали землетрясов и приказали снести утесы.

— В каком смысле — снести утесы? — осторожно спросил Роджер.

— В прямом, — ответил Николос. — Как серые использовали нашу зависимость от деревьев, так и мы теперь обратили их любимые скалы против них.

У Роджера закололо в затылке.

— Вы хотите сказать, что вызвали землетрясение?

— Зеленые — это могучий народ, — с гордостью произнес Николос. — Как вожди и провидцы обладают моральным авторитетом, так землетрясы несут в себе физическую мощь.

— Но вы же сказали, что на тех скалах жили семьи серых. Женщины и дети.

— А они думали о наших женщинах и детях, когда поджигали лес? — отрезал Николос.

Он замолчал, прикрыв глаза рукой.

— Извините, — глухо проговорил он. — Конечно, мы сожалели о смерти невинных. Но выбора не было. Серые продолжали стрелять по деревьям, нам пришлось защищаться. Единственным способом остановить их было снести утесы.

Он снова закрыл глаза.

— Серые продолжали стрелять, даже когда скалы стали рушиться вокруг; теперь они целились в землетрясов. Но поздно. Восточные скалы обрушились, и их атака наконец, захлебнулась.

— Да, — тихо проговорил Роджер. — Но ведь осталась еще колония серых на другой стороне Большой долины.

— И весьма большая, — подтвердил Николос. — К утру, когда солнце начало пробиваться сквозь дым пожарища, началась настоящая война. В течение нескольких дней она охватила всю Большую долину.

Он грустно покачал головой.

— А всего через несколько месяцев стало ясно, что мы погибнем. Большая долина, которую мы так любили, превратилась в поле боя: тысячи убитых, тысячи деревьев сгорели или разбиты в щепки. Конечно, погибли и многие тысячи наших врагов. Но если бы война продолжалась, нас ждал один конец: взаимное истребление наших народов.

— Вот тут и начал рассказ Веловски, — сообразил Роджер. — Вожди решили бежать.

— Спасти оставшихся, — поправил Николос. — Были отобраны шестьдесят, обладавших основными дарами, отца поставили во главе. Дальновидны нашли подходящее место, мы построили корабль. Оставшиеся землетрясы и манипуляторы объединили усилия под руководством провидцев, и в мгновение ока мы оказались здесь.

Он взглянул за окно.

— Этот мир оказался странным: шумный, грязный, населенный людьми, говорящими на непонятном языке, — негромко продолжал он. — Но для нас было главным то, что страшная война с серыми кончена и мы, наконец, оказались в безопасности.

Роджер хмыкнул.

— Ну да, а всего через одиннадцать лет Адольф Гитлер развязал самую ужасную войну

в нашем мире.

— Наша Вселенная определенно обладает странным чувством юмора, — улыбнулся Николос.

— Ваши люди сражались на этой войне? — спросила Кэролайн.

— Ни на этой, ни на какой другой. Думаю, вы понимаете, что позволить военным врачам обследовать нас было бы катастрофой. Нет, заклинатели спасали нас от призыва, а мы, в свою очередь, находили возможность послужить новой родине.

— На военных заводах? — спросил Роджер.

— Да, многие работники ручного труда поступили туда, — кивнул Николос. — Другие использовали свои творческие возможности. Вы когда-нибудь слышали о немецкой диверсионной группе, которая высадилась с подлодки на Лонг-Айленде в июне сорок второго года?

Кэролайн покачала головой.

— Нет.

— Думаю, я что-то слышал. — Роджер наморщил лоб, вспоминая. — Они, кажется, сразу напоролись на солдата, патрулировавшего берег.

— Берегового охранника, — поправил Николос. — Молодой человек, всего двадцать один год, совершенно один, а вокруг туман. Но вместо того, чтобы просто убить его и двинуться дальше, диверсанты попытались подкупить его, а потом просто отпустили. Историки объясняют их поведение нежеланием убивать такого молодого человека.

— У вас на этот счет другая теория? — предположил Роджер.

— Я знаю правду. Наши воины патрулировали береговые районы Нью-Йорка, включая Лонг-Айленд, как раз на такой случай. Воин, обнаруживший диверсантов, находился недалеко от заклинателя и смог вызвать его. Он и заставил их отпустить парня.

Он ухмыльнулся.

— Спустя неделю он заставил одного из диверсантов сдаться, после того как усилия береговой охраны, военно-морской разведки и ФБР не принесли никаких результатов.

Роджер вдруг вспомнил: в доме зеленых у Центрального парка Ставрос открыл дверь, даже не постучав, словно ему уже разрешили войти.

— Насколько я понимаю, воин, вызывая заклинателя, обошелся без рации?

— Да, мы можем общаться друг с другом на небольших расстояниях, — подтвердил Николос. — Большинство примерно в радиусе квартала. Те, у кого дар дальневещателя сильнее, способны принимать и посылать мысли на более далекие расстояния.

Он слегка улыбнулся.

— Мы не можем читать мысли людей, если вас это интересует.

— Но можете передавать мысли нам, — вступила в разговор Кэролайн. — Зеленые, которые вчера приходили к нам домой, обращались ко мне.

— Это не иначе как был Сирил, — поморщился Николос. — Только заклинатель или дальневещатель в состоянии передать мысли человеку.

— Или уговорить домоуправа открыть нашу квартиру, — добавил Роджер. — Как он вообще нас нашел?

— Предыдущим вечером мы засекли серых, прочесывающих этот район, и решили, что они знают что-то, чего мы не знаем. Когда Сирил узнал от Сильвии ваше имя, то решил взять дело в свои руки и проверить всех Роджеров на «У» в этом районе.

Николос перевел взгляд на Кэролайн.

— А когда узнал ваше имя, видимо, решил войти с вами в контакт.

— И попробовать забрать Меланту прямо у нас? — спросила Кэролайн.

Николос помедлил с ответом.

— Как и все мы, Сирил использует дар только ради блага нашего народа.

— И как же именно убийство Меланты может послужить такой благородной цели? — поинтересовался Роджер, скрестив руки на груди. — До сих пор все, с кем мы встречались, не хотели отвечать на этот вопрос, ходили вокруг да около.

— Я слишком стар, чтобы ходить вокруг да около, — устало ответил Николос. — Дело в том, что Меланта родилась с очень необычным даром, который должен был появиться, лишь, когда наша численность увеличится, по меньшей мере, вдвое. Видите ли, — вздохнул он, — Меланта — землетряс.

У Кэролайн внутри все опустилось. Не может быть. Хрупкая маленькая девочка с синяками на шее, которую она привела к себе домой. Девочка, с которой она играла в карты, кормила яичницей и сыром, которой дала свою одежду. Девочка, которая рыдала у нее на плече, тоскуя от горя и одиночества.

Но в то мгновение, когда она уже собиралась возразить, в памяти всплыло другое воспоминание. Меланта стоит посреди двора; она уже не кажется беззащитной; не дрогнув, девочка выдержала вопль старухи и в ответ издала свой ужасный крик.

Крик, от которого земля запрыгала, как ужаленный конь.

— Да это безумие! — возразил Роджер. — Меланта?

— Поверьте, — мрачно ответил Николос. — Дальновидцы провели испытание, и манипуляторы подтвердили. Сомнений нет.

— Правда, Роджер, — сказала Кэролайн. — Она уже проделала это вчера вечером, перед тем как ты появился. Весь двор затрясся.

— И это только малая толика силы, которой она достигнет, когда повзрослеет. — Николос взглянул в окно. — Нью-йоркские небоскребы рассчитаны на землетрясения, точнее, так утверждают архитекторы, — тихо продолжал он. — Но они понятия не имеют, сколько направленной энергии способен испустить землетряс. Она буквально сможет снести любое здание, какое захочет.

— Как одиннадцатого сентября, — пробормотала Кэролайн. — Только в сто раз страшнее.

— Именно, — кивнул Николос. — Теперь вы понимаете, почему так важно, чтобы она вернулась.

— Простите, я все-таки не понимаю, — сказал Роджер. — Ясно, почему серые хотят избавиться от нее. Но ведь она говорила Кэролайн, что все хотят ее смерти. И серые, и зеленые.

— Ну, к примеру, я не хочу ее смерти, — ответил Николос. — Александр тоже, как и те, кто его поддерживает. Но Сирил сумел убедить большинство, что принесение девочки в жертву послужит нашим долговременным интересам. Теперь, когда решение принято, мы уже ничего поделать не можем.

Кэролайн нахмурилась. В таком случае, почему Сильвия так настойчиво пыталась убедить Роджера привести Меланту к ней с Александром?

— Значит, это похоже на демократию? — спросила она. — Вы за что-то голосуете, и предполагается, что все подчинится решению?

— Не вполне. — Николос поколебался. — Довольно трудно объяснить это людям, не владеющим способностью к мысленному общению. В общем, Сирил и Александр используют дар убеждения для укрепления своих позиций среди зеленых.

— Надо полагать, в самых сильных выражениях, — пробормотала Кэролайн.

— Почему вы так говорите? — спросил Николос.

— Вы же называете их заклинателями, — напомнила Кэролайн. — Полагаю, они используют этот дар, чтобы заставить людей делать то, что им хочется, как Сирил меня и Меланту.

— Не совсем так. Повторяю, людям это трудно объяснить.

— Веловски, кажется, понял.

— Веловски — особый случай, — несколько раздраженно ответил Николос.

— Хорошо, значит, они попытались убедить других, — вмешался Роджер. — Что дальше? Голосование?

— Не так прямолинейно, — ответил Николос. — Согласные с Сирилом соединили с ним свои мысленные усилия, так же как согласные с Александром. Двое заклинателей встали друг напротив друга, и получивший перевес был наделен правом принять решение. В данном случае им оказался Сирил.

Роджер негромко хмыкнул.

— Помесь городского собрания с боксерским матчем.

Кэролайн только поморщилась. По ней, так это помесь самых низкопробных рекламных кампаний и самой грязной политики.

— Но как же он сумел убедить всех убить Меланту? — спросила она. — Разве она не лучшее ваше оружие?

— Пока еще нет. Ее дар еще не развился, и в этом как раз вся суть. В настоящее время мы имеем с серыми паритет, при котором ни одна из сторон не чувствует себя достаточно уверенной, чтобы напасть первой. Но когда Меланте исполнится пятнадцать, все переменится.

Он поднял брови.

— Что с позиции серых означает: если они хотят уничтожить нас, то должны начинать сейчас.

— Только не могут из-за паритета, — понял, наконец, Роджер. — Значит, вы заключили сделку?

— Это называется перемирием, — сухо сказал Николос. — Неужели непонятно?

— Но они же напали на вас, — возразил Роджер. — Сожгли ваш лес.

— Мне никогда этого не забыть, — тихо и угрожающе произнес Николос, так, что у Кэролайн по спине побежали мурашки. — Как и всем представителям моего поколения, большинство из которых с радостью пошли бы на все, чтобы бросить шестьдесят моих воинов в решающий бой с врагами.

— А вы за кого? — спросила Кэролайн.

Николос вздохнул.

— Я командующий и возглавляю воинов, а не всех зеленых. Что бы ни решили вожди, мне остается только подчиниться.

— Стало быть, в обмен на мир, — мрачно произнесла Кэролайн, — Сирил согласился убить двенадцатилетнюю девочку.

— Успокойся, милая, — несколько напряженно сказал Роджер. — Подобные решения нациям приходится принимать постоянно.

— И, разумеется, оно не было принято так легкомысленно, как вы полагаете, — добавил Николос. — Мы проанализировали все возможные варианты, начиная с отправки Меланты с семьей в ссылку и кончая исследованием возможности хирургического удаления способности использовать дар. И только после этого с величайшей неохотой признали, что остался единственный выход.

— Что же произошло? — спросил Роджер.

— До сих пор не понимаем, — поморщился Николос. — В ту ночь делегация, состоящая из зеленых и серых, собралась в Риверсайд-парке у памятника Каррере.

— Не лучше ли было по другую сторону Парквея, у реки? — проворчала Кэролайн.

— У реки?

— Она имеет в виду, что так удобнее избавляться от тела, — ерзая на месте от любопытства, нетерпеливо пояснил Роджер.

— В этом нет нужды. — Николос не отвел взгляда. — При контакте с почвой или растительностью тело зеленого быстро поглощается ими, не оставляя видимого для людей следа.

— Как убитая женщина исчезла вчера во дворе, — догадалась Кэролайн.

— Первая жертва в новой войне. — Николос пристально смотрел Кэролайн прямо в глаза. — Если только не удастся быстро ее остановить.

Кэролайн заставила себя выдержать взгляд.

— Вы начали говорить о том, что случилось в парке, — напомнила она.

Его губы дрогнули.

— Мы привели Меланту к назначенному месту и... начали... когда фонари на Риверсайд-драйв вдруг погасли. Естественно, мы как дураки оглянулись, и тут же фонари взорвались с такой ослепительной вспышкой, что на какое-то время все потеряли способность видеть.

Николос потербил трасск.

— Во всяком случае, большинство. Но один из членов делегации явно это подстроил. В ту секунду, когда нас ослепило, он вырубил воинов, державших Меланту, и утащил ее.

— А почему вы думаете, что это один из ваших? — спросил Роджер.

— Если бы кто-нибудь вошел в круг, он бы обязательно кого-то задел, — пояснил Николос. — Но никто ничего не заметил.

— А если сверху? — поинтересовался Роджер. — Веловски что-то говорил об альпинистских примочках серых.

— Силовые линии, — кивнул Николос. — Нечто вроде невидимых проводов, по которым они перебираются со здания на здание. Но в данном случае их нигде было установить, кроме домов за Риверсайд-драйв. Чтобы пройти над деревьями, серому пришлось бы спускаться с такой большой высоты и под таким крутым углом, что мы бы почувствовали удар о землю.

Он покачал головой.

— Нет, это должен быть кто-то из группы; некто схватил Меланту и вырвался через круг наружу. Не успели мы опомниться, как он исчез.

— Но в последний момент кто-то успел в него выстрелить, — вспомнил Роджер. — У него шла кровь.

Николос резко выпрямился.

— Так вы его видели? Как он выглядел?

— Он появился всего на минуту, — замялся Роджер, не ожидавший такой реакции. — Мы видели только...

— Мы видели только темный силуэт, — перебила Кэролайн, коснувшись руки мужа. — В тот вечер фонари на Бродвее тоже шалили.

— А телосложение? — настаивал Николос. — Ведь это был серый, так?

— Почему вы потом не пересчитали членов делегации? — возразила Кэролайн. — Если это один из вас, одного, очевидно, должно было не хватать.

— Очевидно, — недовольно сказал Николос. — К сожалению, участники делегации не

остались на месте. Кто-то с перепугу крикнул, что серые нарушили перемирие, и почти все, кроме воинов, сразу же разбежались. Серые тоже сбежали и попрятались в своих укрепрайонах в Южном Манхэттене и Квинсе. Своих они также не пересчитывали. — Он поморщился. — Во всяком случае, так утверждают.

— Но почему кто-то из серых хочет спасти девочке жизнь? — спросил Роджер.

Николос с шумом вздохнул.

— Потому что с установлением перемирия и смертью Меланты фракция войны потеряла бы возможность перетянуть на свою сторону остальных серых. Сами по себе они не способны победить нас. Но если бы им удалось похитить Меланту и объявить, что мы нарушили соглашение, то, возможно, они смогли бы разжечь прежнюю ненависть и вражду.

— А зеленые? — спросила Кэролайн. — Из них кто-нибудь мог решиться выступить против Сирила?

— У зеленых нет такого понятия, как «выступить против вождя», — натянуто сказал Николос. — Даже родители Меланты не осмелились прекословить Сирилу.

— Ясно. — Кэролайн решила пока на этом не заикливаться. — В любом случае нам больше нечего сказать о спасителе Меланты. Еще раз говорю, с фонарями творилось что-то неладное.

Роджер недовольно морщил лоб, но, к ее облегчению, намек понял.

— Да, — подтвердил он. — Извините.

Поджав губы, Николос перебежал глазами с одного на другого.

— Полагаю, это не так уж важно, — произнес он. — Когда Меланта вернется, она нам сама все расскажет.

— А что будет дальше? — спросил Роджер. — Я понимаю, вы собираетесь, — он взглянул на Кэролайн, — завершить начатое. Но что потом? Вы верите, что серые будут соблюдать соглашение?

— Не знаю, что решит Сирил, — ответил Николос. — По моему мнению, Манхэттен в последнее время стал сильно перенаселен. Я бы посоветовал пожертвовать Мелантой, чтобы подтвердить наши добрые намерения, а затем отступить в северную часть Нью-Йорка, где в нашем распоряжении будет неограниченное количество деревьев. — Он покачал головой. — Но такое решение должны принять все зеленые, — добавил он. — В любом случае теперь вы понимаете, как важно, чтобы Меланта вернулась. Когда и где мы сможем забрать ее?

Кэролайн почувствовала, как Роджер напрягся.

— Не хотим отнимать у вас время, господин Грин, — с неожиданной официальностью заявил Роджер. — Если вы дадите свой телефон, мы свяжемся с вами.

Лицо Николоса окаменело.

— У нас нет времени для игр, Роджер, — ледяным тоном произнес он. — Нам нужно, чтобы девочка вернулась. Сейчас.

— Нет. — Голос Роджера был почти спокоен. — Вам нужно, чтобы она вернулась к среде. Остается немало времени, чтобы принять решение.

Он коснулся руки Кэролайн и встал. Они поднялись вместе.

— Вы совершаете ошибку, — предупредил Николос, не двигаясь с места. — Мы не позволим вам поставить под угрозу наши жизни. Мы все равно вернем Меланту.

— Если она захочет вернуться, мы сами ее доставим, — пообещал Роджер. — Если нет, придется побеседовать еще. Ваш номер?

— Просто зайдите в парк, — процедил Николос. — С вами свяжутся.

Когда они вышли из столовой, двое зеленых, которые сопровождали их в машине, стояли у дверей. Проходя мимо молчаливых стражей, Кэролайн крепко сжимала руку Роджера, но те не сдвинулись с места. Супруги вышли на улицу и жадно вдохнули свежий холодный воздух.

— Что дальше? — спросила она.

— Метро, — кратко ответил он, ускоряя шаг.

Всю дорогу, пока они шли через университетскую территорию, Роджер молчал. Наверное, опять сердится на нее, с тоской догадалась Кэролайн.

Даже в субботу университетский городок был полон студентов и преподавателей, переходивших из одного здания в другое. Роджер повел ее мимо Додж-холла, и, увидев двери, ведущие в театр Миллера, Кэролайн вздрогнула. Если бы она не настояла, чтобы идти пешком со спектакля в тот вечер — если бы она хоть раз переборола свой страх и согласилась проехать в метро несколько коротких остановок, — никто бы не завел их в переулок под дулом пистолета, и их жизнь шла бы своим чередом. В этом случае, конечно, Меланта, скорее всего, была бы мертва. Может быть, она уже мертва.

Только в вагоне метро Кэролайн решилась заговорить.

— Ты злишься на меня, Роджер? — неуверенно спросила она.

К ее облегчению, он удивленно поднял брови.

— Нет, конечно, — ответил он. — С чего бы?

— Не знаю. Думаю, может, слишком много там говорила. С тех пор как мы оттуда ушли, ты все молчишь.

— Пытаюсь разобраться. — Он взял ее за руку. — А ты что об этом думаешь?

— Все как-то нелогично, — сказала Кэролайн. — Николос рисует зеленых такими благородными, цивилизованными, но признает, что они готовы хладнокровно убить двенадцатилетнюю девочку.

— Ради блага всех остальных, — напомнил Роджер.

— Даже если ради блага всей Вселенной, — возразила Кэролайн. — Все равно это неправильно. И не верится, что серые такие жестокие, как он говорит.

— Но они же стреляли по деревьям во время войны, — напомнил Роджер. — Или ты хочешь сказать, что и у этой истории две стороны?

— У любой истории две стороны. — Кэролайн старалась сдерживаться. Спор ни к чему хорошему не приведет. — И надо выслушать обе стороны, до того как что-то решать.

Роджер хмыкнул и снова умолк. «Девяносто шестую улицу» — их остановку — он, судя по всему, не заметил. Подумав, Кэролайн решила, что будет лучше, если она притворится, будто тоже не заметила.

— Ладно, — сказал он, когда поезд подошел к станции «Восемьдесят шестая улица». — Давай так. Вернемся к Янгам и осмотримся. Если Меланта прячется, то должна ждать, что мы вернемся.

— Если она там, почему не ответила, когда я звала ее сегодня утром?

— Может, боялась. Может, вокруг ходили зеленые или серые.

— Думаешь, теперь они ушли?

— Понятия не имею, — признался Роджер. — Но больше пока ничего предложить не могу.

— Хорошо, — сказала она. — Отличная идея.

— Угу, — почти неслышно произнес Роджер. — Извини, — добавил он. — Я просто... у

меня не очень получается.

— Да что ты! — заверила его Кэролайн, немного удивленная таким признанием. Обычно в таких случаях Роджер за свою слабость отыгрывался на ней. — Куда лучше-то? — добавила она. — Ты держал в руках все нити разговора, поэтому мы узнали гораздо больше, чем Николос собирался рассказать.

— Сомневаюсь, — пробормотал Роджер. — Но все равно спасибо. Жаль только, я ничего не сделал, когда нас запикивали в машину.

— Брось ты, — нахмурилась Кэролайн. — За это-то что извиняться? Если бы нас не привезли к Николосу, мы бы ничего не узнали.

— Оказалось, что так. Но пока нас везли, ты точно была недовольна.

— Я не сердилась, — запротестовала Кэролайн. — Правда.

— Ты всю дорогу молчала.

Она нахмурилась. Так он из-за этого?

— Я слушала. Пыталась разобраться, что они говорят.

Тут нахмурился Роджер.

— О чем ты? Они ни слова не произнесли всю дорогу.

— Вслух — нет, — согласилась Кэролайн. — Но было такое ощущение... — Она остановилась, подыскивая подходящие слова. — Знаешь, иногда так бывает: когда сидишь у ручейка, бегущего по камням, то будто слышишь какое-то бормотание. Когда я была маленькой, то воображала, что ручеек разговаривает с лесом. Что-то похожее.

— Серьезно? — искренне удивился Роджер. — Ты разобрала какие-то слова, пусть и непонятные?

Она покачала головой.

— Я понимала, что они разговаривают между собой, но и только.

— А Николос? Он, по-твоему, с кем-нибудь говорил?

— Не уверена. Но он ведь был гораздо дальше от меня, чем зеленые в такси.

— Значит, у тебя слишком короткий диапазон, — заключил Роджер. — Плохо дело.

— Извини, — механически произнесла Кэролайн.

Она удивилась, что он улыбнулся, возможно, впервые по-настоящему с тех пор, как заварилась вся эта каша.

— За что «извини»? — успокоил он ее. — Милая, ты совсем не виновата. Вот интересно, почему ты слышала что-то, а я нет?

— Возможно, у меня повысилась чувствительность, когда Сирил пытался заставить меня привести Меланту, — предположила Кэролайн.

— Возможно. Объяснение не хуже любого другого. — Роджер кивнул на окно, за которым проносилась стена тоннеля. — Скоро «Таймс-сквер». Нам пересаживаться.

Кэролайн собралась с духом.

— Роджер... что нам делать, если все-таки найдем Меланту? Просто отдадим ее Николосу?

Роджер покачал головой.

— Не знаю. Найдем, тогда и подумаем.

Иона приканчивал четвертый сэндвич, когда, наконец, зазвонил мобильный телефон Ференцо.

— Я слушаю. — Ференцо схватил его со стола и раскрыл.

— Это Джон, — раздался голос Пауэлла. — Есть хорошая новость, плохая новость и странная новость. С какой начать?

— Полагаю, принято начинать с неприятностей. — Ференцо встал и направился к двери. Поглощенный едой, Иона даже не поднял глаз, когда Ференцо закрыл за собой дверь. — Давай плохую.

— Уиттиеры додумались не доезжать на такси до нужного места, — сообщил Пауэлл. — Мы со Смитом обошли весь район между Четырнадцатой улицей и Пятой авеню, и ни в одном магазине их не видели.

— Ничего удивительного.

Ференцо подошел к окну гостиной и глянул вниз. Отсюда, с высоты, город всегда выглядел таким чистым, радостным и спокойным.

— В общем, да, — признал Пауэлл. — Хорошая новость, что Смит после этого нарыл отчет о происшествии, которое случилось час назад рядом с Уэверли-плейс на Западной Одиннадцатой улице. На всякий случай я показал фотографии Уиттиеров торговцам в этом районе, и нам повезло: директор кафе на углу Гринвич-авеню и Банк-стрит вспомнил, что они проходили мимо в сопровождении двух невысоких коренастых парней.

Ференцо нахмурился. Невысокие, коренастые. Как тот, что сидит на кухне и уничтожает весь его запас хлеба и ветчины?

— В каком направлении?

— От Гринвич в сторону Банк-стрит. Место там тихое, особенно по субботам.

— Он уверен, что это они?

— Это я уверен, что это они, — сказал Пауэлл. — Потому что спустя пять минут водитель «скорой», стоявший у больницы Святого Винсента, видел, как они улепетывали в обратную сторону уже без конвоя.

— Вот как. — Ференцо нахмурился, стараясь представить расположение улиц. — Значит, они свернули с Гринвич, прошли по Банк-стрит, повернули на Уэверли-плейс или Западную Четвертую, а затем снова вышли на Гринвич?

— Свернули точно на Уэверли. Водитель говорит, что они там встретились с двумя другими парнями и всей компанией сели в такси.

— Не с теми, что вели их?

— Шофер описал их как высоких и худых. К сожалению, он не запомнил номер машины.

— И то хлеб, — сказал Ференцо. — Таксомоторные парки сегодня нас любят.

— Ничего, я привык, чтоб меня любили, — заверил Пауэлл. — Ну что, готов к странной новости?

Ференцо нахмурился.

— Я думал, это и была странная новость.

— И близко нет. Сначала мы оказались здесь потому, что в сообщении говорилось об инциденте на Уэверли-плейс — так и узнали, что тут появлялись Уиттиеры, — машина, судя

по всему, пыталась сбить человека. Свидетель, переходивший соседнюю улицу, говорит, что мужчина стрелял в машину, и ее швыряло из стороны в сторону, когда в нее попадали пули или что там еще.

— «Что там еще»?

— Терпение, напарник, — продолжал Пауэлл. — Дай расскажу по порядку. В последнюю секунду мужик отпрыгнул в сторону. Машина проехала, мужчина, на которого покушались, развернулся и начал стрелять вслед.

— Как он выглядел?

— Низенький с борцовским телосложением, — довольным голосом произнес Пауэлл. — Бьюсь об заклад, это один из тех двоих, которые тащили Уиттиеров мимо кафешки. Куда делся другой, неизвестно.

— Может, это он вел машину? — спросил Ференцо.

— Не может, — хмыкнул в трубку Пауэлл. — Потому что за рулем был подросток.

— Точно?

— Угу. Как я сказал, машина проехала дальше по Уэверли мимо мужчины. Свидетель видел, как она свернула у ближайшего дома, чтобы не врезаться в поток на перекрестке с Седьмой. Раздался визг тормозов, а через несколько секунд из-за угла выбежал пацан, лет десяти — пятнадцати.

— Лица он, конечно, не разглядел.

— Не только разглядел. Он видел лицо не только парнишки, но и мужика, которого тот хотел задавить. Мало того, он фотограф-любитель с наметанным глазом и хочет описать их нашему художнику. Я уже отправил его в участок.

— Побольше бы нам таких граждан, — сказал Ференцо.

— Выпиши мне десяток, — согласился Пауэлл. — В общем, после того как мальчишка убежал, наш добровольный помощник еще раз оглядел Уэверли и увидел, что мужик бежит в сторону Банк-стрит. Ну как, уже достаточно странно?

— А что? — с подозрением спросил Ференцо. — Будет еще?

— Еще как будет. Потому что теперь мы переходим к «чему там еще», о котором ты спрашивал минуту назад. Как я уже говорил, машина сильно повреждена, но не пулями, как предполагал свидетель. Выглядит, будто ее обработала шайка ребят с кувалдами. Множество вмятин, но ни единого пулевого отверстия.

Ференцо нахмурился.

— Как следы от молотка на балконной двери Уиттиеров?

— Первое, что пришло мне в голову, — согласился Пауэлл. — Очень похожие следы, только крупнее.

— Может, оттащить машину к нам и дать посмотреть криминалистам?

— Уже у нас в гараже. Владелец — некто Хафдан Грей из Квинса. Ни о чем не говорит?

— Уиттиеры говорили о каком-то Хафдане, — нахмурился Ференцо. — У него нет сына со склонностью к угонам?

— Не знаю — пока не удалось с ним связаться. Может, конечно, просто посторонний мальчишка спер подходящую машину. Да, еще. Свидетель утверждает, что не слышал выстрелов, но когда я потряс его, он все-таки вспомнил про некий звук, будто дергают струну бас-гитары. Это ни о чем не напоминает?

Ференцо задумчиво поскреб щеку.

— Полицейские вчера вечером в Йорквилле.

— Точно. Один из них слышал звук, будто дернули скрипичную струну или резиновый жгут, перед тем как упала ветка. Мне кажется, тут есть очень интересные совпадения.

— Действительно, похоже на то, — согласился Ференцо, не выдавая волнения.

Пауэлл прав: все сходится очень хорошо. Почему же его профессиональный инстинкт возмущенно вопит, как сопрано в Метрополитен, тянущее верхнее до?

— Говоришь, отправил свидетеля в отделение?

— Десять минут назад. А что?

— Сделай одолжение, — медленно произнес Ференцо. — Как только придут криминалисты, чтобы заняться машиной, вернись в контору и задержи его.

— Хорошо. Надолго?

— Пока я с ним не поговорю. У меня есть еще пара дел.

— Нет проблем, — пообещал Пауэлл. — У меня там люди застревали без малейших усилий с моей стороны. Только постарайся подъехать сегодня, ладно?

— Да. И пусть Смит отследит последнее такси Уиттиеров.

— Понял. А разве ты не хочешь узнать имя свидетеля?

Ференцо нахмурился.

— Я должен хотеть?

— Думаю, да, — с мрачной иронией сказал Пауэлл. — Этого господина зовут Орест Грин.

— Как? Орест Грин?

— Совершенно верно. Правда, фамилия Грин весьма распространена. Но все-таки интересное совпадение, тебе не кажется?

— Если это совпадение, то я чемодан, — проворчал Ференцо. — Надеюсь, ты не упомянул, что имя нам знакомо?

— Не волнуйся, и виду не подал, — заверил Пауэлл. — Значит, мне заняться им до твоего возвращения?

— Да, и займись портретами Карстерса, что бы там ни вышло.

— Ясно. Пока.

Ференцо сложил телефон и сунул в карман. Опершись плечом на стену, он хмуро взглянул на город.

Грин. Кэролайн Уиттиер говорила вчера о зеленых и серых, что они могут быть в числе тысяч погибших ньюйоркцев о которых упоминал Сирил по телефону. До сих пор он полагал, что под зелеными имелась в виду левацкая партия защитников окружающей среды, фамилия Меланты — всего лишь совпадение, а «серые» — это просто неизвестное ему жаргонное слово.

Но теперь в деле появился Орест Грин вместе с Хафданом Греем. Может, все-таки имелись в виду фамилии.

Ференцо посмотрел в сторону кухни. Он вдруг сообразил, что Иона сообщил только свое имя. Возможно, Иона Грей?

Так это или нет, определенно пора задать ему несколько вопросов. Оттолкнувшись от стены, Ференцо повернулся к двери в кухню.

Он уже протянул руку, когда услышал из-за двери тихий голос.

Ференцо замер, прислушиваясь. Голос один, значит, Иона говорит по телефону; Ференцо осторожно приоткрыл дверь.

— ...Конечно, нет, — говорил Иона оскорбленно-негодующим тоном. — Сам не

понимаю, какого лешего я тут делаю.

Короткое молчание.

— Потому, что это бесполезно вот почему, — продолжал он. — Сюда-то Меланту никто не приведет.

У Ференцо закололо в затылке. «Меланта». Говорит о пропавшей девчонке.

Вот только с кем?

— Потому, что это глупо, — сказал Иона. — Если они захотят посадить ее под защиту воинов, то отправят в Центральный. Если просто хотят спрятать, то на улицах города деревьев — немерено.

Осторожно, используя голос Ионы как звуковое прикрытие, Ференцо приоткрыл дверь еще немного.

Глазам его предстала невероятная картина. Иона так же сидел за столом спиной к Ференцо, отложив недоеденный сэндвич. Но он не говорил по телефону, как думал Ференцо. Вместо этого он обхватил руками голову, прижимая ладони к щекам и вставив средние пальцы в уши в классической позе «ничего не слышу».

— Если бы я и правда, кого-то видел, неужели ты думаешь, что не доложил бы? — терпеливо спросил Иона. — Как? Еще раз... Отлично. Чтобы я дал отчет о движении? Я дам тебе отчет о движении.

Он раздраженно вздохнул.

— Транспортный поток в основном такой же, как и весь день, разве что немного усилился на Канал-стрит за последний час. Пешеходов немного, дождь же идет... Нет, Берган, я не нарушаю дисциплину. Поверь, я бы тогда занимался куда как более интересными делами... Потому что я тут понапрасну трачу время, вот почему. Я уже говорил: не отправят они ее в какой-нибудь чахлый садик. И уж конечно, не в этот; тут же между ним и Центральным целая толпа людей Торвальда. Если хочешь, чтобы от меня была хоть какая-то польза, пошли меня на Риверсайд или Вашингтон-сквер. Даже Грэмерси и то лучше.

Он снова умолк. Ференцо вглядывался в его руки, пытаясь понять, в которой он держит рацию или телефон. Но вроде обе были пусты.

— Да, ну извини, — сказал Иона. — Но мне же и поспать когда-то нужно. Ага. Не волнуйся — я свяжусь с тобой в ту же минуту, как они появятся. Конечно.

Он опустил правую руку — теперь Ференцо ясно видел, что она пустая, — продолжая прижимать левую к щеке. Дернул мизинцем правой...

— Порядок, он отключился, — продолжил Иона неожиданно грозно. — Ну, может, расскажешь, где ты был в десять утра?.. Слышь, Джордан, ты с кем разговариваешь?.. Да что ты? Послушай-ка меня, дружок: я сейчас говорил с самим Берганом, он просто кипятком пишет... Слушай, забудь ты о зеленых хоть на минуту и подумай, что с тобой сделают Берган с Ингваром, когда узнают, что это был ты. И считай, что в рубашке родился, если какой-нибудь легавый не видел, как ты садился в ту машину.

У Ференцо снова закололо в затылке. «Садился в ту машину»?

— Да понимаю, — продолжал Иона чуть более сочувственным тоном. — Но тут-то, по моему, не о чем волноваться. Даже если бы их привели к Хафдану, все равно они не могут рассказать ему ничего путного. Да и зеленым тоже. Даже заклинателям. Бросай-ка свои геройские выходки, пока тебя не поймали, ладно?.. Нет, пока у меня все в порядке: я тут немного подкрепился, а больше мне ничего и не нужно. Просто сиди тихо и сообщай

новости. И в следующий раз обязательно начинай с отчета о движении, понял? Особенно о пешеходах. Именно это интересует Хафдана, тогда они будут довольны. Хорошо. И в следующий раз будь на месте.

Он вздохнул.

— Знаю. Да не волнуйся, найдем мы ее. Слушай, мне пора. Будь осторожен.

Ференцо осторожно прикрыл дверь. Сосчитав до десяти, он наступил на половицу у стены так, чтобы она громко скрипнула. Открыв дверь, он с невозмутимым видом вошел на кухню.

— Извини. — Он уселся за стол. — Дела. Ну, как ты, полегчало?

Иона продолжал жевать сэндвич, словно ничего не произошло.

— Вроде чувствую, что наелся. Только в сон клонит все сильнее.

— Ну, времени спать у тебя будет в избытке. — Ференцо внимательно наблюдал за собеседником. — Мне нужно вернуться на работу. Кого-то чуть не сбила машина у Вашингтон-сквер, надо ехать.

— Да? — Иона старался говорить небрежно, но Ференцо уловил напряженность в его голосе. — Пострадавших нет?

— Кажется, нет, Но обстоятельства какие-то странные. Поэтому хочу лично поговорить со свидетелем.

У Ионы вытянулось лицо.

— Свидетелем?

— Некто по фамилии Грин, — небрежно произнес Ференцо и поднялся. — Мой напарник сейчас везет его в отделение, чтобы тот описал водителя нашему художнику.

— Наверное, это поможет, — пробормотал Иона.

— Да, может все решить, — согласился Ференцо, надевая куртку. — Не открывай дверь и не бери трубку — у меня автоответчик. Если снова проголодаешься, холодильник к твоим услугам. Я скоро вернусь.

Ободряюще улыбаясь, он открыл дверь и вышел из кухни.

Как только дверь закрылась, улыбка сползла с его лица. Иона, несомненно, знал о происшествии — выражение, которое было у него на лице, не оставляло сомнений. Теперь Ференцо мог поклясться, что его приятель Джордан и есть тот мальчишка за рулем.

Вот откуда Иона мог знать о проделках Джордана, это все еще требовало объяснения. Но если детали оставались туманными, одно было ясно как день. Дело, начавшееся как обычное проникновение в жилище, переросло в похищение, нападение, а возможно, и в попытку убийства. Такое развитие событий Ференцо совсем не нравилось.

Зато происшествие позволило расставить ловушки перед загадочным гостем. Если Иона проглотит наживку, то вскорости нужно ожидать появления интересных людей в двадцать четвертом участке.

Направляясь к лифту, Ференцо покачал головой. Выходные летят в тартарары.

* * *

Поначалу Роджер хотел поехать по тому же замысловатому маршруту, который использовал вчера, когда вышел от Торвальда. Но было уже далеко за полдень, а Кэролайн напомнила, что как зеленые, так и серые все равно каким-то образом узнают об их

передвижениях. В конце концов, он решил, что запутывать следы бесполезно. Они только дважды сделали пересадку, на «Таймс-сквер» и «Гранд-Сентрал», а выйдя на нужной остановке, сразу направились к дому Янгов, до которого было пять кварталов. Моросящий дождь, на время затихший, пока они беседовали с Николосом, вскоре начался опять, и Роджер купил еще один зонт вместо того, что они потеряли во время бегства от Ингвара и его сумасшедшего дружка за рулем.

Сначала они зашли в квартиру проверить, вдруг Меланта вернулась. Но там было пусто. По настоянию Кэролайн они оставили записку с номером сотового Роджера и снова вышли на улицу.

Ворота парка стояли открытыми, но, видимо, из-за постоянно возобновляющегося дождя там никого не было, кроме нескольких детишек на игровой площадке.

— Так что будем делать? — спросил Роджер, когда они, войдя во дворик, остановились у поврежденного дерева. — Не думаю, что, если мы заберемся на скамейку и начнем кричать «Меланта!», это сильно поможет.

— Я на самом деле хотела... ну, послушать у каждого дерева, — немного неуверенно ответила Кэролайн. — Если я слышала, как зеленые разговаривают друг с другом, когда находятся вне деревьев, может, услышу ее и внутри?

— Попробуй, — согласился Роджер. — Если во дворе ее нет, попытаемся в парке. Она могла перейти в другое растение после... Елки-палки!

— Что? — Кэролайн оглянулась.

— Смотри. — Роджер показал на приближающийся грузовичок с крупной надписью на капоте: «Парковое управление». — Похоже, кто-то собирается заняться деревом.

— А что, это проблема?

— Да, если увидят, как ты с ним разговариваешь. Начни лучше в той стороне, пока я их отвлеку.

Кивнув, Кэролайн направилась в другой конец двора. Роджер вышел на тротуар к подъехавшему грузовику.

— Быстро вы, — обратился он к мужчине и женщине, которые, выйдя, направились к кузову. — Обычно не дожدهшься никого, когда надо увезти сук.

— На это дерево срочный заказ, — ответил мужчина, вытаскивая лестницу. — Так что случилось-то?

— Тут такое дело... — Роджер бросил взгляд в другой конец двора.

Наклонясь к одному из деревьев, Кэролайн пристально вглядывалась в кору. Потом выпрямилась, оглянулась и перешла к другому дереву.

— Сначала вроде кто-то кричал, потом был выстрел, и набежала туча полицейских.

— Должно быть, перестрелка была. — Женщина взглянула на ствол, доставая из кузова пилу и опрыскиватель. — А ветка-то где?

— Разве не вы ее забрали? — нахмурился Роджер.

— Нет, конечно, — ответил мужчина. — По-вашему, мы увезли ветку, а теперь еще раз приехали, только чтобы обработать слом?

— Наверное, ее кто-то уже забрал, — добавила женщина.

— Наверное. — Роджер отошел в сторону, чувствуя, как в горле пересохло от волнения.

С опозданием до него, наконец, дошло.

Он перехватил Кэролайн по дороге к четвертому дереву.

— Брось это дело. — Роджер взял жену за руку и повел на улицу. — Нет ее здесь.

— Ты знаешь, где она?

— Где она была, — мрачно поправил Роджер. — Она пряталась в сломанной ветке.

Кэролайн поглядела через его плечо и ахнула.

— Ой, Роджер, ветки-то нет!

— Да, а эти ребята ее тоже не забирали, — сказал он. — Думают, что ее увез кто-то из службы по озеленению, но мы-то знаем, что никто бы так быстро сюда не явился.

— Они нашли ее. — Голос Кэролайн дрожал от отчаяния. — Ох, Роджер.

— погоди паниковать. Может, все не так просто, как кажется.

— В смысле?

— Я вот пытаюсь вспомнить, как выглядел двор утром. Почти уверен, что ветки уже не было.

— Да, кажется, ты прав, — медленно произнесла Кэролайн.

— Значит, ее забрали вчера вечером, — заключил Роджер. — Скорее всего, в суматохе — тут была целая толпа полицейских и криминалистов.

— Наверное, Меланты уже нет в живых.

— Нет, не думаю, — твердо заявил Роджер. — Вспомни, вчера вечером вокруг парка было полно зеленых и серых. Если бы кто-то из них хотел убить ее, он мог просто дождаться, когда полиция уедет, и совершить задуманное прямо на месте.

Кэролайн передернуло.

— Если только не хотел убить ее потом, в укромном месте.

— Не вижу никаких причин для обеих сторон делать это.

На самом деле Роджер видел не одну возможную причину, но не хотел еще больше пугать жену.

— Так что давай считать, что она жива, и попробуем найти ее.

— Ты прав. — Кэролайн выпрямила спину. — Есть идеи?

Они дошли до северной границы парка, где Роджер повернул налево.

— Предполагается, что они забрали ветку под носом у полицейских, — рассуждал он на ходу. — Они не могли просто утащить ее — это было бы уж слишком подозрительно. Значит, у них был грузовик.

— Причем какой-нибудь официальный, — уловила Кэролайн нить рассуждения. — Либо Паркового управления, либо озеленителей.

— Точно, — согласился Роджер. — И если только у них уже не было такой машины, что крайне маловероятно, надо было ее угнать.

— К тому же они не могли рисковать и везти ветку слишком далеко, — размышляла Кэролайн. — На первом же светофоре Меланта выскочила бы из ветки и убежала. Значит, и грузовик, и ветка могут еще быть где-то неподалеку.

— И я так думаю. Я бы на их месте не поехал на украденном грузовике дальше, чем нужно. Они отъехали на безопасное расстояние, вытащили Меланту, перевели в другую машину и уехали. Причем не стали делать это поблизости от других парков, поскольку там зеленые.

— Серые тоже, — добавила Кэролайн. — Веловски говорил, что они все время следят за зелеными.

— Точно, — сказал Роджер. Это ему еще в голову не приходило. — Значит, они бросили машину где-то в стороне от парков.

— Все равно придется искать и искать, — немного сникла Кэролайн!

— Но пока у нас больше ничего нет. Остается еще вероятность, что она сумела бежать до того, как они вытащили ее. Если так, она может прятаться там, где мы найдем грузовик.

Кэролайн минуту помолчала.

— Как думаешь, кто это был? Зеленый или серый?

Роджер покачал головой.

— Зеленым, вероятно, проще догадаться, что она в ветке. С другой стороны, у серых более технологичный склад ума, что, вероятно, означает, что им проще закоротить провода у грузовика.

— Мы также знаем, что нам отдал ее серый, — заметила Кэролайн. — А ведь только зеленый мог превратить ее трасск в пистолет, которым он угрожал, — вдруг добавила она.

— Что ты хочешь сказать?

— Мне только что пришло в голову. Тот серый, что отдал нам девочку, не мог создать пистолет. Очевидно, это должна была сделать Меланта.

— Очевидно, — согласился Роджер, не понимая, к чему она клонит. — Пока это только доказывает, что в глубине души она не хочет умирать.

— Только зеленый не нарушает просто так решения вождей, — напомнила Кэролайн. — Особенно если уверен, что его смерть — это единственная возможность спасти весь народ.

Ее передернуло от порыва холодного ветра.

— Как это отвратительно, Роджер. Они готовы начать войну, которая должна была закончиться три четверти века назад. И все пытаются использовать Меланту, каждый в своих интересах. Мы должны это прекратить.

— Да я бы рад. Интересно, однако, что сказал Николос по поводу чувства юмора нашей Вселенной. Посмотри, на кого пал выбор оказаться в гуще событий: на меня, который терпеть не может конфликтов, и тебя, которая автоматически встает на защиту угнетенных. Вместе мы...

Он умолк, вдруг осененный догадкой.

— Вместе мы?... — нерешительно подсказала Кэролайн.

— Я как-то не думал об этом раньше, — медленно произнес Роджер. — Но вместе мы составляем неплохую команду.

— А я всегда так думала. — Кэролайн вложила свою ладонь в руку мужа. Рука у нее была холодная, но голос молодой женщины звучал обнадеживающе бодро. — Как думаешь, они следят за нами?

— Если и следят, что из того? — возразил Роджер, стараясь говорить беззаботно. — Они сейчас уже, вероятно, знают наши биографии вдоль и поперек.

— Наверное. Просто мне не по себе оттого, что они за нами подглядывают.

— Да уж. — Роджер глубоко вздохнул. — Вот еще что. Если они действительно выкрали Меланту именно так, как мы думаем, то идти искать ее сразу после ухода полиции все равно было бесполезно. Так что нечего корить себя за это.

— Понимаю, — тихо сказала она. — Все равно помимо своей воли думаю, что мы подвели ее.

— Кэролайн...

— Так что нам надо просто наверстать упущенное, — твердо сказала она. — Давай начнем с того, что найдем грузовик.

Продолжая разговаривать, Уиттиеры повернули за угол и скрылись из виду.

Сложив газету, констебль полиции Нью-Йорка Джефф Смит положил ее на пассажирское сиденье и повернул ключ зажигания. Еще днем он предчувствовал, что если вернется сюда, то караулить ему придется долго. Но особых планов на сегодня у него не было, а иногда такие долгие засады приносят плоды.

Как только что принесла эта.

Глянув в зеркала, он плавно отъехал от тротуара, одной рукой держа руль, а свободной набирая номер на мобильном телефоне.

— Пауэлл. — Голос раздался на третий звонок.

— Это констебль Смит. — Смит сдержанно улыбнулся, поворачивая вслед за Уиттиерами. — Я веду их.

Когда Ференцо вошел, Пауэлл сидел в дежурке, прижав к уху телефон.

— Как раз вовремя, — махнул он в сторону стола, заваленного бумагами. — Смит на Четвертой. Будешь с ним говорить?

— Обязательно. — Усевшись, Ференцо нажал кнопку и снял трубку. — Ференцо. Продолжаешь следить за Уиттиерами?

— По мере сил, — раздался голос Смита. — Последние полтора часа они ходят по верхнему Ист-Сайду, осматривая каждый перекресток и проезд.

Ищут Меланту?

— Ты пешком?

— Пока нет, — ответил Смит. — Сижу в машине на случай, если они вдруг возьмут такси.

— Какая-нибудь система проглядывает? — спросил Пауэлл.

— Пока осматривают только улицы. Не дома, не магазины, а просто ходят по улицам.

— Ищут какую-то машину, — пробормотал Ференцо. — Они заходили в квартиру друзей, перед тем как отправиться на прогулку?

— Да, но ненадолго. Как вышли, сразу пошли во двор. Жена прошла в конец двора и осмотрела несколько деревьев, а муж с минуту разговаривал с озеленителями, которые приехали, чтобы обработать поврежденное место на дереве. Ференцо быстро взглянул на Пауэлла.

— Вчера вечером сломанный сук забрал грузовик из Паркового управления.

— Я тоже об этом подумал, — кивнул тот. — Уже проверил — вчера они никого не посылали.

— Значит, кто-то позаимствовал у них грузовичок?

— У них действительно пропала одна машина, — подтвердил Пауэлл. — Я уже объявил розыск.

Ференцо сердито сдвинул брови.

— Иначе говоря, кто-то просто увел у нас из-под носа то, что мы не должны были найти.

— Да, но что именно? — возразил Пауэлл. — Криминалисты к тому времени уже осмотрели весь двор. Иначе не разрешили бы забрать ветку.

— Если только люди из грузовика вежливо не попросили. Как домоуправа в доме Уиттиеров.

— Точно, — медленно произнес Пауэлл. — Но Умберто сразу об этом рассказал, когда Смит и Хилл опрашивали его. Насколько я знаю, ни один из криминалистов не объявлял, что кто-то унес улику.

— Их кто-нибудь спрашивал?

Пауэлл наморщил лоб.

— Ну... нет, наверное, нет.

— А, пожалуй, стоит. Смит, ты, случайно, не захватил с собой фотоаппарат?

— Случайно захватил. У меня и телеобъектив есть.

— Молодец, — похвалил Ференцо. — Если Уиттиеры с кем-нибудь заговорят, снимай. И чуть что, сразу мне звони.

— Слушаюсь, сэр.

— До связи. — Ференцо повесил трубку. — Что наш господин Грин? — спросил он Пауэлла.

— Они с Карстерсом недавно закончили. — Пауэлл взял папку и передал через стол. — Вот результат.

Ференцо открыл папку и разложил перед собой листы. Рисунков было четыре, с изображением подозреваемых анфас и в профиль, все гораздо тщательнее проработанные, чем те грубые наброски, которыми Карстерс обычно вынужденно ограничивался. У Грина, очевидно, превосходная память на детали.

— Похожи на снимки, сделанные до Мэтью Брэди, — заметил Ференцо.

— До кого?

— Фоторепортер времен Гражданской войны. Очень знаменитый.

Пауэлл ухмыльнулся.

— Дай угадаю. У дочки в школе курс по американской истории?

— Молодец, — похвалил Ференцо. — Деятнадцатого века, если быть точным.

— Какого ж еще? Слушай, кончай блистать эрудицией. А то в прошлом году даже меня стали дразнить «профессором», когда в школе проходили английскую литературу.

Ференцо пожал плечами.

— Подожди, когда твои дети попросят помочь с домашним заданием. Эти знания просто застревают в мозгу, хочешь или нет. Кстати, это были легенды и мифы Древней Греции, а не английская литература. Английская начинается весной.

— Жду не дожусь, — проворчал Пауэлл.

— Я тоже. — Ференцо взял два рисунка анфас. На одном был изображен подросток. На другом — коренастый мужчина лет за пятьдесят с широким лицом. У мальчика было более узкое лицо, но телосложения он тоже был крепкого.

И что-то еще. Что-то пока неуловимое. Ференцо поднял глаза.

— Где сейчас Грин?

— В комнате ожидания, — Пауэлл махнул рукой назад.

— Надеюсь, не один?

Пауэлл покачал головой.

— С ним по очереди Уонг и Абрамсон.

— Хорошо. Никто не хотел его увидеть?

Пауэлл сдвинул брови.

— Пока не слышал. А кого мы ждем?

— Того, кто не хочет, чтобы о портретах стало известно. — Ференцо сложил рисунки в папку и поднялся. — Занесу кое-что в лабораторию, а потом поговорю с ним.

— Мне тоже с тобой?

— Да нет, — небрежно сказал Ференцо. На самом деле он действительно совсем не хотел присутствия напарника на этом допросе. — Пойди попытай криминалистов насчет ветки, потом займись пропавшим грузовиком.

Он сдержанно улыбнулся.

— Можешь назвать это гордыней, но я бы предпочел, чтобы мы нашли его раньше Уиттиеров.

Они обошли, вероятно, кварталов двадцать, прежде чем Кэролайн, наконец, сдалась. Бесполезно, — вздохнула она, глядя на вереницы машин, снующих по улицам, как рой озабоченных пчел. — Грузовика тут нет. А раз нет грузовика, нет и Меланты.

— Был бы рад, если б мог возразить, — признался Роджер. — Наверное, я ошибся, полагая, что они бросили грузовик неподалеку.

— Но как они могли заставить ее сидеть внутри ветки?

— Да это и не нужно, — злясь на себя, произнес Роджер. — Им только надо было проехать пару кварталов, вытащить Меланту из ветки, пересадить в кабину и ехать куда заблагорассудится. Краденый не краденый, кто остановит грузовик Паркового управления?

— Но как они ее вытащили? — не унималась Кэролайн.

— Не знаю. Только помнишь, Ференцо говорил, что серые у нас на балконе пытались срубить деревья... как этот инструмент называл Веловски? Молот-пистолет? Наверное, они думали, что Меланта там, и хотели вытащить ее.

— Точно. — От этой мысли Кэролайн передернуло. Почувствует ли зеленый удар по дереву, как удар по телу? — И конечно, если это были зеленые, то они могли просто войти внутрь ветки и вытащить девочку.

— Значит, нам надо выработать новую стратегию. — Роджер посмотрел на часы. — Что касается меня, то на голодный желудок мне плохо думается.

Кэролайн вдруг почувствовала, насколько и сама проголодалась. От волнения она этого просто не замечала.

— Мы ведь обед пропустили?

— Угу. Давай найдем какой-нибудь ресторанчик и обсудим все за обедом.

— Вам не понадобится ресторан, — раздался позади мужской голос.

Кэролайн обернулась так резко, что чуть не упала. Рядом стояла молодая пара, оба темноволосые и смуглые.

— Простите, — быстро проговорил молодой человек, разводя руками. — Не хотел напугать вас.

— И долго вы за нами следите? — потребовал Роджер.

— Всего два квартала, — заверил мужчина. — Причем не столько следили, сколько хотели нагнать.

— Вот и нагнали, — осторожно произнес Роджер. — Чего вы хотите?

— Пригласить к себе домой на обед, — ответил мужчина. — Меня зовут Василис, это моя жена, Иоланте.

— Грин, надо полагать? — спросил Роджер.

— Конечно, — сказал Василис, будто это само собой разумелось. — Мы живем неподалеку в Карл-Шурц-парке, всего в двух кварталах отсюда.

— Удобно, — проворчал Роджер. — А что после обеда?

— Не понимаю, — наморщил лоб Василис.

— Зажмете пальцы в тиски? — предположил Роджер. — Подвергнете гипнозу? Потому что мы все равно не скажем, где Меланта.

— Ну что вы, ничего подобного, — запротестовал Василис. — Только пообедаем и поговорим, а уйти вы можете когда угодно.

— Нам сказали, что пока вам не удалось увидеть наш народ с хорошей стороны, — добавила Иоланте, немного смущаясь. — Поэтому попросили пригласить вас. Мы надеемся изменить ваши впечатления.

Роджер наклонил голову к Кэролайн.

— Что думаешь? — тихо спросил он.

С минуту она изучающе глядела на незнакомцев, пытаясь составить о них хоть какое-то представление.

— По крайней мере, на этот раз нас приглашают. Не вижу причины отказываться.

— Прекрасно, — довольно сказал Василис и махнул рукой в сторону. — Тогда нам туда.

Они повернулись и послушно двинулись в указанном направлении.

— А сами вы кто? — спросил Роджер, оценивая их взглядом. — Сказители? Воины?

— Я трудящийся в одном ресторане, — ответил Василис. — Иоланте манипулятор, хотя сейчас в основном сидит дома и помогает воспитывать детей нашего сообщества.

— У вас есть свои рестораны? — спросил Роджер. — Я полагал, что вы держитесь обособленно.

— Нам приходится зарабатывать на жизнь, как и всем, — сказал Василис. — Квартиры и еда стоят денег, даже при том, что мы делим расходы. К счастью, зеленая кухня очень похожа на греческую, поэтому мы без опаски можем выдавать себя за выходцев из Средиземноморья или Южной Европы.

— А свои дети у вас есть? — спросила Кэролайн.

— Да, трое, — с ноткой гордости ответила Иоланте. — Зилии — тринадцать, Филлиде — одиннадцать, а Яннису — семь. Зилия сегодня пошла в Центральный парк к подруге, а с другими познакомитесь.

— Сколько вас там? — спросил Роджер.

— В нашем доме шесть семей, — ответил Василис. — Большинство — молодые пары с детьми, как мы.

— Мы переехали пять месяцев назад из Вашингтон-сквер, — тихо добавила Иоланте. — Из соображений безопасности: в округе становилось все больше серых.

— Но нельзя отступать бесконечно, — мрачно добавил Василис. — Где-то надо провести черту и дать отпор.

Они подошли к неброскому дому рядом с Шурц-парком, Василис провел их наверх в одну из угловых квартир. У двери с явным нетерпением ждал маленький мальчик.

— Наш младший, Яннис, — сказала Иоланте, и снова Кэролайн почувствовала, что почти слышит, как родители беззвучно общаются с сыном. — Он сейчас исполнит древний ритуал часового.

Опять неслышные слова, и мальчик гордо выпрямился.

— Кто пришел в этот дом? — звучно спросил он.

— Господин дома с супругой, — отвечал Василис.

— Кто пришел вместе с тобой?

— Почетные гости зеленых. — Василис протянул правую руку ладонью вверх к Кэролайн.

— Возьмите ее правой рукой, — шепнула ей на ухо Иоланте.

Бросив на Роджера неуверенный взгляд, та повиновалась.

— Госпожа дома согласна? — Яннис взглянул на мать.

— Да. — Иоланте взяла правой рукой правую руку Роджера.

— Тогда входите, — нараспев произнес Яннис поклонившись в пояс, он отступил в сторону, нажал на дверную ручку и открыл дверь. На них пахло ароматом готовящегося обеда — баранины и тушеных овощей, — отчего у Кэролайн засосало в желудке. Держа ее за руку, Василис вошел в квартиру, за ним, также рука об руку, Иоланте с Роджером.

— Думаю, надо было заранее вас предупредить, — сказал Василис, отпуская руку Кэролайн. — Соединение правых рук гарантирует, что никто не применит оружие. Надеюсь, процедура вас не оскорбила.

— Нисколько, — заверил Роджер. — Очень похоже на наше рукопожатие.

— Обычно воин встречает гостей таким образом, — пояснила Иоланте. — Но поскольку среди нас нет ни одного воина, то попросили Янниса.

— Я думала, что у вас роли жестко распределены, — сказала Кэролайн.

— Так и есть, — согласилась Иоланте. — Но Яннис еще не дорос до испытания, и мы пока не знаем, каков его дар. А до тех пор ему разрешается играть любую роль.

— Мостики в современное общество, — улыбнулся Василис Роджеру. — Уверен, как юристу это должно вам понравиться.

— Конечно, — согласился Роджер. — Во всяком случае, такой прием гораздо дружелюбнее, чем я получил вчера у Александра.

— Тогда вы не были гостем, — напомнила Иоланте.

— Кстати, — добавил Василис, глядя поверх плеча Кэролайн, — сегодня у нас еще один гость.

Кэролайн оглянулась — в дверях стоял высокий зеленый с изборозженным морщинами лицом и коротко стриженными, с проседью, волосами.

— Роджер, Кэролайн. — Василис повел рукой в сторону мужчины. — Позвольте представить вам одного из наших вождей, Заклинатель Александр.

— Добрый вечер, — звучно и величественно, но вежливо произнес Александр, перебегая глазами с одного на другого. — Очень рад, что вы смогли к нам присоединиться.

* * *

— Снимки парочки сделал? — спросил Ференцо в трубку.

— Полдюжины, — ответил Смит. — Продолжать наблюдение?

— Непременно. Мне надо знать, сколько они там пробудут, выйдут ли одни, с той парой или еще с кем-то.

— Понял. До связи.

Выключив телефон, Ференцо толкнул дверь и вернулся в лабораторию.

— Закончил секретное совещание? — насмешливо промурлыкала миниатюрная рыжеволосая женщина в белом халате, подняв голову от микроскопа.

— Просто не хотел тебе мешать, дорогая, — тем же игривым тоном ответил Ференцо, запихивая телефон в карман. — Ну что?

— Определенно кровь. Человека или нет... — Она пожала плечами. — Не знаю.

— Почему? — спросил Ференцо. — Разве нельзя сделать анализ ДНК или что-нибудь в этом роде?

— Конечно можно. Еще можно замерить уровень глюкозы, наличие токсинов и провести около ста разных тестов на генетические заболевания. Но ты же просил дешево и

сердито. Указания меняются?

Ференцо скорчил гримасу. Ясно, что лейтенант не даст разрешения на дорогостоящую экспертизу и людей не даст.

— Нет, — признался он. — А что можно сказать?

— Повторяю, это кровь. Образец, конечно, ты дал микроскопический, но кровяные клетки определенно есть. Где ты, кстати, его раздобыл?

— На стене в переулке рядом со Сто первой и Бродвеем, — ответил Ференцо. — А почему думаешь, что это не человек?

— Возможно, потому, что никак не могу определить группу.

— Может, редкая? Какая-нибудь первая отрицательная.

Криминалист покачала головой.

— Этот тест показывает любую, причем обычно он работает и с меньшим количеством. То, что несколько дней кровь находилась на воздухе, тоже не должно повлиять.

— Что думаешь, Кэт?

— Возможно, кровь животного, — пожала она плечами. — Без дополнительных тестов сказать не могу, а на халяву больше времени нет. Неси заявку и вставай в очередь.

— Пас. — Ференцо направился к двери. — К тому времени, как ты закончишь, это уже все равно, скорее всего, будет бесполезно.

— Тогда присылай подмогу, — предложила Кэт.

— Шутишь, — хмыкнул он. — В отделении и так людей не хватает, мне они самому нужны. Спасибо.

Он вышел из лаборатории и направился в комнату ожидания, чувствуя себя крайне неуютно. Значит, у Ионы не человеческая кровь. Об этом он пытался не думать с тех пор, как нашел раненого по вертикальному следу на стене. До сих пор отогнать неприятную мысль хоть и с переменным успехом, но удавалось.

Теперь, однако, отпали все сомнения.

Так кто же они? Затерявшаяся колония неандертальцев? Шайка вампиров? Пришельцы? А главное, ему-то, что теперь делать? Предупредить мэра? Вызвать спецназ?

Продолжая шагать по коридору, он поморщился. Нет. Пока ни городу, ни его жителям вроде бы ничего не угрожает. Да, пропала девочка, но до сих пор нет никаких доказательств, что совершено преступление. Так что надо выждать, пока не станет ясно, существует ли какая-либо опасность.

Когда он вошел, сержант Абрамсон беседовал с молодым темноволосым человеком.

— Вы, должно быть, Орест Грин, — кивнул ему Ференцо. — Я старший следователь Ференцо. Спасибо, что уделите нам часть своего субботнего времени.

— Несколько большую, чем я рассчитывал, — многозначительно произнес Грин, поднимаясь.

— Да-да, и приношу наши извинения. — Ференцо оглядел сотрудников, сидевших в комнате. — Давайте пойдем куда-нибудь, где поспокойнее, — предложил он и повернулся к двери.

— Зачем? — Грин не двинулся с места. — Я написал заявление и дал описание художнику. Чего вы еще хотите?

— Я бы хотел, чтобы вы мне все это рассказали.

— Я уже рассказывал вашему сотруднику, — возразил Грин. — Или вы друг с другом не общаетесь?

— Ну ладно вам, — понизил голос Ференцо. — У него почерк — жуть. Если я это буду читать, у меня голова треснет.

Грин раздраженно вздохнул.

— Хорошо. Но давайте побыстрее.

Комната допросов находилась рядом.

— Хотите кофе? — спросил Ференцо, пропуская Грина вперед.

— Нет, спасибо. — Тот остановился, увидев голые стены, пустой стол и два стула. — А там было уютнее.

— Зато здесь никто не помешает. — Ференцо уселся за стол и жестом указал на стул напротив. — Присаживайтесь.

— Десять минут. — Грин неохотно сел.

— Десять минут, — согласился Ференцо, достал рисунки и разложил по столу. — Расскажите, что произошло.

Грин вздохнул.

— Я видел, как по Уэверли-плейс неслась машина на человека...

— Этого? — перебил Ференцо, постучав пальцем по портрету взрослого.

— Да. Он наставил на машину пистолет, но выстрелов я не слышал. Водитель высунул руку из окна, мне показалось, что он тоже прицеливался.

— Он тоже не стрелял?

— Во всяком случае, я не слышал, — ответил Грин. — Машина не смогла сбить мужчину и поехала дальше...

— Не смогла как?

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, как именно человек избежал столкновения?

— Он отпрыгнул на тротуар между стоящими машинами, — сказал Грин. — Машина проехала дальше, туда, где я стоял. Я нырнул за угол, услышал, как машина остановилась, а потом из-за угла выбежал подросток.

— Этот? — Ференцо указал на два других рисунка.

— Да. Он побежал в сторону Гринвич-авеню. Когда я снова выглянул на Уэверли, то увидел, что машина стоит, а мужчина убегает в обратную сторону.

— Ясно. — Ференцо убрал рисунки в папку. — А почему вы решили помочь нашему художнику с этими рисунками?

Грин нахмурился.

— Просто как сознательный гражданин.

— Да нет, не думаю. — Ференцо откинулся на стуле. — Сознательный гражданин в таких случаях обычно рассказывает правду.

— О чем вы говорите? — попытался возразить тот. — Я рассказал все, что видел.

Ференцо покачал головой.

— Ни мужчина, ни мальчик не убежали, — спокойно произнес он. — Во всяком случае, не по улице.

У Грина вытянулось лицо.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что знаю об этих ребятах все. — Ференцо внимательно наблюдал за лицом собеседника. — Они не бегают вдоль домов. Они по ним лазают.

Он ожидал увидеть смущение и несколько удивился, когда Грин откинулся на спинку

стула и злобно уставился на него.

— Значит, вы работаете на них.

— Я работаю на город Нью-Йорк, — поправил Ференцо. — А почему вы все считаете, что я работаю на другую сторону?

— Потому, что есть только две стороны, — выпалил Грин. — Если вы не с нами, значит, против нас.

— Как угодно. — Ференцо постучал пальцем по папке с рисунками. — Теперь скажете мне, зачем вам это понадобилось?

— Вы же такой умный, — возразил Грин. — Сами скажите.

— Ладно, — согласился Ференцо. — Эти двое принадлежат к группе, с которой собираются драться ваши люди. Вы увидели их на Уэверли-плейс с Уиттиерами, за которыми сами охотитесь. Вы ведь знаете, кто такие Уиттиеры, не так ли?

Грин промолчал, хотя вопрос был риторический. Ференцо уже все понял по глазам.

— В общем, вы увидели их, но не узнали, — продолжал он. — Конечно, вы могли вернуться к своим и описать этих людей. Но давать словесный портрет нетренированным людям всегда не очень надежно. Поэтому, когда появился констебль Пауэлл, вы решили воспользоваться услугами полицейского художника, чтобы получить настоящие портреты. Ну как?

Грин поджал губы.

— Вы не имеете права держать меня тут, вот как.

— Знаю, — согласился Ференцо. — К счастью для вас, это не в моих интересах. — Он встал и направился к двери. — Спасибо за помощь, вы свободны. Всего хорошего.

Грин с сомнением наморщил лоб.

— Если вы не собираетесь меня задерживать, зачем продержали весь день?

— Главным образом чтобы убедиться, что мы с вами понимаем друг друга, А также чтобы вы поняли, каковы мои интересы, а именно: жизнь, свобода и спокойствие на улицах. Надеюсь, ваши люди не окажутся у меня на пути.

— Лучше надейтесь, что не окажетесь на нашем пути, — фыркнул Грин.

— Это что, угроза? — поднял брови Ференцо.

— Простая констатация факта. — Грин почти лениво поднялся со стула. — А что с моими рисунками?

— Подержу их пока у себя, — ответил Ференцо. — Если ваши друзья захотят на них посмотреть — добро пожаловать, можем поговорить.

— Я передам. — Грин обошел вокруг стола. — Я сам найду выход.

— Не сомневаюсь. — Ференцо отступил от двери. — Сотрудник в коридоре проследит, чтобы вы не заблудились. До свидания, господин Грин.

Грин молча вышел, оставив дверь приоткрытой. Ференцо дождался, пока дежурный офицер проводит его до выхода, вернулся к столу и снова сел. Достав рисунки, он разложил их на столе.

Что-то в портрете мальчика с самого начала не давало ему покоя. Теперь, когда подсознание переварило информацию, он почти видел перед собой живого человека.

Мальчик мог выглядеть как молодой Иона. Скорее всего, это братья, по крайней мере, двоюродные.

Он откинулся на стуле, сердито сдвинув брови. Еще один кусок головоломки, который никак не сходится с другими. Почти наверняка этот мальчик и есть Джордан, с которым

Иона разговаривал на кухне, тот самый Джордан, который сейчас находится где-то на Канал-стрит и следит за движением на улицах.

Вот только если судить по последней части разговора, то на дежурстве должен был находиться сам Иона, а не Джордан.

А главное, так и остается непонятным зачем.

Вздыхнув, Ференцо собрал рисунки в стопку. Может, он и не знает, что происходит, но можно не сомневаться, что Иона-то знает. Больше того, судя по его поведению, он уже должен был тут появиться. Видимо, решил, что сейчас важнее поспать.

Это полицейского как раз вполне устраивало. Все равно ему еще сидеть тут часа два, чтобы составить хоть сколько-нибудь правдоподобный отчет.

Но когда работа будет закончена, дома предстоит серьезный разговор. Сложив, пачку рисунков, он сунул их в карман куртки и отправился к своему столу.

— Прежде чем мы продолжим, — сказал Александр, когда все расселись в гостиной, — я бы хотел извиниться перед Роджером за вчерашнее поведение Сильвии. Боюсь, она слегка переусердствовала, желая добиться от вас сотрудничества.

— Не уверен, что это слово даже близко отражает ситуацию, — возразил Роджер. Сердце его отчаянно застучало. Александр, заклинатель. Так они собираются вернуть Меланту? — Она ведь пыталась использовать свой гипнотический дар, да?

— Именно пыталась. — Александр чуть улыбнулся. — В лучшем случае она могла напугать вас. В худшем — это могло выглядеть просто смехотворно. У Сильвии здесь не больше шансов, чем у трехлетнего малыша воспроизвести шедевр Ренуара.

— В отличие от вас? — натянуто усмехнулась Кэролайн.

— Я не собираюсь убеждать вас, — покачал головой Александр. — Я даже не уверен, что получится. Особенно с вами, Кэролайн, учитывая, что вы уже успешно сопротивлялись внушению. Кроме того, — морщины на его лице залегли глубже, — вы ведь не знаете, где Меланта, не так ли?

Роджер почувствовал, как Кэролайн сжала его руку.

— Нет, знаем, — возразил он.

— Зачем же лгать? — сказал Александр. — Такие люди, как вы, никогда не оставили бы ее утром в парке.

— Ладно, вы правы, — со вздохом признал Роджер, не обращая внимания на реакцию Кэролайн. — Так что же теперь?

— Обед, конечно, — с некоторым удивлением произнес Александр. — Вас ведь на обед пригласили.

— Я думала, вам просто нужна Меланта, — сказала Кэролайн.

— Меланта — ключ к нашему спасению, — ответил Александр. — Но это не означает, что мы не можем поблагодарить наших друзей.

— Вы уверены, что мы ваши друзья? — без обиняков спросил Роджер.

— Вы приютили беззащитного ребенка и защищали ее как могли. Так поступают друзья, отдаете вы себе в этом отчет или нет.

— А если мы все-таки уйдем? — поинтересовалась Кэролайн.

— Останетесь без хорошего обеда, — пожал плечами Александр. — Но никто не станет удерживать вас, если это имеется в виду.

Роджер искоса глянул на Кэролайн. Но ее лицо ничего не выражало.

— Пожалуй, я слишком голоден, чтобы искать ресторан, — решил он. — Кроме того, мне хочется узнать, как это у вас с деревьями получается.

— Узнаете, — пообещал Александр и встал. — Но давайте все по порядку. Обед готов.

* * *

— Спасибо. — Пауэлл повесил трубку на рычаг, одновременно дописывая сообщение. — Есть, Томми. Нашли парковый грузовик.

Ференцо оторвался от бумаг.

— Где?

— За тридевять земель, в Челси, у пирса пятьдесят девять. Сук так и лежит в кузове, — что доказывает — он взят для отвода глаз, им нужно было что-то еще. Хочешь съездить посмотреть, перед тем как его заберут в гараж?

Ференцо поколебался. Сейчас, однако, важнее закончить отчет и поговорить с Ионой.

— Пожалуй, останусь. Если хочешь, съезди проверь.

— Над чем корпишь? — Вытянув шею, Пауэлл заглянул в бумаги Ференцо.

— Да над отчетом. — Ференцо безнадежно махнул рукой. — Пока не начал писать, до меня не доходило, как безумно все выглядит. Надо подобрать слова, чтобы смотрелось серьезно.

— Удачи! — Пауэлл встал и снял куртку со спинки стула. — Думаю, надо глянуть на грузовик.

— Спасибо. — Ференцо посмотрел на часы. — А после можешь идти домой. Уже шестой час, а у тебя ведь выходной. Передай привет Сэнди, и отдыхайте.

— Если не возражаешь, лучше я о тебе не буду упоминать, — сухо заметил Пауэлл. — Ты сам-то поспи.

Лавируя между столами, Пауэлл вышел из комнаты.

— Угу, — пробормотал Ференцо. — Да.

Он отхлебнул холодного кофе и снова углубился в отчет. Эх, надо было серьезнее относиться к курсу по литературному мастерству в университете.

* * *

— Первые несколько лет были самыми тяжелыми, — говорил Александр, отпивая темное красное вино из изящного бокала. — Веловски помог нам с оформлением на острове Эллис, но когда мы оказались предоставленными самим себе, от него уже мало что зависело.

— Воображаю, — сказал Роджер. — Обычные дома для вас были чем-то совершенно новым?

— Для нашего поколения — несомненно. Наши предки, однако, жили в домах, и сказители сохранили эти воспоминания. Конечно, и то недолгое время, что мы провели на корабле, дало некоторое представление о жизни в четырех стенах.

— Разумеется, те, кто уже вырос здесь, чувствуют себя вполне уютно, — добавила Иоланте. — Иногда, особенно зимой, дети явно предпочитают оставаться под крышей, чем сидеть в деревьях.

— Хотя, подозреваю, какую-то роль здесь играет наличие видеоигр, — пробормотал Василис.

— Вы поэтому не хотите уезжать с Манхэттена? — спросил Роджер. — Привыкли к образу жизни?

— Мы не хотим уезжать с Манхэттена, потому что это наш дом, — не без раздражения ответил Александр. — Мы боролись за это место, старались изучить язык и культуру, найти работу, обжиться, спокойно растить детей. Почему мы должны позволить выкинуть себя отсюда?

— Конечно, — сказал Роджер. — Извините.

— Мы не просим сочувствия, — продолжал Александр. — Только понимания. И, если

сами решите, защиты наших интересов.

— Мы сделаем, что сможем.

Роджер вздрогнул, когда с другого конца стола раздался взрыв детского смеха, такой громкий, что уши заболели.

— Это они тренируют ревун?

— Просто расшумелись. — Иоланте, подавшись вперед, строго взглянула на детей. — Ивонна, ты не могла бы их успокоить?

— Извините. — Женщина на другом конце стола дважды щелкнула пальцами. — Дети, замолчали! Ешьте.

Все мгновенно стихли и принялись за еду; теперь оттуда доносилось только деловитое стаккато ножей и вилок.

— Как видите, они мало чем отличаются от обычных малышей, — с улыбкой заметил Александр.

— Вы, несомненно, приспособились к жизни средних американцев, — согласился Роджер, глядя на детей. — Мне это напоминает рождественский ужин с семьей Кэролайн в Вермонте.

— Конечно, мы привыкли, — сказала Иоланте. — А у вас большая семья, Кэролайн?

— Человек двадцать, — лаконично ответила Кэролайн. Голос ее звучал необычно ровно.

Роджер наморщил лоб.

В лице жены было какое-то напряжение, будто она старалась что-то скрыть.

— С тобой все нормально? — шепнул он.

— Да, вы явно не в своей тарелке, — подтвердил Александр. — Что-нибудь не так?

Поколебавшись, Кэролайн положила вилку и взглянула зачинателю прямо в глаза.

— Да, по-моему, кое-что не так. Мы тут сидим едим, а Меланта где-то на улице, голодная и продрогшая.

— Ясно, — спокойно сказал Александр. — А почему вы решили, что никто ее там сейчас не ищет?

Кэролайн опешила.

— Вы хотите сказать, что ищут?

— В эту минуту около восьмидесяти зеленых ходят по улицам Манхэттена, пытаюсь найти ее, — тихо сказала Иоланте. — На самом деле почти все, кто живет в Центральном и Морнингсайд-парке. Это вас успокоит?

Кэролайн дернула углом рта.

— Немного.

— Всего лишь немного? — улыбнулся Александр. — Пожалуйста, продолжайте. Что мы можем сделать, чтобы вас успокоить?

Кэролайн осторожно вздохнула.

— Николос говорил, что вы возглавляете фракцию, которая хочет сражаться с серыми. Это правда?

— Совершенная, — спокойно подтвердил Александр. — Как и Николос, я многое повидал. Я знаю, что совершили серые, и не верю, что между нами может быть мир.

— Но с вами согласны не все зеленые, — сказала Кэролайн. — А вам, если вы собираетесь драться, нужно, чтобы все заняли вашу сторону?

— На самом деле мне нужно только большинство, — поправил Александр. — Если я

его получу, остальные последуют за мной.

— Все дело в том, что вам надо найти способ привлечь остальных зеленых. И я подумала, что мнимое предательство серых может вам помочь.

— «Мнимое»? — спросил Василис.

— Мне пришло в голову, что вы могли бы выкрасть Меланту и обвинить в этом серых. Роджер напрягся. Но, к его облегчению, Александр, похоже, нисколько не обиделся.

— Ясно, — спокойно проговорил пожилой заклинатель. — И дальше что?

— В каком смысле? — спросила Кэролайн.

— Как, по-вашему, мы смогли бы поддерживать иллюзию о предательстве серых после возвращения Меланты? Думаете, Сирил и его сторонники когда-нибудь еще поверили бы мне, если она рассказала бы свою историю?

Кэролайн сглотнула.

— Полагаю, вам пришлось бы ее убить.

— Совершенно верно, — кивнул Александр. — Вот здесь и кроется изъян ваших рассуждений. Меланта — это ключ к победе в этой битве, наше главное оружие против серых. И меньше всего нам хочется, чтобы она пострадала. — Он покачал головой. — Нет, Кэролайн. Если бы Меланта была у меня, я бы не стал притворяться, что ее похитили серые. Я бы снова попытался отстоять свою точку зрения и потребовал нового поединка с Сирилом.

— Мы поняли, — быстро произнес Роджер. — Приношу извинения за подобное предположение.

— Ничего. — Александр не сводил глаз с Кэролайн. — Кэролайн?

Она скривила рот, но кивнула.

— Я тоже поняла.

— Ну и хорошо, — почти весело сказал Александр. — Продолжим обед и будем надеяться, что наши скоро найдут ребенка.

* * *

К тому времени, как Ференцо вышел из участка, солнце уже давно село. Хорошая новость заключалась в том, что отчет закончен: достаточно правдоподобный для официальной бумаги и в то же время достаточно туманный там, где нужно, чтобы не привлекать внимание к нехватке людей.

Новость плохая — то, что весь отчет весьма расплывчат и сшит на живую нитку. Кто-то, а Серрета это заметит.

Насупившись, Ференцо зашагал по тротуару к машине, оставленной на соседней улице. Больше всего раздражало, что свидетели-то могли прояснить ситуацию. Но Орест Грин, Уиттиеры, Иона — все молчали. И пока кто-то из них не заговорит, ничего реального к отчету не добавишь.

Он застегнул молнию на куртке и услышал, как чуть хрустнули бумаги во внутреннем кармане. Теперь, однако, можно кое-что предъявить хотя бы одному из свидетелей.

Он дошел до Амстердам и повернул направо. Рядом за высокой оградой из сетки находилась спортивная площадка. Там шла реконструкция, у ограды лежал штабель длинных толстых досок. В конце концов, они превратятся в новую горку, но пока Ференцо видел лишь неглубокую яму, огороженную оранжевыми решетками.

Размышляя о медлительности городского строительства, он вдруг увидел две фигуры, появившиеся в десяти ярдах впереди.

Ференцо замедлил шаг, чувствуя, как забилося сердце. Откуда, интересно, они взялись? Сетка прозрачная, на улице ни одной машины, а за деревьями, стоящими вдоль ограды, мог спрятаться только двухлетний ребенок.

Но факт оставался фактом, Друзья Ионы?

Незнакомцы стояли неподвижно. Оба молодые, лет по двадцать пять, жилистые. У высокого были темные волосы, узкое лицо и длинный орлиный нос, у его товарища, что на полголовы ниже, — пышная курчавая шевелюра.

— Добрый вечер, — произнес Ференцо, подойдя к парням. — Прохладненько сегодня?

— Это точно, — ответил Нос. — Вы старший следователь Ференцо?

Значит, не просто наглые грабители, промышляющие прямо у двадцать четвертого отделения, а поджидают именно его.

— Да, — подтвердил он. — Чем могу помочь?

— Нам нужны рисунки, — сказал Нос.

— Все, — добавил Курчавый.

— Рисунки?

Ференцо решил для начала прикинуться дураком. Обычно это сердит людей, а сердитые становятся разговорчивыми.

— Рисунки, которые сделал вам Орест Грин, — спокойно сказал Нос. — Тех двух серых с Уэверли-плейс сегодня утром.

— Вы имеете в виду Хафдана Грея и его сына? — предположил Ференцо.

— Хафдан? — нахмурился Курчавый. — Орест не говорил, что это...

— Было бы здорово поболтать, — перебил Нос. — Но сейчас нам нужны только рисунки.

Ференцо покачал головой.

— Извините, но они остались у меня на столе.

— Замечательно, — довольно сказал Нос. — Давайте сходим за ними.

— Ладно, — ответил Ференцо.

Он повернулся, как бы собираясь идти в обратную сторону, но вместо того, чтобы двинуться назад, развернулся на триста шестьдесят градусов и снова оказался лицом к лицу с парнями, уже с пистолетом в руке.

— А хотя нет, — палец лег на спусковой крючок, — лучше вы, вдвоем, идите-ка вперед.

Резкий свет фонарей осветил на лице Носа снисходительную улыбку. Он широко раскрыл рот и крикнул.

Ференцо подбросило, как от удара кулаком в живот. Это был почти тот же крик, что и утром в парке, крик, заставивший его врезаться в столб, а после поваливший на тротуар.

Но похож он был только странным, неестественным тоном и вибрацией. Сила удара оказалась куда мощнее, заставив полицейского попятиться назад. Звук ударил в лицо и грудь; как песок, несомый ураганом, залепил глаза и уши. Мышцы превратились в дряблую массу, живот свел мучительный спазм.

Что-то ударило по затылку, и, как бы очнувшись, Ференцо понял, что наткнулся на ограду. Пистолет по-прежнему оставался в правой руке; он с трудом сумел ухватиться левой за холодную сетку. Несколько долгих мгновений он стоял, качаясь, и старался восстановить равновесие, в то время как город кружился вокруг, будто на карусели. Открыв глаза —

только тут Ференцо понял, что они закрыты, — он увидел, что двое уверенно идут к нему.

— Ну, — небрежно произнес Нос, — так что вы там говорили?

Стиснув зубы, чтобы приступ тошноты не вывернул его наизнанку, Ференцо поднял казавшийся пудовым пистолет.

— Полиция, — выдавил он.

Нос даже не ускорил шаг. Пока Ференцо пытался понять, какие мышцы надо напрячь, чтобы нажать на спуск, тот подошел и быстро вырвал пистолет из его руки. Приблизив лицо вплотную, он издал еще один короткий, лающий крик, от которого голова Ференцо ударилась об ограду. Пальцы разжались, и полицейский бесформенной массой рухнул на тротуар. Моргая, он сквозь слезы увидел две пары туфель присевших на корточки мужчин.

— Очень глупо, — сказал Нос. — Теперь у вас несколько часов будет все болеть, а нам по-прежнему нужны рисунки. Где они?

«Сдавайся, — шепнул из глубины сознания голос. — Только покажи на карман, они заберут рисунки и оставят тебя в покое».

Что гораздо более важно, не придется входить в участок, словно пьяному или альцгеймерному. Может, он и помучается несколько часов, но хотя бы сохранит достоинство.

Он повернул голову, чтобы взглянуть в глаза Носу.

— Я уже сказал, — прохрипел он. — У меня на столе.

— Отлично. — Нос с Курчавым взяли Ференцо с двух сторон под руки и поставили его на ноги. — Прогуляемся до отделения.

— ... сив туйсен месиду-ноенс фил эрриа! — закончила Филлида, стоя в горделивой позе, напомнившей Роджеру Меланту, когда та выиграла первую партию в карты. Девочка подняла руки и изобразила в воздухе ладонями какую-то сложную фигуру.

— ...и с тех пор все они жили в мире, — так же торжественно перевел ее младший брат Яннис.

— «Песня Троспати», — хором произнесли дети и низко поклонились пятерым взрослым, расположившимся на диване и стульях.

— Как мило, — от всей души похвалила Кэролайн.

Но Кэролайн всегда была охотницей до хорошего представления, особенно в исполнении старательных любителей? Импровизированный детский спектакль не мог ей не понравиться.

— Здорово, — подтвердил Роджер.

Его так и подмывало сказать, что это куда интереснее психологической ахинеи, которую пришлось терпеть три дня назад в театре Миллера. Нет, пожалуй, не стоит.

— Они сами переводили?

— Нет, конечно, — ответила Иоланте. — «Троспатия» — это самое выдающееся произведение нашей ранней истории. Ее доверили переводить только самым одаренным сказителям.

— На самом деле это уже третий перевод, — добавил Александр. — С годами, обретая все больше знаний о тонкостях вашего языка, сказители пытались передать смысл все точнее, сохраняя при этом классическую композицию произведения и структуру предложений. Данный вариант закончен всего два года назад.

— Дети выступили просто замечательно, — сказала Кэролайн. — Возможно, один из них со временем станет сказителем?

— Мы и сами так думаем, — признал Василис. — Но ведь каждый родитель хочет, чтобы его ребенок оказался одарен высшим даром. Нам остается только ждать и надеяться.

— А как появляется дар? — спросил Роджер. — Это наследственность или что-то еще?

— В основном наследственность, — ответил Василис. — У двух трудящихся, скорее всего, родится трудящийся, у дальновидцев будут дальновидны и так далее.

— Доминантно-рецессивные гены тоже проявляются сложнее, чем у людей, — добавил Александр. — Возьмите, к примеру, Василиса с Иоланте. Как манипулятор Иоланте имеет крошечную часть дара землетряса, поэтому, если среди нас появится настоящий землетряс, логично будет предположить, что он появится в этой семье. Но их старшая дочь Зилия уже определена испытанием как трудящаяся, так что нет особых причин полагать, что Филлида и Яннис имеют какой-то из высших даров.

— А родители Меланты? — спросил Роджер.

— Еще один хороший пример, — кивнул Александр. — Зенас и Лорел — оба трудящиеся и по всем законам должны иметь детей-трудящихся. Это хорошо показывает, что не угадать, куда ударит молния.

— В любом случае, большое спасибо за представление, — снова обратился Роджер к детям.

— Дети? — подсказала Иоланте.

— Пожалуйста, — снова хором ответили те.

— А теперь пора спать, — сказал Василис. — Идите, переодевайтесь.

Яннис скорчил гримасу, но, по-видимому, знал, что спорить бесполезно. Кивнув в знак согласия, дети вышли из комнаты.

— Они читают с большим выражением, — заметил Роджер. — Несколько неожиданно, как лихо они попадают в унисон. Специально тренируются или это врожденное?

— Главным образом побочный эффект нашей тесной эмоциональной связи на близком расстоянии, — ответил Василис. — А у родных братьев и сестер такая связь проявляется ярче, чем обычно.

— Я все-таки думаю, что и тренируются тоже, — добавила Иоланте. — Координированное движение их все время завораживает, такое как танцы или олимпийское синхронное плавание.

— О Меланте пока ничего? — спросила Кэролайн.

— Только то, что она пока не ответила, — сказал Александр. Даже если неожиданная перемена темы застала его врасплох, он никак не показал этого. — Поверьте: как только ее найдут, вы узнаете об этом одними из первых.

— Разве вы не можете как-то ощущать ее присутствие? — спросил Роджер.

— К сожалению, не все так просто, — объяснил Александр. — Будь это так, мы нашли бы ее у вас в квартире в ту же ночь. Нет, если Меланта решит молчать, поисковики пройдут мимо, не заметив.

— А вы? — спросила Кэролайн. — Вы не можете приказать ей ответить?

— У вас явно сложилось впечатление, что заклинатели обладают неограниченной властью, — сказал Александр. — На самом деле мы не приказываем людям что-то делать. Наша сила — только в убеждении: то, что мы настаиваем на своей точке зрения, не лишает зеленого возможности сделать собственный выбор.

— И благодаря вам у Меланты появилась возможность переосмыслить прежнее решение — дать согласие на эту безумную жертву, — добавил Василис. — Пока сделка не состоялась, у Александра остается возможность привлечь на свою сторону больше зеленых.

— Но что это вам даст? — спросил Роджер. — Николос говорил, что Меланта еще не достигла полной силы.

— Нет, но самой угрозы, которую она представляет, может оказаться достаточно, — пояснил Александр. — Если мы сумеем убедить серых, что готовы учинить массовое побоище — чего, конечно, не хотим, — то, вероятно, сможем заставить их убраться из Нью-Йорка.

— Но почему вы просто не уедете сами? — спросила Кэролайн. — У нас же такая огромная страна, только выбирай.

— Потому что это наш дом, — ответила Иоланте. — Как можно просто собраться и покинуть дом?

— Однажды вы уже его покинули, — напомнила Кэролайн.

— Это не так просто.

— Но почему нет? — настаивала Кэролайн, уже не без раздражения. — Я до сих пор так и не услышала разумного объяснения.

— Не обижайтесь, Кэролайн, но это вас не касается, — так же раздраженно ответил Василис. — Если мы решили остаться...

— Не горячись, Василис, — спокойно перебил Александр. — Мы уже рассказали

достаточно много. Можем рассказать и об этом.

Он посмотрел на Роджера.

— Это связано с нашим кораблем, что зарыт у острова Эллис. Мы так и выращиваем на нем травы и пряности с нашей родины.

— Да, Веловски, помню, говорил, — сказал Роджер. — А что с ним не так?

— Всего лишь то, что нам не сдвинуть его с места, — вздохнул Александр.

— Что, двигатели не работают?

— Работают исправно, — сухо ответил Александр. — К сожалению, столь же исправно работают ваши гидролокаторы.

— Ах да... — До Роджера внезапно дошло.

— Действительно, «ах», — мрачно согласился Александр. — Наверное, уже в двадцать восьмом году было достаточно рискованно входить в порт Нью-Йорка. А теперь, при современных средствах подводного слежения, и сотни ярдов не пройти, чтобы не нарваться на систему раннего обнаружения.

— Особенно после одиннадцатого сентября, — сказал Роджер.

— Именно. Теперь вы знаете правду. Мы не можем сдвинуть корабль с места и также не можем допустить, чтобы его нашли люди или, хуже того, серые.

— У нас лишь один выход, — сказала Иоланте. — Остаться здесь и сражаться.

— А сделать это мы можем только с Мелантой, — заключил Александр. — Убежден, что если я поговорю с ней, то смогу привлечь ее на нашу сторону... — Он остановился. — А, вижу, мы готовы отправиться спать.

Роджер оглянулся. Дети Василиса и Иоланте вернулись вместе с остальными четырьмя ребятами, обедавшими вместе. Все были одеты в костюмчики, напоминавшие трико, различных оттенков зеленого, и темно-коричневые полусапожки из какого-то мягкого материала.

— Симпатичные пижамки, — заметил Роджер.

— Зубы все почистили? — поднялась Иоланте. Шестеро молча кивнули. Она кивнула в ответ и обернулась к Роджеру с Кэролайн.

— Хотите тоже пойти? — пригласила она. — Вы, Роджер, особенно желали узнать насчет деревьев.

— Конечно. — Роджер поднялся. — Пойдем, Кэролайн. Это должно быть интересно.

* * *

Поначалу ноги совсем не слушались Ференцо. Нападавшие держали его под руки, а он висел, как марионетка с оборванными нитками, тщетно пытаясь найти опору дрожащими ногами.

— Вы сможете, — поощрительно сказал Нос. — Или решили провести здесь всю ночь?

— Ну, вас к лешему, — процедил Ференцо сквозь зубы, сляясь совладать с ногами.

Он осторожно нащупал почву, на этот раз колени не подогнулись. Но как только попытался сделать шаг, снова рухнул на руки своих врагов.

Курчавый выругался на непонятном языке.

— Ну хватит, Ференцо, не так уж сильно тебя стукнули.

— Может, до сих пор вам не приходилось бить диабетика, — огрызнулся Ференцо. —

Погодите, а?

— Мы просто теряем время, — проворчал Курчавый. — Слушай, пошли заберем их сами.

— Терпение, — ответил Нос. — Дадим ему еще минуту.

Ференцо мысленно улыбнулся. На самом деле, несмотря на боль, мышцы уже вполне его слушались. Во всяком случае, он уже смог бы передвигаться без посторонней помощи.

Но противники этого не знали, а уловка насчет диабета должна была еще больше замутить воду. Если выиграть время, то он сможет убежать или вступить в борьбу, когда представится случай.

В течение следующей минуты он изображал ужасные мучения. Однако время, отведенное на притворство, истекло скорее, чем хотелось бы.

— Ну, хватит, — объявил Курчавый и пихнул Ференцо кулаком в бок. — Шевелись, или мы бросим тебя здесь.

— Без меня вам все равно не войти, — выдавил Ференцо, выиграв этой фразой еще несколько секунд.

Он уже вполне оправился; к тому времени, как они дойдут до отделения, сил совершить, задуманное должно хватить. Не забывая пошатываться, он повис, насколько это возможно, на неприятелях и заковылял вперед. Пройдя пять шагов, они оказались под фонарем, и тут в двух ярдах впереди стена словно взорвалась, подняв облако пыли.

В лицо ему ударила воздушная волна, и Ференцо инстинктивно отшатнулся. Мгновение спустя он потерял равновесие, потому что парни, рывком развернув его, потащили в обратном направлении. Не успели они пройти двух шагов, как другая стена в двух ярдах впереди тоже вздыбилась, как от удара кувалдой.

Налетчики оценили ситуацию и остановились. Нос подхватил полицейского, чтобы тот не упал, а Курчавый, наоборот, отпустил и стремглав понесся по улице, петляя, как солдат под вражеским огнем. Нос снова развернул Ференцо, на этот раз лицом к проезжей части, и обхватил сзади левой рукой. Правой он тут же замкнул захват и несколько мгновений, будто возился с чем-то. Затем расцепил руки, и Ференцо вздрогнул, увидев сверкнувший в правой руке нож с коротким лезвием. Предупредительным жестом Нос поводит ножом перед глазами Ференцо и приставил к горлу.

— Выходи, или легавому конец! — крикнул он над ухом Ференцо.

В ответ раздался еще один взрыв в ярде справа и через секунду в ярде слева. Сквозь слепящий свет фонаря и фар, несущихся мимо машин Ференцо пытался разглядеть стрелка.

Но ни рядом с домами напротив, ни в окнах никого не было видно. Справа поднялось еще одно облако пыли, но он не увидел даже намека на вспышку.

По-видимому, Нос тоже не мог понять, откуда стреляют. Прорывав что-то, он схватил Ференцо левой рукой за волосы и оттянул его голову назад.

— Последний раз! — Он потянул Ференцо назад, куртка зашуршала по сетчатой ограде. — Выходи!

Ференцо застыл. Теперь, когда его лицо было повернуто вверх, он не мог видеть, что происходит через дорогу.

Но он прекрасно разглядел темный силуэт, который скользнул по ночному небу справа над фонарями и приземлился позади на спортплощадке.

Не успел он даже засомневаться в реальности увиденного, как через дорогу раздался голос:

— Ладно! Я здесь! Не трогай его!

— Вот ты где, — пробормотал Нос. Сделав глубокий вдох, он закричал.

Крики, направленные перед тем на Ференцо с расстояния в шесть футов, были очень болезненны. Но этот, прозвучавший у него почти над ухом, оказался в сто раз хуже. Все тело мгновенно напряглось, тут же обмякнув, как тряпка, и осело к земле, несмотря на державшую за волосы руку. Если раньше все вокруг крутилось, то теперь пленник полностью потерял ориентировку. Грудь и живот переворачивало от боли, все внутренности словно колотились друг о друга. Он почувствовал ужасный рвотный позыв, но брюшные мышцы не действовали.

Крик отдался более слабым эхом. Поначалу Ференцо решил, что это обман слуха. Но затем отдаленный вопль послышался снова, и стало ясно, что это кричит Курчавый. Убежал он не от страха, как подумал Ференцо, а чтобы лишить нападавшего возможности стрелять по скученным целям.

Курчавый крикнул снова, но находился слишком далеко, что Ференцо что-то почувствовал. Мучительная боль от первого крика постепенно ослабевала, он лишь ощущал боль в макушке — Нос по-прежнему держал его за волосы, не давая упасть и приставив нож к горлу; он использовал полицейского как живой щит против направленного на него бесшумного пистолета.

Курчавый продолжал издавать крики. По мере того как мозг Ференцо постепенно начал оживать, до него дошло, что выстрелы действительно прекратились. Вывернув шею, он сумел взглянуть на улицу. На одном из двадцатиэтажных домов через дорогу разворачивалось зрелище, от которого еще неделю назад у него челюсть отвисла бы до земли. На уровне десятого этажа, между двумя темными окнами, на голой стене, расставив руки и ноги, будто его, как человека-ядро, выстрелом из пушки впечатало в кирпичную кладку, висел мужчина. Ни веревок, ни подвесной платформы, ни даже намека на крючья. Раздался еще один крик, звук заметался между домами, и Ференцо увидел, что правая нога висевшего потеряла опору, словно волшебный клей вдруг испарился. Отчаянно цепляясь за стену, он съехал на несколько футов вниз, прежде чем сумел закрепиться снова. Очевидно, что крики действовали на него таким же образом, как и на Ференцо, и цеплялся он не только за стену, но и за жизнь. Курчавый крикнул еще раз, и человек-паук соскользнул еще на фут.

Тут Ференцо понял, в чем заключалась стратегия. Варьируя продолжительность криков, его противники хотели плавно спустить стрелка вниз так, чтобы, с одной стороны, он не разбился насмерть, упав с высоты десятого этажа, а с другой — не дать ему возможности ответить огнем.

Но они не знали о втором, который спустился на землю во время стрельбы по тротуару, когда Ференцо умирал от боли. И который, возможно, сейчас бесшумно приближался сзади.

Одна проблема: в данном положении никто не мог помочь Ференцо, не подвергая его жизнь опасности. Нос стоял спиной к сетке, из-за которой невозможно перехватить руку с ножом, и по-прежнему был настороже.

И, разумеется, Ференцо понимал, что крадущийся сзади, скорее всего, думает о спасении своего товарища, который висит на стене. Вряд ли его волнует, перережут горло полицейскому или нет.

Ференцо надо самому позаботиться о себе.

— Отпусти, — захрипел он, изображая страх и боль, тем более что особенных усилий и

не требовалось. — Пожалуйста. Он уже готов и не сможет ничего вам сделать. Пожалуйста... живот... меня сейчас вырвет...

— Мать твою!..

Убрав руку с ножом, Нос отпустил его волосы и с отвращением толкнул на тротуар. Ференцо попытался удержать равновесие, но мышцы не слушались, и он ударился головой о холодный асфальт. Перед глазами заплескали искры. Сдержав стон, он перевернулся на спину и посмотрел на Носа. Несколько мгновений тот бесстрастно взирал на полицейского, затем снова перевел взгляд на здание напротив. Курчавый издал еще один короткий крик, от которого у Ференцо заложило уши.

Занятые своим противником, оба не заметили, как огромная доска, колеблясь, выплыла из темноты и опустилась на сетчатый забор. Темная фигура успела добежать почти до конца импровизированной платформы, когда Нос услышал, наконец, хруст металлической сетки и поднял голову. Он развернулся, выставив вперед нож. Поздно. В то же мгновение незнакомец высоко подпрыгнул. Нос крутанулся, пытаясь уследить за траекторией полета, и разинул рот, чтобы крикнуть.

Крикнуть он не успел. Раздался звон струны, из левой руки его противника вырвалась тонкая белая линия и ударила Носа в грудь.

Выстрел отбросил его назад, и вместо крика получился мучительный кашель. Последовал второй выстрел, на этот раз Нос ударился о сетку. Приземляясь, нападавший сгруппировался; за ту секунду, что он сидел на корточках, Ференцо успел, наконец, разглядеть его. Низенький и коренастый, он был в темной одежде и лыжной шапочке, натянутой до бровей, а лицо закрывал шарф, замотанный до самых глаз.

Шарф выглядел подозрительно знакомым.

От дома напротив раздался протяжный надрывный крик. Стиснув зубы от новой волны боли, Ференцо оглянулся. Кричал Курчавый, конечно, но, к удивлению Ференцо, он не убегал, а что есть сил мчался к сидящему на корточках стрелку.

Тот пошатнулся, и Ференцо на мгновение показалось, что звуковая атака увенчалась успехом. Но стрелок устоял на ногах, вновь поднял свое странное оружие и, поддерживая левую кисть, выстрелил.

Курчавый не просто покачнулся, как до того Нос. Белая линия ударила ему в грудь с такой силой, что не только остановила, но сбила с ног. С жутким стуком он ударился об асфальт и остался недвижим.

Лежавший рядом с Ференцо Нос попытался было подняться. Мгновенно переведя оружие, низенький снова выстрелил ему в грудь. Нос снова упал.

Несколько мгновений стрелок глядел на него, как бы оценивая, не нужен ли контрольный выстрел, видимо, решил, что нет, и обернулся к Ференцо.

— Ты в порядке? — пророкотал он.

— Просто классно, — прохрипел Ференцо.

Да, шарфик-то знакомый. Как и голос.

— Выпался?

Иона покачал головой.

— Слишком далеко ты зашел, — мрачно сказал он. — Будешь играть с этими людьми — обожжешься.

— Расскажи поподробнее. — Перекатившись на спину, Ференцо дрожащими пальцами попытался залезть в карман куртки. — У тебя вроде руки лучше действуют, а?

— Что нужно? — Иона, покачнувшись, присел рядом на корточки.

— Телефон. — Ференцо, наконец, вытащил мобильник. — Надо вызвать «скорую».

— Все будет нормально, — заверил Иона. — В больнице все равно тебе ничем не помогут.

— Не мне. — Ференцо раскрыл телефон. — И хотя я признателен за помощь, придется попросить тебя сдать оружие.

— Ты что, им, что ли, хочешь вызвать «скорую»? — презрительно спросил Иона. Он наклонился и вырвал телефон. — Извини.

— Проклятье! — Ференцо безуспешно попытался схватить свой мобильник. — Отдай!

— Не нужна им «скорая», и они не хотят ее вызывать. — Иона выключил телефон и сунул себе в карман. — Уж поверь. И с чего это ты так подобрел? Они же напали на тебя, забыл, что ли?

— Не важно! — огрызнулся Ференцо. — Все равно я не могу оставить их здесь истекать кровью.

— Это оружие действует не так, как обычный пистолет, — терпеливо пояснил Иона, поигрывая сплюснутой киянкой, которую Ференцо уже видел у него сегодня на пожарной лестнице. — Хотя, должен признать, тот, что у дома напротив, будет мучиться гораздо дольше, чем ты. Во всяком случае, кровь я вижу только у тебя.

Нахмурившись, Ференцо потрогал лицо. На щеке, действительно была кровь, которая тонкой струйкой стекала из уха за воротник.

— Оружие все-таки придется сдать, — потребовал Ференцо.

Что теперь будет со слухом?

— Конечно. — Иона протянул руку с пистолетом. — Вот он есть...

Он раскрыл ладонь, и на глазах у Ференцо пистолет распался на тонкие серебристые змейки. Мгновение они трепетали вдоль пальцев, а затем исчезли в рукаве.

— ...вот его нет, — закончил Иона. Ференцо не сомневался, что он ухмыляется под шарфом. — Теперь он в запястье.

— Послушай...

— Давай попозже, — перебил Иона, взял его под мышки и начал поднимать. — Надо убираться отсюда, пока не появились их друзья.

— Ты хочешь сказать, что их... а-а! — Все тело Ференцо пронзила страшная боль. — Тихо, тихо ты!

— Извини, но у нас нет времени. — Иона продолжал тянуть его вверх. — Единственная причина, по которой они нас не повязали, — это то, что они сейчас рассеяны по всему Манхэттену в поисках Меланты.

— Меланты? А что они... а-а!

— Да, да, — сочувственно отозвался Иона. — Слушай, ты не мог бы стонать потише? Это привлекает внимание.

Подняв Ференцо на ноги, он нырнул под него и рывком взвалил себе на плечи. Не давая раненому протестовать, Иона быстро потрусил по тротуару.

Каждый шаг отдавался болью; Ференцо стиснул зубы, взглянул на бегущую под ногами Ионы мостовую и потерял сознание.

Малыши вышли не через переднюю дверь, как ожидала Кэролайн, а направились к задней.

— Кто-то наблюдает за домом из машины, — объяснил Василис, направляясь мимо кустов через дорогу в парк. — Вероятно, один из помощников следователя Ференцо. Ему лучше этого не видеть.

— Вы уверены, что он не опасен? — спросил Роджер.

— Наши деревья вне его поля зрения, — успокоил его Василис.

Александр заметно вздрогнул.

— Мы тоже за ним следим, на случай если вдруг он решит выйти из машины, — добавил он.

Кэролайн настороженно посмотрела на заклинателя. Опять то же самое, что несколько минут назад. На мгновение углубился в собственные чувства или размышления. Или общается с кем-то? Словно невзначай, Кэролайн приблизилась к нему. Точно: тот же шум из неразборчивых слов, который она слышала утром в такси. И, судя по интонации, что-то срочное. Нашли Меланту?

— А заборы вам не мешают? — спросил Роджер, когда они подошли к воротам. — На Манхэттене многие парки ночью закрываются.

— У нас есть свои средства.

Подойдя к воротам, Василис взялся за створку со стороны петель. Он огляделся, а затем, к удивлению Кэролайн, открыл ее, повернув вокруг замка.

— Во всех парках, которыми мы пользуемся, запоры с секретом, — объяснил он, пока остальные проходили через открывшуюся щель. — Обычно это вот такие ворота, но иногда мы проходим через специальную секцию в заборе.

Войдя в парк, зеленые разделились на две группы. Василис и Иоланте с детьми пошли налево, а двое других взрослых — прямо. Александр молча указал на первую и вместе с Уиттиерами направился следом. Ступая по шуршащей листве, Кэролайн смотрела на деревья совершенно новыми глазами. Неужели в каждом сидит зеленый, устроившись на ночлег? Или же Шурц-парк пока еще не освоен и там много свободного места?

— Ну вот, пришли, — объявила Иоланте, когда они приблизились к небольшой группе деревьев. — Так, дети, обнимемся.

Филлида и Яннис по очереди обнялись и поцеловались с ней и с Василисом.

— А теперь попрощайтесь с гостями и спать.

— Спокойной ночи, заклинатель Александр, — хором попрощались дети, кланяясь пожилому зеленому. — Спокойной ночи, Роджер. Спокойной ночи, Кэролайн.

— Молодцы, — похвалил Василис. — Яннис, тебя подтолкнуть?

— Не-а, — ответил мальчик.

Он подошел к дереву и обнял руками ствол. Затем прижался к стволу и, просочившись сквозь кору, исчез.

— Уф, — пробормотал Роджер. — Да... действительно.

— Для нас обычное дело, — пожал плечами Александр.

— Конечно. Василис, а что вы имели в виду, когда предлагали подтолкнуть Янниса?

— Вот его ветка. — Василис указал на большой сук футах в восьми над землей. — Я

сейчас подсажу Филлиду, но Яннис любит забираться сам.

— По дереву внутри? — спросила Кэролайн.

— Да, для семилетнего это непросто, — ответил Василис. — Но мальчишка ловкий и цепкий, как бельчонок, и любит трудности. — Он обернулся к дочери: — Давай, Филлида.

Он снова обнял ее, и, подхватив под мышки, поднял к ветке с противоположной стороны от ветки Янниса и ниже фута на два. Он повернул ее лицом к ветке, и девочка уцепилась за нее руками и ногами. Несколько мгновений она серьезно смотрела на отца, и Кэролайн снова почувствовала обмен мыслями. Затем девочка сморщила носик и просочилась в ветвь, как и ее брат.

— Вместе с одеждой, — пробормотал Роджер. — Какой-то особый материал?

— Особый материал, особая обработка, переплетение нитей, — сказала Иоланте. — Раньше все приходилось делать вручную, но теперь у нас есть небольшая фабрика, где один из конвейеров производит одежду для всех зеленых.

— И обслуживается, конечно, зелеными трудящимися и манипуляторами, — добавил Василис. — Иоланте, ты останешься или вернешься вместе с нами?

— Вообще-то нам надо идти, — вмешалась Кэролайн. — Спасибо за чудный ужин.

— Да, спасибо. — Роджер бросил взгляд на жену. — Было приятно провести время и узнать о вашей культуре.

— Вы оказали нам большую честь, — сказал Василис. — Не хотите, чтобы я проводил вас домой?

— Да нет, спасибо, — ответил Роджер. — Мы сами.

— Как пожелаете. Давайте вернемся в дом полагаю, вы там оставили сумочку, Кэролайн, — и там попрощаемся.

— Я попрощаюсь сейчас, — сказала Иоланте. Молодая женщина взяла ладонь Кэролайн и, не трясая, осторожно пожала, затем протянула руку Роджеру.

— Я скоро, Василис. — Она нежно поцеловала мужа, затем подошла к дереву, обняла ствол и исчезла.

Они снова прошли через ворота с секретом и тем же путем вернулись в квартиру.

— Еще раз, очень рад, что вы пришли, — сказал Василис, когда они вошли в гостиную. — Будете рядом, заходите в любое время без стеснения.

— Непременно, — пообещал Роджер. — Я бы хотел посетить один из ваших ресторанов. Нет у вас списка адресов?

— У меня есть. — Александр вынул из внутреннего кармана карточку, похожую на визитную. — На самом деле... минуту. — Он вынул ручку и написал на обороте несколько слов. — Пожалуйста. — Он вручил карточку Роджеру.

Кэролайн заглянула через плечо. На карточке выстроились два ряда загадочных символов и ниже еще две строки по-английски: «Подателя сего обслужить на две персоны. Александр».

— Замечательно, — сказал Роджер. — Спасибо.

— А что там еще написано? — спросила Кэролайн.

— Это каилисти, наш родной язык, — пояснил Александр. — Здесь, конечно, от него мало проку, но детей мы все равно обучаем.

— В некоторых семьях взрослые заставляют их говорить на каилисти дома в течение нескольких лет, чтобы не забыли, — добавил Василис.

— У Меланты в семье было так? — Кэролайн вспомнила про акцент.

— Вероятно, — улыбнулся Александр. — Ее бабушка по материнской линии была сказителем и очень заботилась, чтобы не прервалась связь времен. Сомневаюсь, что она вообще разрешала Меланте и ее брату учить английский до трех-четырёх лет. — Он покачал головой. — Она уже умерла. Два года назад.

— Сочувствую, — машинально произнесла Кэролайн.

— Вообще мы живём дольше, чем люди, — пожал плечами Александр. — Но в конечном итоге смерть приходит ко всем. Что ж, спасибо, что посетили нас. Теперь, когда вы понимаете, что поставлено на карту, надеюсь, что поступите правильно, если Меланта вернется к вам.

— Надеюсь, что вернется, — ответила Кэролайн. — До свидания.

Когда они вышли на улицу, Роджер не произнес ни слова, но Кэролайн сразу почувствовала между ними знакомое напряжение. Они прошли уже четверть квартала, и Кэролайн мучительно обдумывала, как бы прервать тягостное молчание, когда муж, наконец, заговорил.

— Вот он. — Роджер кивнул через плечо. — Машина отъезжает, видишь?

Она притворилась, будто разглядывает что-то на земле, и бросила взгляд назад.

— Да. Надеюсь, ты не очень на меня злишься?

— Я совсем не злюсь, — удивленно, но никак не сердито ответил он. — С чего бы мне злиться?

— Тебе понравилось там, а я так резко прервала визит, — с облегчением сказала она. Воображаемая стена растаяла. — С тех пор как мы вышли, ты все молчишь.

Он покачал головой.

— Знаешь, я сержусь на тебя гораздо реже, чем ты, похоже, думаешь. А молчал я потому, что не был уверен, что нас не подслушивают. Не хотел, чтобы кто-то был рядом, когда ты расскажешь, что тебя беспокоит. — Он искоса взглянул на нее. — Или я ошибаюсь?

— Нет, я действительно хотела уйти, — подтвердила Кэролайн. — Что-то здесь нечисто, Роджер.

Несколько шагов он прошел молча.

— Может, хотя бы намекнешь? Извини, я не это хотел сказать. Я имею в виду — обрисуешь.

Кэролайн пожевала губами, подбирая слова.

— Какое-то у них все неестественное, — медленно проговорила она. — Дети какие-то уж слишком послушные, взрослые — слишком честные и благородные. И, похоже, что Александр вместе с остальными старались как можно меньше говорить о Меланте, а хотели только выяснить, когда мы ее приведем.

— Ну конечно, они стремились показать себя с лучшей стороны, — сказал Роджер, — понравиться нам.

— Да, но почему?

— Ну, для начала, Веловски не будет жить вечно, — заметил Роджер. — Может быть, хотят наладить еще один дружеский контакт с людьми, на случай если он умрет.

— Или просто хотят, чтобы мы заняли их сторону и отдали Меланту, когда она вернется, — возразила Кэролайн. — Потому что они все еще что-то скрывают, Роджер. Взять хотя бы версию, что заклинатели не могут приказывать людям. Но я это видела, я-то знаю, что Меланта подчинялась Сирилу, пока я не вмешалась. И знаю, что он и меня пытался подчинить.

Роджер помолчал.

— Если так, то заклинатель мог бы приказать ей вернуться, — заметил он. — Почему в таком случае Александр не участвует в поисках?

Кэролайн поежилась.

— Может, потому, что он уже знает, где она.

— Тогда прощай мирное соглашение, — сказал Роджер. — Будь они все трижды прокляты!

— И вот еще что. В самом конце Александр с кем-то общался — телепатически или как там у них. Мне показалось, о чем-то серьезном или важном.

— О Меланте?

— Это-то меня и интересует.

— В таком случае, все мероприятие могло быть тщательно спланировано, — медленно произнес Роджер. — Специально, чтобы занять нас, пока они что-то с ней сделают.

Кэролайн замерла, вспоминая.

— Не думаю, — сказала она. — Семья выглядела, в общем, естественно. Уверена, что зеленые относятся друг к другу с большой любовью, как к своим родственникам, так и к народу в целом. Но это не значит, что Александр не солжет, чтобы добиться своего. Наоборот, именно поэтому и может солгать.

Роджер помолчал еще немного.

— Предположим, что ты права, и они пытаются нас использовать, — сказал он, наконец. — Предположим также, что Меланта у них, схватили ли ее вчера или нашли только что. Главный вопрос — спрятали они ее в городе или...

Визг тормозов заставил его остановиться на полуслове. Кэролайн едва успела схватить Роджера за руку, как дверца машины распахнулась и водитель высунул руку со значком:

— Полиция! Роджер Уиттиер?

— Да, — нервно ответил Роджер. — А в чем...

— Садитесь, — перебил полицейский и внушительно указал на заднюю дверь.

— Минуточку, — запротестовал Роджер. — В чем нас обвиняют?

— Вас не обвиняют — пока, — ответил тот. — Вы привлекаетесь как свидетели.

— Свидетели чего? — У Кэролайн бешено заколотилось сердце. Меланта! Нет, только не Меланта!

— Пропал следователь Ференцо, — отрезал полицейский. — Возможно, убит.

— Согласно показаниям свидетелей, крики начались около часа назад, — сказал констебль Пауэлл. Он развернул один из простых деревянных стульев, стоящих в комнате допросов, уселся на него верхом и положил руки на спинку. — Это сопровождалось звуками ударов кувалды по тротуару. Все продолжалось минут десять, пока кто-то не позвонил и мы не приехали. К тому времени следователь Ференцо исчез.

— И никто в отделении ничего не слышал? — спросил Роджер.

Пауэлл раздраженно покачал головой.

— Криков точно никто не слышал. Даже если слышали удары, то не обратили внимания. — Он внимательно взглянул Роджеру в глаза. — Но, судя по описанию, все очень походило на то, что происходило вчера вечером в Йорквилле рядом с домом ваших друзей.

— Выходит, что так, — с тяжелым сердцем согласился Роджер.

Его пробрал озноб. Значит, случилось. Линия фронта проведена, и война началась. С Мелантой или без нее, но началась. Не об этом ли между Александром и кем-то еще шел мысленный разговор, который уловила Кэролайн? О том, что, наконец, переломилась последняя соломинка?

Или, хуже того, Александр сам приказал начать войну.

— Вы говорите, крики начались до стрельбы? — спросил Роджер.

— Так утверждают двое из свидетелей. — Пауэлл внимательно следил за ним. — Остальные не так уверены. Это важно?

— Не знаю, — сказал Роджер. — Возможно.

Пауэлл вместе со стулом передвинулся ближе.

— Давайте попробуем выяснить.

— Точно я ни в чем не уверен, — уклончиво начал Роджер, бросив взгляд на сидящую, напротив, за столом бледную Кэролайн. — Возможно, это что-то вроде войны между бандами.

— Между зелеными и серыми?

— Может быть, — признал Роджер. — Говорю же, я точно ничего не знаю.

— А что насчет Ференцо? — настаивал Пауэлл. — Что с ним случилось?

— Вы уверены, что с ним действительно что-то случилось? — спросила Кэролайн.

— Нашли его пистолет, — сказал Пауэлл. — Машина до сих пор стоит рядом с участком, ни домашний, ни мобильный не отвечают.

Он снова посмотрел на Роджера.

— Кроме того, обнаружены следы крови его группы. А почему для вас важно, что было раньше — крики или удары по асфальту?

— Можно было бы определить, кто первый начал. Но если свидетели не уверены, то это не поможет.

Пауэлл хмыкнул.

— К кому вы заходили сегодня вечером?

— Их зовут Василис и Иоланте, — ответил Роджер. Бессмысленно даже пытаться юлить: стоит пройти по этажам, и квартира Гринов сразу найдется.

— Друзья?

— Новые знакомые. Пригласили на ужин.

— Кто-нибудь из них звонил по мобильному?

Несмотря на всю серьезность ситуации, Роджер с трудом сдержал улыбку. Проверка телефонных звонков — испытанный метод, который полиция использует, чтобы установить связь между подозреваемыми. Но в случае с зелеными метод бесполезный.

— В моем присутствии телефоном никто не пользовался, — честно ответил Роджер.

Несколько мгновений Пауэлл молча смотрел на него.

— Знаете, Роджер, мы предполагали, что вы вместе с женой — случайные свидетели, оказавшиеся невольно вовлеченными в это дело, — сказал он, наконец. — Но наше мнение в любой момент может измениться.

— Мы не лгали вам, — сказала Кэролайн.

— Но и всей правды не говорили, — возразил Пауэлл. — Возможно, вам не помешает знать, что участие в убийстве сотрудника полиции в Нью-Йорке влечет за собой смертную казнь.

У Роджера пробежали мурашки по спине.

— Когда следователь Ференцо исчез, мы находились в другом конце города, — он старался говорить ровно. — Ваш сотрудник — Смит — следил за домом все это время.

— Вы, конечно, юрист, — пожал плечами Пауэлл. — Но я бы на вашем месте перечитал законы, касающиеся заговора и препятствования ведению следствия.

Роджеру стоило немалого усилия выдержать взгляд допрашивающего.

— Вы предъявляете обвинение? — спросил он. — Если нет, мы пойдем.

Пауэлл снова помолчал несколько секунд. Затем чуть поджал губы.

— Всего хорошего. — Он показал рукой на дверь.

По дороге домой супругам пришлось пройти мимо места нападения. Глядя на полицейских, сосредоточенно высматривающих улики, Роджер с содроганием подумал, что эта сцена напоминает события предыдущего вечера.

Опытные следователи, которым нечего расследовать. Каков бы ни был принцип действия молотов-пистолетов, Роджер уже понял, что ни пуль, никаких других следов они не оставляют. А ревун зеленых уже в силу его природы невозможно исследовать после применения. И тела снова исчезли.

Только на этот раз это не тело зеленого, исчезнувшее в кустах, а человека, притом полицейского.

— Думаешь, Ференцо случайно угодил в переделку? — тихо спросил он у Кэролайн.

— Не похоже. Обе стороны изо всех сил стараются избежать огласки. По идее, они должны были сразу убежать, появившись кто-нибудь, особенно полицейский.

— Если только не поджидали его нарочно, чтобы захватить живым или мертвым, — заметил Роджер. — На самом деле именно этим и мог быть озабочен Александр в парке. Возможно, как раз в тот момент он решал, как спрятать концы в воду.

— Возможно, — пробормотала Кэролайн. — Но если они сочли, что Ференцо знает слишком много, что о нас говорить?

Роджера охватил озноб.

— Но они же отпустили нас, — заметил он.

— Потому, что Смит следил за домом. Может, нам не выходить из квартиры?

— Или вообще переехать, — мрачно добавил Роджер. — К сожалению, обе стороны, похоже, находят нас без проблем в любое время.

— Да, — согласилась Кэролайн каким-то странным тоном.

Роджер взглянул на жену. Та напряженно смотрела перед собой.

— Что? — спросил он.

— Александр хочет убедить Меланту уничтожить серых, чтобы зеленые могли остаться на Манхэттене, — медленно проговорила она. — Так?

— Так. — Роджер не понял, куда она клонит.

— Сирил хочет принести Меланту в жертву, чтобы и зеленые, и серые могли остаться на Манхэттене, — продолжала она. — В любом случае оба хотят остаться на Манхэттене.

— Александр объяснил почему. — Роджер почувствовал нетерпение. К чему повторять очевидное? — Им нужен корабль.

— Верно. А зачем тогда Николос предложил пожертвовать Мелантой и переехать?

Роджер наморщил лоб; от нетерпения не осталось и следа.

— Он ведь действительно так сказал, — согласился он. — Он говорил, что надо пожертвовать Мелантой и отступить на север штата Нью-Йорк.

— Я бы поняла, если бы это предложил кто-нибудь помоложе, — продолжала Кэролайн. — У них нет такой ненависти к серым, как у их родителей, они не так привязаны к месту, куда бежали от войны. Но Николос принадлежит к первому поколению переселенцев.

— Да. — Роджер потер щеку. — Я не очень силен в военном искусстве, но, по-моему, хороший тактик не столько бежит от чего-то, сколько стремится к чему-то. Интересно, можно как-то узнать, нет ли у него своих интересов на севере штата?

— Если ты имеешь в виду интерес в сфере недвижимости, то, конечно, можно. Я подниму базу данных в конторе.

— Сведения по всему штату? — поднял брови Роджер. — Я думал, у тебя данные только по городу.

— Нет, я могу узнать все по целому штату. Но конечно, если Николос зарегистрировал собственность на чужое имя, нам ее не найти никогда.

— Они держатся за фамилию Грин, даже когда набиваются по тридцать человек в одну квартиру, — напомнил Роджер. — Думаю, можно смело предположить, что он не регистрируется под вымышленным именем.

— Видимо, да, — согласилась Кэролайн. — Когда начнем? Завтра утром?

Роджер оглянулся. Поблизости никого не видно, но с зелеными и серыми это мало что значит.

— Давай сейчас, — неожиданно решил он. — Возьмем машину из гаража и начнем прямо сейчас.

— Машину? — удивленно отозвалась она. — Я думала, тебе не нравится ездить по Манхэттену по субботам.

— Еще меньше мне нравится быть убитым в собственной постели, — мрачно ответил Роджер. — Кроме того, если мы действительно что-нибудь найдем, надо будет сразу туда ехать. Надеюсь только, что не забыл заправить бак, когда ставил машину.

У Кэролайн ушло два часа на то, чтобы составить полный список Гринов, владеющих крупными земельными участками в радиусе двухсот миль от города. Потом еще два часа они пробивались через безумные субботние пробки, пока, наконец, не выбрались за пределы города. Нашли скромный мотель неподалеку от Тарритауна, взяли у регистраторши два набора туалетных принадлежностей и уселись изучать список.

Через полчаса они нашли то, что искали.

— Вот, — объявил Роджер, постучав пальцем по строчке с записью об участке в двести акров, расположенном на холмах между Шандакеном и Бушнеллсвиллем. — «Э. и Н. Грин ассошиейтс». «Э» — Элимас, «Н» — Николос.

— Очень похоже на то, — согласилась Кэролайн. — Хотя я до сих пор не представляю, что мы там найдем.

— Я тоже, — признался Роджер. — Может быть, это всего лишь запасной район, который Николос создал на экстренный случай, когда они только прибыли. Но все-таки хочется узнать, что он там затеял. — Он бросил взгляд на часы. — Пожалуй, пора ложиться. Утром придется ехать еще часа два, надо встать как можно раньше.

— Да. — Кэролайн вдруг сникла. — Роджер... ты ведь не думаешь, что ревуны и молоты-пистолеты так напугали Ференцо, что он просто сбежал, а?

— Ну почему, возможно, и так. — Роджер ободряюще сжал ее руку. По правде говоря, такое ему и в голову не приходило. Да она и сама в это не верит. — Но что бы ни случилось, сейчас мы уже ничего поделать не можем, — добавил он. — Пойдем спать.

Первое, что заметил Ференцо, когда сознание стало к нему возвращаться, был какой-то рассеянный свет. Второе — что привычный шум города доносился приглушенно, но все же не так, как у него дома.

Наконец он почувствовал, что замерз.

Он осторожно открыл глаза. Свет остался таким же рассеянным — какое-то кремовое свечение, казалось, заполняло небо. Несколько раз моргнув, Ференцо неуверенно вытянул руку вверх.

Пальцы инстинктивно отдернулись, наткнувшись на что-то мягкое и пружинящее. Он снова моргнул, и зрение неожиданно прояснилось. Он лежал под какой-то тканью, натянутой наискось, как скат палатки.

Ференцо повернул голову, и шею пронзила острая боль. Нет, не палатка, просто навес, прикрепленный справа верхним краем к грубой бетонной стене на высоте около трех футов. Он опустил взгляд: стена упиралась в плоскость, покрытую кровельным материалом, на которой он и лежал.

— Очнулся? — послышался знакомый голос. — Как самочувствие?

Подняв голову, Ференцо заметил, что он до подмышек закрыт тонким одеялом того же цвета, что и тент. Иона сидел у тента, прислонясь к бетонной стене.

— Получше, — ответил Ференцо. — Мне кажется, или тут действительно холодно?

— По большей части кажется. Когда тебя бьет ревун, то одно из удивительных последствий заключается в том, что реакция тела на боль непредсказуема. В трех случаях из пяти тебя тошнит, а потом несколько часов знобит. Если надо, могу дать еще одно одеяло.

— Да нет, все в порядке. — Ференцо повернулся на правый бок и подпер щеку рукой.

Теперь, когда он уже окончательно проснулся и начал шевелиться, ощущение холода отступило. Полицейский поднял руку и взглянул на часы: третий час, воскресенье. Он проспал почти восемнадцать часов.

— Где я?

— На крыше в китайском квартале. Отсюда мне приказано следить за зелеными в парке Сары Рузвельт и смотреть, не появится ли Меланта.

— Вот как. — Ференцо украдкой потрогал нагрудный карман и с облегчением услышал хруст бумаги. Стало быть, рисунки при нем. — А кто приказал?

— За разведку и укрепленные пункты здесь отвечают Хафдан и его сыновья. — Иона натянуто улыбнулся. — Тебе это хоть что-нибудь говорит?

— Вполне достаточно, — почти искренне ответил Ференцо. — На самом деле о зеленых и серых в Нью-Йорке мне известно все. — Он со значением поднял брови. — Иона Грей, не так ли?

На лице Ионы ни один мускул не дрогнул.

— Неплохо. На самом деле я не Грей. Это зеленые демонстрируют всему миру свою национальную принадлежность. А мы уже несколько десятилетий живем, принимая новые имена.

— Но ты же серый?

— Да, хотя сильно сомневаюсь, что ты понимаешь, что это значит.

— Давай попробую угадать, — предложил Ференцо. — Ты можешь лазать по стенам

домов, становиться невидимым, у тебя есть исчезающий пистолет, ты можешь летать, и ты не человек. Я что-нибудь пропустил?

Иона поджал губы.

— Ты наблюдательнее, чем я думал, — неохотно признался он. — Это ставит меня в неловкое положение.

— Ну, извини. — Ференцо осторожно пощупал наплечную кобуру. Пистолета на месте не было. — Не пойму только, зачем тратить столько усилий, спасая мне жизнь, чтобы затем самому уничтожить меня.

— Зеленые не стали бы тебя убивать, — сказал Иона. — Полицейского? Они бы не посмели.

— Тебя же они пытались убить, — заметил Ференцо.

Иона отмахнулся.

— Совершенно другое дело. И не волнуйся, я не собираюсь лишать тебя жизни. Просто твое вмешательство все еще больше усложняет.

— Похоже, сложности — это тема дня, — сказал Ференцо. — Ты можешь, по крайней мере, сказать, зачем ты здесь?

— Уже сказал. Ищу Меланту.

— Я имею в виду на Земле. Что вам нужно здесь?

Иона пожал плечами.

— То же, что и всем, — немного грустно ответил он. — Жить, работать, растить детей в мире. «А мне отдайте из глубин бездонных своих изгоев, люд забитый свой».^[3] Это о нас.

— Как мило, — похвалил Ференцо. — Вижу, ты успел съездить с экскурсией на остров Свободы.

— На самом деле я никогда там не был, — признался Иона. — Как и большинство местных.

«Местных». Сердце Ференцо забилося сильнее. Наконец.

— Каких местных? — осторожно спросил он. — Откуда?

— Из Нью-Йорка, конечно, — немного озадаченно ответил Иона. — Я родился и вырос в Квинсе.

Ференцо заморгал. Версия космических пришельцев разваливалась на глазах.

— Что?

Вероятно, на лице у него отразилось недоумение, потому что Иона усмехнулся.

— Правда, правда. Я ведь из третьего поколения. Наши живут здесь с тысяча девятьсот двадцать восьмого года.

— Да?

Ференцо не знал, радоваться или огорчаться. Будет ли космическое вторжение меньшей угрозой, если оно началось три четверти века назад?

— Чем вы занимались?

— Я только что сказал. Жили, работали. — Он поджал губы. — Конечно, до тех пор, пока не обнаружили зеленых.

— Я так понимаю, у вас с ними проблемы?

— Помимо того, что они хотят нас уничтожить? — угрюмо спросил Иона. — Если бы ты знал, что... Извини. — Он поднес левую руку к щеке, как уже делал дома у Ференцо. — Да?

Но на этот раз Ференцо ясно видел, что в руке ничего не было. Еще одно

приспособление-невидимка?

— Иду. — Иона опустил руку и дернул мизинцем. — Сейчас вернусь, — добавил он для Ференцо, встал на колени и поднял ткань, закрывающую вход в палатку.

Ференцо обдало потоком холодного воздуха, он успел увидеть часть крыши и серого неба, пока Иона выходил, прежде чем тот опустил ткань.

Ференцо поежился. Значит, он оказался прав. Иона и его друзья серые действительно из другого мира. И, по-видимому, они прихватили с собой оттуда не только кучу технических приамбасов, но и целую войну. Морщась от боли в мышцах, он медленно повернул голову и стал внимательно оглядывать свое нынешнее жилище.

Смотреть было особенно не на что. Помимо двух одеял, на одном из которых он лежал, а вторым был накрыт, под навесом у стены, где сидел Иона, стояло только два небольших ящика для инструментов. Отбросив одеяло, Ференцо встал на карачки и неуверенно пополз к ним.

Он только успел доползти до ближайшего ящика, как тент распахнулся и Иона влез обратно.

— Извини! Джордан заметил в парке какую-то драку, и я решил проверить.

— Меланта? — Ференцо тут же забыл, что его застали в неподобающем месте.

Иона покачал головой.

— Просто бандитская разборка.

— Что за разборка? — Ференцо потянулся к мобильному телефону. С досадой он обнаружил, что телефона тоже на месте нет.

— Не волнуйся, только что подъехал патруль, — заверил Иона. — И Джордан наблюдает. — Он махнул рукой в сторону ящика, над которым стоял Ференцо. — Проголодался?

Только тут Ференцо заметил, что умирает с голоду.

— Да можно бы перекусить. Только подгони к столу мясовоз.

Иона ухмыльнулся.

— Мясовоза нет, но чем богаты. Угощайся.

— Спасибо. — Ференцо отщелкнул замки и открыл ящик. Внутри вместо инструментов лежали разноцветные упаковки, похожие на пакетики с овсянкой. Кроме цвета, никаких различий они не имели.

— Может, хоть намекнешь, где что?

— Конечно. Извини. Синие — это в основном разные оттенки говядины и свинины, красные...

— Оттенки говядины?

— Возможно, лучше сказать сорта. Голубые напоминают жареную говядину, те, что потемнее, ближе к тушеной, а бирюзовые похожи на жареную свинину. Красные — разная птица, желтые — рыба, зеленые фруктовые и овощные смеси.

— Просто салатный бар какой-то. — Ференцо взял зеленый пакетик и с сомнением уставился на него.

— Как ни странно, не ты первый так шутишь, — сказал Иона. — Это овощная смесь. Хорошо идет с любым говяжьим брикетом.

Разорвав обертку, Ференцо осторожно надкусил брикет. К его удивлению, вкус был как у свежих овощей, да и фактура загадочного продукта тоже оказалась приятнее, чем он ожидал.

— Неплохо. Идет с говядиной, говоришь?

— Вот с этим особенно. — Иона достал бирюзовый пакетик. — По мне, лучше всего есть их вместе.

Голубоватый брикет тоже оказался вкусным, напомнив Ференцо изумительную говядину по-веллингтонски, которую он с Кларой однажды отведал в Сохо.

— Это стандартная кухня серых? — спросил он.

— Нет, дома мы готовим так же, как и вы, — ответил Иона. — Сам я люблю итальянскую и китайскую кухню. Это еда, специально разработанная для серых, которые путешествуют или дежурят на посту.

— В сто раз лучше армейских сухих пайков. — Поерзав, Ференцо оперся спиной о стену. Бетон был холодным, но он не обратил внимания. — Есть что-нибудь попить?

— Есть вода, — предложил Иона и открыл второй ящик, где рядом аккуратно стояли пластиковые бутылки.

— Неплохо. Так все-таки насколько серьезные у тебя проблемы?

— Достаточно серьезные, — признался Иона, передавая ему одну из бутылок. — Просто деваться некуда, так все навалилось.

— Похоже, тебе нужен друг. — Ференцо отвинтил крышку и сделал большой глоток.

— Ты, например. — Иона недоверчиво покачал головой. — Извини, но, как я говорил, ты и так уже слишком много знаешь. — Он поднял палец. — Да, для сведения — мы не летаем.

— Там, на игровой площадке, ты изобразил полет очень убедительно.

— Я съехал по силовой линии, — пояснил Иона. — Ничего общего.

— А-а. И что это за силовая линия?

Иона хмыкнул.

— Ну, ты и въедливый. Слушай, я позабочусь о тебе, пока не оклемаешься, — я в долгу за то, что ты снял меня с пожарной лестницы. Но после этого мы будем в расчете, и наши пути разойдутся.

— Да нет, не думаю. — Ференцо допил бутылку и взял из ящика другую. — Понимаешь, я случайно знаю, что мое вчерашнее спасение — это всего лишь побочный результат твоих попыток избавиться от собственных проблем.

В глазах Ионы появилась тревога.

— О чем ты?

— Я говорю о том, что ты и твой брат Джордан связаны с Уиттиерами и Мелантой Грин, — спокойно произнес Ференцо. — Пока тебе удастся скрывать свое участие, главным образом создавая иллюзию, что ты все время находишься здесь в китайском квартале и наблюдаешь за парком, в то время как на самом деле ты был в Вест-Сайде, пытаешься остановить кровотечение. Для этой цели ты посадил тут Джордана, он и посылал информацию, которую ты затем передавал своему приятелю Хафдану и координаторам наблюдения.

Он глотнул воды.

— К несчастью для тебя, один из зеленых сумел вчера хорошо разглядеть Джордана у Вашингтон-сквер и помог нам сделать кое-какие рисунки. Ты знал, что если зеленые завладеют ими, то рано или поздно найдут кого-нибудь, кто узнает Джордана, и тогда к вам обоим возникнет множество вопросов, на которые ты не сможешь ответить.

Он показал на руки Ионы.

— Да, насчет радио или мобильного, встроенного у тебя в руке, — их на самом деле два, — добавил он. — По одному в каждой руке, насколько я понимаю, нестандартный вариант. Одна линия частная, другая спаренная?

Лицо Ионы заметно вытянулось.

— Что-то вроде того, — наконец выговорил он. — Проклятье! Ты явно свое дело знаешь.

— Зайди как-нибудь в участок и объясни это моему начальнику, — сказал Ференцо. — Я уже несколько лет говорю, что меня пора повысить. Стало быть, Джордан все-таки твой брат? По рисунку я только понял, что близкий родственник.

— Брат на самом деле. — Иона, похоже, взял себя в руки. — Мать одна, отцы разные. Его фамилия, кстати, тоже не Грей, если тебя интересует. — Его лицо напряглось. — Полагаю, что вежливая просьба не высовываться не пройдет?

— До тех пор, пока я не узнаю всю правду, — ответил Ференцо. — Именно всю.

— Но...

— И никаких «но», — резко перебил Ференцо, уставившись на него «полицейским» взглядом. — Зеленый по имени Сирил сказал, что может пролиться кровь тысяч ньюйоркцев. В моем городе так не будет. Ты скажешь мне, что происходит, или я натравлю на тебя столько местных, государственных и федеральных служб, что Манхэттену понадобится новый остров.

Несколько томительных мгновений Иона молчал. Ференцо не отводил от него глаз, чувствуя, как бьется сердце. Он надеялся, что не зашел слишком далеко, и прикидывал, что делать в случае попытки сопротивления. Если Иона сочтет, что надо заткнуть полицейскому рот, то очевидное решение находилось совсем неподалеку, у края крыши. Даже если кто-то серьезно задастся вопросом, каким образом полицейский свалился с крыши посреди китайского квартала, это все равно заставит его замолчать навсегда — малоприятная перспектива.

С облегчением он увидел, что Иона расслабился.

— Мне все равно никогда с этим не разобраться, — пробормотал он. — Ладно, твоя взяла. Все началось очень давно, в мире, который не так уж отличается от вашего...

* * *

К тому времени, как Роджер отъехал от пункта оплаты на скоростной дороге и повернул на Двадцать восьмую, направляясь на запад к Кэтскиллзу, утреннее солнце закрыли низкие серые облака. Он никогда не любил ездить по незнакомой местности и, следуя изгибам трассы между холмами, то и дело прикусывал губу, чтобы не спрашивать каждые две мили у Кэролайн, следит ли она за дорогой по карте.

Уже после полудня они добрались до съезда на Сорок вторую дорогу и снова повернули на север.

— Осталось всего несколько миль, — сообщила Кэролайн, сверяясь с картой. — Эта часть Бушнеллсвилля, за Даммроуд, лежит к западу.

— Понял. Если повезет, должен быть знак.

— Да. — Она помолчала. — Ты придумал, что мы скажем, когда приедем туда?

— Честно говоря, нет, — признался он, чувствуя, что под ложечкой засосало, как всегда

перед каким-то конфликтом. — В общем, я думал, что назову имя Николоса, а дальше по наитию.

Кэролайн беспокойно поерзала на сиденье. У нее, вероятно, плана тоже нет. Правда, и сам он не очень старался.

— Я все пытаюсь понять, что он задумал, — сказала она. — По-моему, Сирил выглядит хуже всего во всей этой истории.

— Почему ты так решила?

— Ну, из того, что ты рассказал о разговоре с Торвальдом, выходит, что Сирил тесно связан с операцией «Дитя мира», — заметила она. — В случае ее провала он выглядит либо глупо, либо наивно, что автоматически повышает шансы Александра и его воинственной партии.

— Верно, — согласился Роджер. — Но тут проблема — мы-то знаем, что Меланту похитил серый. Каким образом Николос сумел нанять одного из них для грязной работы?

— Может, он сумел вовлечь одну из их партий в... Вот оно. — Кэролайн показала пальцем вперед. — «Э. и Н. Грин».

— Вижу. — Роджер заметил скромный указатель у такой же скромной дороги, посыпанной гравием, которая сворачивала в лес.

Он включил поворотник, но вдруг, уже крутанув руль, заметил рядом с группой деревьев у въезда на дорогу молодого человека в темно-зеленой одежде.

— Опа! — произнес он. — Мы тут не одни.

— Остановимся? — нерешительно предложила Кэролайн.

Но зеленый оставался неподвижен, молча наблюдая, как незваные гости проезжают мимо.

— Думаю, не стоит, — ответил Роджер. — Наверное, это просто наблюдатель, вроде того, что я видел в доме Александра.

— Роджер, — медленно произнесла Кэролайн, — у того мужчины был трасск?

Роджер взглянул в зеркало, но зеленый уже скрылся из виду.

— Я не заметил.

— Мне кажется, был, — озабоченно сказала она. — На самом деле точно был. Но ведь Николос говорил, что трассков у них хватает только для руководства и воинов.

— Да, но что из того? Вполне логично, что на страже стоит воин.

— В то время как главная битва готовится на Манхэттене?

— Верно, — медленно произнес Роджер. — Если только он не ждет, что серые нападут здесь.

— Или если планирует, что они сами нападут здесь, — пробормотала Кэролайн.

— Как это можно планировать, где нападет противник? — возразил Роджер. — Кроме того, такая территория наверняка приспособлена зелеными для сражения. Со стороны серых было бы безумием соваться сюда без серьезной причины.

— Возможно, у Николоса и есть серьезная причина, — ответила Кэролайн. — Например, Меланта.

У Роджера опять засосало под ложечкой.

— В таком случае они точно поставили бы на страже воинов.

— Вон еще один, — показала Кэролайн налево. — Нет — трое.

Роджер взглянул в указанном направлении. Трое молодых высоких зеленых решительно шагали к дороге. На всех троих были трасски.

— Я думаю, надо где-то развернуться и убираться отсюда подобру-поздорову, — дрожащим голосом сказала Кэролайн.

Роджер посмотрел в зеркало. Позади на дороге появилось еще пятеро зеленых.

— Поздно.

— Вон еще один, — сказала Кэролайн.

Роджер посмотрел вперед. В пятидесяти ярдах в сторону от главной дороги отходила узкая аллея. На развилке стоял не улыбающийся зеленый, стандартным жестом выставив вперед ладонь. На куртке в рассеянном облаками свете тускло поблескивал трасск. Роджер остановил машину, опустил стекло и обратился к подошедшему зеленому.

— Здравствуйте, — поприветствовал он, стараясь говорить веселым и беззаботным голосом.

— Здравствуйте, — спокойно ответил зеленый, не меняя выражения лица. — Вас ожидают?

— Да нет, — признался Роджер. — Но я уверен, что он нас примет.

Зеленый поднял брови.

— «Он»?

У Роджера запершило в горле. Он рассчитывал, что кто-то здесь должен быть главным, и его небрежное замечание воспримут, как если бы он знал, о ком говорит. А теперь...

— Ваш командующий, — заговорила Кэролайн. — Нам нужно увидеться с ним как можно скорее.

Зеленый немного нахмурился, и Роджер с содроганием заметил, что взгляд его на мгновение затуманился. Общается с соратниками, ясно.

— Очень хорошо, — вдруг сказал он и указал на боковую дорогу. — Дальше есть домик. Можете подождать там.

— Разве вы не проведете нас к командующему? — спросил Роджер.

— Вам покажут дорогу. — Тон зеленого ясно давал понять, что приказы не обсуждаются.

Роджер поморщился.

— Отлично.

Он включил заднюю передачу, отъехал на несколько футов и повернул на боковую дорогу.

— Неприятно как, — пробормотала Кэролайн.

— Не то слово, — мрачно ответил Роджер, вытащил из кармана мобильный телефон и передал ей. — На, посмотри, есть ли сигнал.

— Кому звонить-то? — Кэролайн раскрыла телефон. — Не знаю. Хочу узнать, можно ли вообще кому-то позвонить.

— Не похоже, — глядя на индикатор, ответила она. — Попробую к нам домой.

Набрав номер, она поднесла телефон к уху.

— Ничего, — вздохнула она и выключила телефон. — Мы, должно быть, в мертвой зоне.

— Ага. И полагаю, не случайно.

Они проехали еще две развилки, на каждой из которых стоял зеленый и направлял их в нужную сторону. Наконец примерно в полумиле от главной дороги они уперлись в маленький, довольно обшарпанный домик. Еще двое зеленых несли караул у двери.

— Стоят, словно Яннис вчера, — пробормотала Кэролайн.

— Что-то я сомневаюсь, что нам продемонстрируют дружеский ритуал часового, — сказал Роджер, останавливаясь перед домом.

Он поставил рычаг передач на нейтрал, заглушил двигатель и сунул ключи в карман.

— Пошли.

— Сюда, пожалуйста. — Один из зеленых распахнул дверь домика, как только они вышли из машины.

— Спасибо.

Роджер решил, по крайней мере, поддерживать иллюзию, что все они здесь друзья. За дверью оказалась комната, которая, судя по царившей там пыли и затхлому, удушливому запаху, пустовала несколько лет.

И, тем не менее, именно сюда их решили поместить. Нехороший знак.

— Интересно. — Роджер оглядел комнату, стараясь не выдавать волнения.

Обстановка состояла из старого дивана и двух плетеных кресел, которые уже начинали разваливаться, истертых ковровых дорожек, унылых занавесок, голых балок на потолке и каменного камина с деревянной полкой над ним.

— Как в передаче о Диком Западе на учебном канале.

— Дом не такой старый. — Профессиональный интерес Кэролайн взял верх над волнением. — Построен сразу после войны. Дорожки примерно конца пятидесятих, мебель — конца пятидесятих или начала шестидесятих.

— Как думаешь, сколько времени прошло с тех пор, как тут кто-нибудь жил?

Она поежилась.

— Лет двадцать. Может, больше.

Роджер оглянулся на звук — в комнату вошел третий зеленый с охапкой дров в руках.

— Приношу извинения за неподобающие условия. — Он свалил поленья на пол у камина. — Мне сказали принести дров, чтобы вы могли разжечь огонь.

— Извините, но это совершенно неприемлемо, — твердо сказал Роджер, стараясь вложить в свои слова как можно больше праведного негодования. — Так ваш командир понимает гостеприимство?

— Еще раз приношу извинения, — ответил зеленый, складывая дрова у камина. — Я принесу еще дров и растопку.

Он вышел и закрыл за собой дверь. Роджер судорожно вздохнул и чуть не подавился летающей пылью.

— Извини, Кэролайн, — тихо сказал он. — Все вышло не так, как я надеялся.

— Ты не виноват, — покачала головой Кэролайн. — Что будем делать?

Роджер оглянулся на дверь, прикидывая, стоит ли попробовать открыть ее и посмотреть, что будет. Но два воина, изображающих стражу, почти наверняка стояли снаружи, а он уже видел, как быстро зеленый может превратить трасск в нож.

— Думаю, надо подождать, — неохотно решил Роджер, поворачиваясь обратно к камину; — Ты у нас родом из деревни, так что тебе разводить огонь. А я попробую открыть окна и хоть немного здесь проветрить.

— Обалдеть можно. — Ференцо с изумлением покачал головой. — И за все это время никто вас не обнаружил?

— Насколько я знаю, нет, — ответил Иона. — С другой стороны, каким образом? Мы стали легальными гражданами три четверти века назад, и единственное, чем занимались с тех пор, — это старались жить тихо и мирно.

— До настоящего момента.

— Едва ли мы в этом виноваты, — натянуто возразил Иона. — Зеленые вынудили нас.

— А затем предложили убить одного из своих, — пробормотал Ференцо, наполняясь холодным гневом.

Издевательство над детьми он всегда считал самым мерзким преступлением, а от мысли о ритуальном убийстве его пробирала дрожь. Но зеленые согласились на обряд принесения в жертву, подвергнувшись двум нападениям.

— Но это же было семьдесят пять лет назад. Зачем снова начинать распрю?

Иона тихонько фыркнул.

— Да перестань. У вас на Земле этнические распри длились тысячелетиями.

— Верно, но, как правило, дрались за один и тот же наследственный кусок грязи, — заметил Ференцо. — А ваша «гибель богов» произошла в десяти световых годах отсюда.

— Наша что?

— У Вагнера есть такая опера, — сказал Ференцо. — Северный вариант Армагеддона когда все горит, как у вас в долине. Я к тому, что людям трудно забыть преступление прошлого, когда кто-то может точно указать место, где это преступление произошло. Но при смене среды обитания обиды обычно затухают. Ведь приходится привыкать к новым соседям и приспособливаться к новым условиям жизни.

— Вы не понимаете зеленых, — вздохнул Иона. — У них ну, назовем это кастовым сознанием. Вся их жизнь, начиная с работы и кончая мышлением, выстраивается по четко централизованной схеме, приводимой в действие людьми, которые, как они считают, генетически предопределены быть вождями. Если эти вожди решили следовать предрассудкам прошлого, у других не остается иного выхода, кроме как подчиняться им.

— А у серых иначе? — спросил Ференцо.

— По сравнению с зелеными мы образцовые анархисты. У нас есть люди, которые улаживают споры, решают, как нам вести себя по отношению друг к другу и к землянам, и выступают в роли судей, когда кто-то переходит границы дозволенного. Но и только.

— Каждый серый за себя?

— В основном, хотя на деле все не так зловеще. Поведение серых также определяется его близкими. Поскольку у каждого есть какой-то круг родных и друзей и поскольку все эти круги пересекаются, получается, что мы более или менее подчиняемся всей группе.

— Как в сельской общине? — предположил Ференцо.

— Почему нет? — пожал плечами Иона. — Фактически так оно и есть: невидимый маленький город посреди Нью-Йорка.

— Почему тогда вам просто не собраться и не переехать?

Лицо Ионы ожесточилось.

— Нельзя отступать перед хулиганами. Полицейский должен знать это лучше других.

Если зеленым удастся выжить нас из Нью-Йорка, они от нас никогда не отвяжутся. Единственный способ покончить с этим — повторяю, единственный — убедить их, что мы можем жить в мире. Нам совершенно не нужно становиться лучшими друзьями — пожалуйста, если хотят, пусть совершенно нас не замечают. Но мы имеем такое же право жить здесь, как и они, и никуда не уедем.

— М-м. — Ференцо снова отхлебнул из бутылки. — Не дашь мне еще раз взглянуть на твой пистолет?

Иона нахмурился, но отставил свою бутылку и протянул вперед левую руку.

— Вот так он вроде как зачехлен. — Он поддернул рукав куртки, обнажив затейливо украшенный металлический браслет. — Я поворачиваю запястье, чтобы достать его...

Он резко повернул запястье, и на глазах у Ференцо из-под браслета вдоль ладони вырвались серебристые щупальца, которые тут же переплелись между собой и сплелись в уже знакомую цилиндрическую форму.

— И вот он.

— Да, — кивнул Ференцо.

Теперь, внимательно рассмотрев оружие, он увидел то, чего не заметил раньше: на месте широкого браслета осталась только тонкая проволочная петля, соединенная с рукояткой такой же тонкой металлической проволочкой.

— Эта петля для того, чтобы ты не уронил его?

— И для этого тоже, но главным образом для того, чтобы направить молот-пистолет обратно, когда убираешь его, — ответил Иона. — Вот так.

Он раскрыл ладонь, и пистолет ушел обратно, распавшись на щупальца, и снова образовал браслет.

— Поразительно, — покачал головой Ференцо. — А как он действует? Он ведь не пулями стреляет?

— В каком-то смысле пулями. — Иона встряхнул рукой и снова извлек оружие. — Он выпускает маленькие силовые пузыри, которые ускоряются...

— Погоди, — перебил Ференцо. — Что выпускает?

— Силовые пузыри, — повторил Иона. — Энергетические заряды в форме шариков или дисков. Пузырь выбрасывается из ствола, набирает скорость и увеличивается в размере, пока не ударится в твердый объект. Тогда он распадается, передавая энергию цели.

— И сколько есть типов заряда?

— Только два: шарики и диски. Шарик сферический и передает энергию как молоток, а диск заострен и больше подходит, чтобы рубить.

— Значит, вчера вечером у участка ты стрелял в зеленых шариками, — медленно проговорил Ференцо, сопоставляя факты. — А стало быть, в Йорквилле другой серый отрубил ветку у дерева диском.

— В общем, так, но точно сказать не могу. В зависимости от расстояния любой заряд мот: срубить ветку.

— Постой, — Ференцо потер лоб, — ты же говорил, что не убил вчера тех двоих.

— Смотри, — вздохнул Иона.

Он приложил свободную руку к дулу молота-пистолета и нажал на спуск. Раздался слабый хлопок, но, насколько Ференцо мог судить, ничего не произошло.

— Как я уже говорил, заряд набирает мощность и энергию мере полета. Вблизи, — он снова выстрелил в ладонь, — практически ничего не происходит. Немного подальше...

Убрав ладонь, он выстрелил в пустую бутылку на расстоянии фута. Выстрел сбил ее, и она покатилась по полу.

— ...уже начинаешь чувствовать. А еще дальше... — Он поднял оружие и прицелился в воображаемый горизонт. — Теоретически можно сбить верхушку горы.

Ференцо покачал головой.

— Выглядит чертовски опасно. Никогда не слышал об оружии, которое не работает на близком расстоянии.

— Возможно, это потому, что технически молот-пистолет — не оружие, — сказал Иона. — Он был разработан как инструмент для горных работ и обработки камня. Малая мощность вблизи используется для придания формы, большая на удаленном расстоянии — чтобы рубить породу и для грубой обработки поверхности.

— Гм. — Ференцо почесал в затылке. — Значит, когда ты сунул мне эту штуку в лицо на пожарной лестнице, это был стопроцентный блеф?

— В общем, так, — признался Иона. — А что еще мне было делать?

— Пожалуй, ты прав, — согласился Ференцо. — Так вот почему второй зеленый вчера бежал к тебе, вместо того чтобы удирать. Хотел ослабить силу выстрела.

— Да, и кроме того, звуковая природа ревуна усиливает его эффект на близком расстоянии.

— Расскажи подробнее. — Ференцо осторожно потер ухо. — Джордан нарочно подставился там, на стене?

Иона кивнул.

— Отвлекал внимание, чтобы я смог зайти с тыла. — Он поморщился. — Хотя, если бы я догадался, насколько силен ревун даже на таком расстоянии, никогда бы ему не позволил. Думаю, он и воина в действии никогда не видел.

— Значит, для зеленых всегда лучше драться вблизи, а серым на расстоянии, — заключил Ференцо. — Интересные тактики сражения. А откуда именно силовые пузыри берут энергию?

— Они получают тепло от молекул воздуха по пути движения и преобразуют его в кинетическую энергию — объяснил Иона. — Поэтому обычно видна белая линия, по крайней мере, если пузырь прошел достаточное расстояние. Это частички льда, которые образуются, когда воздух мгновенно отдает энергию и охлаждается. Иногда из этой линии даже выпадают снежинки.

— Занятно, — сказал Ференцо. — А как вы ползаете по зданиям?

— Природная способность. Обеспечивается токами между нашим телом и металлом, содержащимся в стенах, — что-то в этом роде. Помнишь уравнение Ван-дер-Ваальса? В деталях я смутно разбираюсь.

— В общем, ясно. — В физике Ференцо тоже был не очень подкован. — Слушай, а вот силовые линии, о которых ты говорил, как они действуют?

Иона скорчил гримасу.

— Чего ты хочешь, Ференцо, краткий курс по технологиям серых?

— Развлеки меня. Ты ведь хочешь убедить меня помалкивать, не забыл?

— Хочешь сказать, что нет смысла хранить один секрет, когда осталось еще сто?

— Именно. Давай колись.

С раздраженным вздохом Иона полез под куртку и снял с ремня устройство размером с пачку сигарет, но более плоское.

— Ладно. — Он бросил предмет. Ференцо на колени. — Вот оно. Давай разбирайся.

Он откинулся к стене и сложил руки на груди. Ференцо взял устройство, быстро осмотрел его. Оно выглядело как бесхвостый скат, одна сторона была плоская, другая — изогнутая, но гладкая; сделано, похоже, из того же металла, что и браслет Ионы. Спереди, где должен был быть рот ската, находилось кольцо, подходящее размером для пальца, соединенное с тонкой нитью, которая уходила в глубь металла. Сверху в вогнутую поверхность был вделан стеклоподобный диск в рифленой оправе.

И все. Никаких кнопок, переключателей или регуляторов. Насколько можно судить, все устройство скрыто внутри, как у кукол, которые говорят, когда дергаешь за кольцо. С такими играли в детстве его сестры.

Он поднял глаза. Иона наблюдал за ним, как кинолог за щенком.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я на самом деле начал его крутить? — спросил Ференцо.

— А что? Все равно не сломаешь.

— Да ну, Иона, я слишком устал для головоломок. Колись.

— Ладно, — согласился Иона. — Но если покажу, демонстрация окончена. Идет?

— Ну, не знаю, — уклончиво ответил Ференцо. — Я бы еще хотел узнать про рации и насчет невидимости...

— Идет? — повторил Иона.

Ференцо вздохнул.

— Идет.

— Хорошо. — Иона кивнул. — Приложи плоской стороной к стене, чтобы кольцо было внизу.

Ференцо приложил устройство к стене примерно в футе от кровли.

— Теперь поверни оправу глазка на четверть оборота против часовой, чтобы ослабить крепление.

Ференцо повернул, и стеклянный диск стал свободно ходить в оправе.

— Направь вниз под углом к крыше и закрепи оправу, — продолжал Иона. — Теперь прижимай проектор к стене так, чтобы не закрывать рукой глазка, вытяни кольцо примерно на дюйм и отпусти проектор.

Ференцо осторожно взял устройство двумя пальцами за верхнюю часть. Отклонившись назад, насколько возможно, но стараясь, чтобы это не выглядело нарочито, он взялся за кольцо и потянул.

Ничего не случилось. Нахмурившись, он отпустил проектор. К его изумлению, он остался неподвижно висеть на стене.

Он взглянул на Иону. У того на губах играла слабая улыбка, какую Ференцо часто видел у фокусников-любителей.

— И что теперь?

Иона махнул рукой.

— Проведи рукой между глазком и крышей.

Нахмурясь, Ференцо опустил вниз палец... И инстинктивно отдернул его, наткнувшись на что-то твердое.

— Это еще что?

— Вот твоя силовая линия, — пояснил Иона. — Тонкая линия напряжения между глазком проектора и любым твердым предметом, на который ты его направишь.

Ференцо осторожно провел пальцем по невидимой линии. На ощупь она была как очень

туго натянутый, очень скользкий канату.

— Какой вес она может выдержать? — спросил он.

— Если на ней повиснет десяток парней, проектор не перегрузится, — ответил Иона. — Иногда мы так перемещаемся между небоскребами.

— Весьма впечатляет. — Ференцо поводил пальцем вдоль линии. — И на каком расстоянии она действует?

— Как и выстрел из молота-пистолета, линия идет, пока не встретит что-то твердое. Мне говорили, что когда-то с их помощью можно было быстро и легко переходить с горы на гору.

— А проектор что, остается на другой стороне? — При мысли о том, что Манхэттен опутывают тысячи невидимых проводов, Ференцо стало не по себе. — Или можно забраться к нему назад?

— Совершенно невозможно, — ответил Иона. — Слишком маленький коэффициент трения. — Он показал на кольцо, за которое все еще держался Ференцо. — Для этого и есть кольцо. Перед тем как съехать по линии, продеваешь в кольцо палец, и оно тянет за собой нить до самого конца. Потом просто дергаешь пару раз, линия выключается, и проектор возвращается к тебе. — Он показал рукой. — Попробуй.

Просунув в кольцо средний палец, Ференцо вытянул его фута на два из коробочки. Подождал, потом отпустил и потянул, снова отпустил и потянул...

Неожиданно коробочка отделилась от стены и метнулась к руке Ференцо, двигаясь вдоль струны, как плотницкая рулетка.

— И вот ты готов к следующему путешествию, — заключил Иона и протянул руку. — Я бы предложил прокатиться, но чтобы получить удовольствие, надо уметь держаться на стене дома.

— Большое спасибо, я с удовольствием откажусь, — заверил его Ференцо, отдавая проектор. — Еще как-нибудь не так дерну рукой и выключу машинку посреди дороги.

— Не выключишь. Пока на линии висит что-нибудь достаточно тяжелое, она не отключится. Предохранитель.

— Ее ты и использовал, чтобы стащить Меланту с раскаленной сковородки?

Иона кивнул.

— Самым, сложным было подобраться так, чтобы никто не понял, что ее похитил кто-то посторонний. Единственным способом обойти деревья было установить силовую линию на высоте нескольких этажей на одном из зданий к востоку от Риверсайд-парка. Проблема в том, что если бы я спускался к земле под этим углом, то развил бы такую скорость, что при приземлении раскидал бы половину участников круга.

— И что же ты сделал?

— Я установил линию почти горизонтально, направив ее к зданию за Гудзоном в Нью-Джерси. Но не повис, как обычно, а прицепил к ней эластичную веревку, за которую и держался. Когда я оказался над кругом, то спустился прямо в середину, схватил Меланту и побежал.

— Хитро, — сказал Ференцо. — Но почему они потом не нашли веревку?

— Потому, что ее уже не было. Я поручил возвратное кольцо Джордану, оставив его на здании, с которого спускался. Перед тем как выключить линию, он дождался, когда веревка окажется над серединой реки. Веревка утонула, и, таким образом, никаких следов не осталось.

— И потом несколько дней они подозревали друг друга, вместо того чтобы искать постороннего. Полагаю, что и все освещение на Риверсайд-драйв вырубил тоже ты?

— Да, пришлось, к сожалению, — ответил Иона. — Но мы должны были быть уверены, что никто не увидит, что происходит.

— Как же Уиттиеры впутались в это дело?

— По первоначальному плану я должен был доставить Меланту через Манхэттен на остров Рузвельта. Его не занимает ни одна из сторон, и мы решили, что первое время там будет безопасно. Но чтобы перенести кого-то по силовой линии, нужны обе руки, а один из воинов сумел достать меня ножом перед тем, как я вырубил его. Меланта была в таком состоянии, что далеко бы без посторонней помощи не ушла.

— Почему же вы не взяли такси или не поехали на метро?

— Как это я поехал бы весь в крови? — возразил Иона. — Кроме того, сейчас в такси работает порядочно зеленых трудящихся. Единственное, что пришло мне в голову, — это пробраться на северо-восток поближе к владениям Николоса в Морнингсайд-парке, надеясь, что никому в голову не придет искать нас там, пока я не придумаю какой-нибудь новый план. Но Меланта оказалась совсем плоха, поэтому я спрятал ее в переулке и отправился на разведку.

— Сломав висячий замок молотом-пистолетом?

Иона кивнул.

— В общем, я уже почти решил рискнуть взять такси, когда услышал, как Уиттиеры говорят о своих деревьях на балконе. Отличный выход: в дереве Меланта может спрятаться от серых, а то, что деревья находятся на балконе огромного дома, не даст любопытным зеленым возможности найти ее. Так что я вызвал Джордана и велел загасить фонари на Бродвее. Точнее, попробовать — устройство, которое мы использовали, не сработало так успешно, как на Риверсайд-драйв. Но нам хватило. К тому времени Меланта очнулась, и я попросил ее превратить свой трасск во что-нибудь, чем я бы мог припугнуть Уиттиеров.

— Ты очень сильно рисковал, — заметил Ференцо. — Выбрать наудачу двух ньюйоркцев — не факт, что попадутся лучшие из лучших.

— Знаю. Но я уже говорил, выбора не было. В общем, я решил, что, если понадобится, мы всегда сможем забрать Меланту от них. Мы просто не могли себе позволить попасться с ней на руках. Пока зеленые не знают, кто похитил ее, даже если сумеют вернуть ее, есть шанс попытаться снова. Но если мы попадемся, Хафдан лишит нас его навсегда.

— Хафдан возглавляет вашу партию мира?

— Хафдан был готов и хотел пожертвовать Мелантой ради поддержания статус-кво, — поправил Иона. — Можешь называть это миром, если хочешь. В общем, я передал Уиттиерам девочку и спрятался на стене, пока они не увели ее. Вызвал Джордана, велел ему прикрыть меня, ведь сам знаешь, что началось, и все взрослые серые разбежались кто на поиски, кто на посты, а потом забрался на пожарную лестницу и спрятался там, чтобы залечить рану. Остальное ты знаешь.

— Кроме того, что именно происходило на квартире Уиттиеров, когда я оказался втянутым в эту заваруху. Что тебе об этом известно?

— Не так много, но, в общем, я представляю, как было дело. Джордан хотел проследить за Уиттиерами до дома, но поиски начались быстрее, чем он ожидал, и ему пришлось уйти. На следующую ночь, когда основная суматоха переместилась в другие районы, он снова вернулся, чтобы попытаться найти Меланту. Могу предположить, что обе стороны заметили,

как он ползает по дому Уиттиеров, и заинтересовались.

— И на следующий день там столкнулись две разные группы, — заключил Ференцо. — Серые забрались снаружи и пытались заставить Меланту выйти из деревьев, стреляя по ним. У них ничего не вышло, и они попытались аккуратно взломать стеклянную дверь, чтобы войти, когда появилась бригада зеленых с открывшим им дверь домоуправом.

— Так и есть, — согласился Иона. — Нам просто повезло, что госпожа Уиттиер и Меланта уже ушли.

— Думаю, теперь картина мне ясна, — кивнул Ференцо. — Остается два вопроса. Первый: где Меланта сейчас? И второй, — он поднял бровь, — на чьей стороне в этом деле ты?

— Ответ на второй вопрос — я на стороне Меланты.

— И чья это сторона?

— Я же сказал: Меланты, — повторил Иона. — Что касается первого... — Он покачал головой. — Хотел бы я знать. Кто-то нашел девочку — в этом я почти уверен. Будь она свободна, то уже дала бы о себе знать. Но у кого и где она, понятия не имею.

— Похоже, в нашем списке дел это пункт номер один. — Ференцо расстегнул куртку и пошарил во внутреннем кармане. — Наверное, тебе лучше тоже посмотреть на это, — добавил он, доставая сложенные рисунки. — Они нужны были мне главным образом для того, чтобы расколоть...

Он остановился на полуслове, уставившись на листы бумаги. В участке он положил в карман все четыре рисунка: по два на Джордана и взрослого серого.

Теперь двух листов не хватало. Он торопливо развернул оставшиеся рисунки, второпях порвав один из них. Как он и догадался, на обоих был взрослый.

Портреты Джордана пропали.

— Что такое? — забеспокоился Иона.

— Нас ограбили, — напряженно сказал Ференцо, сунув листки в боковой карман. — Те зеленые, пока тащили меня по тротуару, сумели как-то вытащить портреты Джордана.

Какое-то мгновение Иона молча смотрел на него. Затем резко поднял левую руку к щеке.

— Джордан, нас раскрыли, — отрывисто сказал он. — Смывайся оттуда — иди на Первую точку. Свяжись с матерью и отцом и скажи им, чтобы тоже отправлялись туда.

Он дождался ответа и опустил руку.

— Надо уходить отсюда, — добавил он, обращаясь к Ференцо, закрыл ящики с провизией и защелкнул замки.

— Думаешь, они отдали рисунки Хафдану? — Ференцо начал складывать одеяло, морщась от боли в плечах.

— Скорее всего, сначала показали своим, — ответил Иона, сложил одеяло, на котором лежал Ференцо, и сунул его себе под мышку. — Если никто его не узнал, то да, конечно, передали Хафдану.

— Который, похоже, вряд ли тобою доволен. — Ференцо, наконец, справился с одеялом. — Где эта первая точка?

— Там, где мы встретились. — Иона взял ящик с едой и опустился на корточки. — Там мы будем в безопасности, по крайней мере, какое-то время.

Он откинул полу навеса и взялся за ящик с водой и замер.

— Что такое? — спросил Ференцо.

Иона глубоко вздохнул.

— Мы не одни.

Он поставил ящик и откинул полог. По крыше, прямо к навесу, шагали шестеро невысоких, коренастых мужчин. Серые нашли их.

Рука Ференцо дернулась было к наплечной кобуре, но тут он вспомнил, что пистолета там нет.

— Кто это? — спросил он.

— Ближний круг Хафдана. Впереди в синей тужурке Берган, его старший сын. Это еще вчера Джордан отметелил, чтобы отнять машину, на которой он помог Уиттиерам сбежать от второго сына Хафдана, Ингвара.

— Который, как вижу, тоже здесь. — Ференцо узнал серого слева от Бергана: это был человек с рисунков, лежавших у него в кармане. — Думаешь, они знают, что вы похитили Меланту?

— Не вижу другой причины, по которой бы Джордан пытался задавить Ингвара, — мрачно ответил Иона. — А Хафдан обычно без затруднений умножает два на два.

— Ну что ж, придется ему заняться арифметикой в одиночестве. — Ференцо уже принял решение.

Достав значок, он протиснулся мимо Ионы и вынырнул через открытый полог наружу.

— Здравствуйте, господа, — обратился он к окружившим их серым, высоко подняв значок. — Что здесь происходит?

Берган и его друзья резко остановились, удивленно раскрыв рты при виде значка.

— Кто вы? — спросил Берган вместо ответа.

— Старший следователь Томас Ференцо. — Ференцо показал значок всем стоящим вокруг и убрал его в карман. — Решили устроить тут вечеринку?

Берган бросил взгляд за плечо Ференцо.

— Мы пришли повидаться с Ионой Макклеем, — сказал он. — Он наш друг.

— Господин Макклей сейчас никак не сможет поговорить с вами. — Ференцо, невзирая на все предосторожности Ионы, наконец, узнал его фамилию. — Он и его брат Джордан должны пройти со мной в участок.

Морщины у глаз Бергана сгустились.

— Зачем? — спросил он. — Что они совершили?

— Возможно, они являются свидетелями уголовного преступления. — Ференцо оглянулся вокруг. — Джордан? Джордан! Куда подевался проклятый мальчишка?

— Что за преступление? — спросил Ингвар.

Ференцо обернулся к нему и боковым зрением увидел, что один из серых поднес руку к щеке. Он понял, что тот вызывает Джордана, пока полицейский что-то не заподозрил.

— Что?

— Свидетелями, какого преступления были господа Макклей и Андерсон? — уточнил Ингвар.

Значит, фамилия Джордана — Андерсон. Сыновья Хафдана — просто кладезь полезной информации.

— Они могли видеть похищение в том парке. — Он показал в сторону края крыши. — Мне нужно снять с них показания и поднять старые дела об ограблениях.

— Значит, ни одному из них не предъявлены обвинения?

Ференцо понял, что это сейчас самое главное. По крайней мере, так думают Ингвар и Берган. Официальное обвинение означало бы снятие отпечатков пальцев, фотографирование

и прочие процедуры, которых они старательно избегали все эти годы. Оказавшись перед такой перспективой, они могли решиться на крайние меры.

С другой стороны, в свете избежания такой перспективы временная потеря Ионы и Джордана выглядит не так трагично.

— Нет, конечно, нет, — заверил он Ингвара. — Я же сказал, мне нужно только снять показания. — Он оглянулся. — Да куда ж подевался Джордан?

— Вот он, — раздался голос сзади. Оглянувшись, Ференцо увидел, что двое серых ведут к нему молодого человека с плотно сжатым ртом. Он впервые увидел Джордана в лицо, но, как и Ингвар, тот оказался точной копией рисунка.

— Наконец-то. — Он раздраженно махнул рукой. — Давай-давай, я тут уже замерз. Вы тоже, Иона. Вещи оставьте, заберете потом.

Стараясь выглядеть спокойным, он провел своих пленников мимо серых к выходу с крыши и, открыв дверь, пропустил их вперед.

— Остальных попрошу также уйти отсюда, — бросил он через плечо. — Закон запрещает находиться на крыше без разрешения владельца. — Он подтолкнул Иону. — Пошли.

Никто не произнес ни слова, пока они не спустились вниз.

— Куда мы идем? — спросил Джордан, когда Ференцо, сориентировавшись, направился к ближайшей станции метро.

— К двадцать четвертому отделению, чтобы взять мою машину.

Мышцы еще иногда побаливали при ходьбе, но он уже явно оправился.

— А потом?

— Увидишь. — Он глянул на Иону. — Макклей, значит?

Иона пожал плечами.

— Я же говорил, мы меняем фамилии.

— Я не это имел в виду. Подумал о вашей привычке лепиться к стенам. Клей — Макклей?

Иона насупился.

— Нет, — твердо ответил он. — Мой дед никогда бы не опустился до такой жалкой шутки. — Он помолчал. — Во всяком случае, я так думаю.

Они сели на поезд, идущий в центр, на станции «Канал» и «Лафайет», сделали пересадки на «Гранд-Сентрал» и «Таймс-сквер» и вскоре добрались до Сто второй улицы, где вчера вечером Ференцо оставил машину. К некоторому его удивлению, ее не отбуксировали.

— Садитесь, — обратился он к попутчикам.

Открыв машину, он с трудом уселся за руль. Иона сел рядом, Джордан забрался на заднее сиденье.

— Куда мы все-таки едем? — спросил Иона.

— Начнем с того, что оторвемся от слежки, о которой, уверен, Берган и Ингвар позаботились. — Ференцо завел машину и пристегнулся ремнем. — Достань, пожалуйста, мой запасной пистолет из бардачка.

— А что ты скажешь лейтенанту? — Иона открыл бардачок и осторожно вынул запасной «глок».

— Пока думаю. — Ференцо взглянул в зеркало. — Один момент, — добавил он, когда Иона протянул ему пистолет.

В потоке машин как раз открылся просвет; вывернув руль, он вклинился в соседнюю полосу и на перекрестке повернул на север за миг до того, как зажегся красный.

— Давай. — Он протянул руку.

Иона передал ему пистолет, и Ференцо сунул его в кобуру. Привычный вес оружия как-то успокаивал.

— Спасибо.

— Пожалуйста. А после того, как оторвемся?

— На первую точку, разумеется. Хочу познакомиться с остальными участниками твоего заговора.

С заднего сиденья раздался резкий вздох.

— Какого заговора? — напряженно спросил Иона.

— Ты собирался там с кем-то встретиться, — напомнил Ференцо. — Отсюда вывод, что вас больше, гораздо больше, чем четверо, вместе с родителями. Ни за что не поверю, что вы с Джорданом ввязались во все это одни. Там я и разберусь, на чьей стороне вы на самом деле.

— Но мы не можем, — запротестовал Джордан. — Иона, скажи ему.

Иона жестом велел брату замолчать.

— Ладно, — сказал он. — Но только, если сможешь оторваться от людей Хафдана.

— Доверься мне, — заверил его Ференцо. — Парочка гаражных парковок, такси, возможно, новые куртки, и оторвемся.

Иона глубоко вздохнул и откинулся на сиденье.

— Ладно. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Ференцо кивнул.

— Да. Я тоже надеюсь.

* * *

День начал клониться к закату, и Кэролайн дважды подкладывала в камин дрова, прежде чем, наконец, появился гость.

— Здравствуйте, — обратился к ним Николос, когда в сопровождении двух воинов вошел в дом. — Хотелось бы сказать, что я рад вас видеть.

Взглянув на мужа, Кэролайн заметила, как он на мгновение поджал губы. Очевидно, он не более удивился, увидев Николоса, чем она.

— Аналогично, — ответил Роджер командующему. — Уютненько тут у вас.

— Нам нравится.

Николос жестом показал на диван, а сам опустился в одно из шатких плетеных кресел. Прутья затрещали под его весом, но выдержали.

— Дайте угадать, — продолжал он. — Замечание, которое я сделал об отходе на север штата Нью-Йорк.

— В общем, да, — подтвердил Роджер.

Он и Кэролайн тоже сели. Николос угрюмо кивнул.

— Я сразу понял, что совершил ошибку, как только сказал об этом, и оставалось только надеяться, что вы не обратите внимания. Осмелюсь поинтересоваться: как вы нашли это место так быстро?

— Осмелюсь поинтересоваться: где Меланта? — парировал Роджер.

— Хотел бы и я это знать, — с сожалением сказал Николос. — У меня ее точно нет.

— Разумеется. А здесь вы просто летом отдыхаете?

— Нет, это именно то, о чем вы, несомненно, уже догадались, — спокойно ответил Николос. — Наш последний оплот, подготовленный на случай, если серым удастся выдавить нас из города.

— Где вы сможете продолжить сражаться в благоприятных условиях?

Николос покачал головой.

— Если нас загонят сюда, война уже будет проиграна. Эта земля станет не более чем местом последней передышки, откуда оставшиеся смогут скрыться в тень лесов и холмов.

— Или местом, где вы сможете уютно расслабиться, пока Меланта уничтожает Нью-Йорк и серых? — раздался напряженный голос Кэролайн.

Николос повернулся к ней, и в его глазах загорелся огонь.

— Послушайте, господа земляне, у меня такая работа — защищать мой народ от врагов, — резко произнес он. — И если для выполнения этой задачи понадобится снести несколько зданий, что ж, именно это я и сделаю.

— Но только, если сможете убедить Меланту, — сказал Роджер.

— Мне не нужна Меланта, — выпалил Николос, и в порыве гнева подался вперед, схватившись за ручки кресла. — Дамиан может...

Он оборвал себя и поднялся.

— Боюсь, вам придется какое-то время побыть нашими гостями, — официальным тоном заявил он. — Для вас сейчас готовят комнату в главном здании. Командир группы пришлет за вами через час.

Он повернулся и направился к двери.

— Только не забудьте об одном, — бросил ему вслед Роджер. — Если вы собираетесь убивать серых, то мы, вероятно, не сможем помешать вам, тут вы правы. Но если вы начнете крушить дома и убивать наших людей, то долго прятаться тут вам не удастся.

— Мы прятались от других в течение многих десятков лет, — возразил Николос, обернувшись через плечо. — Они-то, по крайней мере, знали, кого и что ищут. А вы действительно считаете, что мы не сможем укрыться от людей, которые даже не знают, что мы существуем?

Он шагнул в сгущающиеся сумерки. Воины последовали за ним и закрыли дверь.

— Ага, тут у вас целая долина, где можно спрятаться, — пробормотал Роджер в сторону двери. Он шумно вздохнул и повернулся к Кэролайн. — Мне показалось, или Николос действительно потерял самообладание?

— Очень похоже на то, — согласилась Кэролайн, припоминая внезапно оборванную фразу. — Кто-нибудь уже упоминал Дамиана?

— Не при мне. Я все думаю — Меланта у него или нет? То он вроде намекает, что да, то говорит что-то совершенно противоположное.

Кэролайн поежилась.

— Роджер, мы должны выбраться отсюда. Вернуться в город и предупредить кого-нибудь.

— Готов рассмотреть любые предложения.

Кэролайн задумчиво оглядела комнату. Она уже определила, что домик построен где-то в конце сороковых или начале пятидесятых годов. В то время в районе Кэтскиллза появлялось множество таких летних построек, причем часто они возводились весьма

поспешно. Окна с одинарными рамами, стены с минимальной изоляцией, а то и вообще без нее, пол...

Пол.

Она осмотрела пол. Стандартный настил из грубых неотесанных досок. Кэролайн опустилась на колени и приложила руку к щели. Камин тянет воздух из комнаты...

— Чувствуешь, как из-под пола дует? — спросила она. Роджер присел рядом, лизнул палец и поднес его к широкой щели между досками.

— Как будто да. Но камин тянет сильно. Может, это откуда-то еще?

— Роджер, я думаю, здесь нет чернового пола. Только эти доски, прибитые к лагам, а под ними пространство.

— Без фундаментной плиты?

— Тогда для таких построек она не требовалась. И я помню, что, когда мы входили, я видела обшивку на уровне земли. Там точно можно проползти.

Роджер задумчиво похлопал по доске.

— И если мы сможем пролезть под пол, то выберемся наружу.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

— Снаружи еще охранники, — напомнила она.

— Давай сначала выберемся, а там посмотрим. С чего начнем?

— Поищи, чем можно выдернуть гвозди. — Она выпрямилась. — Не забудь про ящики кухонного стола. Я посмотрю, где можно...

Она натянуто улыбнулась.

— Что? — спросил Роджер.

— Я чуть не сказала, что посмотрю, где можно копать. Будто мы на каком-то острове сокровищ.

— Больше похоже на лагерь для военнопленных. — Он направился к кухне. — Посмотрю, что там есть.

Когда он вернулся, Кэролайн уже нашла подходящее место.

— От предыдущих жильцов почти ничего не осталось. — Он сложил на диван две пригоршни хлама. — Но картофелечисткой можно выковырять пару гвоздей, до того как она сломается.

— Может, даже больше, — согласилась Кэролайн.

Она осмотрела добычу. Половинка дверной петли, гнущее сверло, обломок сбивалки для яиц и сетевой шнур, как у старой маминой вафельницы.

— А чтобы поднять доски, когда вытащим гвозди, думаю, можно использовать эту шуковину для защиты от искр, — добавил Роджер.

— Это называется каминной решеткой, — подсказала она, оглядывая низкий металлический барьер перед камином. — Да, может подойти.

— Значит, инструменты есть, — подытожил Роджер. — Где начнем?

— Вот здесь. — Кэролайн показала на угол, где она стояла. — Видишь на полу пятна? Это от дождя или снега. Доски здесь подгнили — чувствуется, что они мягче по сравнению с остальным полом.

Роджер попробовал ногой пол.

— Выглядит обнадеживающе.

Он взял картофелечистку, встал на колени и принялся за работу.

Кэролайн взяла сломанную петлю, но в груди у нее замирало. Из хибары можно

выбраться, теперь она была в этом уверена. Но потом...

Она подошла к доске, над которой трудился Роджер, с другой стороны. Ясно, что он еще не продумал все до конца. Лучше его не отвлекать.

Она опустилась на колени и принялась ковырять мягкое дерево.

* * *

— Что значит «машина исчезла»? — сказал Пауэлл в трубку. — Я же приказал за ней следить.

— В расписании наружки оказалась дырка. — Смит говорил так же раздраженно, как и Пауэлл. — Когда я это обнаружил, уже было поздно. Но я нашел продавца газетного киоска, который видел, как они сели в машину и уехали.

— Это был сам Ференцо? — с некоторым облегчением спросил Пауэлл.

Что бы там ни случилось, напарник жив.

— Продавец опознал его по фото, — подтвердил Смит. — С ним было двое мужчин: одному лет пятнадцать-шестнадцать, он сел сзади, другому лет двадцать пять, этот сел на переднее сиденье. По описанию оба темноволосые и такие коренастые. — Он помолчал. — Он также сказал, что, когда машина отъезжала, второй держал в руке пистолет.

Пауэлл снова напрягся. Значит, вместо убийства имеем похищение.

— Отправь мужика в участок, — приказал он. — И вызови Карстерса сделать рисунки.

— Карстерс не очень-то обрадуется, что его вызывают в воскресенье, — предупредил Смит. — Особенно после того, как уже выходил в субботу.

— Скажи ему, что с меня обед, — проворчал Пауэлл. — Объяви машину Ференцо розыск и прочеши район, может, найдешь кого-то, кто дополнит картину. И не отпускай свидетеля, пока я не приеду.

— Не отпущу, — пообещал Смит. — Пока.

Пауэлл положил трубку и несколько секунд мрачно смотрел на нее. Господи, что же происходит?

— Джон?

Подняв глаза, Пауэлл увидел в дверях свою жену Сэнди.

— Прости, милая, мне снова нужно на работу, — вздохнул он, нашаривая туфли.

— Томми?

Он кивнул.

— По крайней мере, он вроде бы жив. Похищен, но жив.

— Будь осторожен, — тихо сказала Сэнди. — Если кому-то мешает он, то, может быть, мешает и его напарник.

— Да не волнуйся ты. — Он натянул пальто и быстро, но крепко обнял ее. — Мы не ведем сейчас никаких дел, за которые можно было бы убить.

— Конечно. — Она задержала его в объятиях чуть дольше обычного. — Просто будь осторожен.

— Буду, — целуя жену, пообещал он. — Я позвоню, если задержусь позже двенадцати.

Он оглянулся в дверях: она стояла посреди комнаты, глядя ему вслед. Жена полицейского, на лице боль и надежда, неизбежные в ее жизни.

Загадочный Сирил говорил о крови тысяч ньюйоркцев. Возможно, Ференцо намечен

быть первым из этих тысяч?
А сам Пауэлл — вторым?

Доски оказались даже мягче, чем надеялась Кэролайн, и, чтобы отодрать первую доску от лаг, понадобилось меньше пятнадцати минут. Теперь, когда можно было использовать рычаг, работа пошла быстро. Еще десять минут, и в полу оказалась дыра, достаточная, чтобы пролезть в нее.

— Жаль, фонарика нет, — сказал Роджер, вглядываясь в темноту. — С другой стороны, может, и хорошо, что я не вижу ничего. Наверное, там полно всякой ползучей гадости. Как думаешь, доски обшивки прочные?

— Вряд ли, — ответила Кэролайн. — Они же на улице, а дом явно не ремонтировался. Думаю, стоит хорошенько поднажать, и они слетят с гвоздей. Особенно в этом углу — здесь как раз крыша течет.

— Порядок. — Роджер огляделся. — Что нам может понадобиться?

Наступил решающий момент. Собравшись с духом, Кэролайн отчеканила:

— Выбери сам, что, по-твоему, может пригодиться. Ты пойдешь один.

Он дернулся, будто от удара током.

— Что? Кэролайн...

— Роджер, это единственный выход, — перебила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. Если позволить ему спорить, она может размякнуть и сдаться, и тогда им обоим конец. — Даже если доски обшивки держатся слабо, тебе не удастся выломать их совершенно бесшумно. Кроме того, там караулят воины. Кто-то должен отвлечь их и увести от машины.

— Вот мы и отвлечем их, а когда окажемся у них за спиной, просто побежим, — упрямо возразил он.

— Как? Чем мы их отвлечем?

— Пока не знаю, — отрезал он. — Может... ну, может, запалим оставшуюся растопку посреди комнаты и крикнем «Пожар!».

Она покачала головой.

— Не выйдет. Даже я бы на это не купилась. Они не станут врываться сломя голову, чтобы дать нам уйти.

— Тогда крикнем «Пожар!», а когда откроют дверь, сами нападем на них, — предложил Роджер. — Мы уйдем вместе или останемся вместе.

— Тогда ты обречешь серых на смерть. Если Меланта у Николоса, и он заставит ее использовать дар, им не спастись.

— А может, меня и не волнуют серые, — огрызнулся Роджер. — Может, они заслужили то, что получают.

— А город?

У Роджера напряглись желваки.

— Ну, хорошо, — проворчал он. — Но поедешь ты. А я останусь здесь и буду отвлекать.

— Не выйдет, — ласково сказала она. — Если они услышат, как я кричу «Пожар!» и увидят, что я мечусь в панике, то подумают, что ты где-то спрятался, чтобы выбежать в дверь. Все их внимание будет направлено внутрь хибары, где ты якобы засел. Это даст возможность добраться до машины. А если ты будешь бегать по комнате, а я будто бы спряталась, будет неубедительно.

— Да не могу я бросить тебя тут, Кэролайн, — умоляюще сказал он.

Голос у него задрожал, а она изо всех сил старалась говорить ровно.

— Кроме того, — продолжала она, — тебе придется ехать прямо на тех, кто попытается встать на пути. Я не уверена, что смогу.

— Ты думаешь, я смогу?

— Если не сможешь, то все наши старания пропадут. — Она посмотрела на часы. — А если не поторопимся, пропадут в любом случае. Николос сказал, что нас отведут в главный дом через час, а уже прошло полчаса.

— Может, оттуда будет бежать легче.

— Нет, — твердо ответила Кэролайн. — Если на этом участке есть постройки, которые они поддерживают в приличном состоянии, то это именно главный дом. Не гнилая развалюха, как этот, и вокруг полно зеленых. Если не бежать сейчас, прямо отсюда, другой возможности не будет.

Роджер прикрыл глаза.

— Кэролайн...

— Пожалуйста. Ради меня.

— Но что, если они?..

— Нет, — быстро сказала Кэролайн, стараясь сама отделаться от той же ужасной мысли. — Если ты сбежишь, меня, они тронуть не посмеют. Ты знаешь, что я здесь, и они понимают, что ты знаешь.

Он сокрушенно вздохнул.

— Как я узнаю, когда бежать?

Победа!

— Узнаешь, — с облегчением сказала она. Меньше всего ей хотелось, чтобы Николос застал их тут в разгаре спора. Стремление Роджера уходить от конфликтов хоть раз оказалось полезным.

— На самом деле твоя идея с пожаром подходит лучше всего. Я попробую кричать погромче, чтобы не было слышно, как ты ломаешь доски.

— Но не так громко, чтобы все зеленые в радиусе полумили сбежались посмотреть, что случилось.

Он крепко обнял ее и поцеловал.

— Я люблю тебя, Кэролайн.

— Я тоже люблю тебя, Роджер. — Она почувствовала, что в горле застрял комок. Давно уже он не произносил эти слова так серьезно. — Будь осторожен.

— Ты тоже.

Он еще раз глубоко вздохнул и полез под пол.

Кэролайн подошла к камину, и короткое облегчение оттого, что спор закончился, сменилось новым напряжением: предстояло решить другую задачу. Теперь надо было идти до конца.

Оставалось только надеяться, что она права и ее потом не убьют.

Вместе с дровами воин принес совсем немного растопки: две пригоршни плоских палочек и небольшую пачку газет. Но чтобы разжечь огонь в камине, понадобилось меньше половины, и должно остаться вполне достаточно для того, что она задумала. Разделив газеты на отдельные листы, Кэролайн смяла их и сложила рыхлой кучей рядом с камином. Она однажды слышала, что духи горят, поэтому взяла флакончик и щедро побрызгала из пульверизатора на газеты. Затем подошла к плетеному креслу, на котором до этого сидел,

Николос, и, подтащив его к камину, поставила на край газетной кучи.

К этому времени Роджер уже должен был наметить, какие доски выломать, и ждать сигнала. Она подошла к дыре в полу и закрыла ее досками, чтобы не сразу стало понятно, что происходит. Ее взгляд упал на кучу хлама, собранную Роджером, она взяла запасной электрошнур и, сложив, спрятала в кулаке. Снова вернулась к камину, подожгла одну палочку и, поднеся ее к креслу, дождалась, пока оно не начало тлеть. Наклонившись, она стала осторожно дуть, пока, наконец, не появилось небольшое пламя.

За двадцать лет службы кресло совершенно высохло, через полминуты огонь охватил половину сиденья. Она подожгла газету под креслом и вышла на кухню, откуда разгорающийся огонь не был виден. Там она дождалась, пока не стало слышно характерное потрескивание. Глубоко вздохнула и выбежала в комнату, стараясь топтать погромче.

— Пожар! — истерически закричала она и забарабанила кулаками в дверь. — Помогите! Пожар!

Она продолжала стучать, когда дверь внезапно открылась.

— Что такое? — Воин заглянул ей через плечо.

— Оно загорелось, — выпалила Кэролайн, отчаянно маша рукой в сторону горящего кресла. — На кухне нет воды — нечем его потушить. Пожалуйста, помогите нам!

— Отойдите! — приказал воин и вошел.

В дверях он на секунду задержался и быстро взглянул в обе стороны, явно ожидая подвоха.

— Спокойно. — Он снял куртку и, намотав ее на руку, подошел к камину. — Оно как раз войдет в камин.

— Но это же кресло, — возразила Кэролайн. — Нельзя же... я хочу сказать...

Зеленый и не подумал ответить. Ухватив кресло защищенной рукой, он поднял и повернул его так, чтобы оно вошло горячей стороной в камин.

Кэролайн украдкой взглянула на дверь. Второй воин наблюдал за происходящим снаружи, явно не собираясь входить внутрь. Внутри у нее похолодело: достаточно ему повернуть голову, и он увидит, когда Роджер побежит к машине.

Надо что-то предпринять.

Первый воин уже запихнул кресло в камин, оставшаяся часть нависала над полом, где падающие искры и пепел уже не представляли опасности. Подойдя к нему поближе, Кэролайн сложила руки вместе, будто нервно потирала их. Маскируясь этим движением, она взяла второй конец шнура в другую руку. Теперь, когда кресло почти не представляло угрозы, воин занялся газетами, методично затапывая еще горящие обрывки, и усердно тер подошвами пол там, где тот начал тлеть.

Стиснув зубы, Кэролайн растянула шнур, прыгнула зеленому на спину и, накинув шнур ему на горло, стала тянуть изо всех сил.

Воин среагировал очень быстро, быстрее, чем она ожидала. Она еще не успела натянуть шнур вокруг шеи, как он крутнулся вбок, железной рукой схватил ее за правое запястье и резко дернулся вперед, намереваясь бросить через плечо в стиле дзюдо.

Но Кэролайн росла вместе с тремя братьями и знала боевые приемы. Как только он наклонился, она соскользнула с его спины вбок, не выпуская из рук шнура. В результате такого маневра она перевернулась вперед и внезапно повисла на шнуре, зацепившись за шею воина, опираясь на каблуки и глядя в испуганное и злое лицо зеленого.

— Я держу его! — закричала она, прекрасно понимая, что это наглая ложь. — Скорее

сюда!

И тут ее схватил за руки второй воин. Она попыталась его пнуть, но под неудобным углом смогла только слабо ударить коленом в ногу. Он развел ее руки в стороны и вырвал шнур из рук. Оставшись без поддержки, она упала навзничь и вскрикнула, ударившись спиной и затылком о грубые доски пола. Первый воин что-то злобно произнес, потирая рукой шею, где шнур врезался в кожу. Кэролайн отшатнулась, увидев, что свободной рукой он замахнулся, намереваясь дать пощечину.

Но удара не последовало. Не успела рука зеленого пойти вниз, как в комнату внезапно ворвался рев двигателя.

Воины среагировали мгновенно: оба пулей бросились к двери. Кэролайн попыталась было схватиться за них, но безуспешно. Двигатель рявкнул, когда Роджер круто развернулся назад, заревел на высокой ноте, и машина рванулась по дороге, вздымая перед хибарой фонтаны грязи, сухих листьев и гравия. Приподнявшись на локте, Кэролайн успела увидеть, как габаритные огни исчезли за первым холмом.

Удара сердца отдавались в ушах, она глубоко вздохнула и потерла пальцами затылок. Ее задача выполнена. Теперь все зависит от Роджера.

* * *

Первая часть оказалась самой сложной. Как и предполагала Кэролайн, бордюрные доски не представили никакой проблемы, хотя, когда они отрывались от гвоздей, Роджеру казалось, будто стреляют из пушки. Он прокрался по траве вдоль стены, вздрагивая от каждого шороха и боясь споткнуться. Представление Кэролайн было в полном разгаре, когда он добрался до угла хибары, и тут обнаружил, что один из зеленых стоит в дверях между ним и машиной.

Он простоял за углом, как ему показалось, час, мучительно соображая, стоит ли пытаться прошмыгнуть мимо воина или обойти его и двигаться пешком. Но тут раздались крики Кэролайн, второй воин бросился внутрь, и Роджер с отчаянным безрассудством рванулся к машине. В кои-то веки «бьюик» завелся сразу, и он сумел развернуться и выехать на дорогу до того, как зеленые смогли бы остановить его.

Что не значит, что они не пытались. Мчась по узкой дороге, Роджер взглянул в зеркало и вздрогнул, увидев, что из крышки багажника торчит нож. Неизвестно, пытался ли воин что-то повредить или хотел зацепиться ножом и влезть на машину. Но от сознания того, как близко он был к провалу, Роджера пробила дрожь.

И теперь еще только предстояло выбраться из лесу, как в буквальном, так и в переносном смысле слова. По пути к домику он внимательно следил за окрестностями и был вполне уверен, что знает, как попасть назад. Но уже сгущались сумерки, и в резком свете фар дорога и обрамляющие ее деревья выглядели как инопланетный пейзаж. Сердце бешено колотилось, не поддаваясь никаким увещаниям разума.

Впереди показалась развилка. Роджер резко повернул налево, горячо надеясь, что едет верно. По дороге сюда они все время сворачивали направо, никаких других ответвлений, как кажется, не было, и все же оставалась вероятность, что какое-нибудь он мог пропустить. Если так и он где-то повернет не туда, дороги не найти.

Машина еще раз взлетела на пригорок, он сжался от удара задней подвески. Вильнул,

чтобы объехать яму, и чуть не вылетел с левой обочины дороги, подняв фонтан гравия, забарабанивший по заднему бамперу, и с трудом выровняв машину. Впереди показалась еще одна развилка, и он снова повернул налево. Еще раз налево, вспоминал он, и все. Следующий перекресток — это Сорок вторая дорога, оттуда он уже точно сможет добраться до скоростной трассы, а там и до сравнительно безопасного города.

Вдруг прямо на середине дороги появилась фигура, в свете фар сверкал нож. Стиснув зубы, Роджер вдавил педаль газа в пол. Кэролайн понадеялась на него, и от него зависит жизнь Меланты.

На этот раз он их не подведет.

Зеленый едва успел отскочить в сторону, в последний момент, нырнув за большое дерево. Роджер помчался дальше, он смутно сознавал, что едет слишком быстро по такой дороге и в такой темноте, но уже не обращал на это внимания. Он чуть не проехал последнюю развилку, но успел свернуть налево, задев по касательной небольшое деревце. Тут его поджидал еще один зеленый, этот уже благоразумно стоял поодаль справа, однако, когда Роджер поравнялся с ним, замахнулся, как бейсболист, подающий мяч. Что-то стукнуло о борт, но машина уже неслась к шоссе с бешеной скоростью. Еще один пригорок, колеса вновь оторвались от земли, короткий миг невесомости, удар о гравий и протестующий скрежет подвески.

Вот она, дорога, прямо по курсу. Он пригнулся вперед, вцепившись в руль. Теперь у них остался последний шанс остановить его...

Главная трасса вдруг оказалась совсем рядом, он резко нажал на тормоз, чтобы вписаться в поворот. За окном мелькнуло еще одно лицо; резко вывернув руль, Роджер выправил машину из заноса и утопил педаль в пол, выжимая из «бьюика» всю мощь.

Он промчался с полмили, прежде чем осознал, что судорожно сдерживает дыхание. Еще через полмили понял, что держит руль мертвой хваткой, а на лице застыла какая-то зверская ухмылка.

Еще через милю до него дошло, что он выскочил на дорогу, даже не посмотрев, идут ли машины.

Он мчался на юг со скоростью куда большей, чем позволяли изгибы шоссе. К счастью, движение было слабым. Он обогнал всего три машины, перед тем как доехал до Двадцать восьмой дороги и повернул на восток. Здесь транспорта было больше, и каждый раз, оказавшись за тихо идущей машиной, Роджер тихонько ругался, ожидая нападения за каждым поворотом.

Но никто не нападал, и к тому времени, как он добрался до скоростной, стала, наконец, появляться уверенность, что он действительно оторвался.

Значит, пора подумать, что делать дальше.

Самое очевидное — звонить в полицию. Но чем больше он размышлял, тем больше сомневался, что чего-нибудь этим добьется. За прошедшие годы зеленые, несомненно, научились обходить закон. Кроме того, что убедительного он может рассказать, чтобы ему поверили? В главном доме на участке зеленых он никогда не был, значит, не сможет описать ни место, ни даже путь к нему. Вероятно, он смог бы опознать воинов, которые указывали дорогу, но, поскольку зеленые могут бесследно скрыться в любом ближайшем дереве, то и это бесполезно. Можно было бы провести полицейских к хибаре, но Николосу не составит труда уничтожить следы, подтверждающие его рассказ. Прибьют половые и бордюрные доски на место, заменят мебель, может, даже присыплют пылью, чтобы дом выглядел таким

же заброшенным, как перед их с Кэролайн приездом.

А если он приведет полицию и подтверждений его рассказа не найдется, больше ему никто не поверит. После этого никакие аргументы не помогут.

Впереди показались огни заправки. Он все еще находился в неуютной близости от территории зеленых, но машине нужен бензин, а ему — кофе и еще что-то, чтобы унять нарастающую резь в желудке. Такое оживленное, многолюдное место, пожалуй, должно быть достаточно безопасным.

Роджер подъехал к колонке, вставил в щель кредитную карточку и заполнил бак. Поставив машину на парковку, он зашел в магазин, где купил кофе и упакованный в пленку бутерброд с индейкой.

Он вернулся к машине и вдруг услышал справа голос:

— Эй! Приятель!

Напрягшись, он обернулся. Большой, суровый на вид мужчина в бейсбольной кепке и майке поверх джинсов шагал к входу в магазин скованной походкой человека, который слишком долго просидел за рулем.

— Да? — осторожно отозвался Роджер.

— Проверь украшение на капоте. — Тот показал пальцем назад «бьюика». — Вроде съехало немного.

Роджер сдвинул брови. «Украшение на капоте»?

— А, спасибо, — ответил он, совершенно не понимая, о чем идет речь.

Мужчина кивнул и скрылся в магазине. Хмуря лоб, Роджер поставил кофе и бутерброд на крышу и обошел машину.

Из крыла торчал еще один нож. Значит, вот что стукнуло по машине, когда он гнал по проселку. Последний подарочек от зеленых.

Вытащив нож из металла, он с дрожью осознал, что подарок мог оказаться и не последним. Воткнись он на фут впереди, легко бы пробил бачок радиатора. Если бы это случилось, им оставалось спокойно прогуляться миллю-другую, пока бы мотор не перегрелся и не заглох.

Новое открытие напомнило, что у него из крышки багажника до сих пор торчит еще один нож. Он вытащил и его, затем открыл дверцу и бросил оба ножа на пассажирское сиденье. Несмотря на предполагаемый дефицит своих проклятых трассков, зеленые более чем охотно жертвуют ими, чтобы убрать его и Кэролайн с пути. Он взял кофе и бутерброд, сел в машину и заперся. Несколько минут он сидел, жуя бутерброд, угрюмо наблюдал, как люди входят и выходят из магазина, и в нем закипал гнев.

Они захватили Кэролайн, возможно, захватили Меланту, а полицейский, который мог согласиться выслушать его, исчез. С точки зрения Николоса и его друзей, Роджер оставался единственным, кто еще противостоял им. Роджер и серые.

Серые.

Он снова взял один из ножей и повертел в руке, разглядывая оружие. Через несколько минут или часов даже их не будет, чтобы показать полиции. Они снова примут форму изысканных украшений, и ничего с этим не поделаться.

Но серых не нужно убеждать. Они и так все знают о зеленых и трассках. Когда он покажет им еще два, этого будет вполне достаточно, чтобы доказать, что он говорит правду.

И если они узнают, среди прочего, что Николос прячет Меланту в Кэтскиллзе, возможно, он сможет убедить их отправиться туда и спасти жену.

Спасти жену... в обмен на жизнь Меланты.

Тупо глядя на нож, он похолодел, впервые это осознав. Ведь именно это и произойдет, если обратиться к серым.

Если они нападут на убежище Николоса и найдут Меланту, она погибнет.

А ему придется все рассказать Кэролайн.

Роджер тихонько выругался, бросил нож на сиденье и повернул ключ зажигания. Он слишком устал, чтобы распутывать клубок этических вопросов; слишком устал, слишком напутан, слишком потрясен. Он не просил их впутывать его в чужую войну, ему все равно не разобраться во всем. Ясно одно — Кэролайн в опасности, и он сделает все, чтобы выволить ее. И если это будет стоить Меланте жизни...

Он тряхнул головой, отказываясь закончить мысль даже наедине с самим собой. Роджер вырулил задом с парковки и снова выехал на скоростную дорогу. У Торвальда Грея, художника из Гринич-Виллиджа, сегодня будет гость.

Воины усадили Кэролайн на диван, один остался рядом, другой наблюдал за горящим креслом, по мере необходимости подпихивая его в глубь камина. К тому времени, как с креслом было покончено, к ним присоединились еще два воина. Все четверо распределились по комнате и стояли как манекены. Все молчали, никто не отвечал ни на ее вопросы, ни на замечания, но она улавливала их речь, из чего было ясно, что они общаются между собой более чем оживленно. Она вздохнула почти с облегчением, когда один объявил, что командир группы готов принять ее.

В окружении четырех воинов она отправилась через лес. Вокруг уже было темным-темно, и сразу пришла мысль о побеге. Но разум быстро взял верх. Вряд ли зеленые позволят одурачить себя дважды, а уж бродить впотьмах в незнакомом лесу просто бессмысленно.

Кроме того, уже после первых шагов стало ясно, что ее конвоиры видят в темноте гораздо лучше, чем она сама. Они шагали по неровной местности с небрежной уверенностью, а она то спотыкалась, то отмахивалась от веток, бьющих по лицу. Несколько раз она чуть не упала; наконец один из воинов взял ее за руку и повел в темноте, как слепую.

Но если видела она плохо, то звуки с лихвой восполняли картину. Вместо обычного пения птиц и шуршания насекомых слышался хруст кустарника и голоса на непонятном языке.

Когда они, наконец, добрались до главного дома, Кэролайн несказанно удивилась — это было огромное строение в три этажа, широко раскинувшее два крыла на широкой ухоженной лужайке. Все окна были ярко освещены, в них то и дело мелькали человеческие фигуры. В темноте было трудно определить тип здания, но по конструкции и расположению окон она догадалась, что дом гораздо старше хибары, возможно даже конца девятнадцатого века.

Конвой провел ее по ступенькам широкого крыльца к двери, обрамленной затейливыми окнами и увенчанной столь же затейливой полукруглой фрамугой. Далее располагался просторный холл с высоким потолком и роскошным паркетным полом, украшенный резными колоннами. Один из воинов подошел к двустворчатым дверям слева.

— Сюда. — Он открыл одну из створок. — Командир группы ждет.

— Спасибо, — нетвердым голосом ответила Кэролайн. Она прошествовала мимо воина и вошла в дверь.

И остановилась как вкопанная. Комната оказалась библиотекой, по всем стенам тянулись книжные полки, заставленные темными томами разного размера. Посреди комнаты, освещаемой напольными светильниками, красовался массивный дубовый стол с тремя старинными креслами.

Но не обстановка или сама комната поразили ее. Скорее, единственный находившийся там человек.

— Добрый вечер, Кэролайн, — спокойно обратилась к ней седовласая женщина. Мягкий свет ламп подчеркивал глубокие морщины на лице. — Я командир группы Сильвия Грин. — Она чуть улыбнулась. — Насколько я понимаю, вы не меня ожидали увидеть?

Кэролайн обрела дар речи.

— Извините. За последние несколько дней я много слышала о воинах зеленых. Думаю, я просто решила, что все они мужчины.

Женщина пожала плечами.

— Дар выбирает нас. — Она поднялась и указала на одно из кресел. — Не мы выбираем. Прошу садиться.

— Спасибо. — Кэролайн сдвинула брови, вспоминая, где она слышала имя командира. — Вы сказали, вас зовут Сильвия?

— Та самая Сильвия, которую ваш муж встретил в квартире Александра, — подтвердила женщина. — Полагаю, это был ваш следующий вопрос?

— Да. — Кэролайн села в кресла. — Надеюсь, вы не очень сердитесь, что Роджер сбежал.

— Это представляет некоторое неудобство, — признала Сильвия, усаживаясь. — Но едва ли угрозу. Он ничем не сможет нас побеспокоить.

— Вот как, — вежливо ответила Кэролайн. — Почему же тогда ваши люди так суеются?

— Суеются?

— Там шум в лесу.

— А, это. Они просто делают так, чтобы ваш домик исчез.

— Они... что?

— Не буквально, конечно, — пояснила Сильвия. — Вы, возможно, заметили, что дорога, по которой вы сегодня ехали, очень узкая. Трудящиеся просто сметаю гравий на развилках и высаживают там кусты. Даже если Роджер найдет кого-то, кто согласится его выслушать, то, вернувшись, обнаружит, что проселков, которые он описал, не существует.

У Кэролайн засосало под ложечкой.

— Хитро, — наконец выговорила она.

— Обман всегда был частью военного искусства, — пожала плечами Сильвия. — Одна из многих составляющих моего дара.

— Любопытный дар, — пробормотала Кэролайн. — Могу я спросить, что вы собираетесь со мной делать?

— Ничего страшного, уверяю вас. Вас подержат тут, пока все не закончится, затем вы вернетесь домой.

Кэролайн сглотнула.

— Если Манхэттен останется цел.

Сильвия нахмурилась.

— Что вы от нас хотите, землянка Кэролайн Уиттиер? Вы так говорите, будто это не нас серые хотели уничтожить, когда подожгли наш лес и хладнокровно стреляли по нам, когда мы пытались спастись от огня. Нам что, лечь и умереть, чтобы избавить от неудобств ваш народ? Или все-таки подняться на борьбу и защищать себя и своих близких? Как бы вы поступили на нашем месте?

— Во всяком случае, немного больше беспокоилась бы о невиновных, случайно попавших под обстрел. Когда рухнули башни-близнецы, погибло три тысячи человек. Сколько домов и людей вы планируете уничтожить, защищаясь?

— Не поймите меня неправильно, Кэролайн, — натянуто ответила Сильвия. — Мы воины, а не мясники. И не станем разрушать или убивать больше, чем нужно для того, чтобы защитить наших людей. Но если надо выбирать между спасением всех зеленых и несколькими жизнями землян... тут и выбора никакого нет.

— Даже если эти земляне ваши друзья? — продолжала настаивать Кэролайн.

— У меня нет друзей среди землян. Фактически до того, как я познакомилась с вами и

Роджером, я, наверное, даже не знала ни одного землянина по имени.

— Шутите, — с изумлением воззрилась на нее Кэролайн. — Сколько вы уже тут живете?

— Я из числа прибывших сюда беженцев. Ах да, я знала Веловски по имени. Но он почти единственный землянин, которого я знала до вас.

— Как же вы так умудрились? — все еще недоверчиво спросила Кэролайн. — Я думала, вы все переехали в город.

— Все, кроме небольшой группы, которая приехала сюда. Вождю Элимасу не очень нравилась идея жить в городе, и он отправил нашу группу на поиски другого постоянного места жительства.

— Я думала, он умер еще до того, как вы покинули остров Эллис.

— Да, но благодаря пророчествам провидцев он знал, чего ожидать. На самом деле, если быть точным, его сын Николос передал нам его указания. В последние часы вождь Элимас уже слишком ослаб, чтобы говорить, и Николос был единственным, кто еще мог общаться с ним и передавать его мысли.

— Что значит «передавать»? — спросила Кэролайн. — Я думала, что у вас прямая мысленная связь.

— Так и есть, но не все передается одинаково хорошо. Слова и простые предложения обычно не представляют проблем, эмоции тоже редко толкуются неверно. А вот образы и абстрактные идеи как передаются, так и принимаются с трудом. Иногда только те, кто хорошо знает друг друга, способны на это. Сказители и провидцы, конечно, справляются лучше других, но их меньшинство.

— Ясно, — кивнула Кэролайн. — А я все удивлялась, к чему вам вообще разговаривать.

— Если бы можно было общаться молча без ограничений, то мы бы так и делали. А пока я послала за едой, после чего вас отведут в вашу комнату.

— Спасибо. Я все еще не совсем понимаю, почему вы так мало общались с землянами. Мы что, вам не нравимся?

— Я к вам совершенно равнодушна, — откровенно сказала Сильвия. — Дело всего лишь в том, что я провела жизнь в этих лесах, подготавливая среду обитания для будущих поколений, и просто не пыталась искать контактов с местными.

Кэролайн обернулась на звук открываемой двери и увидела зеленого, который нес в руке коробку размером с шоколадный набор.

— Ваша еда, — подсказала Сильвия. — Боюсь, это все, что мы можем предложить.

— Спасибо.

Кэролайн взяла из рук зеленого коробку и с сомнением посмотрела на нее. Она откинула крышку, и глазам ее предстали два ряда странных упаковок размером с брикет овсянки.

— Что это?

— Сухой паек воина. Разработан, чтобы поддерживать зеленых сильными и здоровыми во время долгих кампаний.

— Ясно. — Кэролайн закрыла коробку и положила ее на край стола. — Извините, но это не пойдет.

Такого ответа Сильвия явно не ожидала.

— Простите?

— Я говорю, не пойдет, — повторила Кэролайн. — Пища, разработанная, чтобы

поддерживать жизнь зеленого, может оказаться опасной или даже смертельной для землянина.

— Ерунда, — насупилась Сильвия. — Зеленые едят пищу землян постоянно. Я и сама ела, у Александра. Ни у кого из нас проблем не было.

— Значит, зеленые могут, есть земную пищу. Но это совсем не означает, что можно и наоборот. — Кэролайн указала на коробку. — Мы обе понимаем, что там могут быть микроконцентрации элементов или витаминов, смертельные для меня. — Она подняла брови. — Если, конечно, Николос не хочет моей смерти.

— Это просто нелепо. — Сильвия бросила сердитый взгляд на зеленого. Тот молча взял коробку и вышел. — К сожалению, как я уже сказала, это все, что у нас есть.

— Я понимаю. — Кэролайн старательно подбирала слова. — Но тут неподалеку должны быть рестораны.

Сильвия усмехнулась.

— Ну конечно.

— Нет, правда. Роджер не стал бы обращаться в местную полицию — предполагая, что вы их уже приручили. А из города он сможет привезти сюда кого-нибудь самое раннее после полуночи.

Сильвия смотрела на нее со странным выражением.

— Вы это серьезно?

— Совершенно. Я умираю с голоду, а это лучший способ раздобыть безопасной еды. Я буду вести себя хорошо — обещаю. Единственное, чего я хочу, — это поесть. — Кэролайн подалась вперед. — Я даже угощу вас. Если, конечно, вы не боитесь, что зеленый воин не в состоянии управиться с одним землянином, к тому же женщиной.

Сильвия цинично усмехнулась.

— Нет. Вам не удастся заставить меня сделать что-то только потому, что я побоюсь выглядеть слабой или неуверенной. Командир группы никогда не принимает решения на основе эмоций.

— Хорошо. Тогда сделайте это потому, что однажды ваши люди могут сюда отступить и тогда вам самой понадобится хорошенько изучить эту местность.

Сильвия снова нахмурилась; Кэролайн затаила дыхание. Затем, так неожиданно, что это застало ее врасплох, пожилая женщина резко кивнула.

— Идет. — Она встала. — Позади дома есть автомобиль, который, думаю, на ходу. Вы поведете.

Автомобиль оказался древним пикапом «форд», который, судя по виду, не трогался с места многие годы. Но в баке был бензин, и после некоторых усилий Кэролайн удалось завести машину.

На узком проселке они проехали мимо двух групп зеленых, сажавших кустарник. Один или два рабочих подняли глаза, но никто не поразился или даже не удивился, что узница уезжает вместе с командиром группы.

С другой стороны, Сильвия же сказала, что это трудящиеся. Возможно, дела воинов их совершенно не касались.

— Куда ехать? — спросила Кэролайн, когда проселок кончился.

— Налево. Мне сказали, что есть небольшое заведение перед самым городом, которое нам подойдет.

— Если, конечно, еда приличная. — Кэролайн вырулила на шоссе. — Вы ведь составите

мне компанию?

Даже сквозь шум мотора она слышала, как Сильвия фыркнула.

— Не думаете же, вы, что я отпущу вас одну?

— Нет, я имею в виду вместе поесть, — поправилась Кэролайн. — Ну, в смысле разделить трапезу.

— Это тоже по части знания из первых рук?

— Это по части гостеприимства. Я просто хочу понять ваш народ.

— Зачем?

— Потому, что мне нравится Меланта. Я бы хотела и других оценить по достоинству.

— Нелегко оценить по достоинству уродов, которые могут прятаться в деревьях?

— Трудно оценить тех, кто похитил нас, — устало ответила Кэролайн.

Мысленно она признала поражение. Если Роджер старался изо всех сил уйти от конфликтов, Сильвия явно старалась их создавать.

Несколько минут единственными звуками в машине был шум двигателя и рев дорожного движения.

— Николос говорил, сколько у нас воинов? — спросила, наконец, Сильвия.

Кэролайн порылась в памяти.

— Кажется, он сказал, около шестидесяти.

— А он сказал, что нам противостоят почти семьсот серых?

Кэролайн сглотнула.

— Нет.

— И в отличие от нас каждый из них может воспользоваться молотом-пистолетом. Даже если предположить, что зеленый воин способен справиться с четырьмя или пятью нетренированными серыми, на их стороне все равно большой перевес. Я здесь не для того, чтобы понравиться вам, Кэролайн, или кому-то еще. Моя работа заключается в том, чтобы сделать все возможное ради спасения моего народа.

— Мы не хотим, чтобы вы погибли, — серьезно сказала Кэролайн. — Все, чего мы хотим, — это найти способ сохранить Меланте жизнь.

— Мы все этого хотим, — пробормотала Сильвия. — Сейчас угроза применения ее дара — единственное, что удерживает серых от нападения.

Кэролайн поморщилась. Совсем другое она имела в виду, и Сильвия это понимает.

Или не понимает? Раздражение ушло, уступив место сомнению. Может, Сильвия настолько заиклена на своей работе, что в состоянии смотреть на Меланту или кого-то другого лишь со стратегической точки зрения?

Она искоса взглянула на профиль пожилой женщины, тускло освещенный приборной подсветкой. Та сказала, что принадлежит к беженцам, значит, ей сейчас восемьдесят или девяносто. Сколько же лет она провела в этих лесах в компании горстки трудящихся и воинов? Вышла ли замуж, имела ли семью? Были у нее настоящие друзья или только соратники?

Какой частью жизни она пожертвовала ради своего дара?

Кэролайн оглянулась на извилистое шоссе, и в затылке как-то странно закололо. С тех пор как все это началось, она либо злилась на зеленых, либо опасалась и просто боялась их. Теперь впервые у нее появилось чувство жалости.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Здесь. — Сильвия показала на небольшой освещенный знак впереди. — Приехали.

— Поняла.

Кэролайн сбросила скорость и свернула с шоссе. Загоняя пикап на парковку, где уже стояли две машины, она размышляла, не заставит ли Сильвию передумать наличие свидетелей.

Но когда Кэролайн выключила двигатель, та не произнесла ни слова. Они вышли из грузовичка и прошли к ресторану.

Обстановка оказалась именно такой, как ожидала Кэролайн: современный ресторан, ностальгически заgrimированный под пятидесятые. Объявление призывало занимать места самим, и Кэролайн прошла мимо двух уже занятых столиков в конец зала к одному из отделений с диванчиками. Сильвия села у стены, откуда могла обозревать весь зал, Кэролайн заняла место напротив. От дразнящих запахов у нее нетерпеливо заурчало в желудке.

— Полагаю, вы читаете по-английски? — Кэролайн вынула из папки два меню и подала одно Сильвии.

— В совершенстве, — холодно ответила Сильвия, раскрывая листок. — Просто до сих пор я никогда не была в ресторане.

— Правда? Даже ни в одном зеленом ресторане?

Сильвия покачала головой.

— Я была в городе всего несколько раз. Что порекомендуете заказать?

— Что вы ели у Александра? — Кэролайн пробежала глазами меню. — Роджер говорил, что, когда он пришел, вы собирались обедать.

— Баранину, рыбу, рис, овощи и хлеб. Полагаю, следует использовать эту возможность, чтобы попробовать что-то еще.

— В таком случае вам, вероятно, следует заказать отбивную, чизбургер или жареного цыпленка, — предложила Кэролайн. — С отбивными в таких местах не угадаешь — когда очень хорошие, когда совсем плохие. А вот с другими двумя блюдами проблем не будет.

— Что сами закажете?

— Чизбургер с капустным салатом. — Кэролайн закрыла меню. — И молочно-шоколадный коктейль.

— Что ж, — Сильвия по-солдатски кивнула, — тогда цыплята. Куда нам идти за едой?

— Обслуга принесет. Мы скажем ей, что заказываем, а она пойдет на кухню и передаст повару.

— Ясно. Примерно как обедать у кого-то дома, только есть выбор?

— Вроде того. Потом еще, правда, заплатить. Это я возьму на себя.

— Да, — пробормотала Сильвия. — Не возьмете на себя еще и заказ?

— Конечно, если хотите.

Кэролайн полуобернулась, чтобы привлечь внимание официантки.

И застыла. В ресторан вошли двое полицейских.

Она осторожно отвернулась, стараясь двигаться естественно. Сильвия наблюдала за ней, плотно сжав губы, в глазах горел предупреждающий огонек. Кэролайн едва заметно кивнула в знак согласия.

Сзади слышались громкие шаги.

— Добрый вечер. — Пухлая женщина в белом переднике приветливо улыбнулась и поставила на стол два стакана с водой. — Холодно уже на улице? Вам нужна еще минутка?

— Нет, мы готовы.

Кэролайн снова открыла меню и зачитала заказ, который женщина записала в блокнот.

— ...и один шоколадный коктейль, — закончила она. — Если только ты тоже не хочешь, мама. — Она подняла на Сильвию вопросительный взгляд.

Пожилая женщина и глазом не моргнула.

— Да, пожалуй.

Кэролайн кивнула.

— Тогда два.

— Заказ принят. — Официантка сделала последнюю пометку и взмахнула рукой. — Сейчас передам и займусь вашими коктейлями.

Она с улыбкой поспешила прочь.

— «Мама»? — сухо спросила Сильвия.

— Я подумала, что так будет проще. — Кэролайн вложила меню обратно в папку. — Дочь и мать, которые решили вместе пообедать, не вызовут подозрений.

— Верю на слово. Вы лучше знаете свой народ, чем... — Она остановилась, глядя Кэролайн через плечо. Кэролайн хотела обернуться...

— Добрый вечер, — раздался внушительный мужской голос. — Вам принадлежит красный «форд»-пикап?

Собрав волю в кулак, Кэролайн надела бесстрастную маску агента по недвижимости и обернулась. Небрежно подбоченясь, позади нее стоял один из полицейских.

— Да, — подтвердила она. — А что такое?

— Когда я проходил мимо, то заметил, что от него как-то пахнет. Вы тест на выхлоп проходили?

Кэролайн бросила взгляд на Сильвию.

— Разумеется, — спокойно ответила та. — Документы в бардачке.

— Не возражаете, если я посмотрю?

— Конечно, нет. — Сильвия взглянула на Кэролайн. — Не могла бы ты достать их?

Кэролайн понадобилась целая секунда, чтобы ответить.

— Конечно, — наконец выговорила она.

Она сняла ноги с подставки под столом и выскользнула из кабинки. Пока она шла к дверям, мозг работал с бешеной скоростью.

Это лучший шанс убежать. Может быть, даже единственный. Дотошные полицейские, скорее всего, никак не связаны с местными органами охраны порядка, которых зеленые могли за долгие годы потихоньку подкупить или приручить. Как только они окажутся на улице, можно представиться жертвой похищения и попросить о помощи. Они должны поверить, во всяком случае увезти отсюда и начать расследование. Сильвия не успеет выйти и применить реву.

Сильвия.

Кэролайн поморщилась; внезапная надежда, смешанная с неуверенностью, погасла. Сильвия — командир группы и должна обладать хотя бы частью тактического мышления самого Николоса. Вряд ли она предложила бы Кэролайн идти на улицу, если бы не имела запасного плана.

Полицейский открыл перед ней дверь, и Кэролайн вышла в прохладную ночь. Нет, они здесь не одни. Или Сильвия сама все как-то подстроила, или просто воспользовалась представившейся возможностью, но это точно проверка.

Сердце упало; Кэролайн поняла, что если она провалится, то всему конец. Сильвия,

скорее всего, никогда не станет больше с ней разговаривать, во всяком случае, на темы, не связанные с военными делами. Она больше никогда не выпустит ее из особняка зеленых и уж точно не станет больше обедать с ней вместе.

И будет продолжать считать людей низшими существами, недостойными, чтобы при подготовке к войне брать в расчет их безопасность.

Они прошли к пикапу, Кэролайн открыла пассажирскую дверцу.

— Не знаю точно, где она держит их. — Она порылась в бардачке и вынула небольшую дорожную папку. — Посмотрим...

— Давайте помогу, — предложил полицейский, достал фонарик и посветил на бумаги.

Сертификат по выхлопу оказался третьим снизу.

— Вот. — Она вытащила и показала документ.

— Спасибо, — кивнул полицейский. — Извините, что побеспокоил.

— Ничего. — Кэролайн положила папку на место и закрыла дверь грузовичка. — Этот драндулет иногда действительно пованивает.

На полпути обратно к ним подошел второй полицейский с двумя стаканчиками в руках.

— Все, Карл? — Он протянул напарнику кофе.

— Да. Приятного вечера, мэм.

После чего оба направились к патрульной машине.

— Вам тоже, — пробормотала вслед Кэролайн.

Она передернулась от холода, взглянула на ряд молчаливых деревьев, стоящих вдоль парковки, и вернулась в ресторанчик.

Пока ее не было, принесли коктейли, и Сильвия задумчиво посасывала из своего стакана через соломинку.

— Нашли нужный документ? — спросила она, пока Кэролайн усаживалась.

— Да. — Кэролайн распаковала соломинку. — Похоже, все в порядке.

— Хорошо. — Сильвия указала на свой стакан. — Занятный этот напиток.

— У нас очень популярен. — Кэролайн сделала глоток. Коктейль был густым и вкусным, как домашний. — Решили немного рискнуть? — добавила она небрежно.

— Думаете?

— Конечно. Если бы кто-то из ваших воинов использовал ревун против двух полицейских из штата, это привлекло бы куда больше внимания, чем вам хотелось. Особенно учитывая, что Роджер, вероятно, в ближайшие часы сам поднимет тревогу. Если бы кто-нибудь связал воедино его рассказ и этот эпизод, к вам нагрянуло бы множество нежелательных посетителей.

Сильвия посмотрела на нее поверх стакана.

— Тем не менее вы промолчали.

— Откуда вы знаете? — возразила Кэролайн. — Или признаете, что снаружи у вас кто-то на страже?

Та хитро улыбнулась.

— В точку. Я правильно выразилась? В точку?

— Правильно. Это означает «да»?

Сильвия поджала губы.

— Я вас недооценила, — призналась она. — Вы умнее, чем кажется. И, думаю, более сострадательны.

Кэролайн пожала плечами.

— Мы подобрали девочку, которую даже не знали, и пытались защитить ее, — заметила она. — Людям, попавшим в беду, мы, наверное, кажемся дурачками.

— Тем не менее, именно мы пытались ее убить, — напомнила Сильвия. — Не очень хороший повод для сострадания.

— Вы по-прежнему в беде. И мы по-прежнему хотим помочь.

Сильвия промолчала.

Через минуту официантка принесла заказ, и они охотно принялись за еду. Поначалу Сильвия не очень уверенно откусывала от цыпленка, но скоро распробовала; так же быстро она оценила и пюре с подливкой. Кэролайн попыталась было разузнать об истории и организации владения зеленых, но узнала только, что они приобрели его в 1932 году. Разговор постоянно переходил на саму Кэролайн, Сильвия умело выуживала как сведения о ее жизни вообще, так и о последней неделе в особенности.

Кэролайн также пришлось трижды уклониться от попыток выяснить, кто именно передал им Меланту в ту судьбоносную среду.

— Не понимаю, почему вы так старательно его защищаете, — немного сердито сказала Сильвия после третьей, самой настойчивой атаки. — Мы знаем, что родители Меланты ни при чем, значит, делаете это не из преданности ее семье.

— Я просто не хочу, чтобы кто-то был наказан за спасение ее жизни, — уклончиво ответила Кэролайн.

Сильвия покачала головой.

— Совсем наоборот. Из всех зеленых мы были бы больше всех благодарны за спасение ее жизни. Сейчас меня заботит ее безопасность; знай, мы, кто ее освободил, это могло бы помочь узнать, где она сейчас. — Она покачала головой. — Очень надеюсь, что Роджер не настолько глуп, чтобы заявить в полицию, что она здесь. Тогда серые обязательно узнают об этом.

— Думаете, они нападут? — нахмурилась Кэролайн.

— Разумеется, нападут, — проговорила Сильвия с едва сдерживаемым раздражением. — Это место — наша последняя надежда, убежище, где соберутся уцелевшие. Если мы его потеряем, у нас не останется выбора, кроме как противостоять им на Манхэттене, где все преимущество на их стороне.

— Но разве это единственное место в стране, где есть лес? — возразила Кэролайн. — Как захват серыми конкретного участка земли может вам повредить?

— Этот конкретный участок принадлежит нам, — тихо сказала Сильвия. — Хотели бы вы провести остаток жизни в чужом доме? Или, хуже того, в какой-нибудь безымянной гостинице?

Кэролайн скривила губы.

— Не очень.

— Вот и мы не хотим.

Сильвия положила последнюю косточку цыпленка на тарелку и стала вытирать пальцы.

— Пора возвращаться.

— Полагаю, да. Нет-нет, — добавила она, увидев, что Сильвия потянулась за сумочкой. — Забыли, я угощаю?

— Я передумала. Я решила, что с моей стороны будет негостеприимно позволить вам заплатить.

— Я настаиваю. — Кэролайн достала кредитную карточку. — Я же пригласила вас на

обед, это с моей стороны будет негостеприимно позволить вам заплатить. Если хотите, считайте это компенсацией за сгоревшее кресло.

— Оно просилось в камин еще году в шестьдесят восьмом, — хмыкнула Сильвия, но все же отпустила сумочку. — Ну, хорошо, согласна. Спасибо.

— Пожалуйста. — Обернувшись, Кэролайн позвала официантку.

Когда Кэролайн вела пикап обратно по извилистому проселку, трудящихся уже нигде не было видно.

— Чистенько, — похвалила она Сильвию, проезжая место, где их остановил первый воин. — Точно знаю, что дорога была здесь, а ничего не видно.

— Зеленые трудящиеся — лучшие работники в мире, — гордо сказала Сильвия. — Мне бы их побольше.

— А сколько у вас?

— Всего двадцать. И еще несколько с другим даром.

— А-а. — Кэролайн вдруг вспомнила имя, которое обронил Николос в последнем разговоре. — А Дамиан? У него какой дар?

Последовало короткое молчание.

— Дамиан? — Голос Сильвии странно изменился. — Кто это?

— Я думала, вы знаете. Николос упоминал его в домике.

— Вот, значит, как, — сквозь зубы проговорила Сильвия. — Это... напрасно.

Кэролайн сдвинула брови.

— А что? Кто он?

— Кем бы он ни был, вас это не касается, — ровным голосом ответила Сильвия.

Когда Кэролайн прошла последний поворот и показался дом, Сильвия махнула рукой.

— Поставьте машину за домом. Потом я проведу вас в вашу комнату.

Спальня на третьем этаже в задней части главного дома, с отдельной ванной, скошенным потолком и двумя широкими мансардными окнами, немного пахла запустением, но была только что прибрана и уютна.

— Надеюсь, вам тут будет удобно. — Сильвия включила свет и обошла комнату. — Если что-то понадобится, спуститесь вниз и попросите.

— И никакой охраны у дверей, — попробовала пошутить Кэролайн.

— Думаю, вы доказали, что заслуживаете хотя бы немного доверия. — Сильвия чуть улыбнулась. — Кроме того, мы обе хорошо понимаем, что далеко вам не уйти.

— И я по-прежнему хочу побольше узнать о вас и вашем народе, — добавила Кэролайн. — Спасибо, что съездили со мной на обед.

— Пожалуйста. Возможно, мы сможем пообедать еще раз, до того как вы нас покинете.

— Было бы замечательно. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Сильвия слегка поклонилась и вышла, закрыв за собой дверь.

День выдался долгий, напряженный, полный страхов и волнений, и первое, что сделала Кэролайн, после того как задернула шторы, — это отправилась в ванную, чтобы хорошенько вымыться. Ванна оказалась чугунной, старинной, очень просторной, на невысоких фигурных ножках. К счастью, водогрей, по-видимому, был установлен гораздо позже ванны, и когда горячая вода, наконец, достигла третьего этажа, то пошла с хорошим напором. Через несколько минут Кэролайн уже нежилась в горячей душистой пене.

И по мере того, как мышцы расслаблялись, пыталась разобраться, что именно тут

происходит. А главное, какова ее роль.

Насчет того, что у зеленых здесь в лесу убежище, они с Роджером оказались правы. Но сколько еще зеленых знает об этом, совершенно другой вопрос. Александр даже ни разу не намекнул, что у них есть иной выход, кроме защиты Манхэттена. Он умолчал об этом из соображений безопасности или хотел усилить аргументы в пользу возвращения Меланты?

Или сам Николос ведет здесь свою игру, возможно, против Сильвии, да и всех остальных?

И какова во всем этом роль Дамиана? Николос как будто пожалел, что проговорился о нем, реакция Сильвии была еще серьезнее. Отсюда вывод, что он является какой-то важной фигурой.

Но какой именно?

Она зачерпнула в ладони горячей воды и потерла лицо. На самом деле не важно, во всяком случае, для нее. Кем бы ни был Дамиан, здесь ей с этим ничего не поделать.

А вот что она может сделать, так это продолжить начатое сегодня. Если удастся укрепить новые отношения с Сильвией, если удастся зажечь в ней хоть искорку симпатии к землянам, которых Николос вскоре может приказывать убивать, — возможно, командующий, втихомолку подрывающий мирные инициативы Сирила, сам столкнется с актом неповиновения.

Откинувшись в ванне, она закрыла глаза и приказала себе расслабиться. Оставалось только надеяться, что найдется достаточно времени, чтобы объяснить Сильвии, каково быть землянином.

Когда Роджер в тесном вечернем потоке машин подъехал к знакомым воротам в переулке Макдугал, он не заметил никого с типичным телосложением серого, но увидел, что в мансарде Торвальда горит свет. Покружив по кварталу, он, наконец, нашел свободное место и поставил «бьюик».

Он уже решил, что нет смысла пробираться в дом тайком, ведь, даже если никто не следит на улице, наверняка есть посты на соседних зданиях, поэтому открыто подошел к двери и нажал кнопку домофона.

Несколько мгновений динамик молчал. Роджер стоял неподвижно, спиной ощущая, что за ним наблюдает дюжина глаз. Он снова потянулся к кнопке, но замок щелкнул до того, как он успел нажать. Сделав глубокий вдох, он открыл дверь и начал подниматься по лестнице.

— Ба! — сухо произнес знакомый голос, когда он достиг площадки. — Смотрите, что кот принес.

Роджер скорчил гримасу.

— Здравствуй, Ингвар.

На овчинном воротнике куртки серого выделялось несколько свежих пятен грязи.

— Рад видеть, что тебя не сбила машина.

— Тронут твоей заботой, — не без сарказма ответил Ингвар. — Ты что, по помойкам лазал?

Роджер оглядел свою одежду. Основную грязь он отчистил на заправке, но все же действительно выглядел как нечто из тех вещей, которые кот его тещи гордо приносил в дом.

— Развлекался с зелеными. Торвальд дома?

Ингвар немного нахмурил лоб.

— Конечно. — Он кивнул на дверь мастерской. — Проходи.

— Спасибо.

Роджер осторожно прошел мимо Ингвара, открыл дверь и вошел.

Торвальд был дома. Но не один. В мастерскую набилось десятка два серых; часть из них стояла по углам, разговаривая, остальные окружили один из столов в середине комнаты. Торвальд стоял во главе стола с указкой над крупномасштабной картой Манхэттена; рядом его дочь Кристин.

Как только Роджер вошел, все взгляды устремились на него. Поборов желание развернуться и бежать, он кивнул Торвальду:

— Здравствуйте, Торвальд. Извините, что так вламываюсь.

— Вы нашли Меланту? — спросил стоящий рядом с Торвальдом серый с длинным шрамом на левой щеке.

— А вы?.. — перевел на него взгляд Роджер.

— Хафдан Грей, — представился тот, слегка улынувшись. — Отец тех двух молодых людей, которые остановили вас вчера вечером.

— Понятно. Сожалею о случившемся.

Хафдан отмахнулся;

— Так вы знаете, где Меланта?

— Может, и знаю. — Роджер снова обратился к Торвальду: — Но сначала надо обсудить мои условия.

— Разумеется. — Торвальд и не подумал обидеться. — Могу я что-нибудь вам предложить? Кофе? Чай?

— Химчистку? — добавил Хафдан, показывая на одежду Роджера.

— Нет, спасибо. — Роджер обвел взглядом комнату. — Только хотелось бы наедине.

— Не думаю, что мне это нравится, — подал из угла голос один из серых.

— Не думаю, что тебе надо думать, — отрезал Хафдан. — Все вышли!

Тихонько переговариваясь, серые неохотно стали покидать комнату, кто с подозрением, кто, недружелюбно поглядывая на Роджера. Он стоял неподвижно, обтекаемый людской волной, пока в комнате не остались только Торвальд, Хафдан и Кристин.

— Пожалуйста, мы одни, — кратко сказал Хафдан. — Где она?

— Первое мое условие. — Роджер подошел и встал напротив стола. — Мне нужны гарантии, что Меланта не будет убита.

Хафдан фыркнул.

— Это просто смешно. Весь смысл мероприятия в том, чтобы устранить ее.

— Нет, смысл в том, чтобы устранить угрозу, — поправил Роджер. — Это не обязательно означает, что девочка должна умереть.

— Если она не умрет, то не может быть не чем иным, как угрозой, — возразил Хафдан. — Мы не можем допустить, чтобы новый вождь, когда он появится, использовал ее, чтобы избавиться от нас.

Роджер покачал головой.

— Не думаю, что они теперь так же слепо повинуются вождям, как раньше. — Он оглядел свою испачканную одежду. — Я недавно в этом убедился.

— Мы тоже, — сказал Торвальд. — Но вы думаете, что нынешнее соперничество между Сирилом и Александром — это обычное для зеленых состояние. Это не так. Дайте им настоящего вождя, и раскол исчезнет, как вешний снег.

— Допустим, — задумался Роджер. — Но с чего бы вдруг будущему вождю избавляться от вас? Конечно, если вы не будете причинять им вреда.

— Мы и тогда, в долине, не причиняли им никакого вреда, — выпалил Хафдан. — Что не помешало тогдашнему вождю отдать воинам приказ атаковать нас.

— И приказать землетрясам снести целый утес, — угрюмо добавил Торвальд. — Сотни семей погибли в той...

— Погодите, — перебил Роджер. — Мне говорили, что вы сами начали войну. Что вы подожгли лес, потому что вас не устраивал ход переговоров.

— Ложь, — твердо заявил Хафдан. — Ничего мы не поджигали, и они это знают. Скорее всего, загорелось от удара молнии — мы годами предупреждали их, что в лесу полно сухостоя.

— И они говорили, что вы стреляли в них со скал, — добавил Роджер.

— Разумеется, мы стреляли, — ответил Торвальд. — Но не по ним. Мы стреляли по деревьям перед фронтом огня, уже пустым деревьям.

Роджер сдвинул брови.

— По пустым деревьям?

Торвальд вздохнул.

— Огневой заслон, Роджер, — терпеливо объяснил он. — Мы пытались создать огневой заслон.

— Хотели спасти остальную долину, — проворчал Хафдан. — Но их это не волновало.

Увидели, что мы отвлеклись, решили, что это подходящий случай проучить нас, и начали рушить наши скалы.

— Ясно, — пробормотал Роджер.

Ему стало стыдно за свою доверчивость. Невзирая на все вопросы и подозрения насчет зеленых, он, тем не менее, предполагал, что их история правдива. И резко отмел предложение Кэролайн выслушать точку зрения серых.

— Но это старая история, — продолжал Торвальд. — Мы обсуждаем дела сегодняшние.

— Да. — Роджер усилием воли заставил себя переключиться. — И я все еще не услышал, что вы хотите делать с Мелантой.

— Я уже об этом сказал, — ответил Хафдан. — Мы не можем позволить ей остаться в живых.

— А мы-то, какие получим гарантии? — вдруг вмешалась Кристин.

Роджер взглянул на нее.

— Что?

— Вы хотите, чтобы Меланта осталась жить. Мы тоже хотим жить. Какие гарантии вы дадите, что она не использует дар против нас, сейчас или в будущем?

— Кристин... — начал было Хафдан.

— Нет, пусть говорит, — перебил Торвальд. — Роджер?

Роджер удержался от гримасы. Совершенно предсказуемый вопрос, а ему даже не пришлось в голову приготовить ответ.

— Полагаю, вас не устроит ее обещание не трогать вас?

— Едва ли, — фыркнул Хафдан.

— Давайте попробуем немного иначе, — предложил Торвальд. — Если вы скажете, где она, я дам слово, что мы сделаем все, чтобы сохранить ей жизнь. И она останется жива до тех пор, пока вы или зеленые не предложите гарантию, о которой говорит Кристин, или мы все не придем к решению, что такая гарантия невозможна. Годится?

— Почему я должен верить, что вы сдержите обещание? — возразил Роджер. — Ведь именно вам ее смерть наиболее выгодна.

— Вам придется кому-то довериться. — Торвальд не сводил глаз с Роджера. — И у меня такое ощущение, что сейчас мы нужны вам больше, чем вы говорите. Скажите, где ваша жена?

Роджер похолодел.

— Она у зеленых.

— Там же, где они держат Меланту? — спросил Хафдан.

— Я точно не уверен, — признался Роджер. — По некоторым признакам она может быть там, но сам я ее не видел.

— Так вот оно в чем дело, — цинично проговорил Хафдан. — Значит, Меланта вас не волнует. Все, чего вы хотите, — это чтобы мы вызволили вашу жену.

— Конечно, я этого хочу, — сказал Роджер. — Но я также хочу, чтобы Меланта была в безопасности.

— Похоже, у нас намечается сделка, — поднял брови Торвальд. — Ладно. Мы по-прежнему обещаем Меланте безопасность, по крайней мере, временно, плюс еще выручаем вашу жену. Годится?

— В зависимости от того, конечно, что вы нам скажете, — вставил Хафдан.

Роджер колебался. Но в данных обстоятельствах это, вероятно, лучшее, на что можно

рассчитывать.

— Я испачкал свою одежду несколько часов назад в одном тайном местечке, которое зеленые устроили в Кэтскиллзе. Мы с Кэролайн поехали осмотреть место и фактически попали в плен.

— Почему вы считаете, что Меланта там? — спросил Торвальд.

— По дороге мы встретили нескольких воинов. Я не вижу другой причины, по которой они могли бы оголить позиции здесь, в городе, кроме той, что нужно охранять что-то важное.

— А еще?

Роджер пожал плечами.

— Ну, кроме того, они явно не хотели отпускать нас, чтобы мы рассказали кому-то об этом месте.

Хафдан покачал головой.

— Недостаточно, — твердо сказал он. — На таких основаниях я даже и смотреть там не стану, не говоря уже о рейде.

— Даже чтобы выручить Кэролайн? — спросила Кристин.

— Они сами впутались в эту историю, — напомнил Хафдан. — В любом случае нам ничего не сделать, не рискуя своими.

Роджер сжал кулаки.

— Николос упоминал еще одно имя, может, это что-то значит, — попытался он ухватиться за последнюю соломинку. — Некто по имени Дамиан. Я не знаю, кто....

Он остановился. На лице у Торвальда застыло выражение, какое бывает у человека, идущего в полночь по кладбищу.

— Дамиан? — осторожно переспросил пожилой серый.

— Он лжет, — не дал Хафдан ответить Роджеру. Его лицо также стало холодным и жестким.

— Кто этот Дамиан? — спросила Кристин.

— Один из самых печально известных зеленых из Большой долины, — ответил Торвальд. — Он известен как мясник Южного утеса.

Кристин ахнула.

— Я думала, он погиб.

— Так утверждают историки, — согласился Торвальд. — Но историки, как известно, могут ошибаться.

— А зеленые, как известно, соврут и глазом не моргнут. — Хафдан вдруг взглянул на Роджера с подозрением. — Насколько легко удалось вам бежать?

— Совсем нелегко. — От воспоминаний у Роджера мурашки побежали по спине. — А что?

— Да так, — пробормотал Хафдан. — Только думаю, что такой командующий, как Николос, сумел бы организовать все очень убедительно.

Роджер вдруг понял, куда он клонит.

— Нет, — категорически возразил он. — Это невозможно. Мы с Кэролайн проделали дыру в полу, чтобы я мог бежать.

— Возможно. — Хафдан внимательно смотрел ему в лицо. — Но в случае поединка между землянином и зеленым воином я знаю, на кого бы поставил.

— Но зачем брать меня в плен, а потом дать убежать? — возразил Роджер.

— Возможно, именно затем, чтобы вы сделали то, что делаете сейчас, — сказал Торвальд. — Сообщили об их тайном убежище, подбросив имя Дамиана, как наживку, и попытались убедить нас напасть.

— И значит, снять способных бойцов со своих позиций, — добавил Хафдан.

Роджер покачал головой.

— Нет, — твердо сказал он. — Я был там. Никто не устраивал мне побег.

— Вы можете в это верить, — ответил Торвальд. — Но я, со своей стороны, не собираюсь бросаться в лес по одному вашему слову. И уж конечно, по слову Николоса.

— Я тоже, — сказал Хафдан. — Мы дали им срок до среды, чтобы выдать Меланту. Мяч на их половине поля.

Роджер собрался с духом.

— А что же с Кэролайн?

— Они воюют не с землянами, — ответил Торвальд. — Не думаю, что они причинят ей вред.

— Не думаете?

— Сожалею, — твердо произнес Торвальд. — Ничем не можем помочь.

* * *

Роджер одиноко брел к своей машине. Он слышал только звук своих шагов, не замечая шума и огней города. Конечно, Торвальд прав: у Николоса нет причин причинять ей вред. Стороны воюют между собой, и, когда война завершится, ему отдадут жену. Их участие в этой странной истории закончится, и они вернутся к своей жизни.

Но что, если Торвальд ошибается?

Несколько минут он неподвижно сидел за рулем. Если бы они только не пошли в среду на ту пьесу! Он пытался разобраться в последней главе событий, в которые они ввязались. Вряд ли зеленые намеренно позволили ему бежать, как думают Торвальд и Хафдан. Но тогда почему Николос не связался с ним, чтобы попытаться заманить обратно или предупредить, чтобы помалкивал о том, что видел. Ему нужно было только взять телефон...

Телефон.

Чертыхаясь, Роджер нашарил телефон в кармане. Конечно, Николос не звонил. Он вспомнил, как пискнул телефон, когда Кэролайн выключила его сразу после того, как выяснилось, что он не работает на территории зеленых.

А раз сотовый выключен, у Николоса оставался только один вариант. Дрожащими пальцами Роджер набрал номер своей квартиры.

Автоответчик включился после первого звонка. Стиснув одной рукой руль, Роджер прижал другой трубку к уху, нетерпеливо дожидаясь конца исходящего сообщения. Наконец раздался знакомый сигнал, и он набрал код доступа.

Было только одно сообщение. Но не от Николоса.

— Это Ференцо, — произнес голос полицейского. — перезвоните.

Роджер недоуменно моргнул, услышав щелчок разъединения. Ференцо? Но Пауэлл же сказал, что он исчез. Снова нашелся? Или это какие-то уловки зеленых?

Есть только один способ проверить. Он вытащил визитную карточку, которую ему дал Ференцо, и, наклонив ее к свету от окна ресторана, набрал мобильный номер полицейского.

Телефон ответил на первый же звонок:

— Ференцо.

— Роджер Уиттиер. Вы звонили мне домой...

— Как раз вовремя, — перебил Ференцо. — Знаете «Мариотт Маркиз» на Таймс-сквер?

— Э-э, конечно, — слегка растерялся Роджер.

— В кассе вас ждет театральный билет. Если поторопитесь, то успеете на второй акт.

Раздался щелчок, и связь разъединилась.

— Что еще за новости? — пробормотал Роджер, выключая телефон.

Впрочем, в его положении выбирать не приходится. Он сунул телефон в карман, завел двигатель и отъехал от тротуара.

Он нашел гаражную парковку рядом с «Мариотт» и направился к Таймс-сквер. Театральная касса находилась как раз в конце шумной улицы. Мужчина в окошке, передавая ему конверт, окинул осуждающим взглядом его грязную одежду. Найдя нужный эскалатор, Роджер стал подниматься вверх, размышляя, будут ли столь же дипломатичны билетеры.

Как и предсказывал Ференцо, он успел к антракту, и в фойе толкался народ. Стараясь никого не задеть, он попытался пробраться через толпу к ближайшей двери.

Чья-то рука взяла его за локоть. Он хотел вырваться...

— Идите спокойно, — шепнул в ухо голос. — Лифты в той стороне.

С бьющимся сердцем Роджер искоса взглянул на мужчину. Это явно был серый, приземистый и коренастый; он держал Роджера железной хваткой, так что было ясно, что сопротивление бесполезно.

— Не понимаю, что происходит. — В отсутствие других идей он решил изобразить невинность. — Я заплатил за спектакль приличные деньги.

— Ничего ты не платил, — пробормотал в ответ мужчина. — Расслабься, а? Мы друзья.

— Чьи друзья? — нахмурился Роджер.

— Да перестань, — укоризненно сказал тот. — Неужели даже не узнаешь того, кто доставил тебе прелестную посылочку?

Роджер напряг память... и вдруг узнал голос.

— Вы?..

— Меня зовут Иона. Идем, все ждут.

Они сели в один из лифтов и поднялись в гостиничную часть, возвышавшуюся над театральным комплексом. Вышли на двадцатом этаже, после чего Иона провел его вверх еще на три этажа.

— Извини за шпионский стиль, — сказал он, когда они вышли с лестницы. — Надо соблюдать осторожность.

— Я никому ничего о тебе не говорил, — быстро произнес Роджер. — Даже не сказал, что ты серый.

— Ценю. Сюда.

Он остановился перед одной из дверей и постучал: два быстрых удара, перерыв и еще три раза. За дверью явно были наготове — как только он стукнул в третий раз, створки распахнулись; краем глаза Роджер заметил еще одного серого. Иона подтолкнул Роджера внутрь помещения и тут же вошел следом.

— Добро пожаловать в семью заговорщиков, — объявил Иона, взял гостя за руку и провел на середину комнаты.

У Роджера перехватило дыхание. Перед ним полукругом сидели еще четыре человека,

на их лицах были написаны самые разные чувства: нетерпение, подозрение, надежда. Двое были взрослыми серыми, мужчина и женщина, гораздо старше Ионы.

Рядом сидела еще одна пара.

Но они не были серыми. Это были зеленые.

— Это мои родители, — показал на серых Иона. — Рон и Стефани Андерсон.

Он показал на зеленых.

— А это Зенас и Лорел Грин, — тихо добавил он. — Родители Меланты.

— Прошу прощения, — сказал Роджер, когда Иона подвел его к стулу и усадил.

Он сознавал, что неприлично таращит глаза, но ничего не мог с собой поделать. То, что зеленые и серые мирно сидят в одной комнате, не укладывалось в голове.

— У меня сложилось впечатление... я хочу сказать...

— Вы думали, что мы все ненавидим друг друга, — спокойно закончил за него Зенас.

Роджер вздрогнул.

— Да, — признался он. — Каждая сторона мне открыто говорила, что другая хочет их уничтожить. И что между вами нет ничего общего.

— А у нас есть кое-что общее. — Стефани грустно улыбнулась Лорел. — У нас есть Меланта.

— Но... — Роджер взглянул на Иону. — Вы же серые.

— Если вы помолчите несколько минут, они вам все расскажут, — раздался голос из дальнего угла комнаты.

Роджер резко обернулся. Следовательно Ференцо сидел на диване, без куртки, на плече внушительно выделялась кобура. Поглощенный беседой с зелеными и серыми, Роджер даже не заметил его.

— Вы в порядке? — спросил он.

— В полном, — заверил Ференцо. — А что такое?

— Ладно, не важно. — Роджер почувствовал себя глупо, досадуя, что напрасно проявил беспокойство о человеке, который явно жив и здоров. — Вы-то как в это ввязались?

— Так же, как и вы. — Ференцо бросил взгляд на Иону. — Оказался не в том месте не в то время. Вы готовы слушать?

— Да. — Роджер обернулся к присутствующим. — Извините.

— Все началось месяцев шесть назад, — начал Зенас. — Меланта ходила в библиотеку, чтобы выполнить школьное задание, и уже возвращалась, когда несколько хулиганов выбрали ее, чтобы поглумиться. К счастью для нее... — он оглянулся на юного серого, который открывал дверь и теперь уселся на полу рядом с Ионой, — случилось так, что мимо проходил Джордан, и манеры юнцов рассердили его.

— Он тоже ходил в библиотеку? — спросил Роджер.

— Увы, нет, — сухо сказал Рон. — В тот день у него не было настроения учиться, он прогуливал уроки, бродил по Манхэттену.

— В третий раз за месяц, я полагаю, — добавила Стефани, бросив на сына неодобрительный взгляд.

— Он все время попадает в истории, — пробормотал Иона.

— Так же, как до того его старший брат, — заметил Рон. — Так или иначе, у него был с собой молот-пистолет, он замаскировался, поднялся на стену и принялся бить по придуркам? В конце концов, они решили, что тут что-то нечисто, и бежали.

— Меланта, конечно, сразу поняла, кто ее только что спас, — сказал Зенас. — Она знала о серых и молотах-пистолетах от сказителей и, как только путь освободился, немедленно отправилась домой. Потом она говорила, что изрядно перепугалась.

— Но к тому времени, как пришла домой, уже успокоилась и стала обдумывать случившееся, — продолжила Лорел. — Ей внушали, что серые нас ненавидят, но было ясно,

что поведение Джордана не укладывается в эту схему.

— Может, он просто не понял, что она зеленая, — предположил Роджер.

— Так и было, — признался Джордан. — В городе очень много людей, похожих на зеленых.

— И мы не учим детей вычислять зеленых с таким же старанием, как зеленые учат своих узнавать серых, — сказал Рон.

— Это происходит из-за разных методов обучения, — объяснил Зенас. — Сказители могут передавать очень точные образы учащимся напрямую, что, естественно, включает образы серых времен Большой долины. Мы бы не хотели, чтобы вы думали, будто мы нарочно учим детей выискивать в толпе серых.

— На самом деле Меланта действительно решила, что он не распознал зеленую, — добавила Лорел.

— Что ее весьма обрадовало, — продолжал Зенас. — Но в то же время заинтриговало. Не каждый день увидишь, как по улицам Нью-Йорка разгуливает настоящее живое ископаемое. Она решила никому не говорить, но попробовать самой найти своего спасителя.

— Звучит рискованно, — нахмурился Роджер. — Не говоря уже о том, что это как искать иголку в стоге сена....

— Меланта всегда любила преодолевать трудности. — Лорел сморгнула слезы. — Если бы она только бросила эту затею... — Она остановилась, вытирая глаза.

— Она решила начать с того места, где серый появился. — Зенас взял жену за руку. — Как говорил Рон, он маскировался, когда стрелял, но она вспомнила, что видела мальчика с красно-синим ранцем, который забежал в ближайшее парадное, когда появилась банда, и догадалась, что это ее спаситель. Предположив, что он живет неподалеку, она стала ходить по району, ожидая, когда он снова появится. В конце концов, так и случилось.

— Она подошла и поблагодарила меня, — тихим голосом сказал Джордан. — Сначала я не понял, о чем она говорит, — я почти об этом забыл. Но потом вспомнил... и понял, кто она.

— Ты тоже испугался? — спросил Роджер.

На лице Джордана отразилась гамма эмоций, но быстро сменилась выражением, которое и можно ожидать от двенадцатилетнего мальчика.

— Ясно, нет, — сказал он с оттенком бравады. — Она всего лишь одна зеленая.

Он взглянул на родителей Меланты, и бравада исчезла.

— Вообще мне, конечно, польстило, что она так старалась, чтобы найти меня, — признался он. — Я подумал... ну, она предложила угостить меня газировкой, и я согласился.

— Просто Шекспир какой-то, — покачал головой Роджер.

— Да ничего подобного, — возразил Джордан. — Мы просто друзья. — Он опустил глаза. — Настоящие друзья. И я не хочу ее потерять.

— Извини, я не имел в виду ничего романтического, — сказал Роджер и снова взглянул на супружеские пары. — И каким образом вы вмешались?

— Дети тайно встречались несколько месяцев, до того как Меланта наконец призналась нам, — отвечал Зенас. — Как мы позднее узнали, они решили, что больше не могут прятаться по углам, и договорились рассказать все родителям в один вечер. Надо ли говорить, что мы были потрясены. — Он немного виновато взглянул на жену. — На самом деле мы даже немного на нее накричали.

— Как не накричать, если вдруг узнаешь, что ребенок проводит время, купаясь вместе с

крокодилами, — несколько обиженно добавила Лорел.

— Как матери Ионы и Джордана, мне этот страх хорошо знаком, — сухо сказала Стефани, бросив на сыновей любящий взгляд. — Мы тоже повели себя не лучше, когда младший явился с такой новостью.

— Вы все-таки на меня не кричали, — напомнил Джордан.

— Поверь, сынок, мысленно мы кричали, — заверил его Рон. — А когда, наконец, уже почти успокоились, этот маленький наглец как бы, между прочим, пригласил нас на обед с Мелантой и ее родителями.

— Мы получили такое же приглашение, — сказал Зенас. — Кажется, тут мы закричали еще сильнее.

— Но, конечно же, пошли, — заметил Роджер.

— Нет, в этот раз нет, — ответил Зенас. — И не во второй и не в третий раз. В конце концов, мы сдались — на какой?..

— На восьмой раз, — сказала Лорел. — И то только потому, что решили, что больше ее ничем не унять.

— И мы примерно так же решили, — сказал Рон. — Но это не означает, что вся затея не вызывала у нас серьезных сомнений.

— На самом деле таких серьезных, что мне велели последить снаружи, на всякий случай, — вмешался Иона. — Я посчитал, что небольшой обед и, возможно, десерт отнимут час, ну, самое большее, полтора. — Он взял брата за плечо. — Я просидел на этой дурацкой стене три часа. Когда они, наконец, вышли, я уже начал думать, что мою семью утащили с заднего хода.

— Мы ошибались насчет зеленых, — просто сказала Стефани. — Так ошибались.

— И мы тоже, — сказал Зенас. — После этого мы стали собираться почти регулярно, примерно раз в месяц, и разговаривать по телефону почти каждую неделю. Меланта и Джордан, конечно, виделись гораздо чаще.

Его лицо помрачнело.

— А потом, видимо, кто-то столкнулся с кем-то на улице... и все вдруг полетело в тартарары.

— Мы до сих пор не знаем, с какой стороны и кто предложил этот безумный план «Дитя мира», — презрительно произнес Рон. — Зная Хафдана, думаю, что это он. Попытка установить паритет сторон или еще какая-нибудь ученая ерунда.

— У Торвальда кто-то сказал, что это идея Сирила, — сказал Роджер. — Хотя, полагаю, это не имеет большого значения.

— В общем, да, — отвечал Рон. — Тяжело пришлось, когда начались первые звонки, предупреждения, и нам пришлось еще сильнее скрывать отношения с Зенасом и Лорел; мы не знали, чего ожидать, когда нас вдруг отправят воевать друг с другом. Мы пытались раздобыть новости о мирной конференции, которая, по слухам, проходила, вопреки всему надеясь, что кто-нибудь поймет, что здесь не Большая долина и хватит берeditь старые раны.

— К сожалению, люди, которые вели переговоры, до сих пор находятся в Большой долине, по крайней мере, душой, — пробормотал Роджер. — У каждого из них личные воспоминания о якобы предательстве противной стороны и собственных потерях. И никто не хочет простить и начать все сначала.

— Думаю, вы правы, — сказала Стефани. — Мы все еще надеялись на мирный исход, но

все, что до нас доходило, говорило об обратном. С обеих сторон начался захват территорий. Происходили столкновения — без применения ревуна или молотов-пистолетов, но люди начали косо смотреть друг на друга, и несколько раз дело дошло до рукоприкладства. Уверена, что все развалилось еще до того, как закончились переговоры.

— А потом они вынесли вердикт, — угрюмо сказал Рон. — И когда мы узнали, что они решили... ну, просто поверить не могли. Мы сразу связались с Зенасом и Лорел, чтобы узнать, чем можно помочь.

Он оглянулся на зеленых.

— А они сказали, что ничего поделатъ нельзя. Зеленые приняли решение, все кончено, и у них нет выбора, кроме как принять его и пройти через это.

— Они нас не поняли, — с усилием выговорил Зенас, глядя в пол. — Не уверен, что понимают даже сейчас. Такова наша природа, это заложено в нас и нельзя изменить. Мы буквально ничего не могли сделать, чтобы помочь нашей дочери.

— Полагаю, мы и сейчас не понимаем, — призналась Стефани. — Наш разум просто работает по-другому. Не лучше или хуже, просто иначе.

Она дотронулась до плеча Лорел.

— Но мы знали их достаточно хорошо, чтобы понимать, какие ужасные чувства их обуревают при мысли о том, что им придется увидеть смерть Меланты. Мы знали, что если бы они могли физически сделать что-нибудь, чтобы спасти ее, то обязательно сделали бы.

— А поскольку они не могли, — продолжил Рон, — мы, как друзья, решили сделать это за них.

Роджер в изумлении покачал головой.

— Это же безумно рискованно, — заметил он. — Хафдан производит впечатление человека, с которым лучше не связываться. Да и связываться с зелеными воинами, по мне, не веселее.

— Ты и половины не знаешь. — Иона взялся рукой за бок. — Но, в общем, сработало.

— Мы поняли, что происходит сразу же, как только фонари вспыхнули и погасли, — тихо сказала Лорел. — Во мраке боли и печали вдруг блеснул луч надежды. Не думаю, что мы когда-нибудь сможем подобрать слова, чтобы выразить благодарность за тот риск, на который пошли Иона и Джордан, чтобы спасти нашу дочь. — Она робко улыбнулась Роджеру. — И вам тоже, Роджер, за то, что вы сделали вместе с вашей женой. Вот почему мы попросили господина Ференцо привести вас сюда сегодня. Чтобы мы, наконец, смогли поблагодарить вас.

— Да не за что, — сквозь комок в горле выдавил Роджер.

Только недавно он сожалел, что они с Кэролайн вообще ввязались в эту историю. Теперь, глядя на Лорел, он осознал, что не отказался бы от этого ни за что на свете.

— Рад, что смогли помочь, — добавил он, почему-то чувствуя неловкость. — Но лучше подождите благодарить, пока все не закончилось.

— Боюсь, что уже все закончилось, — серьезно и угрюмо произнес Зенас. — У нас нет вестей от Меланты с вечера пятницы. Мы опасаемся худшего.

— Худшее действительно могло случиться, — признал Роджер. — Но может, и нет. Позвольте, я расскажу, как провел день...

— Вы ее в таком виде и нашли? На парковке? — Пауэлл во все глаза глядел на машину. — Ничего не трогали?

— Даже не прикасался, — заверил молодой полицейский. — Оpozнал номер по ориентировке и сообщил.

Пауэлл угрюмо кивнул. Машина Ференцо: аккуратно поставлена, добросовестно закрыта, как будто кто-то собирался за ней вернуться. Один из сопровождающих держал его на мушке, другой, если верить свидетелю и рисунку Карстерса, возможно, тот самый пацан, который вчера утром гонялся на угнанной машине за человеком.

Кто-то предположительно похитил девочку. Кто-то стрелял в Йорквилле, где два тела так и не нашли. Кто-то пытался сбить кого-то машиной. А теперь кто-то похитил сотрудника полиции, который расследовал дело.

И над всем этим висит угроза Сирила: верните девочку, или прольется кровь тысяч ньюйоркцев.

— Констебль?

Пауэлл тряхнул головой.

— Что?

— Я только хотел сказать, что нет ключей в замке зажигания, — нерешительно сказал полицейский. — Часто похитители так торопятся, что забывают их забрать.

— Знаю. Возвращайтесь на патрулирование. Я подожду криминалистов.

— Ладно.

Полицейский поколебался, хотел было что-то сказать, затем кивнул и направился к своей машине.

Пауэлл прожег его спину взглядом. Да, отсутствие ключей может говорить о том, что Ференцо ехал добровольно. Это также могло означать, что похитители принадлежат к типу преступников-аккуратистов, которые тщательно заматают следы.

Он все еще не до конца понимал, что происходит. Но Уиттиер намекнул, и все другие признаки подтверждали догадку. В городе готовится гангстерская война.

Проводив угрюмым взглядом патрульную машину, Пауэлл вынул телефон. Пока приедут кудесники из отдела криминалистики, надо позвонить в отдел по борьбе с уличными бандами и узнать, нет ли каких сведений у них.

А потом надо бы позвонить Сэнди. Похоже, ему придется задержаться дольше, чем он думал.

— Поверить не могу! — прорычал Иона, когда Роджер закончил. — Так этот мерзкий хитрый...

— Придержи язык, — оборвал его Рон, не сводя с Роджера глаз. — Но вы все-таки саму Меланту там не видели?

Роджер покачал головой.

— Сожалею. Хотел бы помочь больше.

— А что Дамиан? — Стефани обернулась к зеленым. — Неужели он может быть жив?

— Не думаю, — сказала Лорел. — На корабле его точно не было. Едва ли сказители могли упустить такое.

— Хотя погодите. — Зенас наморщил лоб. — Несколько лет назад я был на корабле, чтобы собрать травы, и помню, заметил какую-то дверь в самом конце за машинным отделением. Похоже, ее не открывали годами.

— Дополнительный грузовой отсек? — спросил Рон.

— Сказители об этом ничего не говорили. — Лорел тоже нахмурилась. — Они рассказывали, что на корабле было три пассажирских отсека с кладовыми, силовой отсек, машинное отделение, кабина управления, выходной отсек и несколько связанных переходов для системы очистки воздуха. О каком-то помещении позади машинного отделения речи не было.

— Я тоже не помню, — неуверенно согласился Зенас. — Конечно, то, что показалось мне дверью, могло быть каким-то противовесом или украшением.

— Не знаю, — проворчал Рон и поскреб щеку. — Что-то это сильно смахивает на то, что у кого-то там были частные апартаменты.

— Но как сказители могли скрыть такое? — вставила Стефани. — Мне казалось, что обычно они очень точно все описывают.

— Да, но только то, что видели сами или узнали от других сказителей, — заметил Зенас. — Если никто из них не пользовался дверью, то она могла и не попасть в описания.

— Нам нужен современный свидетель, — сказал Ференцо. — Кто-то, кто прибыл в двадцать восьмом году. Если там действительно есть помещение, они им пользовались.

— Не знаю, — с сомнением заметила Лорел. — Большинство из них твердо стоит на стороне Александра.

— Разве это обязательно должен быть зеленый? — внезапно осенило Роджера.

Зенас щелкнул пальцами.

— Ну конечно. Веловски!

— Кто? — спросил Ференцо.

— Это тот служащий, который обнаружил их на острове Эллис, когда они прибыли, — пояснил Роджер. — Он помог им устроиться и с тех пор стал вроде как почетным зеленым. И он говорил, что был на корабле несколько раз.

— Думаете, он согласится с нами разговаривать? — спросил Ференцо.

— Он уже однажды говорил со мной и с Кэролайн. — Роджер достал телефон. — Думаю, я смогу убедить его поговорить еще раз.

— Погодите — не звоните пока, — быстро сказал Рон. — Торвальд может прослушивать его телефон.

— Торвальд знает о Веловски? — спросил Ференцо.

— Все знают о Веловски, — заверила его Стефани. — Он и нам немного помог, когда мы прибыли.

— А его дом находится как раз там, где вас, Роджер, в субботу вечером взяли люди Хафдана, — сказал Рон. — Они следили за квартирой, на случай если Александр и Сирил отправят вас к нему поговорить.

— Я все слышал по нашей телесети, когда они решали, где и как взять вас, — добавил Иона и со значением посмотрел на брата. — Очевидно, и Джордан тоже. — Он толкнул его ногой. — Это он гонялся за Ингваром на машине Бергана.

— Вот оно что. — Роджер взглянул на мальчика. — Тебя так беспокоило то, что Хафдан может сделать с нами?

— Я больше боялся, что если Хафдан возьмет вас, то отведет к Сирилу, — пробормотал Джордан наполовину смущенно, наполовину с вызовом. — Я думал, что Сирил сможет заставить вас рассказать, где Меланта. — Он бросил на Роджера виноватый взгляд и опустил глаза. — Я не знал, что вы ее уже потеряли.

Последовало неловкое молчание.

— Больше всего меня беспокоит, что Торвальд и Хафдан снова сотрудничают, — заговорила Стефани. — У них были огромные разногласия по вопросу о том, что делать с Мелантой; Хафдану тогда удалось перетянуть на свою сторону массу народа, утверждая, что они с Сирилом могут выработать мирное соглашение. И если он теперь перекинулся к Торвальду, это может означать, что он отбросил мирный план.

— Не думаю, что он полностью отказался от него, — сказал Роджер. — Но к тому все идет.

— Насколько действительно плохи дела? — спросил Ференцо. — Если серые решатся на войну, смогут они победить зеленых?

— Когда у нас против них только шестьдесят воинов? — мрачно произнес Зенас. — Сирил уверяет, что мы почти на равных, но сам я думаю, что у нас никаких шансов.

— Что снова возвращает нас к Дамиану, — задумчиво произнес Ференцо. — Вы говорите, сказители помнят все, что видели лично. Есть ли возможность найти кого-то, кто видел его мертвым, перед тем как вы прибыли сюда?

Зенас и Лорел переглянулись.

— Можно поспрашивать, — сказал Зенас. — Но его имя может навести Александра на мысль, что мы говорили с Роджером. Стоит ли того риск?

— Вполне возможно. Я ни на секунду не поверил в эту историю с Дамианом.

— Почему? — нахмурился Роджер.

— По той же причине, почему не верю, что они прячут там Меланту, — ответил Ференцо. — Слишком далеко от возможного места боевых действий.

— Но если Дамиана там нет, зачем о нем вообще говорить? — спросил Джордан.

— Возможно, Александр пытается побудить вас напасть на них, — объяснил Ференцо. — Либо считает, что у его воинов больше шансов в лесистой местности, либо хочет оттянуть силы серых из города и готовится напасть там. Или Дамиан у него как квакерская пушка.

— Что? — спросил Джордан.

— Что-то безобидное, замаскированное под настоящее оружие, — пояснила Стефани. — Например, когда красят телеграфные столбы под орудия и устанавливают на

виду у врага.

— Ну, если он надеется на серьезную атаку, то ему не повезло, — сказал Роджер. — Не похоже было, чтобы Хафдан и Торвальд горели желанием напасть.

— Еще неизвестно, — предупредил Рон. — Хафдан обычно спорит с любой идеей, которая не принадлежит ему, но часто меняет мнение после того, как подумает.

— А Торвальд мог просто притвориться, что отказывается, независимо от того, поверил или нет, — добавил Иона. — Вполне возможно, что, как только ты вышел, он начал подсчитывать, сколько ему понадобится людей, чтобы атаковать.

Джордан хмуро взглянул на брата.

— Но если это ловушка?

— Тогда им несдобровать, — признал Иона. Он взглянул на Рона. — А скорее, нам несдобровать. Вероятнее всего, Хафдан снимет для рейда людей с постов. Значит, среди прочих и нас с тобой.

— Как быстро они смогут организовать, если решатся на атаку? — спросил Ференцо.

— Ну, им придется начать с реорганизации линии пикетов. — Рон задумчиво наморщил лоб. — Это даст нам, по меньшей мере, несколько часов.

Ференцо кивнул и повернулся к Роджеру.

— Вы сказали, что Николос говорил о переводе вас в главное здание. Вы сами видели это здание, вблизи или на расстоянии?

Роджер покачал головой.

— Нет.

— Но вы смогли бы снова найти дорогу, ведь так?

— Да, при условии, что они не сняли указатель. Если сняли — не уверен. Там было много похожих съездов с дороги.

— Не знаете, где Николос живет в городе?

Роджер хмыкнул.

— Дерево в Морнингсайд-парке. Какой у него официальный адрес, не знаю.

— Думаю, он его не афиширует, — сказал Джордан. — Я однажды пробовал найти его в телефонном справочнике, просто чтобы узнать, где он живет.

— Ага. — Ференцо потер нос. — Понимаете, в том и проблема. Как только вы выдвинете против Николоса обвинение в незаконном удержании миссис Уиттиер, я смогу кое-куда позвонить, тогда шериф или полиция штата отправятся ее искать. Но если зеленые смогут спрятать Кэролайн, а вы не сможете доказать, что даже были там, энтузиазма от них не жди.

Роджер скорчил гримасу.

— Другими словами, Кэролайн останется там, пока они не решат ее выпустить.

— Я этого не говорил, — задумчиво сказал Ференцо. — Я сказал, что мы не сможем подключить полицию штата. Я не сказал, что мы сами не можем поехать и посмотреть.

— С ума сошли? — выпалил Джордан. — Они же вас схватят!

— Не обязательно. Если они сочтут, что я невезучий полисмен Джо, поверивший нелепому рассказу сумасшедшего гражданина, то могут попытаться обмануть меня. Особенно если будут думать, что на этом все закончится.

— Но ведь они уже знают, что вы участвуете в расследовании, — заметил Роджер.

— Именно поэтому вы ко мне и обратились.

— Они также узнают, что вы уже столкнулись с двумя зелеными, — добавил Иона.

— Не обязательно. Если они так изолированы, как думает Роджер, то могут не получать новости из города регулярно. И даже если кое-какие слухи дошли до них, они никак не могут знать, что вы рассказали всю историю. Поверьте, я смогу это сделать.

— Выглядит рискованно, — с сомнением произнес Иона.

— Ну, если тебе эта часть не по душе, другая совсем не понравится, — предупредил Ференцо и повернулся к зеленым: — Как близко вам надо подойти к Меланте, чтобы узнать, там ли она?

— Все не так просто, — покачала головой Лорел. — Если она с нами не заговорит, мы даже не узнаем, там ли она.

— Вот как? — Ференцо вдруг задумался: — И это относится ко всем вашим?

— Да, — нахмурился Зенас. — А что?

— Потому что помимо поисков Кэролайн было бы очень хорошо, если бы мы точно знали, там Меланта или нет. — Ференцо поднял брови. — Ни у кого из вас нет желания завтра прокатиться на машине?

— Вы не можете взять их с собой, — возразил Джордан. — Что, если их кто-то узнает?

— Как уже убедились целые поколения похитителей, трудно кого-то узнать, если он спрятан в багажнике, — сухо сказал Ференцо. — Никто, надеюсь, не страдает клаустрофобией?

— Нет, — неуверенно сказал Зенас. — Но могут возникнуть трудности, если там окажется Александр или Сирил. Если любой из них заподозрит, что я прячусь где-то поблизости, он сможет позвать меня по имени и, возможно, заставить выйти.

— Вот как? — наморщил лоб Роджер. — Александр говорил иначе.

— Вы видели самого Александра? — вмешался Джордан.

— Не волнуйся, это было прошлым вечером, когда мы еще не могли ему ничего рассказать. Но он сказал, что заклинатель на самом деле не может приказывать что-то делать.

— Любопытно, — пробормотал Зенас. — И что именно он сказал?

Роджер на секунду прикрыл глаза, стараясь припомнить сцену.

— Он сказал, что заклинатель не приказывает. — Он снова открыл глаза. — И все, что он делает, — это убеждает в правильности своей точки зрения. Сказал, что каждый в состоянии принять собственное решение.

— Это не так? — спросил Ференцо.

— Не совсем, — медленно произнес Зенас. — Но все не так благостно, как он постарался изобразить. Заклинатель все же обладает определенной силой, особенно если может назвать кого-то по имени.

— Он может заставить Меланту прийти к нему? — нетерпеливо спросил Джордан.

— Похоже, он может делать это и с землянами, — пробормотал Ференцо. — Домоуправ в доме Уиттиеров открыл их квартиру, даже не пикнув.

— Здесь иная ситуация, — объяснил Зенас. — Земляне обычно понятия не имеют, что им противостоит, и потому не в состоянии оказать хоть какое-то сопротивление. С другой стороны, Меланта будет точно знать, чего он хочет. — Он взглянул на Роджера. — Особенно если, как вы говорите, уже однажды сопротивлялась приказу заклинателя. Она теперь знает, что услышит и как с этим бороться.

— Она всегда была себе на уме, — улыбнулась Джордану Лорел. — Иначе не стала бы отслеживать серого.

— Все-таки интересно, что Александр провел вечер в пятницу с Роджером и Кэролайн, — задумался Ференцо. — Казалось бы, было более логично хотя бы попытаться обнаружить Меланту.

— Вы хотите сказать, что она у Александра, а не у Николоса? — спросила Стефани.

— Или они с Николосом в сговоре, или Дамиан действительно в Кэтскиллзе, жив и здоров, и Александр спокойно пришел на обед, потому что его не волнует, найдут они Меланту или нет. — Он пожал плечами. — А может быть, я вообще делаю неправильные выводы. Но как ни крути, все равно надо проверить их убежище.

— Согласен, — сказал Зенас. — Кто из нас вам нужен, господин Ференцо?

— Тот, кого меньше будут искать. Сомневаюсь, что даже у Николоса хватит наглости обыскивать машину полицейского, но все может измениться, если он узнает, что кто-то из семейства Меланты внезапно ударился в самоволку.

— Тогда я, — сказала Лорел тоном, не допускающим возражений. — У Зенаса работа, а я несколько раз в месяц езжу за покупками за пределы города. Завтра как раз может быть такая поездка.

— Думаете, они поверят, что вы поехали за покупками, когда у вас пропала дочь? — спросил Роджер.

Лорел слабо улыбнулась.

— Надо же нам с мужем что-то есть.

— Не волнуйтесь, она справится. — Зенас был явно не в восторге от затеи, но также ясно понимал, что без этого не обойтись. — Вы только позаботьтесь о ней. Я имею в виду — хорошенько позаботьтесь.

— Не сомневайтесь, — пообещал Ференцо.

— А мы можем чем-то помочь? — спросил Иона.

— Мне ничего в голову не приходит, — сказал Ференцо. — Хотя, пожалуй, да, можете. Вы могли бы одолжить Роджеру один из своих телефончиков, на случай если возникнут проблемы и надо будет дать кому-то знать о том, что происходит? Как далеко они берут?

— На несколько миль, — ответил Иона. — Хотя без ретранслятора Кэтскиллз может оказаться на пределе. Мы, кстати, называем их телы, а не телефоны. — Он взглянул на брата. — Давай, Джордан, поднимайся и покажи руку.

Джордан скорчил гримасу, но послушно встал и протянул левую руку.

— Вы ведь хотите именно частную, закрытую линию, а не обычный тел, да? — добавил Иона, берясь за подушечку большого пальца Джордана.

— Если только не думаешь, что Торвальд помчится нас спасать, когда мы позвоним, — сухо ответил Ференцо. — Между прочим, откуда у тебя запасной?

— Это один из моих школьных друзей-прогульщиков. Он хотел, чтобы мы могли болтать, когда носились по Квинсу, но чтобы нас никто не слышал. В технике он дока и нашел способ сделать тел, который работает на другой паре частот.

— Они вне пределов наших обычных радиодиапазонов? — спросил Роджер, с любопытством наблюдая, как Иона подцепил на руке Джордана что-то похожее на обычную пленку и начал осторожно отрывать.

— Он работает иначе, чем ваше радио, — объяснил Иона. — В общем, мы берем пару обычных радиочастот, но не модулируем их, а осуществляем между ними гармоническое биение. Есть только полдюжины пар частот, которые подходят для использования, и он взял одну, отстоящую как можно дальше от остальных, чтобы не было взаимных помех.

— А что случилось с тем, что был у твоего друга? — спросил Ференцо. — У него, надеюсь, его больше нет?

Иона покачал головой.

— Он отдал мне свой, когда решил, что родители его застукали, и сказал мне избавиться от обоих.

— Не хотел, чтобы его поймали с поличным, — констатировал Рон.

— Точно. — Иона натянуто улыбнулся. — При всем его вольнодумстве он страшно боится настоящих неприятностей.

— А почему ты их не выбросил, как он сказал? — спросил Ференцо.

Иона пожал плечами.

— Они мне нравились, и я рискнул их спрятать. Никто у меня ничего так и не спрашивал, и, в конце концов, я решил, что это была ложная тревога. В общем, когда мы познакомились с семьей Меланты, я достал их и дал один Джордану, чтобы можно было с ним связаться, когда он на территории зеленых.

— Жаль, что вы не дали один Меланте, — пробормотал Роджер.

— На самом деле мы даже это обсуждали, — сказал Зенас. — Но решили, что будет лучше, если Иона и Джордан смогут держать связь. Джордан и Меланта уже привыкли проводить время вместе без посторонних, и мы не хотели, чтобы Меланту поймали с прибором от серых. — Он поджал губы. — Хотя сейчас лучше бы у нее был тел.

— Мы также не знали, можно ли взять с собой тел в дерево и не повредить его, — добавил Иона.

Теперь он уже почти снял пленку с руки брата, остались только кончики пальцев.

— Выглядит весьма странно, — заметил Роджер. — Будто змея сбрасывает кожу.

— Или как Питер Пэн гоняется за своей тенью, — сказал Ференцо. — Трудно им управлять?

— Не очень, — заверил Иона. — Могу объяснить за пять минут.

Он отклеил пленку от последнего пальца. Держа тел перед собой, он повернулся и присел на корточки перед стулом Роджера.

— Давай левую руку.

Роджер осторожно протянул ладонь. Иона наложил тел сверху и стал прижимать и разглаживать по всей поверхности ладони и пальцев.

— Расслабься, — посоветовал он. — Больно не будет.

Он начал вдавливать тел в кожу ладони.

— Вот еще что, не знаю, поможет или нет, — сказал Роджер. — На следующий день после того, как Сирил пытался воздействовать на Кэролайн, она обнаружила, что может улавливать связь между зелеными. Правда, только на близком расстоянии и не понимает, о чем говорят, но точно может сказать, когда один зеленый общается с другим.

— Любопытно, — сказал Зенас. — Впервые такое слышу.

— Даже о Веловски? — спросил Ференцо.

— Если даже это и было, я ничего об этом не слышал.

— Я тоже, — подтвердила Лорел.

— Возможно, ему это кажется таким естественным, что он и не подумал об этом упоминать, — предположил Роджер.

Иона закончил с ладонью и начал приглаживать тел на пальцах.

— Он говорил, что получил телепатический курс по истории зеленых от вождя

Элимаса. Может быть, тогда он заодно получил и возможность ощущать ваши связи.

— Я помню, что сказители говорили об этом контакте, — сказала Лорел. — Не думаю, что нечто подобное пытались делать раньше, даже с другими в нашем прежнем мире. Я иногда думаю, не это ли напряжение убило Элимаса таким молодым.

— А я иногда думаю, насколько все было бы иначе, останься он жив, — добавил Зенас. — Главное, не было бы этой борьбы за власть между Сирилом и Александром.

— С другой стороны, он бы, может, уже приказал Меланте уничтожить нас, — мрачно сказал Иона.

— Меланта не стала бы этого делать, — горячо возразил Джордан. — Кто бы ей ни приказал.

— Теперь можно спорить сколько угодно. — Иона закончил разглаживать указательный палец Роджера. — Ну, как ощущение?

— Странное.

Роджер попробовал пошевелить пальцами. Тел никак не ограничивал движения, но не давал забыть, что что-то приклеено к коже.

— Будто надета половина перчатки.

— Привыкнешь. — Иона взглянул на Ференцо. — А что делать нам, пока вы с Роджером и Лорел будете искать Меланту?

— В основном жить, как жили. Вести себя как можно более естественно и ждать нашего возвращения.

— Даже нам с Ионой? — уточнил Джордан. — Хафдан-то все еще ищет нас. Я слышу звонки о нас, по меньшей мере, каждый час, с тех пор как вы сняли нас с крыши.

— Причем все более нетерпеливые, — добавил Иона. — Думаю, нам пока не стоит показываться на глаза.

Ференцо поморщился.

— Возможно, ты прав, — признал он. — Насколько подозрительно, что ты не отвечаешь на звонки?

— Да не очень. Я и раньше не отвечал, когда на меня злились, хотя уже не так часто после того, как окончил школу. — Он поднял брови. — Хорошо, ну а раз мы с Джорданом пока прячемся, почему бы нам не поехать с вами в Кэтскиллз?

Ференцо фыркнул.

— У меня что, по-твоему, автобус?

— Да и вряд ли они впустят на свою территорию двух серых, — добавил Роджер.

— Я не говорю, что мы поедем до конца, — сказал Иона. — Можно высадить нас за каким-нибудь холмом, и мы там будем ждать наготове, если вдруг понадобится помощь.

— Если кто-то увидит вас вместе с Лорел — это конец, — предупредил Зенас.

— Помощь не должна понадобиться, — подтвердил Ференцо. — Это всего лишь разведка, а не лобовая атака.

— Все-таки небольшая предосторожность не помешала бы, — сказал Рон. — И это поможет избежать встречи с Берганом.

— Пожалуй, — сказал Ференцо. — Ну... ладно.

— Но Зенас прав насчет риска. — Рон посмотрел на Зенаса. — Значит, мальчишки поедут только с согласия его и Лорел.

С минуту Зенас и Лорел молча смотрели друг на друга. Наконец Зенас со вздохом кивнул.

— Хорошо, — с трудом проговорил он. — Пусть едут.

— Отлично, — сказал Ференцо. — Но я не поеду с вами по Манхэттену на глазах у всех. Можете завтра рано утром проехать на поезде по Гудзон-лейн до Пикскила?

— Почему не прямо сейчас? — предложил Джордан.

— Точно, так даже лучше, — согласился старший брат. — Сядем на ближайший поезд и посидим на каком-нибудь доме до утра. Роджер сообщит на тел, когда вы нас заберете.

— Отлично. — Ференцо поднялся. — Тогда осталось только придумать Лорел убедительную легенду. Ну что, давайте собираться.

Он подошел к Зенасу и Лорел, присел на корточки и тихо заговорил. Роджер смотрел на них и на двух серых, сидевших рядом, изумляясь такому невероятному союзу, который умудрились создать Меланта и Джордан.

— Роджер?

Он повернулся. Рядом стоял посерьезневший Джордан.

— Да?

— Я только хотел сказать спасибо за то, что вы позаботились о Меланте. — От волнения мальчик с трудом выговаривал слова.

— Пожалуйста.

Роджер почувствовал к парню прилив симпатии. Вдруг оказаться втянутым в войну и давнюю вражду, которой он не понимает и не может противостоять...

Он сжал зубы. Нет, они могут. И будут бороться.

— Мы вернем ее, Джордан, — тихо сказал он. — Не волнуйся. Мы вернем ее.

— Джордан? — позвал Иона.

Джордан поджал губы. Затем молча кивнул и подошел к брату. С минуту они тихо переговаривались с родителями, затем вышли из комнаты.

Дверь со стуком закрылась. Роджер прикрыл глаза, и сердце его вдруг пронзила боль. Зеленые и серые — две семьи, связанные любовью и взаимопомощью. — А в другом конце комнаты одиноко сидит Роджер Уиттиер, чью жену держат взаперти где-то в лесу. Жену, которую последние несколько месяцев он не ценил. А может быть, даже не любил.

Если все кончится плохо, он уже не сможет исправить эту ошибку.

Рядом послышались шаги. Он открыл глаза и увидел Ференцо, который изучающе смотрел на него.

— Договорились, — сказал полицейский. — Мы подберем Лорел завтра утром в торговой зоне в Йонкерсе.

Зеленые как раз выходили. Серые, как не без удивления заметил Роджер, уже ушли.

— Где заночуем? — спросил он.

— Здесь. Рон и Стефани сняли эту комнату, но решили, что в данных обстоятельствах лучше пойдут домой, а мы останемся.

— Ладно. — Роджер вдруг почувствовал, что слишком устал, чтобы спорить или даже обсуждать. — Я так и не спросил у Ионы, как работает этот тел.

— Он объяснил мне коротенько, — успокоил его Ференцо. — Мне показалось, вам надо было побыть минуту наедине с самим собой. Не волнуйтесь — не сложнее, чем видеомаягнитофон. Где оставили машину?

— На гаражной парковке на Сорок четвертой рядом с Бродвеем. Круглосуточная.

— Хорошо. Позвоню портье, чтобы принесли белье, и надо ложиться. Завтра предстоит беспокойный день.

Свет полумесяца, проникавший сквозь занавески, создавал в комнате мягкий полумрак; время от времени сквозняк колыхал старую ткань, и тогда на мгновение становилось чуть светлее. Свернувшись под одеялами, Кэролайн смотрела на игру теней на потолке и слушала беззвучные голоса у себя в голове. Что именно происходит, она сказать не могла, но одно было ясно.

Этой ночью зеленые не спали.

Она вслушивалась в голоса, стараясь уловить нюансы и выражения эмоций. Речь была подчинена какой-то структуре — в этом она была уверена, — и возникало свербящее ощущение, что если ей удастся нащупать какую-то ниточку, то станет понятно, о чем говорят. Но как она ни пыталась, ничего не выходило.

Хотя сейчас ее занимали более серьезные мысли.

Сумел ли Роджер выбраться из владений зеленых? По словам Сильвии, сумел, но это могла быть хитрость, призванная поддержать в душе Кэролайн ложную надежду, что муж вернется и спасет ее. А может, воины поймали его, заставив въехать в дерево или канаву, или применили трасски? Может, он ранен или даже...

Она решительно отогнала эту мысль. Даже думать об этом нельзя. Не сейчас.

А если он все-таки смог добраться до шоссе, сумел ли вернуться в город? Или на дороге дежурят посты зеленых, и ему устроили засаду? Может, они предупредили воинов в Нью-Йорке и нападут на него там? Поджидают в квартире, на случай если уставшая жертва забудет об опасности?

И даже если он избежит всех ловушек, что сделает дальше? Пойдет к Пауэллу, который наполовину убежден, что они с Кэролайн причастны к исчезновению следователя Ференцо?

Или отправится к Торвальду и к серым?

Ее пробрала дрожь. Веловски говорил, что война пока в подготовительной стадии, но, если Торвальд решит, что появилась возможность достичь успеха, уничтожив небольшую группу obsługi в доме, пути назад уже, возможно, не будет. Как только вспыхнет искра, пожар будет не остановить.

Отсюда уже действительно серьезный вопрос: что ей самой сейчас делать? Попытаться бежать или, по крайней мере, попытаться связаться с внешним миром? Или продолжать гнуть ту линию, которой она придерживалась на сегодняшнем обеде, то есть развивать отношения с Сильвией и пытаться убедить ее в ценности человеческой жизни?

Потому что срок, о котором предупреждал Сирил, быстро истекал. Что бы ни решила Кэролайн, времени до среды осталось совсем немного.

Глядя в потолок, она вдруг нахмурилась, потому что жужжание голосов прервало поток ее собственных мыслей. Что-то уж очень много зеленых там разговаривает. Даже с ее ограниченным опытом было ясно, что их гораздо больше, чем двадцать трудящихся и несколько воинов.

Что же там происходит?

Она заставила себя откинуть одеяла и спустила ноги на пол, вздрогнув, когда босые ступни коснулись холодных досок пола. Старательно избегая нескольких скрипучих половиц, которые она обнаружила, пока готовилась ко сну, Кэролайн подошла к окну и отвернула край занавески.

Лунный свет бросал мягкие тени на лес, простирающийся за домом по холмам. Никого видно не было, но, учитывая отношения зеленых с деревьями, это мало что значило. Оконную щеколду явно не трогали годами, но, поднатужившись, Кэролайн сумела приподнять ее и открыла окно.

В комнату ворвался поток холодного воздуха, и ее снова передернул озноб. По-прежнему никого не было видно, но теперь, при открытом окне, слышалось смутное движение и звуки борьбы, доносимые ветром через крышу. Что бы это ни было, звуки доносились с другой стороны дома.

Она ухватила за раму, высунулась наружу и увидела конек крыши в нескольких футах над головой. Черепица на самом окне выглядела ненадежной, но остальная крыша была в приличном состоянии и не слишком крутая. Если соблюдать осторожность и крепко держаться за оконную раму, можно подняться до конька и посмотреть, что там происходит.

Сначала, однако, надо подумать о том, как там не замерзнуть. И, что не менее важно, о том, чтобы ее не увидели.

Коричневая куртка и синие слаксы, пожалуй, достаточно темные, чтобы скрыть ее в лунном свете. Туфли тоже были темные, но подошвы никак не подходили для лазания. Придется лезть босиком и надеяться, что никто не приметит два светлых пятна на фоне черепицы.

С лицом, однако, дело другое. Кэролайн дважды оглядела комнату в поисках подходящей маскировки, до того как ее наконец не осенило. Вытащив края одеял из-под матраса, она достала из сумочки складные ножницы и отрезала от самого темного полоску в четыре дюйма шириной. Затолкав одеяла на место, она обмотала новоявленный шарф вокруг головы как ленту, скрестила на затылке и обернула рот и нос. Затем скрестила еще раз и связала на затылке, оставив, таким образом, только полоску вокруг глаз. Вернулась к окну, открыла его и, глубоко вздохнув, полезла на крышу.

Черепица оказалась еще холоднее, чем пол, и Кэролайн с сожалением вспомнила о кроссовках, оставленных дома в шкафу. Она ухватила за раму и осторожно поднялась вверх по склону крыши.

Глазам ее предстала невероятная картина. На всем протяжении широкой лужайки двигались темные фигуры: бегали, прыгали, прятались за деревьями и даже будто танцевали друг с другом. Некоторые что-то держали в руках, периодически слышались глухие хлопки. В руке у одной из фигур что-то блеснуло, и она поняла, что это нож.

Тут, наконец, все стало понятно. Издававшие хлопки предметы были пейнтбольными ружьями, мелькающие ножи — преобразованными трассками, а танцующие — борющимися друг с другом зелеными.

Это была не ночная физзарядка. Это были военные учения.

Кэролайн высунула голову повыше. Теперь стало видно, что у кромки леса тоже есть зеленые, они то прятались в деревья, то выходили из них, нападая на тех, кто был с ружьями, и уклоняясь от выстрелов. На правом крыле дома она увидела нескольких зеленых, которые стреляли с крыши и из окон верхнего этажа. С замиранием сердца она поняла, что те имитируют атаку серых с домов в Нью-Йорке. Посмотрев на лес, она увидела, что на верхушках самых высоких деревьев сидят зеленые и стреляют по своим товарищам внизу.

А там, где главное здание соединялось с правым крылом, как скала на берегу быстрой реки, стояла Сильвия.

Она стояла, уперев руки в бока, молча наблюдая за происходящим, немного в стороне от

событий. Иногда она подавала знак рукой и дважды подзывала группу зеленых, что-то объясняя, перед тем как снова отправить их на позиции. Но в основном наблюдала.

В течение нескольких минут Кэролайн тоже наблюдала со смесью ужаса и восхищения. В движениях воинов была странная красота, какая-то балетная грация в том, как они боролись. Зеленые трудящиеся, как сказала Сильвия, — лучшие в мире. Зеленые воины, очевидно, были того же класса.

Но никакая грация и мастерство не могли заслонить главную цель учений. Они тренировались, чтобы убивать. Скоро, может уже через несколько дней, в окрестностях Манхэттена они применят те же ножи против серых.

Она вцепилась в черепицу. Пока еще есть возможность это остановить. Должна быть.

Слева вдруг показались оранжевые огоньки. Из леса появился автомобиль, у которого горели только габариты, и направился к дому, осторожно объезжая боровшихся.

Кэролайн застыла, наблюдая поверх конька крыши, как машина остановилась и из нее вышел высокий зеленый. На минуту он задержался, осматривая поле битвы. Затем направился через лужайку к Сильвии, держась в стороне от сражавшихся.

Кэролайн нахмурилась, стараясь разглядеть в темноте вновь прибывшего. Видно было не очень хорошо, но по тому, как изменились свербящие в голове голоса, она поняла, что это сам Николос. Какое-то время он беседовал с Сильвией, та указывала на различные части поляны, очевидно докладывая о ходе учений. Иногда Николос что-то спрашивал, но главным образом говорила Сильвия.

И вдруг Сильвия показала на дом.

Кэролайн сжалась от внезапного предчувствия. Она опустила голову и без промедления начала спускаться по скату так быстро, как могла. Добравшись до окна, она вошла в комнату и закрыла окно, не забыв про задвижку. Сбросив куртку и слаксы, она сложила их на стуле, потом затолкала шарф-маску под матрац. Затем юркнула в постель, чувствуя, как кровь стучит в ушах.

Она едва устроилась под одеялами, когда в дверь тихо постучали.

Она напряглась, мозг бешено заработал. Могла ли Сильвия или кто-то еще заметить ее на крыше и прийти проверить? Конечно, нет — если бы заметили, то не стали бы стучать. Значит, надо ответить на стук, словно ничего не случилось, и сделать вид, будто она крепко спала.

Но нет. Такой тихий стук вряд ли бы разбудил ее дома, наверное, лучше не отвечать. Надо подождать, когда постучат погромче или позовут.

Она все еще решала, как лучше поступить, когда дверь вдруг со скрипом распахнулась.

Она вздрогнула так, что заскрипела кровать.

— Что такое?

— Это я, Нестор, — послышался голос охранника. — Там внизу к вам посетитель.

Кэролайн заставила себя дышать глубже, чувствуя некоторое облегчение. Ее спонтанная реакция, пожалуй, была убедительнее, чем она могла сыграть.

— Сейчас? Кто?

— Командующий Николос. Он просил передать извинения за столь поздний визит и обещал, что отнимет у вас всего несколько минут.

Кэролайн шумно вздохнула.

— Дайте мне одеться, я сейчас спущусь.

Через несколько минут она спустилась по лестнице, жмурясь от яркого света. Нестор и

женщина-воин ждали внизу, не проявляя никаких признаков того, что только что участвовали в напряженных учениях. Они молча провели ее в библиотеку, где она впервые встретилась с Сильвией.

Николос в одиночестве стоял лицом к окну и смотрел в ночной полумрак.

— А, Кэролайн, — обернулся он, когда Нестор впустил ее и закрыл за ней дверь. — Примите извинения, что разбудил вас в такой час.

— Ничего. — Кэролайн присела на один из стульев у стола. — Сны все равно были не очень приятными.

— Неудивительно. — Он поставил еще один стул напротив нее и сел. — Мне в последнее время тоже снятся довольно неприятные сны. Сны, в которых гибнет мой народ.

— Я тоже беспокоюсь о своем народе, — ровным голосом произнесла Кэролайн. — Чем могу помочь?

Он сделал над собой усилие и заговорил мягче:

— Нам хотелось бы разобраться, кто передал вам Меланту в прошлую среду.

— Мы уже это обсуждали, — раздраженно напомнила Кэролайн. — Уже, по-моему, со всеми с обеих сторон. Мы не знаем, кто он.

— Меня устроит описание, — настаивал Николос. — Начнем с того, зеленый это или серый.

— Станный вопрос. Я думала, что все серые хотят ее смерти. Зачем кому-то из них ломать шею, чтобы спасти ее?

Несколько мгновений Николос в упор смотрел ей в глаза. Потом неохотно опустил взгляд.

— Давайте я открою карты.

Он потер щеку. Чисто выбрит в два часа ночи, машинально отметила Кэролайн. Или у зеленых вообще волосы не растут на лице?

— Стало известно, что некий серый по имени Иона Макклей, которого назначили на дежурство у парка Сары Рузвельт, отсутствовал на посту, в то время как его брат Джордан прикрывал его.

— И откуда вы получили эти сведения?

Николос поднял брови.

— Стало быть, имена вам знакомы?

— Впервые слышу. Я просто хотела узнать источник, перед тем как что-то вспоминать.

— Люди Хафдана Грея обнаружили, что с Ионой происходит что-то странное. Когда они заподозрили, что это может быть как-то связано с исчезновением Меланты, Хафдан сообщил Сирилу, а тот мне.

— И вы доверяете этому Хафдану?

— Не больше, чем любому из серых. Хафдан и Сирил разработали мирное соглашение между нашими народами.

— То самое, которое включало пункт об убийстве Меланты.

Николос дернул губой.

— Да. Все, что мне нужно, — это чтобы вы либо подтвердили, что Иона причастен к похищению, либо опровергли это и мы перестали тратить время на его поиски.

— Что значит «на поиски»? — нахмурилась Кэролайн. — Разве вы не следите за серыми?

— Очевидно, не так хорошо, как хотелось бы, — недовольно заметил Николос. — Иона

вместе с братом, похоже, легли на дно. Хафдан все время пытается связаться с ними, но они отказываются отвечать.

— Возможно, просто не могут, — предположила Кэролайн. — Может, их захватил Александр, так же как кто-то захватил Меланту.

— А может быть, Меланта как раз у Ионы и Джордана, — возразил Николос. — Расскажите мне, что случилось в среду.

— Зачем? Чтобы вы нашли Меланту и с ее помощью уничтожили наш город?

Николос глубоко вздохнул.

— Послушайте, Кэролайн, — он понизил голос, — все не так, как вы думаете. Даю вам слово, что, если мы вернем Меланту, ей не придется причинять кому-то вред. Ни серым, ни вашему городу.

— Я думала, она краеугольный камень в вашей обороне.

— И, тем не менее, даю вам слово, — повторил Николос. — Меланте ничего не придется делать в этой войне.

Кусочки головоломки вдруг сложились в единое целое, и Кэролайн охватил озноб.

— Господи, — пробормотала она. — Дамиан — это еще один землетряс.

— Кто вам сказал? — резко спросил Николос.

— Вы сами. Вы сказали, что вам не нужна Меланта, потому что у вас есть Дамиан.

Несколько томительных мгновений Николос разглядывал ее.

— Сильвия права, — наконец произнес он негромко. — Вы более проницательны и внимательны, чем я думал.

— Значит, это был блеф с самого начала. — У Кэролайн внутри все похолодело. — Вы вообще не собирались использовать Меланту против серых.

— Наоборот, собирались, но не как оружие. Ее дар еще слишком слаб и непредсказуем.

— Но не настолько слаб, чтобы не использовать девочку как приманку, которая отвлечет внимание серых от этого лагеря и Дамиана.

— Зачем так драматизировать? — упрекнул ее Николос. — Мы с Александром с самого начала понимали, что серые никогда не дадут нам жить спокойно и, как только появится возможность навредить нам, сразу ее используют. Но также понимали, что Сирил никогда не поверит в вероломство серых, пока не увидит его плоды своими глазами.

— И вы решили усыпить бдительность серых, позволив убить Меланту, — с горечью сказала Кэролайн. — Не важно, что погибнет ни в чем не повинная девочка.

Николос покачал головой.

— Вы должны понять, что мы стараемся ради блага всего нашего народа, — со странной серьезностью ответил он. — Да, это стоило бы жизни Меланте, но когда ею пожертвовали бы, серые бы напали и Сирил, наконец, осознал бы ошибку и присоединился к нам. В этот момент мы могли задействовать Дамиана и достичь быстрой победы над врагами. Своей жизнью Меланта обеспечила бы своему народу долгий мир.

— Какой благородный план, — съязвила Кэролайн. — Как жаль, что кому-то придется его разрушить.

Николос выпрямился в кресле.

— До сих пор я был терпелив с вами, Кэролайн, — натянуто сказал он. — Я предполагал, что вы так заикнулись на Меланте, что не в состоянии охватить сознанием всю картину в целом. Но теперь вы знаете, что поставлено на карту и что должно случиться, чтобы наш народ выжил. Я обещал жизнь Меланте, обещал, что мы сделаем все возможное,

чтобы достичь быстрой победы над серыми и, таким образом, причинить как можно меньший ущерб гражданскому населению. Но я хочу знать, кто передал вам Меланту.

Кэролайн покачала головой.

— Нет.

— Я мог бы напомнить, что Меланта сама согласилась умереть.

— А я могла бы напомнить, что двенадцатилетние дети обычно делают то, что им велят взрослые. — Кэролайн встала. — Сожалею, что вы потрудились напрасно. Спокойной ночи, командующий.

Он скривил губы.

— Спокойной ночи, Кэролайн.

Она повернулась, вышла из двери, за которой стояли безмолвные войны, и поднялась в свою комнату. Спустя две минуты она снова лежала под одеялами, следила за игрой теней на потолке и размышляла, возобновились ли учения перед домом.

Значит, все было напрасно. Все. Останется Меланта жить или умрет, погибнут ли она, Роджер, Ференцо или нет — ничто не имеет значения. С самого начала Николос планировал уничтожить серых.

И ей не удастся его остановить. Он командующий, и, как зеленые трудящиеся и воины являются лучшими в своих областях, он, несомненно, является лучшим в своей. Он уже продумал все возможные ходы противника и подготовился ко всему.

Она глубоко вздохнула, пытаясь противостоять навалившемуся отчаянию. Нет, твердо сказала она себе. Ничто не напрасно. Им удалось сохранить жизнь Меланте, по крайней мере, на несколько дней, выудить важную информацию о Дамиане, и теперь Роджер на свободе. Это хотя бы чуть-чуть нарушает стройные планы Николоса. Возможно, как раз сейчас Роджер разговаривает с полицией или серыми и предлагает или убеждает предпринять какие-то действия.

А может, и нет, подумала она, и сердце упало. Роджер уговаривает кого-то действовать? Едва ли. Это потребовало бы намеренно ввязаться в конфликт, а Роджер бежит от них как от чумы.

Или нет?

Глядя на потолок, она нахмурилась, перебирая в памяти события последних нескольких дней. Роджер сопротивлялся Ингвару и Бергану, пока те не увели их с Гринвич-авеню буквально под дулом пистолета. Роджер проехал на машине среди зеленых воинов, возможно, даже сбил кого-то, чтобы выбраться отсюда и привести помощь. А главное, отказался сообщить что-либо о Меланте Сильвии, Торвальду и Николосу.

Возможно, он избегал конфликтов не потому, что недостаточно мужествен, чтобы постоять за себя. Возможно, он просто избегал конфликтов мелких, сберегая силы для настоящих дел. Возможно, ей просто не приходилось видеть его в ситуациях, где нужно совершать серьезный нравственный выбор.

Если так, значит, она просто плохо знает собственного мужа. Но может, он и сам не подозревал в себе такие качества. Обычная размеренная жизнь часто не оставляет места для героизма. Возможно, до сих пор он никогда не сталкивался с ситуациями, где можно себя проявить.

Она сбросила одеяла, встала с кровати и подошла к стулу, где лежала ее сумочка. Порывшись, она извлекла ручку и пачку жевательной резинки, которую она держала для тех сослуживцев, которые постоянно мучились без сигареты. Занавески в спальне были

недостаточно плотными, чтобы скрыться от любопытных глаз, но стекла в ванной были из матового стекла. Прихватив ручку и резинку, она закрыла дверь и включила свет.

Места на серебряной бумажке от пластика жевательной резинки было совсем немного. Но годами оформляя соглашения и контракты, она научилась писать микроскопическим почерком.

«Роджер, Дамиан землетряс, готов ехать в Н.-Й. — время неизвестно. Меланта не здесь. Ком. груп. Сильвия главная. Не приводи серых. Люблю тебя, К.».

Она добавила домашний телефон и, отложив ручку, перечитала записку. Еще так много хочется сказать. Еще так много нужно сказать, сказать не только о любви, но и о вере и надежде. Но места уже не осталось. Она аккуратно завернула пластик в бумажку и вставила в обертку. Оставалось только уповать на то, что они оба выйдут из этой переделки живыми, и она все скажет лично.

Она погасила свет, выскользнула из ванной и положила ручку и резинку в сумочку. Потом, в последний на сегодня раз, забралась в постель. Надо все-таки немного отдохнуть и подготовиться к важному дню.

— Так что? — спросил Ференцо. — Получится или нет?

Они впятером стояли у высокого гранитного валуна на склоне холма.

— Думаю, должно получиться, — с некоторым сомнением произнес Иона, глядя в компактный бинокль сквозь деревья. — Я вижу угол главного дома, если это действительно особняк зеленых, который мы ищем. Раз я его вижу, значит, теоретически мы можем туда попасть.

— Жестковато приземляться с такой высоты, — с еще большим сомнением добавил Джордан. — Я бы предпочел что-нибудь поближе.

— Если подойти ближе, можно нарваться на патрули, — предупредил Ференцо. — В любом случае приземлений не будет — ни жестких, никаких. Будете наблюдать и слушать и, если понадобится, изображать, что мы привели с собой небольшую армию.

Стоявшая рядом с Роджером Лорел поежилась.

— Но это в самом крайнем случае, — глянув на нее, добавил Ференцо. — И только по прямому приказу Роджера.

— Понятно, — сказал Иона. — Осторожнее там.

— Доверься мне, — недовольно произнес Ференцо. — Ладно, Лорел. Твоя очередь.

Через несколько минут Лорел лежала, свернувшись калачиком, в багажнике «бьюика», закрытая одеялом, которое Кэролайн держала там на всякий случай. Чтобы скрыть форму тела, Ференцо расставил вокруг нее магазинные пакеты.

— Вы в порядке? — Он поправил последний пакет.

— Отлично, — послышался приглушенный голос.

— Хорошо. Теперь запомните: вы должны только слушать голос Меланты. Не пытайтесь звать ее. Нельзя, чтобы вас обнаружили и уж тем более, чтобы узнали.

— Знаю. Давайте попробуем.

— Так. — Ференцо закрыл багажник и направился к пассажирской двери. — А вы тут повнимательнее, — обратился он к Ионе и Джордану. — Я не хочу, чтобы какой-нибудь зеленый воин вас тут порезал. Вперед, Роджер.

Роджер сел за руль и поехал по извилистой лесной дороге вниз к главному шоссе.

— Уже двадцать миль вы все молчите, — заметил Ференцо.

— Думаю о некоторых вещах, которые говорил Кэролайн за последние несколько недель, — признался Роджер. — Даже о том, что говорил мысленно, когда хватало ума промолчать.

— О чем именно?

Роджер покачал головой.

— Ну, не знаю. Мне кажется, она иногда не задумывается, что делает. Вот мы собираемся куда-то пойти, и вдруг в последнюю минуту она начинает заниматься тем, что спокойно можно было сделать днем в любое время.

— М-м, — сказал Ференцо. — Давно вы женаты?

— Четыре года. Иногда кажется, что дольше.

Ференцо усмехнулся.

— Поверьте, у вас еще только начало. Она ведь агент по продаже недвижимости? Чтобы заниматься такой работой, нужно обладать некоторым умом.

— Конечно. Я не хотел сказать...

— Она ведь умеет ладить с людьми? — продолжал Ференцо. — Умеет держаться на вечеринках, легко общается с незнакомыми?

— Да, есть такое.

— Помнит годовщины, дни рождения и когда у какой племянницы выпали первые зубы.

— Э-э... ну, в общем, да.

— И в этих делах она вас превосходит?

Роджер поморщился.

— Наверное.

— Вот видите, в чем проблема. Вы просто не понимаете, как думает ваша жена, как она мыслит.

Роджер хмыкнул.

— Осторожнее, — полушутя сказал он. — Сейчас за такие вещи могут направить на групповую психотерапию.

— Я же сыщик, — возразил Ференцо. — Мне по работе приходится разбираться в людях и выяснять побудительные мотивы их поступков. — Он пожал плечами. — Не говоря уже о двадцатидвухлетнем опыте семейной жизни.

— Так просветите меня. Как же она думает?

— Начнем с вас. Если вы похожи на меня — а мне кажется, что похожи, — вы мыслите категориями чисел, фактов и проблем. Мы смотрим на жизнь как на набор задач и головоломок, которые надо решить. Так?

Роджер задумался. Действительно, очень похоже на правду.

— Как будто так. А Кэролайн нет?

— Не-а. То есть, вероятно, она и это может, если нужно. Но по большей части она воспринимает мир как взаимоотношения. Взаимоотношения между людьми, взаимоотношения между событиями, то, как отдельные части собираются в целое. Вы, как юрист-консультант, вероятно, смотрите на свою работу с точки зрения юридического права, прецедента и подробностей дела. Если бы тем же пришлось заниматься Кэролайн, она выясняла бы, у кого какие проблемы, как людям можно помочь и какие последствия испытают их семьи, если она хорошо выполнит работу. Улавливаете разницу? В конце концов, вы достигнете одной и той же цели, двигаясь с разных точек.

— Да, понятно, — задумчиво проговорил Роджер. До сих пор ему такое не приходило в голову.

— Я уже говорил, моя жена такая же и поначалу порой доводила меня до белого каления, — продолжал Ференцо. — Но потом я научился это использовать. Поскольку она смотрит на вещи иначе, то часто может заполнить черные дыры и белые пятна в моем представлении о мире. Я уже сбился со счета, сколько раз я обсуждал с ней глухари, и она делала замечание, которое бросало свет на упущенную или неверно оцененную деталь.

— Значит, когда Кэролайн поливает цветы в последнюю минуту...

— Она, вероятно, мысленно как-то связывает цветы с вашим мероприятием. Такая связь удобна, она работает и привычна для нее.

— Но мы постоянно опаздываем, — не сдавался Роджер.

— Опаздываете? Или приходите не так рано, как вам бы хотелось?

Роджер сдвинул брови.

— Ну... пожалуй, последнее. А то, что она все время вещи теряет?

— Возможно, сосредоточивается на чем-то одном и перестает обращать внимание на остальное. Не обязательно все между собой связано.

— Вероятно.

У Роджера вдруг мелькнуло воспоминание: как прошлой ночью в гостинице Стефани говорила, что зеленые и серые мыслят по-разному, но не лучше или хуже.

— Просто иначе, — пробормотал он.

— Что?

— Ничего. Мне нужно будет обдумать все это.

— Обдумайте. Но потом. А сейчас сконцентрируйтесь на предстоящем представлении.

— Я возбужден, настойчив и раздражен, что вы мне не верите.

— Правильно, но не переигрывайте, — предупредил Ференцо. — Вы также устали и напуганы, а это поглощает эмоции. В данном случае меньше значит больше.

Впереди на шоссе показался съезд на горную дорогу, которую они искали.

— Когда начинать?

— Прямо сейчас. — Ференцо достал пистолет, быстро осмотрел и сунул обратно в кобуру. — Начиная отсюда, уже могут быть часовые или наблюдательные посты. Пусть видят сердитого гражданина с выпяченной челюстью.

— Понял. — Роджер с шумом вздохнул. — Представление начинается.

* * *

— Шах. — Сильвия переставила слона на три клетки, нацелив его на короля Кэролайн. — Погодите. Шах или мат?

— Минутку. — Кэролайн внимательно оглядела позицию. Учитывая ее уровень, вероятно, последнее. Она всегда плохо играла в шахматы, и несколько утренних партий никак не усовершенствовали ее мастерство.

— Точно, мат. Поздравляю.

— Спасибо. — Сильвия взглянула на нее с насмешливым подозрением. — Вы ведь не поддались мне?

— В двух первых-то я победила, — напомнила Кэролайн и начала расставлять фигуры для новой партии. — Я же говорила, что это игра воинов.

— Так и есть, — согласилась Сильвия и тоже стала расставлять фигуры.

Кэролайн мысленно улыбнулась. Да, играла она ужасно. Но она и не стремилась непременно одержать победу. Шахматы она обнаружила сегодня утром в дальнем углу шкафа вместе с бадминтонным воланом и затасканной колодой карт, в которой недоставало четырех листов, и предложила Сильвии как развлечение. Одной ладьи не хватало, но в сумочке среди кучи вещей нашла подходящую замену, и, расположившись в библиотеке, они решили попробовать.

Как она и ожидала, шахматы захватили Сильвию, как кота охота на канареек. В течение первой партии она освоила ходы, во второй — необходимую стратегию, а в третьей уже успешно противодействовала скромным тактическим уловкам Кэролайн. Теперь, к концу шестого тура, она загорелась как ребенок, получивший новую игрушку.

— Землянин, который изобрел эту игру, должно быть, обладал блестящим умом. — Сильвия закончила расставлять фигуры и повернула доску.

— За многие века на Земле действительно частенько появлялись люди с блестящим умом, — согласилась Кэролайн.

Она достала из кармана пачку жевательной резинки, небрежно вынула один пластик и развернула.

— Развлечения, наука, искусство — у нас достаточно гениев.

— Что это? — Сильвия обратила внимание на резинку. — Еда? Вы проголодались?

— Нет, это называется жевательная резинка. — Кэролайн показала пластинку. — Когда жуешь, во рту появляется приятный запах. Хотите попробовать?

— Пожалуй, — немного неуверенно сказала Сильвия. — То есть ее на самом деле не едят?

— Глотать не нужно. — Кэролайн положила пластинку в рот и достала еще одну для Сильвии. — Хотя людям не вредит, если они случайно ее глотают. Вы никогда не видели, как зеленые дети или подростки жуют резинку?

— Никогда.

Сильвия по примеру Кэролайн положила свой пластик в рот. Она дважды моргнула.

— Очень насыщенный вкус. Что это?

— Фруктовая смесь. — Кэролайн отложила пачку резинки. — Нравится?

— Довольно необычно, — дипломатично заметила Сильвия. — В любом случае, ваш ход.

— Да. — Кэролайн двинула королевскую пешку на два поля вперед. — Возможно, сейчас в центре Манхэттена живет землянин, который придумывает такую же умную и красивую игру, как эта.

Сильвия понимающе улыбнулась и двинула ферзевую пешку на одну клетку вперед.

— И, следовательно, мы должны осторожнее относиться к землянам в этой войне.

— Надеюсь, что хороший воин будет осторожен в любом случае. — Кэролайн переставила королевского коня на край доски.

— Если бы все зависело только от нас. — Сильвия вывела ферзевого слона на два поля вперед. — Но боюсь, все зависит от серых. Если они займут позиции на жилых зданиях, фактически прячась за землянами, у нас не останется другого выхода, кроме как снести эти дома.

— Выход всегда есть, — серьезно сказала Кэролайн. — Николос ведь командующий зеленых. Значит, он один из лучших.

По изборожденному морщинами лицу Сильвии промелькнула тень раздражения.

— По-вашему, все так просто. Это не так.

— Может, не для вас или для меня, — согласилась Кэролайн. — Но уж Николос мог бы придумать что-нибудь получше, чем полномасштабная война посреди города.

— Даже если бы такое было возможно...

Сильвия вдруг остановилась, взгляд затуманился, и в голове у Кэролайн снова послышалась телепатическая речь зеленых. Взгляд пожилой женщины снова стал осмысленным, и, к удивлению Кэролайн, она резко поднялась на ноги.

— Но теперь пора обедать, — быстро сказала она. — Попробуем другой ресторан?

— А... конечно.

Кэролайн взглянула на часы. Все утро она ломала голову, подыскивая повод, чтобы снова съездить поесть.

— Но ведь сейчас только половина двенадцатого.

- Я проголодалась. — Сильвия сделала шаг от стола. — А вы?
- Да, конечно, поесть я всегда не прочь, — вскочила на ноги Кэролайн.
- Тогда одевайтесь, — приказала Сильвия по дороге к двери. — Встретимся у машины.

* * *

- Вот. — Роджер показал на проселок, уходящий от главной дороги влево, и включил поворотник. — Указателя нет, но я уверен, что это здесь.
- Давайте попробуем, — согласился Ференцо. После поворота Роджера немного смутило, что машина идет как-то иначе, чем в первый раз. Хотя, возможно, это результат безумной гонки, ведь он мчался обратно почти вслепую, раскидывая колесами гравий.
- Дорога, по которой машина петляла между деревьями, была пустынна.
- Думаете, они отсюда ушли? — спросил Ференцо, когда они преодолели небольшой подъем.
- Скорее, я повернул не туда, — скривился Роджер. — Развилку, которая вела к хибаре, мы, по идее, уже проехали.
- М-м. — Ференцо оглядел лес. — Наверное, тел Ионы нужно было отдать Лорел. По крайней мере, она бы постоянно сообщала, нет ли поблизости зеленых.
- По-моему, впереди какой-то дом, — сказал Роджер, вглядываясь вперед.
- Давайте посмотрим. Даже если это не дом зеленых, возможно, нам подскажут, где он.
- Проезжая по дорожке посреди обширной лужайки, Роджер заметил, что дом большой и старый: три этажа и два крыла. Кэролайн, вероятно, определила бы его возраст с первого взгляда, но Роджер видел только, что дом спроектирован довольно бессистемно.
- Когда он подъехал и остановился перед крыльцом, дверь открылась, и вышел молодой человек.
- Чем могу помочь? — спросил он, когда Роджер и Ференцо вышли из машины.
- Как только Роджер взглянул на него, сердце забилося сильнее. Высокий, темноволосый, черные глаза и смуглая кожа. Значит, они все-таки на участке зеленых... только зеленые переделали проселок так, что и узнать невозможно. Ференцо оказался прав, ему не удалось бы ничего доказать кому-то другому.
- Я ищу свою жену, — выпалил он. — Где она?
- На лице молодого человека отразилось удивление.
- Простите?
- Успокойтесь. — Ференцо протянул свой значок. — Я старший следователь Ференцо из Нью-Йорка. Господин Уиттиер утверждает, что его жену похитили и держат где-то здесь.
- Да что вы? — выдохнул тот. — Ужас, какой.
- Перестаньте притворяться, — раздраженно сказал Роджер. — Тут дураков нет.
- Успокойтесь, господин Уиттиер, — предупредил Ференцо утомленным тоном человека, который уже много раз повторял эту просьбу. — Могу я узнать ваше имя, сэр?
- Меня зовут Нестор Грин. — Тот неуверенно покосился на Роджера. — А больше тут никого нет. Правда.
- Не сомневаюсь, — успокоил его Ференцо. — Господин Уиттиер, вы когда-нибудь видели этого человека?

— Не уверен, — признался Роджер. — Они все похожи друг на друга.

— Господин Грин, вы хозяин дома?

— Нет, хозяйка моя тетя Сильвия. Она уехала за покупками.

— Отлично, — сказал Роджер. — Значит, можно обыскать дом.

— Помолчите же, господин Уиттиер. — Ференцо бросил на него предупреждающий взгляд. — Не знаете, когда она вернется?

— Точно не знаю. Понимаете, я ведь не могу... послушайте, а у вас ордер какой-нибудь есть?

— Нет, и мы не собираемся обыскивать дом. — Ференцо выставил вперед ладонь. — Скажите, а мы можем зайти и подождать несколько минут? Может, ваша тетя скоро вернется.

— Конечно, — неуверенно сказал Нестор. — Заходите. Они вошли в большую, изысканно украшенную переднюю, и Нестор повел их к дверям налево.

— Просторно. — Ференцо оглянулся. — Сколько человек здесь живет?

— Только мы с тетей и несколько человек прислуги.

Нестор открыл дверь. Комната оказалась большой библиотекой, перед двумя высокими окнами, выходившими на лесистые холмы, стоял массивный письменный стол.

— Она ищет инвесторов, чтобы реставрировать дом и сдавать внаем. — Да, вид отсюда прекрасный, — кивнул Ференцо в сторону окон. — Давно вы тут живете?

— Года три, — ответил Нестор. — Принести вам что-нибудь выпить?

— Спасибо, не нужно. — Ференцо остановился посередине библиотеки и осмотрелся. — Неплохое собрание.

— Я хочу осмотреть весь дом, — ожесточенно произнес Роджер. — Я знаю, что Кэролайн здесь.

— У нас нет ордера, господин Уиттиер, — терпеливо объяснил Ференцо. — Я уже говорил вам об этом.

— Ну и что? — возразил Роджер. — Это же похищение. Форс-мажорные обстоятельства, помните?

Ференцо с шумом вздохнул.

— Вы узнаете этот дом?

Роджер помялся.

— Ну, нет.

— Вы узнаете господина Грина?

— Я уж говорил, что нет, — проворчал Роджер.

— У вас есть доказательства, что ваша жена находится хотя бы в этом округе, не говоря уже о данном конкретном особняке?

Роджер яростно воззрился на полицейского.

— Да послушайте же! Я же говорю...

— Уже говорили, — перебил Ференцо и резко повернулся к двери. — Спасибо, господин Грин, извините за причиненные неудобства. Пойдемте, господин Уиттиер.

— Погодите. — Роджер успел поймать сыщика за руку. — Мы что же, уходим?

— Да, мы уходим. — Ференцо взглянул ему прямо в глаза. — Я вам заранее говорил, что если у вас нет серьезных доказательств, то вся поездка будет пустой тратой времени. Так и вышло. А теперь идите в машину.

— Нет! — огрызнулся Роджер. Он собрался с духом: именно тут важно не переборщить.

— Клянусь, что та хибара где-то неподалеку. Надо найти ее.

— Об этом забудьте. Я не собираюсь остаток дня топтаться по окрестным лесам.

— Мы должны искать, — твердо заявил Роджер. — Вы ведь следователь? Так расследуйте, разрази вас гром!

Ференцо еще секунду смотрел ему в глаза, затем обернулся к Нестору:

— Есть на участке еще какие-то дороги, кроме той, по которой мы приехали?

— Есть еще одна, она подходит к дому сзади через лес, — осторожно сказал Нестор. —

С тех пор как мы переехали, я обошел участок с десятков раз. Это единственное здание на территории.

— Говорю вам, она здесь, — настаивал Роджер.

— А вторая дорога тоже выведет нас на Сорок второе шоссе? — не обращая на него внимания, спросил Ференцо.

— Да, примерно за четверть мили от того места, где вы въехали.

— Отлично. — Ференцо повернулся к Роджеру. — Вот что мы сделаем, — произнес он тоном, не терпящим возражений. — Мы сейчас уходим и едем по второй дороге. Я поведу; вы смотрите в окно. Если заметите свою хибару — хорошо, любую хибару, — мы останавливаемся и обследуем ее. Если не заметите, выезжаем на Сорок второе шоссе и едем обратно в город. Все.

Роджер выждал еще секунду, желая проверить реакцию Нестора, но, не смея взглянуть на него. Хибары рядом с дорогой они точно не найдут — Николос наверняка позаботился о том, чтобы уничтожить все подходы к ней. Но если они сделают вид, что ищут, это даст Лорел максимальную возможность попробовать обнаружить дочь.

— Так что? — поторопил Ференцо.

Роджер опустил плечи.

— Ладно, — пробурчал он. — Что вас вообще волнует?

— Спасибо, что уделили нам время, господин Грин, — сказал Ференцо, направляясь вместе с Роджером к двери. — Мы сами найдем дорогу.

Они вышли через прихожую на крыльцо и спустились к машине. Роджер занял пассажирское сиденье, а Ференцо уселся за руль.

— Ключи? — закрыв дверь, спросил он.

— Он не забеспокоился, что мы поедем обратно другой дорогой? — Роджер вытащил и передал ключи.

— Я не заметил никакой реакции. Скорее всего, они либо уничтожили, либо замаскировали все подходы к хибаре.

— Да уж, — угрюмо сказал Роджер. — Я бы не удивился, если бы они весь домик разобрали. Надеюсь только, что Лорел повезет больше.

Дорожка, по которой они подъехали, внезапно закончилась за дальним крылом дома, но дальше уже виднелась вторая, о которой упоминал Нестор. Ференцо осторожно проехал по траве и, когда начался гравий, немного прибавил скорость.

— Занятно, — показал он вперед. — Следы шин. Кто-то недавно проехал по дороге.

— Нестор сказал, что тетя поехала за покупками, — напомнил Роджер.

— Да, но я-то думал, что он лжет. Это означает, что либо Сильвия вообще никогда тут не была, либо ускользнула с заднего хода и прячется в каком-нибудь дереве.

— Ей бы пришлось как-то затащить туда Кэролайн.

— Верно. Тогда дело предстает в несколько ином свете.

— Что вы хотите сказать? — нахмурился Роджер.

— Позже. — Ференцо показал рукой в окно. — Не забыли, вы должны искать хибару?

Роджер повернулся к окну, стараясь сообразить, в каком направлении он смотрит. От дома дорога повернула на запад. Если так, значит, сейчас они едут на север...

Он напряг зрение, стараясь разглядеть хоть что-нибудь, кроме деревьев, кустов и травы, как вдруг его бросило грудью на ремень безопасности, потому что Ференцо ударил по тормозам.

— Что?.. — Он взглянул через ветровое стекло.

Слова застряли в горле. Впереди в тридцати футах поперек дороги стояли четверо зеленых, сжимая в руках длинные блестящие ножи-трасски.

— По-моему, — тихо сказал Ференцо, — у нас неприятности.

— Как вы сказали? Рубен? — Сильвия смотрела на сэндвич в руках Кэролайн.

— Да, с сыром, солониной и кислой капустой. — Кэролайн с удовольствием откусила. — Немного разваливается, но вкусный.

— А это цыплячи лапки. — Сильвия взяла с тарелки золотисто-коричневую палочку. — Знаете, мне кажется, я видела цыплят и помню, что у них довольно внушительные когти.

— Они просто так называются, — объяснила Кэролайн. — Попробуйте какой-нибудь соус.

Сильвия неуверенно дотронулась цыплячьей лапкой до соуса в одной из чашек и откусила немножко.

— Любопытно, — кивнула она.

— Хотя сама я предпочитаю горячую горчицу. — Кэролайн показала на другую чашку. — Только осторожно — она бьет в затылок.

— И на что вы меня подстрекаете? — насмешливо-серьезно спросила Сильвия и на дюйм погрузила свою лапку в горячую горчицу.

Затем смело откусила...

И, выпучив глаза, схватила за стакан с водой.

— Я предупреждала. — Кэролайн не удержалась от улыбки, глядя, как ее стражница одним глотком выпила полстакана воды. — Роджер постоянно говорит, что у меня железный язык, всякий раз, когда я...

Она остановилась на полуслове. Сильвия вдруг застыла, глядя в какую-то точку за плечом Кэролайн.

— Сильвия?

Никакого ответа.

— Сильвия! — громче повторила она и с бьющимся сердцем потянулась к руке женщины.

Отравилась горячей горчицей?

Так же неожиданно Сильвия моргнула, и ее взгляд прояснился.

Но теперь он стал холодным и жестким, морщины на лице прорезались глубже.

— Собирайтесь, — напряженно сказала она. — Мы уходим.

— Сейчас? — поразила Кэролайн, хотя у нее и отлегло от сердца. — Сильвия, я не хотела...

— Сейчас, — приказала пожилая женщина и встала с диванчика.

— Надо же сначала заплатить. — Кэролайн нашарила сумочку. — Если я что-то не так...

— Не вы. — Сильвия стояла у диванчиков как статуя, глядя куда-то в пустоту. — Эти идиоты.

— Кто? — воззрилась на нее Кэролайн.

— Ваш муж попал в беду, — отрезала Сильвия. — Торопитесь.

С пересошим от волнения горлом Кэролайн вытащила из бумажника кредитную карточку.

И остановилась. Сегодня она стремилась прийти сюда с конкретной целью. Если уйдет,

не выполнив задачу, другой случай может и не представиться.

Но ведь Роджер в опасности...

Стиснув зубы, она взяла сумочку и куртку и соскользнула с диванчика. Получается не совсем, как она задумала, но все-таки она может это сделать. Займет всего несколько секунд.

Оставалось только надеяться, что эти несколько секунд не будут стоить жизни мужу.

* * *

— Что будем делать? — Глядя, как четверо зеленых шагают к машине, Роджер нервно сглотнул.

— Тел у вас, — с ледяным спокойствием напомнил Ференцо. — Вызывайте подмогу.

Роджер совершенно забыл об устройстве, приклеенном к левой ладони. Дернув мизинцем, он поднес руку к щеке.

— Иона?

— Я здесь, — немедленно ответил серый. — Что случилось?

— У нас проблемы, — напряженно сказал Роджер. — На нас тут идут четыре воина...

— Шесть, — поправил Ференцо. — Еще двое сзади.

Роджер повернул голову.

— Нас окружили шесть воинов, — передал он Ионе.

— Замечательно. Что вы там такого натворили?

— Да ничего совершенно, — запротестовал Роджер. — Я вообще не понимаю, что они тут делают...

— Приберегите анализ на потом, — перебил Ференцо. — Может он помочь или нет?

— Можете помочь? — передал вопрос Роджер.

Последовало короткое молчание.

— Да, думаю, получится, — ответил Иона. — Подождите минуту. Я дам два гудка, когда мы будем готовы.

Роджер опустил руку.

— Говорит, понадобится минута, — сказал он Ференцо, глядя на приближающихся воинов. — У нас может и не хватить времени.

— Тогда постараемся сделать так, чтобы хватило.

Ференцо отстегнул ремень и выхватил пистолет. Он вышел из машины и направил пистолет на зеленых.

— Полиция. Если кто-то откроет рот, стреляю.

Воины остановились, бесстрастно глядя на него.

— Предлагаю сделку, — продолжал Ференцо. — Я знаю о ревуне. Я также знаю, что для его применения вам нужно широко открывать рот, и, если замечу что-то похожее, буду рассматривать как акт неповиновения и действовать соответственно. Полагаю, что смогу прицельно выстрелить, по меньшей мере, два раза, прежде чем вы помешаете мне. Так что остается вопрос, кто из вас готов умереть ни за что.

— Что значит «ни за что»? — спросил один из воинов, стараясь как можно меньше двигать губами.

— Множество людей знает, где мы сейчас находимся. Если мы не вернемся, они знают,

где искать.

— Мы можем сказать, что вы уехали несколько часов назад, — возразил зеленый. — Они не найдут здесь никаких следов.

— Вы удивитесь, узнав, что могут обнаружить современные криминалисты. С другой стороны, у нас нет никаких сведений, что вы совершили что-то незаконное. Если вы сейчас отойдете с дороги и пропустите нас, мы ничего против вас не предпримем.

— Погодите-ка. — Роджер распахнул дверь и вышел из машины. — А Кэролайн?

— Ее здесь нет, — ответил зеленый.

— Так я и поверил! — прорычал Роджер. — Отдайте ее. И Меланту тоже.

— Роджер, заткнитесь, — прошептал Ференцо через крышу. — У нас тут трое на одного.

— Мне все равно, — упрямо заявил Роджер. — Мне нужна Кэролайн.

— Говорю вам, ее здесь нет, — настаивал зеленый.

— Отлично. — Ференцо бросил на Роджера предупреждающий взгляд. — Тогда уйдите с дороги, и мы уедем.

Лицо зеленого напряглось.

— Сожалею, — произнес он со странной неохотой. — Это решение может принять только командующий.

Роджер почувствовал в руке покалывание. И еще раз...

— А что, если вам и вашей группе грозит непосредственная опасность? — спросил он. — Вам и тогда нужно будет ждать решения командующего?

Зеленый бросил взгляд на пистолет Ференцо.

— Едва ли это утверждение соответствует действительности.

— Может, это соответствует.

Отчаянно надеясь, что не блефует, Роджер поднял к щеке левую руку.

— Давайте, — произнес он в тел.

Он опустил руку и украдкой оглянулся.

И тут с грохотом, потрясшим лес, одно из деревьев слева взорвалось.

Роджер отчаянно дернулся и отшатнулся, когда сверху дождем посыпались щепки и опилки. Удар пришелся примерно в середину ствола, и Роджер с изумлением наблюдал, как верхняя часть величественно накренилась и обрушилась, обдирая листву. Она упала на землю и осталась стоять под острым углом, зацепившись за соседние ветки.

В ушах еще звенело от первого удара, когда гроыхнуло во второй раз, на этот раз справа, и еще один ствол выбросил сноп деревянной шрапнели.

Роджер взглянул на Ференцо. Полицейский смотрел на обезглавленное дерево, стиснув челюсти.

— Ну что? — Роджер повернулся к воинам. — Это соответствует?

Зеленые уставились на поверженные кроны. Затем один обернулся к Роджеру и едва заметно кивнул. Он повернул нож вверх, нажал на острие ладонью и снова превратил трасск в безобидное украшение.

— Проезжайте, — угрюмо сказал зеленый, прикрепляя брошь на куртку, и вместе с соратниками отошел с дороги. — И не возвращайтесь.

Ференцо оглядел зеленых и, по-видимому, удовлетворенный, сунул пистолет в кобуру.

— Поехали. — Он уселся за руль.

— Погодите, — возразил Роджер. — А как же Кэролайн?

— Я сказал, в машину! — яростно прорычал Ференцо.

Тихо выругавшись, Роджер подчинился. Он еще не закрыл дверь, когда Ференцо рванул машину, поднимая фонтаны гравия. Они с ревом промчались мимо безмолвно стоящих зеленых, и Ференцо погнал, насколько позволяла дорога. Роджер сидел мрачный, прокручивая в голове свою отчаянную выходку и то, как он бежал, бросив жену на произвол судьбы.

Уже во второй раз.

* * *

Они были на полдороге к дому, когда Сильвия вдруг расслабилась и откинулась на спинку сиденья.

— Что? — взволнованно спросила Кэролайн.

— Все закончилось. — Сильвия с силой потеряла глаза и повернулась к Кэролайн. — Не волнуйтесь, с ним все в порядке. Воины его отпустили.

Кэролайн шумно вздохнула, чувствуя, как спадает напряжение.

— Спасибо, — прошептала она.

Боковым зрением она увидела, что Сильвия метнула на нее быстрый взгляд. Она замерла, но пожилая женщина просто кивнула.

— Пожалуйста.

Кэролайн хотелось задать еще сотню вопросов, но она понимала, что сейчас явно не время проявлять любопытство.

— Так что, — вместо этого сказала она, стараясь говорить как обычно, — может, вернемся и закончим обед?

Сильвия усмехнулась.

— Надо полагать, официантка уже успела убрать со стола, как, по-вашему?

— Да, наверное, — признала Кэролайн. — Ну, всегда можно поужинать.

— Возможно, — мрачновато сказала Сильвия. — Но в данный момент мне надо о многом переговорить с воинами.

— Конечно.

Расправив оцепеневшие плечи, Кэролайн сосредоточилась на дороге.

Мысленно она спрашивала себя, почему ее одолевает какое-то смутное беспокойство.

* * *

Они проехали три мили по шоссе, примерно половину пути до грунтовой дороги, ведущей к месту, где они оставили Иону и Джордана, когда Роджер, наконец, заговорил:

— Когда выпустим Лорел из багажника?

— Когда скажу, — коротко ответил Ференцо, бросая взгляд в зеркала.

То, что нет погони, уже хорошо. Плохо, что с такими ребятами это мало что значит.

— А что с Ионой и Джорданом? Мы подберем их, когда попросят?

Ференцо искоса взглянул на Роджера. Тот напряженно глядел прямо перед собой. Понятно — сердит и расстроен и корит себя за то, что опять оставил жену.

Но выбора не было, и Роджер должен это понимать. Хотя, разумеется, понять — не значит принять.

— Да, надо им позвонить. Скажите, что будем на той дороге минут через десять.

— Да.

Роджер приложил руку к щеке и начал говорить.

Ференцо еще раз взглянул в зеркала, лихорадочно соображая. Только что произошло нечто странное, он чувал это нутром, но пока не мог понять, что именно.

— Погодите-ка, — прервал Роджер его размышления, показывая рукой на руль. — Иона говорит остановиться.

— Что, здесь? — нахмурился Ференцо, оглядываясь. Вокруг стоял сплошной лес.

— Да здесь в любом дереве может быть засада.

— Остановитесь, — сердито сказал Роджер. — Иона говорит, они перешли в другое место и могут встретиться с нами прямо здесь.

— Ладно, — решил Ференцо.

За развилкой, где дорога была пошире, он свернул на обочину и остановился.

— Скажите, чтобы поторопились, — добавил он, не выключая двигатель.

— Он говорит, чтобы мы поторопились.

Роджер подержал тел у щеки еще немного, дернул мизинцем и опустил руку.

— Вы всегда такой злой после вооруженных столкновений?

— Я не злой, — возразил Ференцо. — Я пытаюсь понять, что там случилось.

— Я скажу, что там случилось, — выпалил Роджер. — Случилось то, что мы сбежали, поджав хвост, и бросили Кэролайн.

— А вы бы предпочли драться?

Ференцо напустил на себя суровый вид, но теперь это не подействовало.

— У вас что, в пистолете нет шести патронов?

— На самом деле их семнадцать, — холодно ответил Ференцо. — Но что толку? Вы никогда не испытывали на себе действие ревуна?

Гнев Роджера немного поутих.

— Нет, — уже не так агрессивно ответил он.

— А я испытал. И когда я говорил, что успею дважды выстрелить, перед тем как меня уложат в грязь, то был более чем оптимистичен. Мы бы проиграли.

— Даже с поддержкой серых?

Ференцо скривился.

— Ага... с поддержкой серых, — проворчал он. — Знаете, зеленые нападали на меня дважды, и оба раза выручали серые. Отсюда возникло сочувствие, и я бы занял их сторону в Нью-Йорке против Сирила, Александра и Николоса. — Он покачал головой. — Но десяти минут назад, после той демонстрации...

Он огляделся.

— Мы сосредоточились — по крайней мере, я сосредоточился — на Меланте с этим землетрясом как на главной угрозе городу. Теперь я совсем в этом не уверен. Одно дело слушать рассказ Ионы о том, что заряд молота-пистолета набирает силу по мере хода. Совсем другое — увидеть, как он срубает дерево.

— И вы хотите понять, откуда реальная угроза?

— Я и так знаю, где реальная угроза, — проворчал Ференцо. — Это вся их проклятая война. Я уже так близко подошел к тому, чтобы всех их засадить — с обеих сторон, — и

думаю, ишу, даже готов выдумать любые доказательства, чтобы задержать их.

— Как только вы это сделаете, то обречете их на вечное рабство, — мрачно предупредил Роджер. — В тюрьме они не пройдут ни одно медицинское обследование. Неужели вы думаете, что федералы не схватят их в ту же минуту, как только узнают, кто они и откуда?

Гнев Ференцо несколько поутих, он вздохнул.

— Конечно, — признал он. — Поэтому я и не собираюсь сообщать о них без крайней необходимости. Особенно учитывая, что они так долго жили в нашем городе, не причиняя никому неприятностей.

Он вдруг нагнулся и дернул рычажок багажника.

— Смотрите в оба. Я хочу выпустить Лорел.

Когда он открыл багажник, она по-прежнему послушно лежала в укрытии.

— Оторвались, — сказал он, сдвигая мешки с тряпьем, и поднял одеяло. — Есть кто-нибудь поблизости?

— Если и есть, то молчат. — Лорел сощурилась на солнце.

— Угу. — Ференцо сурово взглянул на нее. — Так. Не хотите рассказать, чем вы тут занимались?

— Что вы хотите сказать? — осторожно спросила она.

— Не играйте со мной, Лорел, — предупредил Ференцо. — Я совсем не в настроении. Вы ведь не только слушали, так?

Она виновато отвела взгляд.

— Простите, — глухо сказала она. — Я знаю, вы предупреждали меня. Но Меланты не было слышно, и никто не упоминал о ней. И я решила рискнуть. Думала, они даже не заметят мой голос среди прочих. Никак не ожидала, что они так быстро среагируют. Мне очень жаль.

— А уж мне-то как жаль, — съязвил Ференцо.

И все-таки он не мог не испытывать хоть немного сочувствия. Если бы похитили его собственную дочь, возможно, и он не обращал бы внимания на чужие приказы.

Послышался звук открываемой двери, и появился Роджер.

— Они идут. Вы в порядке, Лорел? — спросил он, подавая руку.

— Да.

Она приняла руку и выбралась из багажника.

— Но Меланты не было слышно. — Она виновато взглянула на Ференцо. — Я даже попыталась позвать ее, как раз перед тем, как нас остановили. Но безуспешно.

Роджер мрачно кивнул.

— Что ж... мы же понимали, что надежда невелика.

— Но что-то она все-таки слышала, — сказал Ференцо. Картина происходящего начинала складываться у него в мозгу.

— Что вы хотите сказать? — сдвинул брови Роджер.

— Как только мы приехали, они сразу поняли, кто мы. — Ференцо старался перевести логическую цепочку мыслей в слова. — И также должны были понять, что мы приехали на разведку.

— Согласен. И что?

— А то, что, похоже, они не очень волновались по этому поводу, — продолжал Ференцо. — Иначе схватили бы нас еще в доме. И даже не очень волновались, когда пошла

стрельба из молотов-пистолетов.

— А мне показалось, что они достаточно испугались.

— Испугались, да, но не заволновались, — отметил Ференцо. — В этом и разница. Их похоже, не очень беспокоило даже то, что мы шпионим в пользу серых.

Он перевел взгляд на Лорел.

— Но когда Лорел стала звать Меланту и они вдруг поняли, что с нами зеленый, то тут и заволновались. Я бы сказал, очень заволновались. Возникает вопрос, чем они таким занимаются, чего не должен подслушать зеленый.

Он вопросительно поднял брови.

— Даже не знаю, что сказать, — наморщила лоб Лорел. — Они отслеживали наше передвижение по лесу, переговаривались между собой — так, обычные разговоры, ничего особенного. Еще я слышала дальневещателя, он держал связь с командующим, который находился за пределами обычной зоны слышимости.

— Тетя Сильвия, — пробормотал Роджер. — Интересно, та ли это Сильвия, которую я встретил у Александра?

— Не знаю. — Лорел взглянула на Ференцо. — Но вы правы. Как только я подала голос, они страшно разволновались. Я тут же замолчала, но было поздно.

— Погодите, — нахмурился Роджер. — Вы слышали, что они забеспокоились, но через несколько минут решили нас отпустить. Не означает ли это, что они решили, что Лорел ничего не услышала?

Ференцо задумался.

— Возможно, вы правы, — неохотно согласился он. — Зараза! Возможно, что-то здесь есть.

— Еще как возможно. Потому что такая реакция показывает: есть что-то, что она действительно могла услышать.

— Может быть, — согласился Ференцо. — Какие мысли, Лорел?

— Извините. — Лорел покачала головой. — Ничего не приходит в голову... — Она вдруг остановилась.

Слева послышался шорох раздвигаемых ветвей. Ференцо повернул голову, рука автоматически потянулась за пистолетом.

Но это оказался Джордан. Он быстро летел под углом, спускаясь по невидимой силовой линии.

При виде такой картины Роджер дернулся.

— Все нормально, — успокоил Ференцо.

Он сам вздрогнул, когда Джордан с силой ударился вытянутыми вперед ногами в ствол дерева, куда упиралась силовая линия. Сломанные лодыжки им сейчас совсем ни к чему.

Однако ноги серого просто согнулись, амортизируя удар, как пара витых пружин. Через мгновение он отпустил линию и спрыгнул на землю, как ни в чем не бывало. Спустя еще мгновение вслед за братом ударился ногами в ту же точку и спрыгнул на землю Иона. Обернувшись, он дважды взмахнул рукой, будто регулировщик движения, и замер с раскрытой ладонью.

Ференцо взглянул в направлении, откуда появились серые. Через секунду он увидел крошечный проектор, летящий, как миниатюрный воздушный змей. Маленький «скат» шел высоко над землей и ветвями деревьев. Он стремительно неся к Ионе, казалось, угрожая раздробить хозяину все пальцы.

Но Иона хорошо знал свое дело. В последнее мгновение он развернулся на сто восемьдесят градусов и пропустил проектор мимо себя, частично погасив его ударную силу возвратной нитью. Проектор совершил разворот и вернулся уже на вполне приемлемой скорости.

— Все целы? — спросил серый, подбегая вместе с Джорданом к машине.

— С вашей помощью. — Роджер покачал головой. — Веловски говорил о силовых линиях, но в реальности это куда более впечатляющее зрелище.

— Да, — рассеянно ответил Иона, глядя на Лорел. — Лорел?

— Я не нашла Меланту, — устало сказала та. — Извините.

— Тогда где же она? — взволнованно обратился Джордан к Ференцо.

— Не знаю. Но здесь нам больше делать нечего. Все в машину!

— Возвращаемся в город? — спросил Роджер, когда все уселись.

— Пока нет. — Ференцо нащупывал нить размышлений, которую так грубо оборвали воины. — Нестор сказал, что Сильвия отправилась за покупками. Лорел только что подтвердила это, когда сказала, что командующий был только в зоне действия дальневещателя. Стало быть, что самое простое, что они могли сделать с Кэролайн?

— Сильвия взяла ее с собой? — предположил Джордан.

— Именно. Может быть, Кэролайн даже разрешили что-то купить самой.

Ференцо взглянул на Роджера, тот недоуменно уставился на него.

— И если она сообразительна, — добавил он, — то могла даже использовать кредитную карту.

Роджер широко раскрыл глаза, до него, наконец, дошло.

— Конечно! — Он поспешно вытащил телефон и бумажник. — Как это делается?

— Позвоните в компанию — номер на обороте вашей карты, — объяснил Ференцо, бросив взгляд на зеркала, и вывернул на шоссе. — Скажите, что жена, кажется, потеряла карту, и спросите, где она последний раз ее использовала.

Они успели доехать до Шандакена и пересечения с Двадцать восьмой дорогой, когда Роджер, наконец, выключил телефон.

— Есть, — объявил он. — Кафе «Минутка» в Бушнеллсвилле.

— Кафе? — недоверчиво переспросил Джордан. — За обед, что ли, платила?

— Я же говорю, сообщает.

Ференцо свернул налево на парковку перед овощным магазином и, развернувшись, поехал обратно к Сорок второй.

— Давайте-ка посмотрим, что она там могла придумать.

— Добрый день, господа, — приветливо сказала официантка. — Обед на двоих?

— Нет, спасибо. — Роджер вытащил из кармана рубашки фотографию Кэролайн. — Мы разыскиваем эту женщину.

В глазах официантки появилось беспокойство.

— А-а, — наигранно безразлично сказала она. — А кто ее ищет?

— Муж. — Ференцо кивнул на Роджера. — И полиция Нью-Йорка, — добавил он, положив рядом с фотографией полицейский значок. — Она сегодня заходила?

Глаза женщины перебегали со значка на фотографию.

— Да, — не очень охотно сказала она. — Вместе с матерью.

Роджер нахмурился. «С матерью?»

— Где они сидели? — спросил Ференцо.

— Вон там. — Официантка показала на самые дальние диванчики. — Только пришли и сразу убежали. Почти к еде не притронулись.

— Найдите мне, пожалуйста, ее счет, — сказал он, направляясь к диванчикам. — Ее зовут Кэролайн Уиттиер. Пойдем, Роджер, посмотрим.

— А что именно надо искать? — спросил Роджер, когда они уселись друг напротив друга.

— Что-то, что могла оставить Кэролайн. — Ференцо взял подставку для салфеток и перебрал листочки. — Скажем, записку в меню или на полу.

— Но она даже знать не могла, что мы окажемся здесь, — возразил Роджер, заглядывая под стол.

— Да, но могла дать ваш адрес в надежде, что кто-то найдет записку, — заметил Ференцо, просматривая пачку меню.

— Ничего не вижу. — Роджер старательно пошарил пальцами между сиденьем и спинкой диванчика. — Может быть, Сильвия ее застучала.

Ференцо хмыкнул.

— Будем надеяться, что нет.

Подошла официантка.

— Вот ее счет. — Она вручила Ференцо бумажку.

— Спасибо.

Он пробежал глазами счет, и, к удивлению Роджера, уголок его рта изогнулся в улыбке.

— Так-так. — Он протянул листок Роджеру. — Вы явно недооцениваете умственные способности вашей жены.

Роджер внимательно взгляделся в счет. Число, время, сумма, подпись Кэролайн... и прямо под ней крошечными буквами нацарапано «стол».

— «Стол»? Что это значит?

— Полагаю, это то, что называют подсказкой. — Ференцо нагнулся и заглянул под стол. — Вспомните, она не задерживалась у какого-нибудь стола, когда выходила?

— Не знаю, — сказала официантка. — Я и не смотрела, я счет заполняла.

— Но вы же сказали, что она торопилась.

Ференцо слез с диванчика и направился к двери.

— Да, — явно недоумевая, сказала женщина.

— Думаете, она что-то положила на стол по дороге к выходу? — Роджер поспешил следом.

— Да я уж все там убрала! — крикнула вслед официантка.

— Ничего.

Ференцо остановился у последнего стола и присел на корточки.

— Не на столе, — добавил он. — А под столом.

Он протянул руку и достал свернутую серебристую обертку от жвачки с приклеенным к ней шариком резинки.

— Точно, она доставала жвачку, пока я считывала ее карточку. — Официантка ткнула пальцем в обертку.

— Спасибо.

Ференцо опустил на стул и жестом пригласил Роджера присоединиться. С минуту он разглядывал резинку вместе с оберткой. Затем осторожно отковырнул резинку и развернул бумажку.

Роджер увидел, как посерьезнело лицо полицейского.

— Что такое? — взволнованно спросил Роджер. — С ней все в порядке?

Ференцо молча передал ему обертку. Роджер перевернул ее и прочел крошечную записку.

«Роджер, Дамиан землетряс, готов ехать в Н.-Й. — время неизвестно. Меланта не здесь. Ком. груп. Сильвия главная. Не приводи серых. Люблю тебя, К.»

Он поднял глаза, холодея.

— Значит, они ошибались. Дамиан действительно жив.

— Похоже на то, — мрачно сказал Ференцо.

Он поднял глаза на официантку, та поняла намек и удалилась.

— Это также объясняет, что произошло на участке серых. Командир группы Сильвия боялась, что Дамиан мог себя выдать или что кто-нибудь упомянул его имя. Как только она поняла, что это не так, причин задерживать нас больше не было.

Роджер перечитал записку.

— Не знаю, — медленно произнес он. — Я все-таки не уверен.

Он обернулся к официантке, суетившейся за стойкой:

— Простите, вы сказали, что молодая женщина была с матерью. Вы можете описать ту даму?

— Ну, пожилая, — ответила та. — Седые волосы, очень темные, почти черные глаза. Кожа тоже смуглая — как у итальянки или гречанки. Они не очень-то похожи — я подумала, что она мачеха или свекровь.

— У нее не было украшений?

— На жакете у нее была очень красивая булавка. — Официантка показала себе на левое плечо. — Серебряная филигрань с большим зеленым камнем посередине. Больше я ничего не заметила.

— Спасибо. — Роджер повернулся к Ференцо. — Очень Похоже на мою Сильвию. А та Сильвия категорически настаивала, чтобы Меланта вернулась.

— Могла и лгать, — предположил Ференцо. — Если они стараются скрыть существование Дамиана, то им надо притворяться, что ищут Меланту.

— Или она лжет Кэролайн, — возразил Роджер. — Вы подумайте — много вам приходилось встречать похитителей, которые водят своих жертв по ресторанам?

— И притом позволяют платить за обед картой, которую легко отследить? — Ференцо пожал плечами. — Но мы не можем действовать наудачу.

— Я и не предлагаю. Просто думаю, как точно выяснить все обстоятельства, чтобы серые при этом не попали в засаду.

— В любом случае, здесь мы ничего не выясним. Поехали в город.

Воин толкнул дверь, и Кэролайн вошла в библиотеку.

— Вы хотели меня видеть?

— Да. — Сильвия подняла глаза от бумаг на столе и указала на стул. — Я хотела извиниться за сегодняшнее утро и кое-что объяснить.

— Спасибо, — ровным голосом сказала Кэролайн. Похоже на жест вежливости. Было бы еще вежливее, если бы сразу по возвращении Сильвия не отправила ее в комнату, где она два часа терзалась страхом и неизвестностью, думая, что могло случиться с ее мужем.

— Ценю вашу заботу, — добавила она, усаживаясь.

— Сердитесь. — Сильвия окинула ее взглядом. — Я вас не виню. — Она откинулась на спинку стула. — Случилось вот что. Ваш муж и следователь Ференцо явились сюда без предупреждения вскоре после того, как мы приехали в кафе.

— Без предупреждения, но не неожиданно? — предположила Кэролайн.

Сильвия чуть пожала плечами.

— Мы следим за окрестностями. Естественно, я не могла им позволить найти вас здесь.

— Естественно. Что вы с ними сделали?

Сильвия вздернула брови.

— Ничего. Несколько моих воинов проявили самостоятельность, когда они ехали обратно через лес по другой дороге, но я разобралась, и их отпустили.

— Вы этим занимались в ресторане и машине, когда общались с воинами? Сразу после того, как назвали Роджера и Ференцо идиотами?

— Идиотами? — нахмурилась Сильвия, но лицо ее тут же прояснилось. — А! Нет, вы не так поняли. Я не их назвала идиотами. Я говорила о воинах и их самодеятельности.

— А-а.

У Кэролайн пересохло во рту. Потому, что в тот момент ей так не казалось. Наоборот, было четкое ощущение, что Сильвия как раз говорит о Роджере. Но зачем ей лгать?

— Спасибо, что сообщили, — продолжала она. — Вы говорили, что с Роджером все в порядке?

Сильвия кивнула.

— И я говорила — и только что повторила, — что им не причинили вреда. Полагаю, что сейчас они уже приближаются к городу.

— Хорошо, — кивнула Кэролайн. — И что теперь будет?

— Вы имеете в виду с ними?

— Я имею в виду со всеми.

Сильвия поджала губы.

— Серые дали нам срок до среды, чтобы вернуть Меланту, в противном случае они атакуют. И поскольку у нас нет Меланты, нет возможности удовлетворить это требование. Остается один выход — сделать такое нападение невозможным.

У Кэролайн остановилось сердце.

— Иными словами, вы собираетесь нанести упреждающий удар.

— Мне очень жаль, — глухо сказала Сильвия. — Я понимаю, что значит для вас город, и я даю слово, что мы постараемся ограничить район боев территорией серых. Но сделать это придется.

— Но ведь так не должно быть, — запинаясь, проговорила Кэролайн. — Можно же как-то это остановить. Должен быть выход.

— Мне очень жаль, — повторила Сильвия; даже в таком состоянии Кэролайн чувствовала, что та говорит искренне. — Но серые наступают, а сообщество зеленых раздроблено в отсутствие вождей, у нас просто нет другого выхода.

— Мне тоже жаль, — сказала Кэролайн. — Что вы... я хочу сказать, как вы?..

— Как мы это сделаем? — Сильвия взяла в руки один из листков со стола. — Вот план нашей атаки, запланированной на завтрашнюю ночь. Поздно, когда большинство землян спит и на улицах никого, мы соберем всех воинов и вместе с Дамианом под их защитой начнем продвигаться с севера Манхэттена на юг. Попробуем выкурить серых только с помощью ревуна; их удастся сбить с домов, если они где-то ниже пятнадцатого этажа. — Сильвия поморщилась. — Но если они окажутся выше, не останется другого выхода, кроме как снести эти дома с помощью Дамиана.

— Даже жилые?

— Мы считаем идею живых щитов отвратительной, — угрюмо сказала Сильвия. — Надеюсь, что серые окажутся достаточно благородными, чтобы не прятаться за спящими землянами. Но если окажется так... — Она покачала головой. — Остается только надеяться, что нет.

На минуту в комнате воцарилась тишина. Кэролайн смотрела на освещенный солнцем лес. Она всегда любила деревья и в юности часами гуляла в лесу.

Теперь ей там мерещилась смерть.

— Я еще хотела спросить, — сказала Сильвия, — не хотите ли продолжить нашу партию в шахматы?

— Партию в шахматы? — недоверчиво переспросила Кэролайн.

Сильвия выпятила подбородок.

— Полагаю, нет. Что ж, тогда можете идти. Ужин в шесть.

— Те сухие пайки для воинов?

— Боюсь, это все, что у нас есть. Если только не хотите, чтобы я послала кого-то в город. Если вы отказываетесь сесть со мной за шахматную доску, сомневаюсь, что сядете и за обеденный стол.

— Я бы как раз хотела, — нерешительно произнесла Кэролайн. — Честно говоря, не ради вашей компании, но мне бы хотелось съездить в ресторан.

— Надеетесь бежать? — подняла брови Сильвия.

Кэролайн покачала головой.

— Я уже обещала, что не стану. — Она помолчала, подбирая слова. — В две тысячи первом году, десятого сентября мы с Роджером отправились пообедать с друзьями. Это был чудесный вечер: приятный разговор, прекрасная еда, все так тихо, весело, спокойно.

— А на следующее утро мир рухнул, — понимающе кивнула Сильвия.

— И с тех пор навсегда изменился. Но я до сих пор вспоминаю тот вечер.

Она снова взглянула в окно.

— Теперь мир снова может рухнуть, — тихо сказала она. — И я хочу, чтобы осталось что-нибудь, о чем можно будет вспоминать. Даже если это забегаловка в небольшом городке, где одни незнакомцы.

Сильвия помолчала немного.

— Полагаю, ничего страшного не случится, — сказала она, наконец. — Ваш муж уже

скоро придет домой, и, думаю, вряд ли кто-то еще сможет вас узнать.

Она предупреждающе подняла палец.

— Но если мы все-таки поедem, придется подождать до захода солнца. Полицейский перед отъездом мог что-нибудь подстроить, и я хочу воспользоваться темнотой, чтобы разрушить его планы. Выдержит ваш желудок, скажем, до восьми?

В желудке у Кэролайн уже было пусто. Но она только кивнула.

— Да.

— Тогда увидимся в семь тридцать. И, если передумаете насчет шахмат, дайте знать.

* * *

— Шахматы, — с сомнением произнес Ференцо.

— А почему нет? — настаивал Роджер.

Он вел машину по шоссе, крепко сжимая руль.

— Вы же видели в библиотеке доску с фигурами. Кэролайн часто использует этот дебют.

— А кроме нее, половина шахматистов на Восточном побережье, — заметил Ференцо. — Извините, но этого совсем недостаточно для ордера на обыск.

— Тогда ну его, этот обыск, давайте сразу нападem, — решительно сказал Иона с заднего сиденья.

— И не думайте, если речь идет о нью-йоркской полиции, — предупредил Ференцо. — Мы не можем и не станем так действовать.

— Я, скорее, думаю о полиции серых, — возразил Иона. — Кэролайн не стала бы писать о Дамиане, если бы сама его не видела или если Сильвия специально не упомянула о нем. Торвальда уже не понадобится убеждать. Готов спорить, что даже Хафдан согласится.

Роджер взглянул в зеркало. Сидя между двумя серыми, Лорел бесстрастно смотрела в спинку сиденья.

— Вы так выразительно молчите, Лорел.

— А что я, по-вашему, должна говорить? — твердым голосом спросила Лорел. — Неужели я соглашусь, чтобы напали на мой народ? Может, даже уничтожили?

— Мы не собираемcя уничтожать вас, — серьезно сказал Джордан.

— Это будет точный прицельный удар, — подтвердил Иона. — Устраним Дамиана, и все.

— Вы-то, может быть, так и хотите, — заметила Лорел. — Но пошлют не вас. Вы уверены, что Торвальд или даже Хафдан остановятся, когда Дамиана убьют?

Роджер поерзал на сиденье.

— Действительно, как-то странно. Мы изо всех сил стараемcя спасти Меланту от смерти и тут же говорим о точечном ударе по Дамиану.

— Это совершенно другое дело, — твердо заявил Иона. — Меланта не хочет никому причинять вреда, ни серым, ни землянам. А Дамиан, скорее всего, будет с удовольствием убивать и тех и других. В хрониках серых, которые я читал, говорится, что он безумен, по крайней мере, частично.

— На самом деле и наши сказители говорят то же, — с неохотой подтвердила Лорел. — Во время войны был случай, когда он намеренно выбрал целью пещеру, в которой

скрывались дети и раненые серые, хотя точно знал, что военных объектов поблизости нет.

Роджер скривился.

— Вот оно как.

— Я даже согласна с Ионой, что его надо устранить, — продолжала Лорел. — Я только боюсь, Торвальд воспользуется этой возможностью, чтобы разделаться с нами раз и навсегда.

— Расскажите о тех других, с которыми вы жили раньше, — вдруг сказал Ференцо.

Роджер хмуро взглянул на него.

— Сейчас-то нам это зачем?

— Любопытства ради. Вы говорили, что они очень похожи на людей. Что у них была за культура?

— Те, с которыми мы жили рядом, вели в основном деревенскую жизнь.

Неожиданная перемена темы, похоже, смутила ее так же, как и Роджера.

— Занимались земледелием, пасли скот.

— Города? Техника? — спросил Ференцо.

— Почти нет. Кажется, у них были города, но не рядом с нами. Там, где мы жили, в основном были фермы, пастбища и небольшие деревни.

— А ты что скажешь, Иона? — обернулся назад Ференцо. — Ваши другие похожи?

— Что пахали и пасли, это точно. Те, что жили у океана, еще ловили рыбу.

— А как насчет грабежей? Они не нападали на соседние участки побережья?

— Наверное, нападали, — подумав, подтвердил Иона. — Там были буйные племена, они немало сражались и между собой, и с соседями. У них были такие длинные морские корабли — конечно, наверняка они занимались и грабежами.

— Будь я проклят! — очень тихо произнес Ференцо.

— Да что такое? — Роджер бросил на него быстрый взгляд.

— Зеленые и серые. Они не прибыли с неизвестной планеты за десять световых лет отсюда. Они отсюда, с Земли.

— О чем вы говорите? — испуганно спросила Лорел. — У нас там были сплошные леса, первобытная жизнь, совсем не то, что здесь.

— Я говорю о легендах наших предков. Особенно о мифах Древней Греции.

— О чем? — спросил Роджер.

— О греческой мифологии, — язвительно сказал Ференцо. — Бросьте, Уиттиер, не так уж давно вы учились в университете. Не могли вы все позабыть.

— Да помню прекрасно. Но какое отношение имеют мифы к...

И тут до него дошло.

— Вы что же, говорите о... лесных нимфах?

— Именно, — подтвердил Ференцо. — У меня дочка в прошлом году мифологию проходила; с тех пор как Иона рассказал об их истории, мне это покоя не дает. Думаю, что зеленые — это реальная основа мифа о дриадах.

— Да вы с ума сошли, — запротестовал Роджер. — Веловски же говорил, что они на самом деле откуда-то прибыли.

— Конечно, — согласился Ференцо. — Но наши миры не разделены пространством. Они разделены временем. Думаю, они совершили прыжок в будущее на четыре или пять тысяч лет. При такой огромной разнице это все равно, что оказаться на другой планете.

— Греческие оракулы, — пробормотала Лорел. — Это могли быть провидцы или

дальновидцы.

— Точно подходит, так ведь? — согласился Ференцо. — Ваши войны тоже могли породить легенды вроде тех, что о Геракле или Одиссее.

— А что мы? — спросил Джордан.

— А что вы? — задумался Ференцо. — В каком направлении вы шли, когда уперлись в Большую долину?

— Вроде на юг. — Джордан вопросительно поглядел мимо Лорел на брата.

— Да, на юг, — подтвердил Иона. — И шли долго, пока не встретили зеленых.

— Вот и ответ, — сказал Ференцо. — Зеленые стали частью греческих мифов, а вы, серые, — северных.

— Северных? — повторил Роджер, пытаясь вспомнить забытые подробности университетского курса мифологии. — То есть Один, Асгард и ледяные гиганты?

— А еще карлики, кузнецы богов, которые делали для них чудесные орудия. Включая шедевр, оружие бога грома.

У Роджера перехватило дыхание.

— Господи! Молот Тора?

— Молот с необычно короткой рукояткой, — сказал Ференцо. — Молот, который после броска возвращался к нему в руку. Молот, которым можно сбить вершину горы. Скажите, когда услышите что-то знакомое.

— Вот это да, — пробормотал Иона.

— Но мы же не бросаем молот-пистолет, — возразил Джордан;

— Но говорите «выбрасываем», когда достаете его из браслета, — заметил Ференцо. — Кроме того, первобытный северянин, наблюдавший это со стороны, мог допустить вполне простительную ошибку. Ты целишься, скала на расстоянии ста ярдов рассыпается в пыль, а когда наблюдатель открывает глаза, эта штука снова у тебя в руке. К какому еще выводу он должен прийти?

— Погодите, не так быстро, — сказал Роджер. — Вы полагаете, что один из серых стал прототипом Тора?

— Либо так, либо один из северных воинов раздобыл себе молот-пистолет. Он мог изрядно прославиться до того, как, в конце концов, закончил карьеру. — Он выдохнул сквозь зубы. — Тогда все еще больше запутывается.

— И что, вы думаете отправить их всех обратно? — съязвил Роджер.

— На самом деле как раз об этом я и думал, — прямо ответил Ференцо. — Как крайний вариант, если провалится все остальное: посадить всех на корабли и выбросить на фиг с Земли. Но теперь такой вариант сомнителен.

— Такой вариант сомнителен в любом случае, — сказала Лорел. — В первый раз, чтобы улететь, потребовались все дальновидцы и землетрясы.

— Все, кроме Дамиана, — зловеще возразил Иона.

Лорел вздохнула.

— Видимо, да.

В машине воцарилась тишина. Роджер взглянул на Ференцо: тот напряженно смотрел перед собой.

— Так что будем делать?

Ференцо тряхнул головой.

— Что-нибудь придумаем.

— Значит, так. — Смит пробежал глазами распечатку. — Статистика показывает только один вызов с мобильного телефона Ференцо с момента похищения — короткий звонок на квартиру Уиттиеров. Спустя примерно два часа был звонок с мобильного Уиттиера на мобильный Ференцо. И с тех пор оба телефона молчат.

Пауэлл хмыкнул. За последние сорок шесть часов он набирал номер Ференцо уже раз сто. Если бы он мог слышать голос того, кто пользуется сейчас телефоном его пропавшего напарника!

— Есть что-нибудь по машине Уиттиеров?

Смит покачал головой.

— Мы проверили все парковки вокруг их квартиры. Я объявил машину в розыск, но после того тройного угона прошлой ночью список у постов больше, чем обычно.

— А ты объяснил, что эта машина связана с пропавшим полицейским?

— Так ведь... тогда это еще было непонятно, — стушевался Смит.

Пауэлл сердито уставился на него.

— Но теперь-то понятно?

У Смита дрогнули губы.

— Так точно.

— Так уточните ориентировку.

— Слушаюсь.

Смит повернулся, чтобы идти.

— Погоди.

Пауэллу стало немного стыдно. В конце концов, Смит старался изо всех сил.

— Слушай, извини — я не хотел устраивать тебе разнос.

— Ничего. Думаете, Уиттиеры как-то связаны со всем этим делом?

— Да не знаю, что и думать, — признался Пауэлл. — Либо они никак не замешаны, либо это самая странная пара ученых идиотов, которую я встречал. Нельзя быть такими хитрыми, чтобы убедить Ференцо, будто они случайные свидетели. И при этом такими глупыми, чтобы Ференцо похитить, а потом разгуливать с его мобильником и звонить по нему.

— Пожалуй. У отдела по борьбе с уличными бандами есть что-нибудь на этих зеленых и серых?

— Никогда о таких не слышали. Думают, что это какие-то новички в городе.

— А до срока, который установил Сирил, осталось всего два дня, — пробормотал Смит. — Если это только не пустая угроза.

— Да.

Пауэлл потянулся за своим мобильником.

— Продолжай следить за телефонами, — приказал он. — И проверь еще раз, не пользовался ли кто-нибудь кредитками Томми. А я еще раз потрясу отдел по борьбе с уличными бандами.

Он скорчил гримасу.

— А потом, думаю, надо предупредить дежурного офицера спецназа. На всякий пожарный случай.

Роджер выключил телефон.

— Явно не обрадовался, что надо куда-то тащиться так поздно, — сообщил он, — но сказал, что сейчас будет.

— Что значит «поздно»? — возмутился Иона. — Еще и половины восьмого нет.

— У меня такое впечатление, что день Веловски заканчивается, когда зажигаются фонари, — ответил Роджер. — То, что он готов прийти в такое время, показывает, как много значит для него Меланта.

— Вы хотите сказать, как много для него значат зеленые, — мрачно сказал Рон. — Я все еще не уверен, что нам нужно остаться, когда он придет. Веловски не очень-то высокого мнения о серых.

— Тогда ему пора расширить кругозор, — решительно сказал Зенас.

Роджер поджал губы. Он и сам сомневался, стоит ли сразу посвящать Веловски во все. Но Зенас предложил, Ференцо и Лорел поддержали, и теперь уже деваться было некуда.

— Он живет неподалеку отсюда, так что будет через несколько минут.

— Надо надеяться, что он не приведет с собой толпу зеленых воинов, — проворчал Иона. — Я думаю, может, мне сходить ненадолго на крышу и посмотреть, как там чего.

— Хафдан все еще тебя ищет, — предупредила Стефани.

— Я осторожно. — Иона вопросительно взглянул на Ференцо.

— Не думаю, что это необходимо, — сказал тот. — Хотя и вреда не будет. Если хочешь, иди.

Иона кивнул, поднялся и направился к двери.

— Будь начеку, Роджер, — добавил он, открывая дверь, выглянул наружу и вышел.

— Гостиница «Мариотт» чрезвычайно красивая, — заметил Роджер.

— И чрезвычайно дорогая, — сухо парировал Рон. — В отличие от наших предков мы не разрабатываем залежи драгоценных камней.

— У меня вопрос, — сказал Ференцо. — Я знаю, что зеленых по прибытии на Манхэттен возглавлял Элимас. А кто именно был главным у серых?

— Отец Торвальда и Хафдана, — ответил Рон. — Он...

— Их отец? — перебил Роджер. — Так они братья, что ли?

— Да, — нахмурился Рон. — Разве вы не знали?

— Да откуда мне знать? — огорошено спросил Роджер. — Я думал, они борются за власть над серыми.

— У серых нет никакой власти, — пробормотал Зенас.

— И да пребудет наша свобода вовеки! — торжественно провозгласил Рон. — В общем, их отец Ульрих возглавлял самый влиятельный клан в Большой долине. Он и организовал нашу группу беженцев.

— У нас, конечно, нет таких строгих социальных связей, как у зеленых, — сказала Стефани. — Но Ульрих, пожалуй, больше всех подходил на роль вождя, к которому бы прислушивались. Когда мы прибыли, так и было.

— Он, конечно, проделал огромную работу, помогая нам приспособиться к новому миру, — добавил Рон. — Провёл через таможню, подыскивал жилье и работу, заставлял как можно быстрее учить английский язык, чтобы вписаться в общество землян и не замыкаться

в своем узком этническом кружке.

— Что с ним случилось? — спросил Ференцо.

— То же, что случится и со всеми нами, — почти мечтательно произнес Рон. — Он умер — умер через несколько лет после прибытия сюда.

— Конечно, он уже был очень стар, — добавила Стефани. — Я слышала, многие удивлялись, что он так долго протянул.

— После этого мы стали жить каждый сам по себе, — сказал Рон. — Никто не обращался ни к каким авторитетам, за исключением случаев, когда кто-то явно вел себя ненормально, и надо было разобраться. — Он обернулся к Зенасу и Лорел. — И только когда разразился этот кризис с зелеными, понадобилось как-то организоваться, вот тогда Торвальд и Хафдан и заявили права на власть.

Роджер почувствовал легкую вибрацию в левой руке и поднес ее к щеке.

— Да?

— Веловски входит в гостиницу, — раздался голос Ионы. — Зеленых не видно ни с ним, ни в кустах. Я возвращаюсь.

— Понял. — Роджер опустил руку. — Веловски идет.

— Хорошо, — сказал Ференцо. — Значит, когда вы говорите «серые», то имеете в виду аморфную массу индивидов.

— Да, у нас, в общем, так, — согласился Рон.

— На самом деле это одна из причин, почему мы так боимся этой войны, — сказала Лорел. — Поскольку нет единого центра управления, никогда не знаешь, чего ожидать.

— И поскольку нет центрального управления, непонятно, как обезглавить вражескую армию, — сказал Зенас.

— Зенас! — предупредила Лорел.

Зенас взглянул на Рона и Стефани.

— Извините. — Он немного смутился. — Я неудачно выразился.

— Ничего, — заверила Стефани. — Мы знаем, что вы не считаете нас за врагов, так же как и мы вас.

— Во всяком случае, пока, — мрачно возразил Зенас. — Но что вы будете делать, если война, в самом деле, начнется? Сможете вы стоять в стороне, когда будут гибнуть ваши друзья и родственники?

— А мы? — добавила Лорел. — Мы с Зенасом не воины, но нас точно призовут на вспомогательную службу. Что вам тогда делать?

Раздался стук в дверь.

— Давайте попытаемся сделать такой вариант невозможным, — сказал Ференцо, поднимаясь.

Он подошел к двери и открыл ее:

— Входите, господин Веловски.

Увидев перед собой незнакомца, Веловски напрягся.

— Мы знакомы?

— Это мой друг. — Роджер выступил вперед. — Входите, пожалуйста.

Все еще хмурясь, Веловски шагнул в комнату.

— Я полагал, что у нас будет частный... Он остановился и чуть не подпрыгнул, увидев Рона и Стефани.

— Какого?..

— Все в порядке, — поспешил заверить его Роджер. — Это тоже друзья.

— Чьи друзья? — резко возразил Веловски и рванулся назад.

Поздно: Ференцо уже закрыл дверь и встал перед ней.

— Наши друзья, — сказала Лорел.

Только тут Веловски заметил зеленых и снова вздрогнул. Он перевел взгляд на серых, опять на зеленых, затем снова на Роджера.

— Какого дьявола здесь происходит?

— Присаживайтесь, господин Веловски. — Ференцо поставил свой стул в круг других стульев и усадил Веловски. — Мне кажется, вам надо послушать эту историю.

Они по очереди начали пересказывать события последних дней; Веловски сидел молча, скрестив руки на груди, по очереди оглядывая Рона, Стефани и Джордана. В середине разговора к ним тихо присоединился Иона и тоже удостоился горящего взгляда.

Повествование окончилось, воцарилось томительное молчание. Наконец Веловски вскипел:

— И вы рассчитываете, что я в это поверю?

— Зачем нам лгать? — спросил Роджер.

— Зачем серым лгать? — выразительно переспросил Веловски. — Зачем врагам зеленых лгать?

— О нас не забудьте, — напомнила Лорел. — Вы думаете, мы предали бы свой народ?

Веловски метнул на нее взгляд, затем с неохотой отвел глаза.

— Не знаю, — пробормотал он. — Возможно, я не знаю зеленых так хорошо, как думал.

— Послушайте, все присутствующие в этой комнате хотят одного, — сказал Роджер. — Мы все хотим найти Меланту.

— Только по разным причинам, — возразил Веловски. — Мы-то хотим спасти ей жизнь.

— Мы тоже, — сказала Стефани.

— Это вы так говорите. — Веловски перевел взгляд на Ференцо. — Вот зачем она вам, я даже предположить не могу. Арестовать ее, что ли, хотите?

— Если понадобится, почему нет? — холодно возразил Ференцо. — Моя работа — защищать город и стоять на страже закона. — Он поднял брови. — На вашем месте я бы тоже об этом подумал.

— Ну, я-то точно не знаю, где она, — сказал Веловски.

— Мы не просим играть вас роль медиума, — нетерпеливо заметил Роджер.

Неужели Веловски настолько слеп, что не в состоянии взглянуть на ситуацию с другой стороны? Неужели не понимает, через что прошла Меланта и ее семья?

Неужели не может хоть немного посочувствовать несчастным?

Мысль ударила, как пощечина, и лицо залила краска. Именно такое сочувствие совсем недавно так раздражало его в Кэролайн.

Он вдруг подумал: не то же ли самое думала о нем Кэролайн? О нем, о холодном, бесчувственном и бессердечном человеке?

— Так чего же вы от меня хотите? — рассерженно спросил Веловски.

— Кое-какой информации, — сказал Роджер. Сейчас не время для самобичевания.

— Вы рассказывали нам с Кэролайн, что несколько раз были на борту корабля зеленых. Зенас говорит, что видел какую-то дверь в конце машинного отделения. Нам надо знать, видели ли вы когда-нибудь, чтобы кто-то входил в эту дверь или, еще лучше, что за ней

находится.

Веловски уставился в угол комнаты, обдумывая вопрос, и немного успокоился.

— Не знаю, — наконец изрек он. — Помню, там были три большие пассажирские каюты, к каждой примыкала одна или две кладовые, силовой отсек, шлюз, капитанский мостик и машинное отделение. Но я не припомню никакой... Погодите.

Его лицо напряглось.

— Да, я вспомнил эту дверь, — медленно произнес он. — Я даже кого-то спрашивал. Она сказала... сказала, что это запасной склад. Но даже когда вещи переносили из отсека в отсек, ни разу не видел, чтобы туда кто-нибудь входил.

— Вы говорите, что о складе сказала «она», — сказал Ференцо. — Не помните, случайно, ее имени?

Веловски прикрыл глаза, вытянув губы.

— Сильвия, — наконец сказал он. — Ее звали Сильвия.

Похолодев, Роджер взглянул на Ференцо.

— Так же, как командира группы?

— Похоже на то, — мрачно согласился полицейский. — И если так, думаю, можно предположить, что, кто бы или что бы ни находилось за той дверью, это имело военное назначение.

— Ну и что? — яростно возразил Веловски. — Вы бы хотели, чтобы они явились сюда слабыми и беззащитными?

— В настоящий момент я бы хотел, чтобы они вообще здесь не появлялись. Но теперь поздно сокрушаться. Вопрос в другом — не Дамиан ли прятался там?

— У меня еще вопрос, — неожиданно сказал Рон. — Зенас, Лорел, что произойдет, если два землетряса будут действовать в одном месте?

Зенас хмыкнул.

— Видимо, вдвое больше разрушений.

— Я хотел сказать, не действовать вместе. Что, если один будет против другого?

— Что будет?.. — Зенас вдруг остановился, задумавшись. — Интересный вопрос.

— Они ведь испускают звуковые волны, верно? — спросил Джордан. — Я думал, что звуковые волны проходят друг через друга.

— На самом деле это зависит от нескольких факторов, — поправил брата Иона. — Форма волны, направление...

Он быстро взглянул на Рона.

— И главное, совпадают ли по фазе.

— Возможно, поэтому Сильвия так старается заполучить Меланту, — подавленно сказала Лорел. — Как раз, может быть, поэтому Николос и Сирил так хотели ее убить. Боялись, что она может отказаться сотрудничать или даже выступить против Дамиана.

— Мысль любопытная, но всего лишь теория, — предупредил Ференцо. — Тем не менее, если это так, тем больше у нас причин найти ее. — Он протянул руку Веловски. — Спасибо, что уделили нам время, господин Веловски. Если вас хоть немного волнует судьба Меланты, не говорите никому о нашей встрече.

— Конечно, меня волнует судьба Меланты, — прорычал Веловски, не обращая внимания на протянутую руку, и встал. — Меня волнует судьба всех зеленых, и, если я только увижу, что ваш заговор может повредить им, я тут же отправлюсь к Александру.

Он сердито взглянул на Зенаса и Лорел.

— К счастью для вас, — добавил он, — пока не вижу.

— Ценим ваше терпение, — сказал Роджер, стараясь подавить раздражение.

— Зенас, а как именно выглядит ваш корабль? — вдруг спросила Стефани. — Я подумала, что если бы мы знали форму и планировку, то можно вычислить размеры дополнительного помещения.

— Хорошая мысль; — Зенас развел руками. — Он... так, посмотрим. Примерно такой.

— Роджер, посмотрите, нет ли там бумаги. — Ференцо показал на стол позади.

Роджер начал было шарить в столе, и вдруг его осенило.

— А как насчет трехмерной модели? — Он порылся в кармане и вытащил трасск Меланты. — Ведь вы все умеете обращаться с этими штуками, да?

— Отлично. — Зенас натянуто улыбнулся. — Дайте мне.

— Веловски, передайте, пожалуйста.

Роджер переложил брошь в левую руку, чтобы передать старику...

И дернулся от испуга — из руки раздался резкий хриплый звук.

— Это еще что? — спросил Веловски, который, в свою очередь, вздрогнул, когда Роджер инстинктивно выронил трасск.

— Понятия не имею.

Роджер удивленно глядел на брошь, лежащую на полу. В ушах звенело.

— До сих пор такого не было.

— Поднимите снова. — Ференцо обошел Веловски и встал рядом.

Роджер осторожно, только кончиками пальцев, поднял брошь. Ничего не случилось. Он перевернул ладонь лодочкой и разжал пальцы, брошь скатилась на ладонь...

Раздался писк еще громче первого, Роджер снова дернулся, но на этот раз не успел уронить трасск, так как Ференцо выхватил его.

— Иона? — кивнул ему полицейский и, взяв руку Роджера, повернул ее ладонью вверх. — Ты наш эксперт по электронике серых. Почему тел Роджера так реагирует на трасск?

— Да какой я эксперт!

Иона подошел и, как гадалка, взял руку Роджера.

— Он вообще не должен никак реагировать.

— Тогда объясни это.

Ференцо протянул брошь и коснулся левой ладони Ионы. Снова раздался писк, который немедленно прекратился, как только полицейский отвел трасск.

— Или это. — Он поднес брошь к правой руке Ионы. И остановился. Никаких звуков не последовало.

— Мне казалось, у тебя телы на обеих руках.

— Так и есть.

Иона зажал трасск в правой руке. Опять ничего. Поднес к левой и тут же отдернул, когда раздался писк.

— Реагируют только наши частные телы, — с изумлением заключил он. — Бред какой-то.

— Ты ведь говорил, что они работают на радиочастотах? — спросил Ференцо, забирая трасск.

— И еще говорил, что они действуют иначе, чем ваши передатчики, — напомнил Иона.

— А что, если виноват мой мобильный? — спросил Роджер. — Я всегда держу его

левой рукой, тогда тел прижимается к нему вплотную. Он не мог как-то подействовать?

Иона покачал головой.

— Телы работают на других частотах.

— Но ведь это нестандартный тел, — напомнил Ференцо.

— А может, мой мобильный перестал быть стандартным? — Роджер вдруг вспомнил. — Когда я был у Торвальда, Кэролайн звонила мне и не могла дозвониться.

— Я думал, что Кэролайн была у зеленых, когда ты встречался с Торвальдом, — нахмурился Иона.

— Я имею в виду первый раз, — пояснил Роджер. — В пятницу, после разговора с Сильвией у Александра.

— И ты ничего не сказал? — возмутился Иона. Он протянул руку. — Дай сюда.

— Я думал, это не важно. — Роджер нашарил и передал ему телефон. — Он спросил про Меланту, я ничего не сказал, и он отпустил меня. Как и вчера.

— Только в пятницу ты еще знал, где Меланта, — угрюмо заметил Иона, внимательно осматривая телефон. — Торвальд ничего с ним не делал или кто-то другой?

— Нет, он все время был у меня в кармане. Но он точно не звонил.

— Само по себе это ничего не значит, — сказал Рон. — Наверное, у него подавитель работает.

— Обычная электронная глушилка, — добавил Иона. — Вроде того устройства, которое мы использовали, чтобы вырубить в среду фонари. У Торвальда, наверное, весь дом заглушён, чтобы за ним никто не шпионил. — Он покачал головой. — Не вижу ничего.

— У меня вопрос, — сказал Ференцо. Он внимательно разглядывал обратную сторону трасска. — Ты говорил, что вы выбрали для телов частоты как можно дальше от основного диапазона, чтобы не было помех, да?

— Не я сам, но Гарт так и сделал, — подтвердил Иона. — Он боялся, что...

— Постойте, — перебил Роджер, вдруг что-то вспомнив. — Гарт? Такой дерганный, все время играет складным ножом?

— Точно, он, — нахмурился Иона. — Ты его знаешь?

— Совсем немного, — мрачно ответил Роджер. — Он ждал у ворот, когда Вулфи схватил меня у метро и потащил к Торвальду.

— Сукин сын, — произнес Ференцо. Все оглянулись на него.

— Что? — спросил Роджер.

— Смотрите.

Ференцо отковырнул с обратной стороны трасск какую-то тонкую пленочку.

— Друзья, нас перехитрили. — Он протянул руку, чтобы все могли видеть. — Похоже, Гарт смастерил жучок и поставил его на трасск Роджера. — Торвальд слушает все, что мы говорим.

Какое-то время все молчали. Роджер с замиранием сердца смотрел на кусочек пленки в руке Ференцо. Веловски первым нарушил молчание.

— Дурак! — прошептал он, яростно глядя на Роджера. — Безмозглый дурак.

— Что делать? — выдохнула Лорел.

— Начнем с того, что не будем паниковать, — твердо сказал Рон. — Иона, посмотри жучок. Может, это всего лишь маячок, а не подслушивающее устройство.

Иона осторожно взял у Ференцо пленку, поднес к свету и внимательно осмотрел со всех сторон.

— Ты прав, это только маячок, — объявил он, наконец, с облегчением. — Есть передатчик, но без микрофона. На самом деле... — Иона потрогал пленку ногтем. — Да. — Он показал ее Роджеру и Ференцо. — Фактически маячок составлен из двух частей телов, включенных встречно со смещением, — продолжал он. — Два отдельных передатчика несущей частоты.

— Видимо, поэтому он и работает как маячок, — сказал Рон. — Обычный тел не дает определить свое местоположение.

— По крайней мере, не все так плохо, — сказал Ференцо. — Даже если Торвальд знает, что трасск здесь, то не знает, кто здесь. И о чем мы говорили, тоже не знает.

— Слабое утешение, — пробормотал Веловски. — Весь дом уже теперь окружен.

— Не знаю, — сдвинул брови Иона. — С крыши я никого не видел.

— Давайте это выясним, — предложил Ференцо, снимая куртку со стула Веловски. — Роджер, возьмите маячок и давайте немного прогуляемся.

Роджер осторожно взял у Ионы жучок и положил в карман.

— А нам что делать? — спросила Лорел.

— Оставайтесь тут, пока мы не позвоним или не вернемся. — Ференцо поймал взгляд Веловски. — Вас это тоже касается, — добавил он.

— Какая разница, — тихо сказал Веловски. Он осел на стуле, неподвижно глядя в пол.

— Здесь или в другом месте, серые все равно нас достанут, если захотят.

По дороге к лифту в коридоре им никто не встретился. Когда двери открывались, Роджер напрягся, но и кабина лифта оказалась пуста. Войдя, Ференцо нажал кнопку вестибюля, и лифт пошел вниз, на табло замелькали цифры этажей.

— Расслабьтесь, — посоветовал полицейский. — Возможно, не все так плохо, как кажется.

— Да уж конечно, — с горечью сказал Роджер. — Я всего лишь все испортил, обеспечил Меланте смертный приговор и еще, по ходу дела, возможно, разрушил Манхэттен.

— Не устраивайте мелодраму, — неодобрительно произнес Ференцо. — Главное вот что: даже если они точно узнают, в каком мы были номере, то не знают, кто с нами был.

— Они могут выяснить, что Рон и Стефани сняли комнату.

— И что? — возразил Ференцо. — Меня уже видели с Ионой и Джорданом, а вас с с мной. Решающий вопрос — сможет ли кто-то связать нас с родителями Меланты.

— И Веловски, — напомнил Роджер.

— И Веловски, — согласился Ференцо. — Но гостиница большая, и вполне возможно провести людей незаметно. Если понадобится, мы сможем сделать это.

В вестибюле среди ждавших у лифта типичных серых не наблюдалось. Ференцо направился в холл.

— Куда идем? — спросил Роджер.

— Мы уже прогулялись. — Ференцо толкнул дверь и пошел к веренице стоящих такси. — Теперь прокатимся. Сколько у вас с собой наличности?

— Не знаю. — Роджер наморщил лоб. — Около сотни.

— Нормально. — Ференцо достал свой бумажник. — Когда тронемся, дадите мне полтинник и жучок.

Он подошел к первой машине, открыл заднюю дверь и жестом пригласил Роджера.

— Колумбийский университет, — сказал он водителю, усаживаясь следом.

— В какую часть кампуса? — спросил таксист через плечо, трогаясь.

— Э-э... напомни, где Николос, — обернулся Ференцо к Роджеру.

— Преподавательский корпус, — подсказал Роджер. — Восточный городок, на Морнингсайд-драйв.

— Преподавательский корпус, — подтвердил Ференцо. Полуобернувшись, он небрежно взглянул назад, затем протянул руку и жестом приказал Роджеру передать деньги.

Роджер извлек из бумажника две двадцатки и десятку, положил сверху маячок и передал Ференцо. Тот прижал тонкую пленку к верхней купюре и несколько раз прогладил большим пальцем. Секунду он разглядывал результат своей работы, затем удовлетворенно кивнул. Потом сложил купюры, добавил две своих и отвернулся к окну. Роджер старался успокоиться, размышляя, что у полицейского на уме.

Выяснилось это через два квартала. Ференцо вдруг наклонился вперед и постучал по стеклу.

— Останови-ка здесь. — Он ткнул пальцем направо. Водитель послушно отрулил к поребрику и остановился.

— Слушай, это просто смешно! — зарычал Ференцо на Роджера. — Это чей отец — твой или мой? Если тебе охота переть в такую даль только для того, чтобы забрать его домой, езжай. А я возвращаюсь на вечеринку.

Роджер еще не до конца понял, что тот задумал, но намек уловил.

— Да ладно, — подхватил он. — Мы же обещали. К тому же он хочет нас видеть.

— Прокатиться он хочет, — разыгрывая раздражение, сказал Ференцо. — Очень ты ему нужен. А уж я и подавно.

— Ладно, — нетерпеливо произнес Роджер. — Не хочешь, так давай вылезай.

— Да, пожалуйста! — огрызнулся Ференцо, дернул рычажок и открыл дверь.

Он поймал взгляд Роджера и чуть заметно кивнул в сторону двери.

— Счастливого пути. Я пока составлю компанию Элейн.

— Эй, Элейн — моя девчонка, — предупредил Роджер. — Лапы свои держи от нее подальше.

— Привет папе, — плотоядно ухмыльнулся Ференцо и начал вылезать из машины. Роджер ухватил его за руку. — Брось, Билл, мы же не можем его там оставить.

— Очень даже можем. На самом деле я уверен, что он уже нашел, как доехать.

— А вдруг нет? — настаивал Роджер.

— Ну, тогда... а, чтоб ему пусто было!.. — Бормоча что-то под нос, Ференцо протянул вперед пачку купюр. — Слышь, друг, сделай-ка вот чего. — Он сунул деньги таксисту. — Семьдесят баксов. Поезжай к преподавательскому корпусу и глянь, нет ли там седого

старика, который ждет такси. Если есть, отвези домой — адрес он скажет.

— А если его нет? — Таксист с сомнением посмотрел на деньги.

— Значит, тебе отломились реальные чаевые. — Ференцо вылез из машины. — Пошли, Ральф. Будешь должен.

Роджер вышел следом, и они проводили такси взглядом.

— Думаете, он действительно поедет туда?

— Не имеет значения. — Ференцо оглянулся. — Куда бы он ни направился, жучок Торвальда поедет с ним. Пошли назад.

На обратном пути также обошлось без приключений, и через несколько минут Иона снова запер за ними дверь.

— Ну?

— Жучок поехал в Большой Манхэттен, — сообщил Ференцо. — Забыл попросить тебя последить за переговорами серых.

— Да мы и сами догадались, — сказал Рон. — Было несколько докладов о перемещениях зеленых, да Хафдан отдал распоряжение о перемене дислокации в районе Центрального парка. Выглядит все, как обычно.

— Кроме того, что Хафдан уже начинает беситься по поводу нашего исчезновения, — вставил Иона. — Всем постам напротив полицейских участков приказано ждать нашего появления.

— Ну, если они ждут вас там, значит, не ждут в другом месте, — философски заметил Ференцо. — Что-нибудь о нас с Роджером? О такси, которое едет к Колумбийскому университету?

— Я ничего не слышал, — ответил Рон.

— И я, — сказал Иона.

Его мать тоже покачала головой.

— Что ж, интересный был вечерок. — Веловски поднялся и взял пальто и шляпу. — Мне уже можно идти, господин следователь?

— Да, конечно. — Ференцо достал из кармана визитную карточку. — Если еще чем-то сможете нам помочь.

— Скажите спасибо, что я буду помалкивать, — перебил Веловски, не обращая на карточку внимания.

Еще раз, сердито взглянув на Рона и Стефани, он направился к двери.

— У меня вопрос, — нерешительно сказала Лорел, провожая взглядом Веловски. — У Ионы и Джордана есть частная система связи. Что мешает Торвальду иметь такую же?

— Интересный вопрос. — Рон серьезно взглянул на старшего из братьев. — Иона?

— Ответ прост, — Иона скорчил гримасу. — Раз Гарт работает на него, ничто не мешает.

— На самом деле, — сказал Ференцо, — Торвальд ее имеет.

— Откуда вы знаете? — спросил Зенас.

— Иона сказал, что жучок построен из двух передатчиков несущей частоты без микрофона. Может кто-нибудь показать мне свой тел и где микрофон?

— Вот здесь. — Рон поднял руку и показал пятнышко пониже основания мизинца.

— Примерно такого же размера, как сам жучок?

— Примерно да, — согласился Рон. — А что?

— Я его внимательно рассмотрел. Он почти круглый, но не идеально, и, по крайней

мере, в двух местах край надорван.

— И что это означает? — озадаченно спросил Зенас.

— Означает, что жучок не был подготовлен заранее, на случай если придет Роджер, — объяснил Ференцо. — Его поспешно вырезали из чего-то. Что это может быть, как не тел?

— Или пара телов, — сказала Стефани.

— Принимаю поправку. — Ференцо взглянул на Иону. — Иона, ты говорил, что пара частот, на которой работают ваши телы, самая безопасная с точки зрения наводок на основную систему. Но, насколько я понял, жучок не работает именно на этой паре частот?

Иона кивнул.

— Близко к нашей паре частот — отсюда и наводки, когда они рядом, — но не точно на ней.

— Так я и думал, — кивнул Ференцо. — Но, если ваша пара частот самая безопасная, почему Гарт не использовал ее, когда делал новую партию для людей Торвальда?

Рон щелкнул толстыми пальцами.

— Потому что понимал, что Иона захочет припрятать телы. Он не мог допустить возможности, чтобы мы могли слушать частные разговоры Торвальда.

— И я так думаю, — сказал Ференцо. — А теперь мы подходим к самому интересному. Не было у вас со Стефани никаких проблем, когда вы вчера ушли из «Мариотта» после нашей встречи? Конкретнее: никто за вами не следил, не приходил домой, не обвинял в сотрудничестве с врагом?

— Ну конечно нет, — возмутилась Стефани. — Неужели вы думаете, что мы бы не сказали?

— Конечно, нет, — успокоил ее Ференцо, явно довольный. — Но я был обязан спросить. Тогда ясно.

— Ясно что? — спросил Рон.

— Я знаю, у кого Меланта, — сказал Ференцо.

С минуту все потрясенно молчали.

— То есть как? — возмущенно спросил Иона. — Что же ты до сих пор молчал?

— Потому, что до сих пор не знал. Жучок Торвальда был последним звеном в цепи.

— Я ничего не понимаю. — Зенас вцепился в руку Лорел.

— Все очень просто, — обратился к нему Ференцо. — Теперь мы знаем, что Торвальд следил за передвижениями Роджера, начиная с пятницы. Таким образом он и обнаружил, куда ушли Кэролайн и Меланта, после того как исчезли из квартиры Уиттиеров.

— Но ведь на квартире Янгов меня выследили сыновья Хафдана, — нахмурился Роджер.

— Вероятно, сели вам на хвост во время поездки в Квинс, — кивнул Ференцо. — Но до сих пор мы не знали, что действуют две отдельные группы серых: сыновья Хафдана и люди Торвальда.

— Видимо, Гарт и Вулфи, — пробормотал Иона.

— Кто бы они ни были, маячок Роджера вывел их прямо на Йорквилл. — Ференцо оглянулся на Зенаса и Лорел. — Мы также знаем, что в деле участвовал, по меньшей мере, один из зеленых — убитая старуха. Раз там был кто-то из ваших, новости, полагаю, распространились быстро.

— Это правда, — подтвердил Зенас. — По соседству точно уже были и другие зеленые. В большинстве манхэттенских парков, за исключением южной части, куда вторглись серые Торвальда, живет несколько семей.

— То есть вы хотите сказать, что там, где исчезла Меланта, могли находиться представители всех партий, — сказал Иона.

— Именно это и запутывало картину так долго. — Ференцо обратился к Роджеру. — Но теперь мы знаем, что Торвальд мог следить за Роджером по всему Манхэттену. Мы также знаем, что он не тронул Рона и Стефани после нашей встречи в «Мариотте». А он бы мог нажить немалый политический капитал на разоблачении семьи серых, сотрудничавшей с врагом. Во всяком случае, мог бы обвинить Александра, что тот использовал свой дар, чтобы торпедировать мирный план.

— Почему же он этого не сделал? — спросила Лорел.

— Потому что не знал о той встрече, — ответил Ференцо. — А почему не знал? Потому что перестал следить за жучком. Потому что его перестало волновать, что делает Роджер.

У Роджера перехватило дыхание.

— Потому что он уже нашел Меланту.

— В точку, — с угрюмым удовлетворением сказал Ференцо. — Так что теперь, осталось только выяснить, где он ее прячет.

— В мастерской ее нет, — сказал Роджер, припоминая детали. — Там ее негде спрятать, и к нему постоянно приходят серые. — Он перевел взгляд на Рона и Стефани. — Если только вы не думаете, что Хафдан тоже в деле.

— Хафдан — нет, — уверенно сказал Рон. — Он уж очень настаивал на мирном плане. Если бы он знал, где Меланта, то сразу же отвел бы ее к Сирилу.

— И на Манхэттене он ее тоже прятать не может, — добавил Зенас. — Он не мог допустить, чтобы поблизости оказался какой-нибудь зеленый и услышал ее.

— А Квинс или Бруклин? — спросил Ференцо. — Ведь это изначально ваши районы?

— Фактически это теперь в основном районы Хафдана, — сказал Рон. — Торвальд и большинство его сторонников переехали в Нижний Манхэттен, как только узнали, что там зеленые.

— Значит, в городе ее нет? — взбудоражено спросил Джордан. — Но тогда она может быть где угодно!

— Может, — согласился Ференцо. — Но не забудь, что чем дальше он ее спрячет, тем опаснее для него. Ему нужны люди, чтобы за ней приглядывать, а это значит ездить туда и обратно.

Он указал на Иону и Джордана.

— Вы видели, как быстро распространилась новость, что вы исчезли, и лучше меня знаете, сколько потребовалось усилий, чтобы скрывать отсутствие Ионы на посту. Сомневаюсь, что Торвальд рискнул бы отсылать своих людей надолго и тем самым привлекать к ним такое же внимание.

— Если только она уже не... — Иона украдкой взглянул на зеленых.

— Нет, — твердо сказал Ференцо. — Торвальд не рискнул бы убить ее, не убедившись, что от нее живой пользы уже меньше, чем от мертвой.

— А теперь, когда ему известно о Дамиане, он будет оберегать ее еще больше, — заметил Роджер.

— Совершенно верно.

— Так как же тогда? — спросил Зенас. — Если она не в городе и в то же время не слишком далеко от города, где же она?

— Мне в голову приходит только одно место, которое находится достаточно близко и

обладает необходимой уединенностью, — ответил Ференцо. — Я только не уверен, что оно действительно ограничивает зону поиска.

— Корабль! — вдруг воскликнула Стефани, чуть не подпрыгнув. — Он где-то рядом с берегом, и до города недалеко.

— И, несомненно, вне пределов досягаемости зеленых, — взволнованно добавил Рон. — Наверняка она там.

— Об этом я и подумал, — согласился Ференцо. — Остается только найти его. Рон?

Рон сник.

— Ничем не могу помочь, — признался он. — Никогда там не был. И не знаю никого, кто мог быть.

— Гарт был, — угрюмо сказал Иона. — Там до сих пор хранятся кое-какие электронные компоненты. Хотите, спрошу его?

Со стороны двери послышалось покашливание. Оглянувшись, Роджер с удивлением увидел, что Веловски все еще стоит там, в пальто и шляпе.

— Я думал, вы ушли.

Веловски покачал головой, глядя на Зенаса и Лорел.

— Вам не нужно обращаться к серым, — сказал он. Он с усилием выговаривал слова, но прежняя враждебность исчезла.

— Я знаю, где корабль.

Роджер воззрился на него.

— Шутите?

Веловски снова покачал головой.

— Это произошло после прибытия серых, когда они обустроились. — Он неуверенно шагнул вперед. — Я записал несколько их адресов и раза два в месяц ходил в Квинс, чтобы понаблюдать. Просто посмотреть, как у них дела.

Он натянуто улыбнулся.

— Меня иногда ужасно подмывало подойти к кому-нибудь из них и сказать, что я знаю, кто он и откуда, — просто чтобы увидеть реакцию. Но я понимал, что тогда они догадаются о зеленых. В общем, иногда я следил за кем-нибудь, просто узнать, куда серые ходят и что делают. И вот однажды я проследил одного до парома на Стейтен-Айленд.

Лорел молча встала и протянула руки к его шляпе. По лицу Веловски пробежала улыбка, он снял пальто и отдал его вместе со шляпой.

— Меня одолело любопытство, — продолжал он, — и я проследил за ним до заброшенного пляжа на северо-восточном побережье, где стояло несколько старых сараев для инвентаря, сплошь обвешанных знаками «Не подходить!». Он направился прямо к одному, открыл дверь и вошел. Я думаю — что ему там нужно? Стал ждать. Через полчаса вышел с плоской коробкой под мышкой.

— Вы не помните, в какое время года это было? — спросил Рон.

Веловски зажмурил глаза.

— Знаю, что это было весной, — медленно произнес он. — Стояла хорошая погода, но всю предыдущую неделю шли дожди. Вероятно, в конце апреля.

Рон кивнул.

— Телы и молоты-пистолеты для церемонии инициации пятого мая, — сказал он. — Все серые, которым исполнилось десять лет, получают в этот день права и обязанности взрослого.

— Вы хранили запасные молоты-пистолеты на корабле? — спросил Зенас.

— В те времена мы хранили всю запасную электронику на корабле, — ответил Рон. — Боялись держать любые подозрительные вещи дома и на работе, поэтому брали их с корабля только по мере надобности.

— Иногда там работали круглосуточно, делая новое оборудование, — добавила Стефани.

— Теперь уже нет, я надеюсь, — сказал Ференцо.

Рон покачал головой.

— Все мастерские находятся в городе. Сейчас, как правило, корабль пустует.

— Будем надеяться, за неким исключением. — Ференцо посмотрел на Веловски. — Вы уверены, что сарай, который вы видели, все еще там?

Веловски кивнул.

— Несколько раз я возвращался, ходил вокруг, наблюдал. Серых я там больше не видел, но сомневаюсь, чтобы они переместили корабль.

— Если вспомнить, что говорил Александр, ни одна из сторон не рискнет это сделать, — сказал Роджер. — Слишком велика опасность, что заметит береговая охрана.

— Значит, там, — заключил Ференцо. — Никто не желает прокатиться ночью на Стейтен-Айленд?

— Сегодня, что ли? — нахмурился Зенас.

— А почему нет? Сейчас бесполезно ждать у моря погоды.

— Я поеду с вами. — Джордан с готовностью поднял голову.

— И я, — откликнулся Иона.

— Мы тоже с вами, — подтвердил Зенас.

— Ну, гулять так, гулять, — добавил Рон. — Когда поедем?

— Не раньше чем через несколько часов, — сказал Ференцо. — Надо дожидаться, когда улицы опустеют.

— Не знаю, — с сомнением произнес Веловски. — Сарай довольно небольшой. Вы там только мешать друг другу будете.

Он посмотрел на Зенаса и Лорел:

— Мне кажется, вам в любом случае не стоит ходить.

— Но это же наша дочь, — возразила Лорел.

— А корабль — главная цитадель серых, — заметил Веловски. — Новость о появлении там зеленых совсем их не обрадует.

— Вероятно, он прав, — неохотно произнес Рон. — Не нужно давать Торвальду еще одно оружие против нас.

— Из тех же соображений, — Веловски повернулся к серым, — и вам туда тоже ходить не стоит. Если вы только не планируете перебить всех, кто там находится, ведь они потом легко смогут вас опознать. Это принесет Торвальду тот политический капитал, о котором ранее говорил господин Ференцо.

— Они же уже ищут нас с Джорданом, — заметил Иона.

— Но у них нет никаких доказательств, что вы принимали участие в спасении Меланты, — напомнил Веловски.

— Кто-то из нас все равно понадобится, — заговорил Рон. — Не знаю, как там устроена система охраны, но уж точно есть что-то, с чем справится только серый.

— Значит, я, — сказал Иона. — Еще раз говорю, глубже мне уже не увязнуть.

— Господин Веловски? — подсказал Ференцо.

Веловски скорчил гримасу.

— Пусть вскрыет защиту. Но дальше не лезет.

Иона тоже скорчил гримасу, но кивнул.

— Хорошо.

— Так кто же пойдет? — Роджер взглянул на Ференцо. — Мы с вами?

Ференцо пожал плечами.

— Торвальд вряд ли может позволить себе оставить там больше двух или трех человек.

— Ага, человек — серых, — поправил Роджер. — Больших сердитых ребят с молотами-пистолетами.

— У меня тоже есть пистолет, — напомнил Ференцо.

— И что вы собираетесь делать с ним? — парировал Роджер. — Поубивать всех? Я полагал, что мы тут пытаемся избежать кровопролития.

— У меня также есть значок и соответствующие права, — уже нетерпеливо ответил Ференцо. — Но если не хотите идти, так и скажите. Я всегда могу вызвать спецназ.

— Вы прекрасно знаете, что не можете, — раздраженно сказал Роджер. — Ладно. Пойдем вдвоем.

— Втроем, — поправил Веловски. — Я тоже иду.

— Вы? — недоверчиво спросил Роджер.

— А что, по-вашему, я слишком стар? — вызывающе поднял брови Веловски.

— Я ценю ваше желание помочь, господин Веловски, — сказал Ференцо. — Но Роджер прав. Просто покажите нам место, этого достаточно.

— Нет. — Веловски покачал головой. — Я хочу сам убедиться, в каких условиях держат Меланту и как с ней обращаются.

— Хотите заработать немного политического капитала в глазах зеленых? — ехидно сказал Иона.

— Я бы выразился иначе. — Веловски спокойно взглянул на него. — По-моему, следовательно Ференцо относится к серым слишком дружески. Насчет господина Уиттиера не знаю, хотя, спрятав Меланту, он явно выступил против них. Но я хочу, чтобы в этом предприятии участвовал кто-то, кто безоговорочно защищает интересы зеленых.

— Думаю, вы превратно о нас судите, — невозмутимо сказал Ференцо. — Обо мне уж точно. Ну да ладно. Если хотите идти с нами, будем рады.

— Но вы не пойдете безоружными, — твердо сказала Стефани и встала. — Вы правша, господин Веловски?

По лицу Веловски пробежала тень.

— Да, — осторожно ответил он.

— Хорошо.

Она подняла правый рукав, что-то сделала с браслетом, и он открылся.

— Вот. — Она шагнула к нему и протянула браслет. — Возьмите мой молот-пистолет.

На минуту в комнате повисла тишина. Стефани стояла, вытянув руку с браслетом, Веловски напряженно глядел на нее. Потом медленно засучил правый рукав, и Стефани приладила браслет ему на запястье.

— Нужно немного потренироваться, чтобы научиться выбрасывать его, — предупредила она. — Но господин Ференцо сказал, что еще есть несколько часов. Мы сможем вас обучить.

— Вы отдали мне свое оружие. — Голос Веловски звучал как-то странно.

— Оно вам сейчас нужнее, — просто сказала она и села.

— Она права. — Рон грузно поднялся, держа в руке расстегнутый браслет. — Дайте руку, Роджер.

Иона подтолкнул брата.

— Джордан?

— Но я же левша, как и ты, — возразил Джордан.

— Ничего. — Иона посмотрел на Ференцо. — Уверен, что следовательно одинаково хорошо стреляет с любой руки.

— Ну, не совсем, — сказал Ференцо, задирая левый рукав. — Но, как сказала Стефани, у нас есть время попрактиковаться.

— И узнать, какой у вас план, — предложил Роджер. Он вздрогнул, когда Рон застегнул холодный браслет у него на запястье.

— Да, план бы не помешал, — согласился Ференцо. — Давайте вместе подумаем.

За окном Кэролайн лес уже давно потемнел, сумерки сгущались, а в животе урчало все сильнее. Если Сильвия не передумала насчет ужина в восемь, то им выходить через пятнадцать минут. Надо надеяться, не передумала. Сам ужин не так уж важен, хотя ей казалось, что она бы съела теленка. Но куда более важным, чем собственно еда, была лежащая в сумочке новая записка, аккуратно обернутая вокруг пластинки жвачки.

Она лежала на кровати и, глядя в темноту, обдумывала послание.

«Роджер: воины зеленых отправляются в Н.-Й. вт. вечером от Н., с ними Дамиан — надо вмешаться, пока целы дома. Люблю тебя, К.»

Что еще надо было написать? На обертке оставалось еще немного места, и она уже освоилась с лилипутской техникой письма. Но нельзя же морочить мужу голову своими догадками и домыслами. Лучше точно передать, что сказала Сильвия, пусть Роджер сам сделает выводы.

Если, конечно, вообще получит записку. А это пока из области предположений, даже при том, что платеж по карте точно укажет место. Может, она просто зря тратит силы, дожидаясь, пока Сильвия отпустит ее домой?

Сильвия.

Кэролайн задумчиво потерла щеку. Что-то произошло после несостоявшегося обеда, что-то, что никак не давало ей покоя. Но проходили часы, а она так и не могла понять что.

В животе у нее громко заурчало и кольнуло, она поморщилась. Может, лучше подождать до ужина и поразмышлять уже на сытый желудок? Когда она поест хотя бы салата с хлебом, уже будет легче. Если официантка расторопная...

Вот оно, вдруг поняла она. Официантка. На обратном пути Сильвия сказала, что официантка, должно быть, уже убрала со стола.

Оно, конечно, так... только Кэролайн никогда не произносила слово «официантка» в присутствии Сильвии. Она говорила «обслуга».

Кэролайн закрыла глаза и стала думать, стараясь забыть о голоде. Значит, Сильвия знает слово «официантка». Что же тут такого?

А вот что. Сильвия утверждала, что до этого никогда не была в ресторане. Сильвия даже не знала, как заказывать еду.

И, тем не менее, знала, что женщину, которая еду приносит, называют официанткой.

У Кэролайн перехватило дыхание: события последних суток представились ей с новой, ужасной ясностью. С самого начала Сильвия все время лгала. Лгала о своем неведении об обычаях землян. Лгала, что хочет лучше узнать о народе Кэролайн. Вероятно, лгала даже о том, что не умеет играть в шахматы.

И почти наверняка лгала, что зеленые собираются напасть на серых.

Кэролайн повернулась на бок и села на краю постели; от резкого движения голова закружилась. Если план нападения ложь, надо немедленно уничтожить записку. Никак нельзя допустить, чтобы Роджер случайно нашел ее и отдал серым.

Хотя какие тут случайности?

Наивная, отгороженная от внешнего мира Сильвия могла не знать, как Кэролайн

передала записку. Она могла не иметь понятия, что кредитная карта сразу укажет на место, где они были.

Но коварная лгунья Сильвия не могла не знать всего этого. Это означает, что единственной причиной, по которой они сегодня едут ужинать, может быть только то, что Сильвия уже знает, что предыдущая записка Кэролайн найдена и передана серым.

Теперь она понимала, что с самого начала все было подстроено; то была хитрая и тонкая игра на стремлении Кэролайн спасти от гибели невинных людей. С другой стороны, Сильвия сама высказалась предельно откровенно. «Обман всегда был частью военного искусства».

Кэролайн медленно легла на кровать. Значит, нет никакого Дамиана. Вся история со вторым землетрясом — это нечто иное, как отвлекающий маневр для обмана серых.

Так каков же на самом деле план зеленых? Надеются, что Меланта повалит небоскребы, пока серые впустую ищут призрачного Дамиана? Может ли такой заклинатель, как Александр, заставить ее совершить массовое убийство, так же как Сирил пытался заставить ее сдаться у магазинчика Ли? Если они спрячут Меланту среди толпы воинов, которые вчера тренировались...

Она нахмурилась. А ведь на лужайке и правда была толпа. Машина Николоса дважды чуть кого-то не сбила, пока не подъехала к Сильвии. Там было куда больше шестидесяти воинов, которых, как сказал Веловски, Николос может выставить против серых. На самом деле, если прибавить тех, что прятались в деревьях, и тех, что стреляли из окон, их там, пожалуй, было не меньше полутора сотен.

Внезапно все встало на свои места, и сердце захолонуло. Благодаря ее первой записке серые будут ожидать нападения зеленых с землетрясом, вероятно, покинут самые высокие здания и рассеются. Если они получают и ту записку, которая лежит у нее в сумочке, то соберутся в северной части города, чтобы напасть на Николоса, Дамиана и шестьдесят воинов. Вместо этого они столкнутся с армией, численностью в два или даже три раза больше.

И их перебьют.

Ее руки сжались в кулаки. Значит, вот в чем секрет тайного убежища зеленых. А когда они с Роджером вторглись в эту тайну, Николос хладнокровно воспользовался возможностью обратить потенциальную утечку информации в свою пользу.

Кэролайн отправила Роджера на помощь серым, надеясь спасти их жизни. Вместо этого она помимо воли помогает Николосу уничтожить их.

— Нет, — прошептала она вслух.

Она не смирится с этим. Не может смириться. Должен быть какой-то выход.

Для начала можно уничтожить вторую записку, что, по крайней мере, не даст серым попасться в западню в Верхнем Манхэттене. Но первая записка уже ушла, а там Дамиан указан как главное оружие зеленых. Даже если серые сумеют избежать ловушки, им останется неизвестным истинная численность противника.

Надо найти какой-то способ предупредить их.

Но какой? Николос, очевидно, ожидает, что она напишет в записке о самой существенной части плана зеленых. Вопрос в том, примет ли Сильвия как должное, что Кэролайн сыграет роль, которую от нее ожидают, или пошлет кого-то проверить записку, перед тем как ее найдут? Кэролайн не стала бы так рисковать. Трудно представить, что и Сильвия станет.

Если только...

Она встала и подошла к стулу, на котором лежала ее сумочка. Значит, Николос считает себя самым умным и хитрым? Хорошо же. Посмотрим, кто хитрее.

Спустя две минуты она закончила дополнение к своей записке и снова завернула в нее пластинку жвачки. Она старалась мыслить как муж, оценить ситуацию логически, с точки зрения наиболее эффективного решения, и оставить подсказку, которую Сильвия не опознает. Насколько ей это удалось, покажет только время.

Вполне возможно, ей и не суждено узнать об этом.

Послышался стук в дверь.

— Да?

— Это Нестор, — ответил охранник. — Командир группы Сильвия просит вас на ужин.

Кэролайн глубоко вздохнула.

— Хорошо. Я готова.

* * *

Пауэлл стиснул трубку телефона; усталость мгновенно сменилась возбуждением.

— И с тобой все в порядке? — осторожно спросил он.

— Да все нормально. — Ференцо как будто удивился озабоченности напарника. — А что такое?

— Действительно, что бы это могло быть, — проворчал Пауэлл со смесью раздражения и облегчения.

У него мелькнула мысль, что так мог бы вести себя ребенок.

— Может быть, дело в том, что ты исчез на двое суток?

— Ну, извини. — По голосу было ясно, что Ференцо более озабочен ситуацией, чем сожалеет о случившемся. — Не желаешь немного покататься?

Пауэлл бросил взгляд на кухонные часы. Половина девятого.

— Немного? А конкретнее?

— Пару часов. Небольшой городок Шандакен на севере штата.

— Впервые слышу.

— Доедешь до девятнадцатого выезда со скоростной дороги, дальше тридцать миль на запад по Двадцать восьмой. Мимо не проедешь.

— Хорошо. — Пауэлл схватил блокнот и начал записывать. — И что нам нужно?

— Там есть маленький ресторанчик под названием «Трактир у перекрестка», полчаса назад Кэролайн Уиттиер заплатила там по «Визе». Я надеюсь, что она оставила записку на обертке от жевательной резинки, приклеенную под одним из столов.

У Пауэлла по спине пробежал озноб.

— Значит, Сирил не просто так угрожал? — тихо спросил он. — Война действительно готовится?

— Готовится что-то адское, — серьезно подтвердил Ференцо. — И у нас осталось двое суток, чтобы остановить это. Возможно, меньше.

Пауэлл снова взглянул на часы.

— Насколько я понимаю, ты не знаешь, когда закрывается этот «Трактир у перекрестка»?

— Скорее всего, раньше, чем ты доедешь. Надеюсь, что ты будешь там утром, когда они откроются.

— Думаешь, стоит ждать?

— Не знаю, — признался Ференцо. — Но единственная возможная альтернатива — это вломиться туда сегодня, разбудить владельца и, возможно, нескольких полицейских и потребовать, чтобы тебя впустили. Это привлечет куда больше внимания, чем я могу себе позволить.

— Если наша задача — не привлекать внимания, то, возможно, мое внезапное исчезновение — не самый лучший вариант. — Мысль Пауэлла бешено заработала. — У меня на девять часов назначена встреча с Серретой и командиром Мессерлингом.

— Мессерлингом — командиром спецназа?

— А ты знаешь еще кого-то с такой фамилией? — парировал Пауэлл. — Я поднял тревогу несколько часов назад, когда решил, что тебя похитила одна из этих банд. Хочешь, чтобы я отменил совещание?

— Пожалуй, нет. Очень хорошо, если они будут ждать наготове.

— Ладно. Что еще им сказать? Помимо того, что с тобой все нормально.

— Да нет, — медленно произнес Ференцо. — На самом деле... давай умолчим и о том, что со мной все в порядке.

Пауэлл нахмурился.

— Томми, нельзя это скрывать. Тут весь отдел стоит на ушах.

— Это-то нам и нужно, — заметил Ференцо. — Пропавший полицейский поможет немного подхлестнуть их, если вдруг начнется заваруха.

— Но не поможет тебе выйти сухим из воды, — предупредил Пауэлл. — Удачным карьерным ходом это не назовешь.

— Переживу, — заверил его Ференцо. — Что касается тебя, ты ничего не знал. Этого разговора никогда не было. Понял?

— Обсудим позже, — сухо сказал Пауэлл. Как же, позволит он напарнику взять всю вину на себя. — Так что предлагаешь делать с «Трактиром у перекрестка»?

— Нам надо узнать, оставила ли Кэролайн записку. Как думаешь, не захочет Смит съездить с утра пораньше?

— Могу спросить. Но думаю, ему надо сказать, что с тобой, все в порядке.

— Нет.

Тон Ференцо не допускал возражений.

— Он потратил все выходные, помогая тебя искать, — все-таки возразил Пауэлл. — Он заслуживает некоторого вознаграждения.

— Он заслуживает, чтобы его карьера не рухнула. Ты скажешь, что со мной все нормально, и он превратится в соучастника. Нас с тобой голыми руками не возьмешь, а он слишком молод и не сумеет выкрутиться.

Пауэлл поморщился.

— Пожалуй, — согласился он. — Ладно, я вызову его, как только ты повесишь трубку. Между прочим, я так тебе и не сказал, что обнаружил на ветке, которая была в украденном грузовике парковиков.

— Давай угадаю. Следы от тупого топора?

Пауэлл скорчил гримасу.

— Не понимаю, зачем тебе вообще напарник, — недовольно сказал он. — Да, такие же

следы, как мы нашли на деревьях Уиттиеров. Только тут они были посередине ветки, а не у основания.

— Не расстраивайся, — успокоил его Ференцо. — Это важное подтверждение.

— Подтверждение чего?

— Сейчас не имею права говорить, — мрачно сказал Ференцо. — Вызывай пока Смита, и пусть едет на место. И держи мобильник под рукой. Вы с Мессерлингом можете мне быстро понадобиться.

— Не волнуйся, — так же мрачно ответил Пауэлл. — Будем наготове.

Роджер был на Стейтен-Айленде только раз в жизни, ребенком, когда родители взяли его посмотреть на реконструкцию Ричмонд-тауна. Это путешествие мало ему запомнилось, но оставило смутное впечатление, что место довольно тихое и совсем неинтересное.

Сейчас, в два часа ночи, на острове было еще тише.

— Вот он. — Веловски показал в окно на несколько черных прямоугольников, выделявшихся на фоне подсвеченной воды залива. — Третий справа.

— Никого не видно? — спросил Ференцо.

Иона осматривал территорию в бинокль.

— Как будто нет.

— Тогда пошли. — Ференцо открыл дверь. — Роджер, суньте ключи за солнечный козырек.

Роджер поднял руку, чтобы положить ключи, и ощутил все еще непривычный вес молота-пистолета. Он вышел из машины, осторожно, не хлопая, закрыл дверь и направился вслед за Ференцо по вязкому песку. Веловски и Иона шагали рядом.

До сарая они добрались без приключений.

— Заперто, — пробормотал Ференцо, роясь в кармане. — Придется вскрывать.

— Не трудитесь. — Иона протянул руку и приложил к замку большой палец. — Наши обычные замки реагируют на давление и температуру тела. Надо только... готово.

Замок открылся. Ференцо потянул дверь и быстро осветил помещение карманным фонариком. Заглянув через его плечо, Роджер увидел, что сарай пуст и ни окон, ни других дверей там нет.

— Что дальше? — спросил он.

Иона протиснулся мимо них и направился в дальний угол.

— Сюда, — сказал он.

Он наклонился и за что-то потянул; к изумлению Роджера, кусок пола поднялся на невидимых петлях, и открылся лаз с уводящими под землю узкими ступенями.

— Тоже обычная маскировка, — объяснил Иона, прислоня крышку лаза к стене.

Встряхнув кистью, он выбросил молот-пистолет на ладонь. Роджер последовал его примеру, правда, не так ловко. Иона бросил взгляд на остальных, затем повернулся к лестнице и начал спускаться, затем Ференцо. Роджер последовал за ними, последним шел Веловски.

Спуск оказался не совсем простым. Роджер привык к американскому стандарту ширины ступеней и расстояния между ними, который, по-видимому, слегка отличался от эквивалента серых. На первых тридцати ступенях он раз пять или шесть спотыкался и чуть не падал. В последний раз он схватился за гладкий металл лестницы, чтобы удержаться; звук, с которым молот-пистолет ударился о железо, показался ему громким, как выстрел. Веловски тихо, но с чувством выругался. Отпустив оружие, Роджер дал ему уйти в браслет и теперь спускался, касаясь руками стен.

Наконец Иона шепотом сообщил, что они спустились.

Сойдя с последней ступеньки, Роджер оказался на тесной площадке размером не больше пляжной кабинки для переодевания вплотную к Ференцо перед тщательно обработанной металлической стеной.

— Надеюсь, где-то тут есть дверь, — прошептал Ференцо.

— Вот здесь. — Иона показал на часть стены, на вид ничем не выделявшейся. — Проблема в том, что я не знаю, как ее открыть.

— Уж постарайся, — ядовито сказал Ференцо. — Стучать бы совсем не хотелось.

— Возможно, у нас нет выбора, — предупредил Веловски. — Дверь, открывающаяся снаружи, служила бы, чтобы запереть Меланту. Эта, скорее всего, предназначена, чтобы никто не мог попасть внутрь.

— Думаю, он прав, — неохотно произнес Иона, проводя рукой по стене. — Ладно. Давайте все обратно на лестницу.

В обратном порядке они стали подниматься назад. По ходу выяснилось, что подниматься так же неудобно, как и спускаться.

— Достаточно, — прошептал Ференцо через десять ступенек и развернулся. — Иона, давай, — негромко сказал он вниз, вынимая из наплечной кобуры пистолет.

Роджер глубоко вздохнул, выбросил на ладонь молот-пистолет и постарался собраться с духом.

Снизу послышались два глухих удара, отдавших эхом от стен лестницы. Секунду, две, три длилось молчание.

— Ну, давай! — крикнул Иона. — Открывай, а?

Снова молчание. Внезапно послышался слабый скрип металла, и Роджер почувствовал дуновение воздуха с необычным запахом.

— Ты что?.. — заворчал низкий голос.

— Наконец-то, — перебил Иона. — Здорово, Гарт. Ну, как оно тут?

— погоди-погоди, — запротестовал Гарт. — Тебе сюда нельзя. Особый приказ...

— Торвальда, — закончил за него Иона. — Да, знаю. Как я, по-твоему, здесь оказался?

— Нет, слушай, тебе сюда нельзя, — настаивал Гарт. — Тут идет тонкий техпроцесс, нельзя создавать лишние завихрения воздуха.

Послышался вздох Ионы.

— Убедительно. Обязательно передам Торвальду, что ты отлично справляешься. Но сейчас я должен посмотреть на девчонку.

Задержка длилась всего долю секунды.

— Девчонку? — осторожно спросил Гарт.

— Меланту Грин. — В голосе Ионы послышалось раздражение. — Которую ты охраняешь! Торвальд хочет, чтобы я доставил Хафдану доказательства, что она, в самом деле, у нас.

— Он что, Хафдану сказал? — Гарт был явно поражен.

— Ситуация развивается, — резко ответил Иона, уже с нетерпением. — Тебе что, не сказали про Дамиана?

— Мне сказали, что Уиттиер пытался подстроить им ловушку, — презрительно сказал Гарт. — Я верю ему не больше, чем Торвальд.

— Ну, стало быть, Торвальд передумал.

— Что-то уж очень сильно передумал, — возразил Гарт. Первоначальное потрясение уже, по-видимому, прошло, и в голосе появились подозрительные нотки. — А ты-то с каких пор на него работаешь?

— Тебя не касается. Мне он тоже всего не рассказывает. Я что, по-твоему, просто гулял по Стейтен-Айленду и ни с того ни с сего решил сюда завалиться?

— Почему он не сказал мне, что ты придешь? — потребовал Гарт. — И кстати, почему ты сейчас не позвонил по телу, вместо того чтобы барабанить в дверь?

— Да у меня его просто нет. Мне должны были дать один из тех, что ты прилепил на трасск Уиттиера, Слушай, мы теряем время. Впустишь ты меня или нет?

— Думаю, нет, — твердо сказал Гарт. — Пока не поговорю с Торвальдом.

Не успел он произнести эти слова, как Ференцо прыгнул вниз, эхо от удара подошв о металл гулко разнеслось по лестнице.

— Полиция! — крикнул он. — Держи руки так, чтобы я их видел. Роджер, живо сюда!

Роджер с грохотом сбежал вниз, Веловски следом; глазам предстала картина, которую они и ожидали увидеть. Гарт стоял в дверях, потрясенно разинув рот, сжимая в руке неизменный складной нож, на этот раз неподвижный. Перед ним Иона, чуть сбоку Ференцо, направив пистолет Гарту прямо в живот. Изумленный взгляд Гарта переместился за плечо полицейского.

— Уиттиер? — возмутился он. — Иона, какого...

— Потом, — перебил Ференцо. — Сколько там вас еще?

В ответ Гарт плотно сжал губы.

— Ладно, сами выясним. — Ференцо бросил Ионе наручники. — Карауль его и смотри, чтобы не использовал тел. Вы двое — за мной!

Ференцо отодвинул серого и вошел в корабль. Глянув на Гарта исподлобья, Роджер ступил следом. За дверью светло-голубой коридор упирался через десять футов в перпендикулярный проход. Дойдя до прохода, Ференцо остановился и бросил быстрый взгляд в обе стороны.

— Налево короткий проход, направо — длинный, — шепнул он через плечо. — Предложения?

— Направо, — прошептал Веловски. — Мы в районе носа. Длинный проход должен идти к корме.

— По-моему, правильно, — откликнулся Роджер.

Ференцо кивнул.

— Быть начеку, — предупредил он. — Похоже, впереди несколько поворотов, и я вижу как минимум две двери. Идеально для засады.

Он еще раз бросил быстрый взгляд в обе стороны, боком завернул за угол направо и начал продвигаться по коридору.

Коридор был длиннее первого, по меньшей мере, футов на тридцать. Роджер не отставал от Ференцо, держа в поле зрения две двери, расположенные друг напротив друга посередине коридора. Меланта с охранником может быть в одной из этих комнат.

— Сзади! — крикнул Веловски.

Обернувшись, Роджер увидел, что с противоположного конца коридора к ним решительно шагает здоровенный серый. Стиснув зубы, он вскинул молот-пистолет, Веловски тоже.

Оба опоздали. Раздался знакомый гитарный звук, Веловски резко отбросило на Роджера, и его собственный выстрел пришелся в стену. Он снова попытался прицелиться, но второй выстрел серого пришелся в плечо. Удар развернул его влоборота, и, потеряв равновесие, он упал на одно колено. Третий выстрел сбил Веловски с ног, он толкнул Роджера, и оба упали, на ногах остался один Ференцо. Уложив двух противников, серый бегом бросился вперед, продолжая стрелять. Он добежал до прохода, из которого они только

что вышли, взглянул туда...

И в то же мгновение прицельный выстрел Ионы припечатал его к стене.

Роджер вдруг почувствовал зуд в левой ладони. Выпростав руку из-под Веловски, он дернул мизинцем и прижал ладонь к щеке.

— Ну что?

— Этот готов, — объявил Иона. — Двигайтесь дальше.

— Понял.

Роджер, пошатываясь, поднялся на ноги. Он заметил, что в падении выпустил молот-пистолет, и, встряхнув рукой, снова выбросил его на ладонь.

— Вы как, Веловски?

— Не обращайтесь на меня внимания, — просипел старик. — Идите вперед.

— Тише, — предупредил Ференцо.

Они добрались до первой двери. Она открылась нажатием на белую пластину рядом на стене; Ференцо и Роджер осторожно заглянули внутрь.

В помещении было темно, но из коридора проникало достаточно света, чтобы разглядеть десяток рядов покрытых пылью мягких сидений, похожих на самолетные.

— Пассажирское отделение, — определил Веловски, заглядывая через плечо Роджера. — Сиденья, наверное, разложены для сна.

— Посмотрим? — спросил Роджер, оглядывая сиденья. — Может быть, Меланта на полу за последним рядом?

— Человек там не поместится. — Ференцо посветил фонариком. — Места мало.

— Как насчет кладовки? — Веловски указал молотом-пистолетом в дальний конец помещения, где виднелся темный проход. — Хватит места для нее и еще пары охранников.

— Да, но посидеть можно только здесь, — заметил Ференцо, освещая проход.

— Могли услышать шум и спрятаться, — предположил Роджер.

Ференцо покачал головой.

— Вся пыль на сиденьях, ее совсем нет в воздухе. Пошли дальше.

Помещение за второй дверью оказалось зеркальной копией первого и тоже пустым. Дальше коридор упирался в развилку, от которой в обе стороны шли коридоры равной длины.

— Разделимся? — предложил Роджер, заметив, что Ференцо колеблется.

— Идея плохая. Попробуем направо.

— Нет, — вдруг сказал Веловски. — Налево.

Роджер взглянул на него. Старик смотрел в пространство, напряженно сдвинув брови.

— Причина? — с подозрением спросил Ференцо.

— Я говорю, налево, — резко повторил Веловски, указывая молотом-пистолетом.

Роджер тут же вспомнил, как в субботу утром Кэролайн, сидя в такси, слушала мысленные переговоры зеленых. Может, старик слышит Меланту?

— Пошли, — сказал он и повернул налево.

В пяти шагах коридор поворачивал направо; не глядя, он повернул за угол.

Он успел увидеть серого, который целился с колена, и в то же мгновение выстрел отбросил его к стене. Он повалился, успев заметить, как Ференцо бросился на пол, а Веловски неловко высунул правую руку за угол...

— Роджер. Роджер!

Вздрогнув, он очнулся. Ференцо сидел рядом на корточках, хлопая его по щеке.

— Как вы? — спросил полицейский.

— Да вроде ничего.

Голова и грудь ужасно болели, но, судя по отсутствию резкой боли, ребра были целы.

— Вы взяли его?

Ференцо кивнул и подал руку.

— Вставайте — Веловски ушел вперед.

С помощью полицейского Роджер, шатаясь, двинулся по коридору. Впереди, в нескольких футах от двери справа, лежал серый со скованными за спиной руками. Роджер ухватился за дверной косяк и вместе с Ференцо вошел в еще один пассажирский отсек.

На одном из разложенных сидений, приподнявшись на локте, лежала Меланта, встревоженно глядя сонными глазами на Веловски.

— Меланта? — Роджер неуверенно шагнул вперед.

Она перевела взгляд, и ее черные глаза вдруг распахнулись.

— Роджер!

Вскочив, она бросилась к нему. Роджер напрягся... Через мгновение она плакала у него на плече, крепко обхватив его руками.

— Я знала, что ты придешь, — бормотала она сквозь слезы. — Знала, что вы с Кэрлайн не бросите меня.

— Вот мы и пришли, милая, — смущенно успокаивал ее Роджер, чувствуя какое-то непривычное умиротворение. Он прижимал ее к себе, стараясь не показывать, что ему больно. — Извини, что так долго, но мы пришли.

— И нам надо торопиться. — Ференцо коснулся плеча девочки. — Ты знаешь, сколько здесь с тобой серых?

Меланта оторвала голову от плеча Роджера, с подозрением взглянула на незнакомца и прижалась сильнее.

— Все нормально, — быстро сказал Роджер. — Это полицейский, он на нашей стороне. Сколько здесь серых?

— Трое, — все еще с опаской ответила она. — Один был со мной, и еще двое где-то.

— Значит, больше нет, — с облегчением сказал Роджер.

— Но этот, скорее всего, успел сообщить своим, — напомнил Ференцо. — Пошли.

Пока они шли к выходу, Меланта продолжала держаться за Роджера и, только увидев Иону, бросилась к нему в объятия.

— С Джорданом все нормально? — спросила она, поднимаясь по ступеням. — Мне сказали, что Хафдан сделает что-то ужасное, когда найдет тех, кто мне помог.

— С ним порядок, — успокоил ее Иона. — Он все о тебе волновался.

— Тебе не причинили никакого вреда? — спросил Веловски со значением.

— Нет, я в порядке. — Она бросила на него любопытный взгляд. — Вы Веловски?

— Да. А что?

Она крепче сжала руку Роджера.

— Я думала, вы на стороне Александра.

Оглянувшись на Веловски, Роджер заметил, как тот поджал губы.

— Поговорим об этом, когда будем в безопасности, — сказал он девочке.

— Если вообще существует безопасное место, — проворчал Веловски, пока они выбирались через люк в сарай.

— Ну, надеюсь, мы что-нибудь придумаем. — Ференцо приоткрыл дверь сарая и быстро

огляделся. — Пойдемте, я вам покажу.

Когда в «бьюик» набилось пять человек, то стало довольно тесно. Но в тесноте они ехали недолго. Роджер не успел и мили проехать в направлении Ричмонд-террас, которое указал Ференцо, как тот приказал снова остановиться.

— Приехали, — объявил он. — Все, кроме Роджера и Веловски, — на выход.

— Шутите. — Роджер уставился на стоящий рядом дом, затем снова повернулся к Ференцо. — Вы, правда, шутите?

— Вовсе нет. — Ференцо кивнул головой налево. — Это замечательный мотель. Кстати, позади него растут очень приличные деревья.

Меланта вдруг напряглась на пассажирском сиденье.

— Здесь мама с папой! — выдохнула она.

— Что еще более кстати, — спокойно согласился Ференцо. — Двадцать второй номер, насколько я помню. Твоя семья в соседнем номере, Иона. — Он оглянулся на серого. — Я решил, что после таких приключений вы все заслужили немного отдыха.

— А если Торвальд выследит их тут? — угрюмо возразил Веловски. — Мы и двух миль не отъехали от корабля.

— Торвальд будет думать, что мы помчимся на Манхэттен с максимально возможной скоростью. Куда, кстати, вы с Роджером и отправитесь на тот случай, если у них есть наблюдатели на Байоннском мосту. Остальных я доставлю завтра, когда можно будет скрыться в потоке машин.

— Хитро, — проворчал Веловски с явным недоверием. — А если Торвальд не захочет поддаться на вашу уловку? Вы собираетесь защищать Меланту в одиночку с несколькими серыми?

— Мне кажется, одиночеством тут и не пахнет, — сказал Роджер, показывая через ветровое стекло на здание, у которого они остановились. — Думаю, вы не заметили, где мы находимся.

— Мой старый сто двадцатый участок, — с ностальгическим вздохом пояснил Ференцо. — Я здесь два года служил, перед тем как меня перевели на Манхэттен. До сих пор поддерживаю знакомство со многими ребятами. — Он угрожающе вскинул бровь. — Не думаю, что даже у Торвальда хватит наглости похитить ребенка на пороге полицейского участка.

— Можно, я пойду? — взволнованно спросила Меланта. — Пожалуйста?

— Мы уже идем, — успокоил ее Ференцо. — Роджер, у вас есть мой мобильный — в случае чего звоните немедленно. Я потом сообщу, где и когда мы встретимся. Точно не уверен, но не раньше полудня.

Роджер кивнул.

— Буду ждать.

— Остается надеяться, что вы знаете, что делаете, — пробормотал Веловски.

— Скоро узнаем, полагаю. — Ференцо толкнул дверь. — А пока гоните. И не подвозите никого по дороге.

Веловски заговорил, только когда они выехали на Байоннский мост и направились к Нью-Джерси.

— Возвращаемся в ту гостиницу? — спросил он.

— Можно. Ференцо оплатил номер до двух часов, так что он наш. Хотите поехать куда-то еще?

— Да, к себе домой, — буркнул Веловски.

Роджер покачал головой.

— Неудачная мысль. Если Гарт или кто-то из серых вас узнали, Торвальд будет вас искать первым делом дома.

— Пожалуй, — неохотно согласился Веловски. — Я просто всегда плохо сплю везде, кроме собственной постели.

— Ну, у меня-то со сном не будет никаких проблем, — зевнул Роджер. — День действительно выдался долгий.

С минуту Веловски молчал.

— Они ведь не в двадцать втором номере, да?

Роджер пожал плечами.

— Понятия не имею.

— На самом деле они, скорее всего, даже не в том мотеле, — настаивал Веловски. — Ференцо по-прежнему мне не доверяет.

— Не думаю, что он сейчас многим доверяет.

— Исключая серых.

— Только друзьям Меланты.

— Он откровенен с вами, — сказал Веловски со значением.

— Возможно. — Роджер бросил взгляд на Веловски. — Прежде чем обвинять серых, могли бы припомнить, что именно ваши драгоценные зеленые держат в заложниках мою жену.

— Это вы так говорите, — пробормотал Веловски, немного успокаиваясь. — А если и держат, на то есть причина.

— Ну да. Конечно.

— Уверен, что они не причинят ей вреда, — настаивал Веловски. — Это хорошие люди, Роджер. Правда, хорошие.

— Ну да, — повторил Роджер. — Полагаю, скоро это выяснится?

Веловски промолчал.

Вызов, который ожидала Кэролайн, пришел от Сильвии в шесть утра. Она быстро приняла ванну, натянула одежду, что вынужденно носила уже два дня, и спустилась вниз. Сильвия, как обычно, ждала ее в библиотеке. Что было решительно необычно, так это завтрак.

— Доброе утро, Кэролайн, — сказала пожилая женщина без улыбки, когда Кэролайн вошла в комнату, невольно пригнувшись к тонкому аромату, исходившему от подноса на столе, закрытого крышкой. — Извините, что подняла вас в такой ранний час. Но сегодня нам придется кое-куда съездить, и уже пора собираться.

— Ничего, — ответила Кэролайн. Она подошла к столу и указала на поднос: — Это для меня?

— Да. Я подумала, что перед дорогой вам следует хорошенько подкрепиться. Кэролайн подняла крышку. На подносе оказались яичница, сосиски и мягкие вафли, покрытые взбитыми сливками с клубникой. Рядом с подносом стоял высокий стакан апельсинового сока, кувшинчик с кофе и чашка.

— С тех пор как я познакомилась с вами с кухней землян, вы очень продвинулись. Она взглянула на Сильвию прямо в глаза.

— Но ведь все это с самого начала было представлением, правда? Она ожидала, что Сильвия хотя бы на мгновение выдаст свое торжество. Но на лице пожилой женщины не отразилось даже подобия улыбки.

— Сожалею, что пришлось лгать вам, — серьезно сказала она. — Но у меня не было выбора. Вы с Роджером обнаружили нас, и я должна была быстро что-то предпринять, чтобы наша тайна не стала явью.

— Разве недостаточно было запретить нас в той хибаре под охраной? — возразила Кэролайн.

— На самом деле нет. Новость о вашем внезапном исчезновении сама по себе представляла опасность. Мне нужно было найти способ нейтрализовать угрозу целиком.

«Я должна была быстро что-то предпринять». «Мне нужно было найти способ». Кэролайн пристально посмотрела на Сильвию... и внезапно последняя деталь той полуночной встречи встала на место.

Высшие чины зеленых не приходят на встречу с низшими. Они сами вызывают на встречу. Так поступил Николос, вытащив их с Роджером в Колумбийский университет с Вашингтон-сквер. Так же поступил и Александр, послав Василису с Иоланте, чтобы привести их на квартиру, где он ждал. Даже здесь и Николос, и Сильвия всякий раз посылали за ней, вместо того чтобы прийти к ней в комнату.

Но ведь именно Николос шел по лужайке к Сильвии. Это значит, что именно Сильвия, а не Николос занимает более высокий пост. Это значит...

— Ведь Николос не командующий, да? — сказала она; — Это вы. На этот раз улыбка тронула губы Сильвии. Но то была улыбка восхищения, а не торжества.

— Прекрасно. Как я и говорила, вы умнее, чем кажется. — Но я не понимаю. Каким же образом вам удалось это скрыть? А главное, зачем? Сильвия указала на поднос:

— Еда остынет. Садитесь лучше за завтрак.

— Если сяду, вы ответите на вопрос? — спросила Кэролайн, пододвигая стул.

Сильвия пожала плечами.

— Особенно нечего рассказывать. — Она подошла к своему стулу и села. — Помимо обычных смертей и разрушений война в Большой долине создала изрядный хаос и дезорганизацию. Люди и целые семьи беспорядочно перемещались, иногда исчезали. Списки даров пропадали или искажались, когда сказители погибали или им приходилось запоминать более важные вещи. Порой вождей или провидцев было просто не найти, и детям приходилось самим выяснять, какой у них дар.

— А Николосу было двенадцать, когда он прибыл сюда, — проговорила Кэролайн, вдруг осознав, какую неожиданную роль играет здесь возраст. — И никто не знал, какой у него дар.

— Все было немного сложнее. Еще в долине пришлось убедить провидцев, что он слишком молод и испытание надо провести позже, по прибытии. Затем уже здесь сказать, что испытание прошло до отправления. Но, как я говорила, повсюду царил хаос, и никто не проявил должного внимания.

— А ваш собственный дар?

— Утаить факт, что я участвовала в боях, мы не могли. Но скрыть, кто я на самом деле, удалось достаточно легко, и я представилась командиром группы.

— Но зачем вообще было все это затевать? — спросила Кэролайн. — Вам ведь все равно был нужен командующий. Какая разница, кто именно?

— На то были причины. Честно говоря, я даже не знаю какие.

— Кроме того, что обман всегда был частью военного искусства?

— Несомненно, — согласилась Сильвия.

— Можете, по крайней мере, сказать, была это ваша идея или Николоса?

— На самом деле она принадлежала моим начальникам, еще там, в долине. — Сильвия улыбнулась реакции Кэролайн. — Да, даже у командующих есть начальники, обычно это более старые и опытные командующие. Мои были недовольны тем, как вождь Элимас организовал экспедицию, и взяли решение кое-каких вопросов в свои руки.

— Каких?

Сильвия пожала плечами.

— Главным образом вопросов обороноспособности. Они полагали, что Элимас включил в список переселяемых недостаточное число воинов, особенно учитывая возможную опасность, которую, как предсказывали провидцы, представляли земляне. На корабле за машинным отделением имелось неиспользованное пространство, и они задумали сформировать дополнительное подразделение и спрятать воинов там. Таким образом, при возникновении неизбежных осложнений в моем распоряжении оказался бы большой контингент.

— Ясно, — кивнула Кэролайн. — Только осложнения не возникли.

— Разумеется, возникли. С чем, по-вашему, мы сейчас имеем дело?

— Я имею в виду — тогда. Так почему вы не открылись по прибытии?

Лицо Сильвии исказилось гримасой.

— Как вы и сказали, беженцы смогли устроиться в городе без нашей помощи. Элимас уже умер, и мы с Николосом опасались, что его преемники не одобряют наш обман. К счастью, спрятанные воины включали и мужчин, и женщин; как я узнала, к северу от города

есть большие территории, покрытые лесами, где мы могли незаметно жить и размножаться. Поэтому однажды ночью я перевезла всю группу сюда, чтобы начать построение убежища и создание армии для его защиты на случай, если нашему народу это когда-нибудь потребуется.

Она махнула рукой на юг.

— Теперь это время пришло.

— Сколько вас здесь? — спросила Кэролайн. — По моим подсчетам, около ста пятидесяти.

— На этой территории нас сто пятьдесят восемь, сто двадцать из них воины и командиры. Прибавьте это число к тем шестидесяти, что уже находятся в городе, и у меня будет достаточно сил, чтобы быстро и решительно разгромить серых.

Кэролайн поежилась. Почти две сотни зеленых воинов, а серые готовятся встретить шестьдесят. Это будет не разгром, это будет бойня.

— Я думала, вы можете делать только то, что позволяет дар, — сказала она. — Как же Николос может осуществлять оперативное руководство?

— Очевидно, что не может. Мне пришлось постоянно наставлять его, с момента, как мы сели на корабль, и до последнего разговора несколько часов назад. Все, что вы слышали от него, — это фактически буквальный пересказ того, что я ему твердила.

Она тихонько фыркнула.

— Конечно, за исключением маленькой фразы, которую он обронил в субботу по поводу отступления на север штата, которая и позволила вам с Роджером напасть на наш след. Я просто готова была его задушить.

— Ну, не знаю, — спокойно сказала Кэролайн. — Возможно, все и началось с ошибки, но вы уж точно хорошо постарались обратить ее в свою пользу. — Она подняла брови. — И вы ведь обратили ее в свою пользу?

Сильвия скривила губу.

— Вы о своих записках, я полагаю?

— Да. — Кэролайн почувствовала, как сердце забилось сильнее. Вот он, момент истины. — Вы с самого начала знали, что я их напишу, так ведь?

— Я узнала, что вы их написали, после того, как вы оставили их. Но до нашего первого обеда, когда вы показали, что достаточно умны, чтобы не поддаться на очевидную возможность побега, я еще не понимала, что у вас довольно ума и смелости, чтобы найти способ связаться с внешним миром.

— Так тот эпизод с полицейскими из штата был проверкой?

— На самом деле — чистой случайностью. Мой план заключался в том, чтобы просто позволить вам тратить время и силы на то, чтобы убедить наивную зеленую послушаться командующего и перейти на вашу сторону. Но когда вы показали, что способны на большее, я решила предложить вам более активную роль.

— Как распространителя дезинформации. — Кэролайн постаралась сказать это с горечью. — Какая честь. Значит, когда серые сегодня ночью соберутся в Верхнем Манхэттене, чтобы сразиться с вами, они никого там не найдут?

— Нет, несколько воинов на острове будут, — заверила ее Сильвия. — Этого хватит, чтобы серые ничего не заподозрили. Но главные события развернутся не там. И конечно, там не будет ни одного землетряса.

— Дамиан будет в другом месте?

Сильвия покачала головой.

— Дамиана не существует. Он был одним из землетрясов, которые остались, чтобы запустить корабль.

Кэролайн медленно кивнула. Значит, она и тут оказалась права.

— Всего лишь еще одна ложь?

— Еще одна попытка навести серых на ложный след, — поправила Сильвия. — С тех пор как все началось, все наши действия — будь то согласие пожертвовать Мелантой или создание несуществующего Дамиана — были направлены на то, чтобы отвлечь их внимание от того факта, что у нас гораздо больше воинов, чем они думают. Именно на это у нас вся надежда.

— Ясно, — мрачно проговорила Кэролайн, стараясь не выдать зародившуюся у нее самой искру надежды.

Значит, ее вторая записка ушла по адресу. Сильвия не разгадала намека и пропустила ее.

— Полагаю, мне надо радоваться, что вы больше не хотите сровнять Нью-Йорк с землей. Или планы изменятся, если вы снова найдете Меланту?

— Я никогда не желала сровнять Нью-Йорк с землей или убивать ваших людей, — сказала Сильвия со странным нажимом. — И сейчас не желаю. У меня, может быть, и нет к землянам подлинной привязанности, но никакого зла я им не желаю.

— Да, все, чего вы хотите, — это, наконец, применить ваш дар, — поморщилась Кэролайн.

Сильвия вскинула брови.

— Мы и так применяли свой дар. Подлинный дар воина не в сражении как таковом, но в защите своего народа. Действительно, порой приходится вступать в схватку, но гораздо чаще этот дар просто требует тщательной подготовки и внимательного ожидания.

— В этом вы, несомненно, преуспели, — пробормотала Кэролайн.

Сильвия вздохнула.

— Я не хочу этой войны, Кэролайн, — тихо сказала она. — Я видела достаточно смертей в Большой долине, мне этого хватит до конца дней. Но мой долг: — защитить мой народ. И все, что потребуется для этой цели, обязательно будет сделано.

— Понимаю. Могу я, по крайней мере, поехать с вами в город? Самой посмотреть, что вам надо сделать с моим народом, чтобы защитить свой?

Сильвия улыбнулась.

— Бросьте, Кэролайн, — с легкой укоризной сказала она. — Нельзя манипулировать мною так уж легко. Я думала, вы это поняли. — Улыбка погасла. — Хотя на самом деле я уже решила взять вас с собой. Что бы сегодня ни случилось, победа или поражение, вы сможете потом вернуться домой.

— А Роджер?

По лицу Сильвии пробежала тень.

— Роджер на стороне серых. Что бы с ним ни случилось, это зависит от них.

Наступило минутное молчание. Затем Сильвия повернулась и указала на поднос:

— Если хотите доесть, вам лучше поторопиться. Воины уже выступают. Нам тоже скоро надо отправляться.

Свет уже начал пробиваться через занавески в номере мотеля, когда звонок мобильного телефона разбудил Ференцо. Ухватившись за ручку кресла, он выпрямился, нашарил другой рукой телефон и включил его:

— Ференцо.

— Это Джон, Томми, — раздался голос Пауэлла. — Смит нашел записку.

Ференцо взглянул на светящиеся цифры часов, стоящих между кроватями, — 07:02 — и боковым зрением увидел, как Иона приподнялся на локте и смотрит на него еще мутным взглядом.

— Хорошо. — Он достал блокнот и ручку. — Продиктовал, я надеюсь?

— Продиктовал, конечно. Готов?

Ференцо открыл чистую страницу.

— Диктуй.

— Ты был прав насчет обертки от жевательной резинки. Смит говорит, что читается с трудом, но вот то, что он смог разобрать: *«Роджер: воины зеленых отправляются в Н.-Й. вт. вечером от Н... С ними Дамиан надо вмешаться, пока целы дома... Люблю тебя, К.»*. Тебе что-нибудь понятно?

— К сожалению, все. — Ференцо быстро записывал в блокнот. — Так, готово.

— Погоди, еще не все. Есть еще постскрипtum. Такой...

— Погоди-ка, — перебил Ференцо, нахмуясь. В первой записке Кэролайн не было никаких послесловий. — Что за постскрипtum?

— Просто постскрипtum, — недоуменно ответил Пауэлл. — Обычная приписка. Что-то не так?

— Возможно. — Ференцо напряженно соображал. — А почерк и ручка те же?

— Не знаю. — Пауэлл вдруг тоже задумался. — Во всяком случае, должно быть, похожи, иначе бы Смит сказал.

— Перезвони и спроси. А пока диктуй, что там.

— Ладно. Тут написано: *«P. S. Смотри не нарвись на воинов, как в ср.»*. А ниже поцелуй.

Ференцо нахмурился.

— Поцелуй?

— Ну, знаешь — ряд крестиков, как в школьных записках. В данном случае два ряда: в первом пять, во втором четыре, и в нижнем ряду после четвертого креста многоточие.

— Многоточие? — Ференцо был сбит с толку.

— Ага. Видно, скучает по мужу.

— Видимо, да. — Ференцо добавил три точки к последнему ряду крестиков. — Все?

— Все, — подтвердил Пауэлл. — Гм, ты, в самом деле, понимаешь, что это значит?

— До примечания думал, что понимаю, — признался Ференцо. — Меня беспокоит вот это насчет «не нарвись на воинов». Предполагаю, это может означать, что нам придется иметь дело с основной группой и еще отдельными смутьянами-одиночками.

— Имеешь в виду — вроде снайперов или саботажников?

— Вроде того, — с сомнением сказал Ференцо. — Не думаю, что главной их целью является собственно город, но могут быть огромные сопутствующие потери.

— Сколько их примерно, не знаешь?

— Мой источник сообщает, что зеленые могут выставить до шестидесяти человек. С ними будет нетрудно разобраться, если это компактная группа. Но если они выставят хотя

бы несколько индивидуалов, распыленность наших сил окажется роковой.

— Проклятье, — пробормотал Пауэлл.

— Да уж, — согласился Ференцо. — Слушай, надо посмотреть саму записку. Будешь звонить Смиту насчет почерка, скажи, пусть живо едет сюда.

— Скажу. Как думаешь, вторник в записке — имеется в виду на этой неделе? В смысле сегодня?

Ференцо поморщился.

— Предполагаю. Похоже, кто-то опередил расписание Сирила на двадцать четыре часа. Говоришь, встреча с Мессерлингом в девять?

— Да, обязательно скажу ему насчет изменения даты, — пообещал Пауэлл. — Что планируешь на сегодня?

— Не по сотовому. Сообщи, когда Смит рассчитывает вернуться.

— Хорошо.

В трубке раздался щелчок, и Ференцо выключил телефон.

— Проблемы? — тихо спросил Иона.

— Звонил напарник. — Ференцо, потягиваясь, встал. — Еще одна записка от Кэролайн.

— Я понял. Я не об этом.

Ференцо пожал плечами и направился в ванную.

— В данной записке есть примечание; либо это секретное послание Роджеру, либо дезинформация, которую Сильвия дописала сама уже после того, как Кэролайн спрятала записку, либо она потихоньку начинает сдавать.

Он умывался холодной водой у раковины, когда Пауэлл перезвонил.

— Я только что говорил со Смитом, — напряженно сказал он. — Когда он сидел на парковке у ресторана и ждал моего звонка, то наблюдал интересную картину: по Сорок второму на юг прошли пять белых крытых грузовиков «додж» и свернули на Двадцать восьмое на восток.

У Ференцо закололо в затылке. Направление, откуда едут, как раз там, где живет Сильвия, а направление, куда едут, как раз ведет на Манхэттен.

— Водителей разглядел?

— Только, что все молодые и темноволосые. Еще номера записал, я уже отправил запрос в Управление автотранспорта, они сейчас пробивают.

— Насколько понимаю, навряд ли они так беспечны, чтобы посадить Кэролайн Уиттиер прямо в кабину?

— Если она и была там, Смит ее не увидел. Он думает, может, пока не садиться им на хвост, а подождать немного, может, еще, кто проедет. А уже тогда проследить и выяснить, куда они все намылились.

Ференцо в задумчивости поскреб щетину на щеке. При обычных обстоятельствах он бы, конечно, послал Смита за караваном.

Но тогда им с Пауэллом пришлось бы ждать записку Кэролайн еще несколько часов. Если зеленые уже выступили, то медлить нельзя.

— Он еще предлагает послать нам записку по факсу, — добавил Пауэлл. — Чем писали, конечно, будет не определить, но, по крайней мере, можно проверить почерк.

— Хорошая мысль, — согласился Ференцо, досадуя, что сам не додумался. — Пусть посмотрит, может, найдет место, откуда можно послать факс через компьютер, а не обычный аппарат. Может, там смогут увеличить размер и контрастность.

— Он уже приметил неподалеку скобяную лавку, где принимают посылки и отправляют факсы. Оттуда он даже сможет продолжать следить за дорогой.

— Отлично. Когда она открывается?

— Только в десять, но в окне есть телефон для срочных вызовов. Думаю, это наш случай.

— Определенно, — согласился Ференцо. — Пусть отправит факс в участок; когда получишь, позвони. Я скажу, где мы встретимся.

— Ясно. До связи.

Ференцо выключил и отложил телефон, затем закончил умывание и потянулся за полотенцем.

— Так какой у нас план? — раздался голос сзади. — Он оглянулся: у двери в ванную стоял Иона.

— Я возвращаюсь в город. — Полицейский энергично потер лицо полотенцем. — Надо расшифровать это послание.

— По-моему, все ясно. Зеленые вечером захватывают Манхэттен с севера и продвигаются на юг, а Дамиан снесет те дома, с которых серых будет не выкурить ревуном.

Ференцо опустил полотенце и удивленно взглянул на Иону.

— Ты оставил блокнот открытым, — объяснил тот, сконфуженно улыбаясь.

Ференцо тоже улыбнулся, только сейчас сообразив, что допустил ошибку. Глупо.

— Я просто удивился, как ты смог разобрать мой почерк, вот и все, — сказал он, вешая полотенце. — Нас главным образом интересует постскриптум.

— Мне будить остальных?

— Нет, можете еще немного поспать. К часу ко мне подъедет один мой друг на большом полицейском фургоне, полицейский по имени Аль Чензи, для вас — Криперс. Он перевезет вас в город в гостиницу напротив Управления полиции. Я уже заказал номер на твое имя.

— Ладно. Как будешь добираться? На пароме?

— Нет, жена Криперса одолжила мне машину. Все будет нормально.

— Давай я поеду с тобой.

Ференцо покачал головой.

— Я бы предпочел, чтобы вы держались вместе и присматривали за Мелантой. Кстати, вспомнил.

Он снял с левого запястья молот-пистолет.

— Отдай это Джордану и передай мое спасибо. — Он протянул браслет. — Чрезвычайно удобная штучка. Неплохо бы такую иметь.

— Пожалуйста. Когда все закончится, приходи, обсудим заказ. — Иона усмехнулся. — Может, мы, положим, начало новой легенде о Торе.

— Давай пока сосредоточимся на насущных проблемах, — угрюмо ответил Ференцо, натягивая рубашку. — Пусть все будут готовы к двенадцати тридцати — зеленые тоже. И обязательно убедись, что это Чензи: пятьдесят пять лет, волосы совершенно белые, тонкие усики, почти незаметные, голубые глаза, на мизинце правой руки не хватает одной фаланги.

— Понял. Будь осторожен.

— Не волнуйся. Увидимся.

— Порядок, прошел, — сказал скобарь, вручая Смиту обертку вместе с распиской. — С вас пятьдесят четыре доллара.

У Смита глаза полезли на лоб.

— Пятьдесят четыре доллара?!

— Так вызов-то срочный, время нерабочее, — напомнил хозяин. — Пятьдесят за вызов, четыре за факс.

— Хорошо.

Смит полез за бумажником и оглянулся на окно. Он заметил, что движение немного оживилось, и надеялся, что, пока он отвернулся от окна, белые фургоны больше не проезжали. Проехал белый «шеви», за ним старый красный «форд»-пикап, и, судя по звуку, одной из машин не помешала бы регулировка двигателя.

Смит замер. Еще не совсем рассвело, и он не разглядел водителя пикапа ясно. Но если он не ошибся...

— Гм-гм, — напомнил о себе сзади хозяин.

Смит выхватил три двадчатки и бросил на прилавок.

— Сдачи не надо, — недовольно бросил он. Схватив обертку и расписку, он распахнул дверь и бросился к машине.

Спустя полминуты Смит уже был на шоссе, выжимая из двигателя полную мощь. Вытащив телефон, он набрал номер Пауэлла.

— Это Смит, — услышав ответ, сказал он. — Думаю, мы нашли госпожу Уиттиер.

* * *

— Ни в коем случае! — воскликнул Ференцо и резко ударил по тормозам, чуть не врезавшись в фургон, идущий впереди. — Пусть едет за грузовичком, но к нему не приближается. Ни при каких обстоятельствах близко не подходит!

— Но он говорит, что может вытащить ее, — заспорил Пауэлл. — С ней в машине еще только одна женщина, он говорит, весьма пожилая.

Ференцо стиснул зубы.

— Помнишь тот странный звуковой удар, что сбил меня с ног у парка в субботу вечером? Эта старушка, Сильвия, умеет то же самое. Если она почувствует угрозу, слежка Смита может закончиться у ближайшего дерева.

Слышно было, как Пауэлл вздохнул.

— Хорошо. Я его предупрежу, потом поеду и заберу факс. Буду в конторе примерно через полчаса. А ты?

— Продираюсь через пробки, — проворчал Ференцо. — Через час, не раньше.

— А у нас есть столько времени?

Ференцо свирепо оглядел вереницы машин, простирающиеся впереди до горизонта. Нет, подумал он, столько времени у них может и не быть, гори все синим пламенем.

Судя по записке Кэролайн, зеленые перенесли начало действий на сутки, со среды на вторник. До города им ехать всего пару часов, и, хотя до ночи еще девять часов, они уже выступили. Значит ли это, что им необходимо несколько часов на подготовку, когда они, достигнут Манхэттена?

Или это значит, что они начнут сражение еще раньше, чем думает Кэролайн? Потому

что, если Николос решит выпустить Дамиана на небоскребы Манхэттена в середине рабочего дня...

— Ты прав, — сказал он Пауэллу. — Ладно. Мне быстрее все равно не добраться, но Уиттиеру совершенно не обязательно ждать меня, чтобы прочитать записку. Может, он ее расшифрует, пока я еду.

— Ты знаешь, где он?

— Номер четыреста двенадцать в гостинице «Ривервью». — Ференцо понадеялся, что ни одна из враждующих сторон не в состоянии прослушивать городскую сотовую связь. — В общем, так, планы меняются, — вдруг сказал он. — Как доберешься до конторы, позвони Уиттиеру и скажи, чтобы ехал в городскую администрацию — туда я доеду быстрее, чем в двадцать четвертый участок. И перешли факс Смита туда. Дай подумать... отправь его в муниципалитет Мерри Лэнг. За ней должок, и можно надеяться, что она будет держать язык за зубами.

— Уиттиер и факс Лэнг, понял. Где хочешь встретиться с Уиттиером? Ты ведь до сих пор числишься пропавшим.

— Да уж помню. На этаже у Лэнг должно быть достаточно безопасно — никто там не читает полицейские бюллетени.

— Понял. Что-нибудь еще?

— Следи пока за фургонами и не забудь о встрече с Серретов и Мессерлингом.

— Ясно. Если что-то узнаю, позвоню.

Телефон умолк. Ференцо нажал «Выкл.» и швырнул трубку рядом на сиденье. Бросив взгляд в зеркала, он вклинился в соседнюю полосу и нажал на газ. Пора показать этим черепахам, что значит тридцатилетний опыт вождения в Нью-Йорке.

* * *

Когда Пауэлл прибыл в отделение, факс торчал из аппарата.

— Отлично, — пробормотал он, пробегая глазами текст. Примечание — P. S. — выглядело именно так, как продиктовал Смит. Осталось только выяснить, что оно означает.

— Пауэлл? — позвал кто-то с другого конца комнаты. — Управление автотранспортом на четвертой линии.

— Спасибо. — Он торопливо подошел к столу, схватил трубку и нажал нужную кнопку. — Пауэлл.

— Говорит Адамсон, — раздался женский голос с сильным бруклинским акцентом. — Я пробила номера, которые вы прислали.

— Замечательно. — Пауэлл раскрыл записную книжку на нужной странице. — Готов.

— Все пять фургонов зарегистрированы на «Э. и Н. Грин ассошиэйтс» в Бушнеллсвилле, штат Нью-Йорк, — сообщила Адамсон. — Куплены подержанными два месяца назад.

— М-м, — сказал Пауэлл.

Значит, интуиция Смита не подвела: зеленые, в самом деле, выступили.

— Что-нибудь еще?

— Если хотите, могу продиктовать идентификационный номер и прочие детали, — предложила Адамсон. — Меня заинтересовало, что они куплены в одно время, и я выяснила имена предыдущих владельцев. Интересует?

— Еще как. — Пауэлл перевернул страницу.

— Оказалось, что все они принадлежали разным городским ресторанам. Что действительно любопытно, все владельцы ресторанов тоже носят фамилию Грин.

Пауэлл нахмурился.

— Серьезно?

— Вполне. Какие-нибудь махинации со страховкой?

Пауэлл натянуто улыбнулся. Знала бы она, в чем дело.

— Ты знаешь, что я не имею права это обсуждать, — сказал он как можно более сдержанно. — Названия и адреса ресторанов есть?

Она продиктовала информацию.

— Замечательно, — сказал Пауэлл, закончив записывать. — Спасибо.

— Всегда, пожалуйста.

Он положил трубку на рычаг и с мрачным удовлетворением просмотрел список. Теперь, по крайней мере, у них есть несколько точных адресов, связанных с неуловимыми Гринами. Пожалуй, стоит заняться ими, возможно, выяснить, не связаны ли между собой владельцы и их финансы. Возможно, удастся привлечь налоговую, если потребуются дополнительные рычаги.

Но это потом. Сейчас есть проблемы поважнее, например, что такое Сильвия везет на Манхэттен в пяти грузовиках. Возможно, боевиков? Но фургоны, которые описал Смит, обычно не оборудуются для перевозки пассажиров. Кроме того, по словам Ференцо, там просто не было столько народу. Значит, оружие, возможно, те звуковые штучки? Наркотики?

Взрывчатка?

Он достал телефонный справочник и открыл список гостиниц.

Он позвонит Уиттиеру, как велел Ференцо. Но потом даст знать полиции штата. Если сегодня утром на дорогах Нью-Йорка намечаются какие-то неприятности, они должны быть в курсе.

* * *

— Минутку. — Роджер прижал трубку плечом к уху и напарил ручку и бумагу на прикроватном столике. — Я готов.

— Так, — сказал Пауэлл. — Диктую: *«Роджер: воины зеленых отправляются в Н.-Й. вт. вечером...»*.

Роджер писал под диктовку, и сердце радостно прыгало в груди, хотя от усталости скулы сводила зевота. Кэролайн жива, по крайней мере, была жива вчера вечером. Не только жива, но и смогла послать сжатое, но ясное предупреждение.

То есть ясное, пока Пауэлл не дошел до послесловия.

— Пять крестиков, потом четыре и многоточие? — недоуменно переспросил Роджер. — И что это значит?

— Мы надеялись, что как раз вы сможете объяснить. Не может это быть обычное сокращение для поцелуев?

— Только не это, — твердо ответил Роджер. — Кэролайн никогда так не делала ни в записках, ни в письмах.

— Тогда точно намек, — заключил Пауэлл. — Нам осталось только выяснить, что это

значит.

Роджер поморщился. Перевод: теперь вам осталось только выяснить, что это значит. В конце концов, Кэролайн его жена.

— Саму записку можно как-то посмотреть?

— Ее привезут не раньше чем через несколько часов, но есть очень приличный факс. Я сейчас отправлю его сотруднице по имени Мерри Лэнг — она находится в здании муниципалитета на Центр-стрит напротив Городского собрания. Она будет ждать вас. Следователь Ференцо подъедет туда, как только сможет.

— Муниципалитет, понял, — повторил Роджер.

— Да, вот еще что, — немного неуверенно добавил Пауэлл. — Констебль Смит преследует сейчас пикап, который, как мы думаем, едет оттуда, где вы побывали с Ференцо. Возможно, за рулем ваша жена.

Роджер сжал в руке телефон.

— Она на вид в порядке?

— Как будто да. Просто подумал, что вам это важно знать.

— Спасибо. Ладно, я пошел.

— Факс ждет вас. До связи.

Роджер выключил телефон и откинулся на изголовье, глядя на записку.

«Смотри не нарвись на воинов, как в ср. XXXXXXXXXX...»

Если Кэролайн надеялась, что он догадается, то промахнулась.

Но она нашла время написать и рискнула отправить послание. Здесь должен быть какой-то смысл.

Он взглянул на ряд крестиков в конце записки. Конечно, это не поцелуи, Кэролайн никогда не одобряла подобные шутки. Хотела что-то вычеркнуть? Первые девять букв? Или последние девять? Может быть, первые или последние буквы из предыдущей записки?

— Что говорят? — подал голос Веловски с соседней кровати.

— Извините, что разбудил. Получили записку от Кэролайн.

— Ничего не ясно, как понимаю?

— На самом деле в основном вполне разборчиво. Вы эксперт по зеленым. Что может означать ряд крестиков?

— Жаргон для поцелуев, — проворчал Веловски. — Вроде «запечатано поцелуем». Вы когда-нибудь были подростком?

— Мама как-то сказала, что я родился сорокалетним. Я же спрашиваю о культуре зеленых и их жаргоне.

— Не помню ничего подобного. Это и было в записке? Куча крестиков?

— Помимо прочего. — Роджер оторвал верхний листок от бумажного блока и сложил пополам. — Я быстро приму душ, а потом надо идти.

— Пожалуйста. — Веловски закрыл глаза и повернулся на другой бок. — Дверью не хлопайте, когда будете выходить. Номер за нами до двух?

— Да, — подтвердил Роджер. — Приятных снов.

Веловски промолчал. Скорчив гримасу, Роджер слез с кровати и направился в ванную. По дороге к зеленым Ференцо предположил, что Кэролайн думает иначе, чем сам Роджер.

Остается только надеяться, что тот немного преувеличил. Поскольку, если не удастся

воспроизвести ход ее мыслей, риск, на который она пошла, окажется напрасным.

Он уже подвел ее столько раз. Больше этого себе позволить нельзя.

* * *

За последнюю четверть часа, по мере того как он приближался к скоростному шоссе и более населенным районам вдоль Гудзона, движение усилилось. Смит продолжал ехать за красным «фордом», стараясь соблюсти золотую середину: с одной стороны, быть поближе к цели и не выпустить ее из виду и в то же время подальше, чтобы не заметили его самого. Кое-какая практика была, но весь его небольшой опыт ограничивался городом, где дистанции совершенно иные.

Он нахмурился, вглядываясь вперед. По встречной полосе приближался белый фургон. Не из тех ли, что проехали на восток через Шандакен полтора часа назад? Если так, зачем едет назад? Он снял ногу с педали газа и немного сбросил скорость, надеясь разглядеть номер, когда фургон пройдет мимо.

Неожиданно фургон свернул на встречную полосу и пошел прямо на него.

Смит среагировал мгновенно, нажав одновременно на сигнал и тормоза и максимально уйдя вправо. Но фургон приближался. Полицейский увел машину еще правее, его взгляд заметался между фургоном и обочиной. Он отчаянно пытался найти хоть какое-то место, чтобы не съехать по пологому откосу в кювет. Но справа не было ни съезда, ни парковки, ни сколько-нибудь ровной площадки.

Фургон стремительно приближался. С проклятием Смит крутанул руль, и машина вылетела с дороги. Краем глаза он успел заметить, как фургон вдруг вильнул обратно на свою полосу-Автомобиль заскользил по откосу, резко клюнув носом, а затем подпрыгнул, когда въехал на противоположную сторону кювета.

С минуту Смит просто сидел; сердце отчаянно колотилось, все тело дрожало от выброса адреналина. Двигатель продолжал ровно работать на холостом ходу, капот выглядел неповрежденным. Кажется, он успел погасить скорость, перед тем как съехать с дороги, и возможно, обошлось без серьезных повреждений.

Сзади послышался осторожный хруст гравия. Он резко обернулся — не белый ли фургон вернулся, чтобы закончить работу. Но это был «линкольн» последней модели; из-за руля на него смотрел во все глаза лысоватый старик. Сей милосердный самаритянин что-то настойчиво говорил в свой сотовый — вероятно, вызывал полицию.

Смит глубоко вздохнул. Полиция, тягач, и, если повезло с радиатором и подвеской, он выберется.

Но пока...

Он вздохнул, выключил двигатель и нашарил мобильный телефон.

— Говорит Смит, — раздраженно произнес он, когда Пауэлл ответил. — Я их упустил.

— Приехали, — объявил таксист, когда они свернули с Бродвея и покатали вдоль парка, окружающего Городское собрание. — Где вас высадить?

— Да где-нибудь тут, — ответил Роджер.

Таксист свернул к тротуару и остановился.

— Спасибо.

Роджер расплатился и вышел. Машина отъехала, и он зашагал по тротуару к возвышающемуся впереди зданию муниципалитета, размышляя, как там нынче с охраной. Надо надеяться, что эта Лэнг сообщила на вахту, что его ожидают.

— Здравствуйте, Роджер, — раздался позади голос Роджер резко обернулся; сердце заколотилось. В двух шагах от него с невозмутимым лицом стоял Торвальд.

— А! — неуверенно произнес Роджер; получилось глуповато. — Здравствуйте, Торвальд.

— Вы опоздали, — угрюмо сказал тот.

Мгновение Роджер соображал, в чем дело, затем поморщился. Конечно — встреча, которую они назначили как раз перед тем, как его с Кэролайн взяли люди Николоса. Встреча, припоминается, на которую он и не собирался идти.

— Сожалею, — сказал он. — Мы немного заблудились.

— Слышал. — Торвальд поднял брови. — Может быть, уделите мне несколько минут сейчас?

Роджер заколебался. Хотя — рядом суд, полиция, вряд ли Торвальд настолько безрассуден, чтобы решиться на что-то отчаянное.

— Полагаю, немного времени у меня есть, — как можно спокойнее ответил он, глядя по сторонам.

Роджер хотел отыскать скамейку, но ничего не обнаружил.

— Где?..

— Давайте пройдемся, — предложил Торвальд, жестом приглашая его присоединиться. — Прогулка через парк всегда помогает приятно скоротать время.

— Вам определенно нравится форсировать события. — Роджер оглядел деревья вокруг, принаравливаясь к хромающей походке Торвальда. — Кстати, как вы меня нашли?

— Наблюдатели Хафдана заметили, как Веловски вчера вечером вышел из дома и направился в вашу гостиницу, хотя, конечно, тогда никто не придавал значения этому факту. Я предположил, что, по крайней мере, вы можете вернуться сюда на ночь, и отправил Гарта понаблюдать. Он слышал, как вы упомянули здание муниципалитета, и я пришел, чтобы дожждаться вашего появления.

— Ясно. Кстати, как себя чувствует Гарт?

— В общем, нормально. — Торвальд чуть улыбнулся. — Хотя готов грызть гранит от злости.

Роджер бросил взгляд на близлежащие здания. Может, на одном из них сидит Гарт и целится в него из молота-пистолета?

— Надеюсь, он понимает, что лично против него никто ничего не имел?

Торвальд кивнул; в знак согласия или просто так, было непонятно.

— Вы нас всех провели, — сказал серый. — Вы и Иона тоже. Насколько я понимаю,

участвует вся его семья?

— Такие вопросы я не могу обсуждать.

— И конечно, полицейский, — продолжал Торвальд. — Следователь Ференцо. Да, неплохо вы нас одурачили. Поздравляю — отличная работа.

Он взглянул Роджеру в глаза.

— Но я должен вернуть ее, — тихо, но серьезно сказал он. — Для города это единственный шанс. Если зеленые доберутся до нее, мы все погибнем.

— Все мы? — уточнил Роджер. — Или только все серые?

Губы Торвальда сжались в тонкую линию.

— Вот сострадание землян и закончилось. — В его голосе прозвучала нотка горечи. — Да, по большей части погибнут зеленые и серые. Вам от этого легче?

— Да нет, не легче. — Роджер почувствовал, как к лицу прихлынула кровь. Глупо, опять глупо получилось. — Извините. Я не это имел в виду.

— А что вы имели в виду?

— Я только подверг сомнению ваши аргументы. Я вообще не хочу, чтобы кто-то погиб. Но угрожая мне и городу, вы не добьетесь от меня сотрудничества.

Торвальд покачал головой.

— Это не угроза. Просто констатация факта. Конечно, цель зеленых — мы, но не думайте, что земляне не пострадают. Александр и Николос твердо решили нас уничтожить, и, если им придется приказать Дамиану снести все дома на Манхэттене, они так и сделают.

У Роджера засосало под ложечкой.

— Я думал, вы не верите, что Дамиан жив.

— Во что я действительно никогда не верил, это в то, что такой командующий, как Николос, будет сидеть, сложа руки, глядя, как уничтожают его главное оружие, — мрачно продолжал Торвальд. — Я знал, что у них что-то есть на уме, и именно потому всегда считал сомнительным соглашение Хафдана и Сирила, основным пунктом которого была смерть Меланты. Я только не знал, какие карты зеленые прятали в рукаве. Теперь мы знаем.

Роджер уставился на него, в памяти всплыл разговор с Ионой и Джорданом о противостоянии землетрясов.

— Так вот зачем вы ее похитили из того двора в пятницу? Знали про Дамиана и понимали, что Меланта — единственная, кто может противостоять ему?

— Нет, ни то ни другое. Я и намека не слышал, что Дамиан может быть жив, до того как вы о нем упомянули в субботу. — Он поморщился. — Что касается противостояния с Мелантой, то и это маловероятно. Она еще слишком мала, чтобы соперничать со взрослым землетрясом.

— Тогда зачем она вам? — настаивал Роджер. — Хотите убить ее и обвинить во всем зеленых?

Торвальд фыркнул.

— Роджер, вы опять все искажаете. Это Хафдан разработал вместе с Сирилом план «Дитя мира». Я никогда не был с ним согласен.

— Потому что хотели войны?

— Потому что хотел решить вопрос как солдат, а не как дипломат, — отрезал Торвальд. — Какой солдат станет требовать смерти маленькой девочки, чтобы обеспечить преимущество на поле боя?

— Но вы подбросили мне маячок, — возразил Роджер. Он чувствовал, что почва уходит

из-под ног. Торвальд, кровожадный поджигатель войны, так заботится о средствах достижения победы? — И Меланту похитили.

— А что оставалось делать? — с волнением спросил Торвальд. — Там на одном из домов сидели сыновья Хафдана, а у Сирила в деревьях на улице — полдюжины зеленых, и все терпеливо ждали, когда полиция закончит работу и уедет. Если бы Гарт и Вулфи не приехали первыми, Меланта к утру уже была бы мертва.

— То есть вы хотите сказать, — медленно произнес Роджер, — что защищали ее?

Торвальд тяжело вздохнул.

— Бесполезно, — пробормотал он. — Она не поверила. Не приходится рассчитывать, что вы поверите.

Роджер глядел на него в полном смятении. Можно ли верить Торвальду? С Мелантой и точно было все в порядке, когда несколько часов назад они нашли ее; она не была связана или с кляпом во рту, чистая и как будто не запуганная, в каюте на подносе были остатки приличной еды. Правда, охрана стреляла по ним, но если Торвальд прав, они, скорее, ожидали вторжения людей Хафдана, которые увели бы девочку на смерть.

— Хочу спросить кое-что, — сказал Роджер. — Почему вы вообще переехали на Манхэттен?

Торвальд натянуто улыбнулся.

— Может быть, вы хотите спросить, почему я поселился в квартале от зеленых?

— Считайте, что да. Так почему?

Торвальд устремил взгляд вдаль, на деревья, шелестящие на ветру.

— После того как мы неожиданно узнали друг о друге, первые несколько недель были очень странными, — задумчиво произнес он. — Что-то вроде сочетания холодной войны и замедленного балета. Обе стороны прощупывали друг друга, выискивая сильные и слабые места, вели политическое и географическое маневрирование, добивались преимущества. Мне казалось, что мы идем к чему-то вроде окопной войны, в которой оказалась Европа во время Первой мировой.

Он снова взглянул Роджеру в глаза.

— Люди так жить не могут, Роджер. Это истощает волю и энергию, разрушает психику, привносит в повседневность элемент страха. Хуже того, создает почву для вражды, которую, возможно, никогда не удастся искоренить. Вы уже видели, как это случалось в сотнях разных мест на вашей планете. Я не желал этого ни моему собственному народу, ни даже зеленым.

Он показал на север.

— И я решил, так или иначе, форсировать события. Переехал с семьей в переулок Макдугал, половину которого, вероятно, в то время занимали зеленые. Я надеялся, что либо это вызовет полномасштабную войну, решив вопрос раз и навсегда, либо заставит научиться жить в мире, как раньше, в Большой долине. В любом случае противостояние закончилось бы.

— Возможно, ценой уничтожения одной из сторон?

— Я надеялся, что нам хватит мудрости, чтобы не дойти до этого, — поморщился Торвальд. — Но вместо этого зеленые нашли Меланту.

С минуту они шагали в молчании.

— Хорошо, — наконец сказал Роджер. — Значит, вы на стороне Меланты.

— Я — на стороне серых, — язвительно поправил Торвальд. — Но я не хочу отдавать ее на заклятие. — Он покачал головой. — Хотя теперь уже ничего не зависит ни от вас, ни от

меня. Похоже, те ваши зеленые с севера штата выступают.

У Роджера перехватило дыхание.

— Что вы хотите сказать?

— В полиции объявлена тревога по поводу пяти белых грузовых фургонов, которые следуют из Кэтскиллза предположительно в нашем направлении. Какие бы планы Николос ни строил и что бы ни готовил, теперь он переводит действие в город. А история учит, что командующие никогда не начинают действия без подготовки.

Он показал рукой в сторону парка.

— Маневры закончились. Теперь нам осталось только встретиться лицом к лицу с тем, что он приготовил.

Роджер взглянул на тихо покачивающиеся верхушки деревьев.

— Вы говорили, что желаете, чтобы ваши народы жили в мире, — сказал он. — Хотите это доказать?

Глаза Торвальда сузились.

— Как?

— Еще не знаю, — признался Роджер. — Но в течение ближайших нескольких часов что-то, возможно, прояснится.

— У вас есть мой номер телефона. — Торвальд остановился и протянул руку. — Звоните в любое время.

— Обязательно. — Роджер протянул руку навстречу.

После короткого рукопожатия Торвальд повернулся и пошел прочь.

— Еще один вопрос, — сказал Роджер вдогонку. — Что может означать в представлениях серых ряд крестиков?

Тот обернулся, наморщив лоб.

— Крестиков?

— Конкретно — ряд из пяти крестиков, четыре под ними и многоточие.

— Ни о чем таком не слышал. — Торвальд склонил голову набок. — Значит ли это, что вы получили новое послание от Кэролайн?

Роджер колебался.

— Да, но мы его еще не полностью расшифровали. На самом деле, поэтому я иду в муниципалитет.

— Ясно. — Торвальд внимательно посмотрел на него. — Имейте в виду, что оба наших народа сейчас под прицелом у Николоса. Не будем держаться вместе — и многие не доживут до утра.

— Понимаю. Я сделаю, что смогу, чтобы держать вас в курсе.

— Очень хорошо. В том же духе сотрудничества вам, может быть, полезно знать, что вчера ближе к вечеру Николос покинул свой дом в Морнингсайд-парке и поехал на такси в южном направлении.

Роджер сдвинул брови. Не на север?

— Куда он поехал?

Торвальд покачал головой.

— К сожалению, сеть наблюдателей Хафдана была в последнее время ослаблена, они потеряли его в районе Таймс-сквер. — Он поджал губы. — Несколько его людей были сняты с постов для поисков вашего друга Ионы.

— Жаль. Могло бы помочь.

— Представляю. Мои люди ищут его с тех пор, как я узнал, что он исчез. Пока не нашли.

Роджер поморщился.

— Ищите.

— Не сомневайтесь. Звоните.

— Обязательно, — пообещал Роджер.

Кивнув, Торвальд пошел прочь.

Роджер наблюдал, как он скрылся среди пешеходов. Потом глубоко вздохнул и, повернувшись, с новой решимостью направился к зданию муниципалитета, где его ждал факс.

* * *

— Не знаю, — сказал командир спецназа Мессерлинг, постукивая по зубам кончиком карандаша и глядя на карту Манхэттена на стене комнаты совещаний. — Если предположить, что ваш информатор прав насчет вторжения с севера, мосты Бродвейский и Генри Гудзона — это наиболее очевидные точки входа, а мосты Вашингтонский, Джорджа Вашингтона и Кросс-бронкс — второстепенные.

— Слишком большая зона охвата, — заметил лейтенант Серрета. — Даже при том, что мы знаем номера, на дорогах полно белых фургонов «додж».

— Меня так больше беспокоят члены банды, которые уже в городе, — сказал Мессерлинг. — Насколько я понимаю, у вас нет ни малейшего понятия об их расположении.

— Есть пять возможных концов, но без доказательств. — Пауэлл раскрыл блокнот со списком ресторанов, которыми владели Грины. — Два месяца назад эти заведения продали той группе на севере те самые фургоны.

— На ордер не тянет, — заметил Серрета.

— Можно, конечно, использовать закон о внутренней безопасности, — с сомнением произнес Мессерлинг. — Но тогда придется привлекать федералов.

— Следователь Ференцо надеялся, что удастся обойтись без этого, — сказал Пауэлл.

— Только до того, как исчез, — мрачно добавил Мессерлинг. — Сейчас он, весьма возможно, думает иначе.

— Его исчезновение и эти разборки связаны лишь предположительно, — сказал Серрета. — По его машине так и нет ничего?

— К ней сутки никто не подходил, потом мы решили увезти ее в гараж.

В животе у Пауэлла возник неприятный холодок. Когда Серрета узнает, что Ференцо жив и здоров, им все круги ада придется пройти.

— Пока криминалисты ничего не нашли.

Серрета хмыкнул.

— Ну, не знаю. Проиграем ту запись еще раз?

Пауэлл нажал кнопку магнитофона, где стояла лента с посланием Сирила на автоответчик Уиттиеров.

— Возможное похищение, если не считать того, что никто по имени Меланта не числится пропавшим, — задумчиво произнес Серрета. — Завуалированные угрозы, но никаких намеков на связи за границей. Не уверен, что удастся привлечь федералов, даже

если захотим.

— Значит, будем работать сами, — сказал Мессерлинг. — Так. Когда надо приготовиться?

— В том-то и дело, — ответил Пауэлл. — Судя по записи, столкновение произойдет завтра вечером. Позднее мы получили информацию, что сегодня вечером. Но фургоны уже в пути, значит, может начаться уже днем.

— Или они решили, что безопаснее пересечь мост днем, в гуще движения, — предположил Серрета. — После чего просто залечь на дно и дожидаться ночи. — Он показал на блокнот Пауэлла. — Возможно, в одном из тех ресторанов.

Из кармана у Пауэлла раздался негромкий звонок мобильного телефона.

— Извините. — Он вытащил телефон. — Пауэлл.

— Джон, это я, — раздался голос Ференцо. — Расшифровали.

* * *

Роджер сидел в маленькой комнате ожидания в том же коридоре, где находился кабинет Мерри Лэнг, разглядывая факс, когда кто-то сел рядом на стул. Он вздрогнул, но это был всего лишь Ференцо!

— Лэнг сказала, где вы. — Полицейский протянул руку. — Ну, что думаете?

— Будто писали два разных человека. — Роджер отдал факс. — Первая часть стенографична, но предельно ясна. С другой стороны, постскрипtum многословен, но понятно не больше, чем какая-нибудь бюрократическая анкета.

— А обе части действительно написаны Кэролайн? — спросил Ференцо, изучая бумагу.

— Да, почерк вроде ее, — подтвердил Роджер. — Я только не понимаю, с чего вдруг она так изменила стиль?

— Предположим, что Кэролайн уже подготовила первую часть записки и вдруг узнала что-то новое.

Ференцо вернул факс и откинулся на стуле. Сцепив пальцы на затылке, он уставился в потолок.

— Она хочет дополнить послание, но по определенным причинам необходимо, чтоб содержание осталось непонятным, если вдруг текст попадет не к тем людям.

— Подразумевается Сильвия?

— Самое очевидное предположение, — согласился Ференцо. — Теперь она должна вписать новую информацию так, чтобы понял только нужный человек, то есть вы или кто-то из серых.

Роджер покачал головой.

— Я уже спрашивал о крестиках у Торвальда. Никаких ассоциаций.

Ференцо нахмурился.

— Вы с Торвальдом говорили?

— Он поймал меня по дороге сюда. Очень интересно побеседовали.

— Вы ведь не рассказывали ему о записке?

— Я сказал, что есть записка, но нам еще надо ее расшифровать. Какие у вас идеи?

— Пока весьма туманные, — пробормотал Ференцо. — Не забывайте только, что она не обязательно мыслит так же, как вы. Там, где вы видите буквальный смысл, она, возможно,

подразумевает символический.

Роджер фыркнул.

— Честно говоря, я думал, что здесь все в символическом смысле.

— Не обязательно. Есть места почти наверняка буквальные. Вот, например, строчка о «воинах в среду». Указание на среду вполне конкретное.

— Ну, в прошлую среду мы точно никаких воинов не видели. Во всяком случае, тех, которых я знаю. Мне казалось, что имеется в виду завтрашняя среда, а не прошлая, и она хочет предупредить нас, что после сегодняшних событий где-то в городе еще останутся воины.

— Может, и так. Но я пока не готов отказаться от прошлой среды. Расскажите все, что произошло в тот день.

— Ходили на работу.

Роджер наморщил лоб, вспоминая события. После всего того, что случилось за последние дни, прошлая среда казалась бесконечно далекой.

— Вернулись домой, поужинали.

— Что ели?

— Рыбу. Потом стали собираться на спектакль, поспорили, идти домой пешком или ехать на такси и о том, что мало двигаемся. Потом пошли на спектакль. Под конец она умудрилась уронить кольцо под сиденье, и, когда мы вышли, все такси уже разъехались. Пошли домой пешком, немного поговорили о пьесе...

Он остановился, в памяти вдруг что-то зашевелилось. «Смотри не нарвись на воинов»...

— Что? — тихо спросил Ференцо.

— Пьеса ей очень понравилась, — медленно произнес Роджер. — Мне, пожалуй, нет. Такая глубокомысленная, психологичная, с типично нелепым любовным треугольником. — Он покачал головой; слишком поздно осознал он свои ошибки. — Отношения между людьми. Неудивительно, что ей нравятся пьесы, которые не нравятся мне. Я слежу за развитием сюжета, она — за взаимоотношениями героев.

— Что конкретно вы об этом говорили? Что-нибудь о римлянах?

— Нет. — Роджер взгляделся в крошечные буквы. — Хотя, постойте. Я же сказал о... — Он быстро взглянул на Ференцо. — О любовнике-латинце. Римские воины — латинцы-любовники.

Ференцо покачал головой.

— Ничего не понял.

— Я назвал злодея из пьесы любовником-латинцем. — Роджер запинаясь, язык не поспевал за мыслью. — Кэролайн возразила, что он француз; я сказал, что он любовник-латинец в общем смысле; она спросила, в том же ли смысле, что римский. Понимаете? Латинский — римский. Римский — воин.

Ференцо по-прежнему смотрел с недоверием.

— Надеюсь, это не все?

— Еще как не все, — мрачно ответил Роджер. — Потому что сразу после этого упоминания мы поспорили о главной героине — была она жертвой или нет. Я думал, что та женщина пришла к гибели неосознанно. Кэролайн же возражала, что героиня все время действовала сознательно.

— Действовала сознательно, — как бы про себя пробормотал Ференцо. — Действовала созна... — Он остановился. — Сильвия знала, что она оставляет записки?

— По-моему, именно так, — согласился Роджер. — Это объясняет, почему Кэролайн вдруг перешла к шифровке.

Я только не понимаю: если Сильвия узнала о первой записке, то почему не заперла Кэролайн, чтобы та не смогла оставить вторую?

— Очевидно, потому, что хотела, чтобы Кэролайн ее оставила, — мрачно ответил Ференцо. — Сильвия снабжала ее дезинформацией и намеренно позволяла передавать ее нам. — Он взглянул на факс. — Это означает, что все написанное до постскриптума — чужь. Зеленые совсем не с севера атакуют.

— Но если Кэролайн знала, что это ложь, зачем вообще посылала записку? — нахмурился Роджер.

— Потому что к тому времени поняла, что в первой записке тоже дезинформация. Но ее уже не вернуть. Поскольку зеленые проверяют записки и Сильвия, очевидно, не позволит передать прямое предупреждение, пришлось сообщить то, что хотела Сильвия, а затем приделать постскриптум в надежде, что они не поймут.

— А мы пойдем.

Роджер вспомнил первую записку с подтверждением существования Дамиана.

— Получается, никакого Дамиана нет?

— Я бы сказал именно так, — согласился Ференцо. — Похоже, Торвальд и Рон были правы — вся эта история не более чем выдумка. Наживка, чтобы заставить серых пойти по ложному следу. — Он постучал пальцем по факсу. — И возможно, нанести неожиданный удар в другой части острова.

— Хорошо, — медленно произнес Роджер. — Но если Дамиан не существует, то где ловушка?

— Господи, — пробормотал Ференцо, изменившись в лице. — Что у меня вместо мозгов? Роджер, ваша жена — гений. У нее была всего лишь обертка от жевательной резинки, ей пришлось придать словам двойной смысл. Один намек, два разных значения.

Он кивнул в сторону факса.

— Упоминание о воинах указывает на вашего любовника-латинца и Сильвию, верно. Но это также и подсказка к крестикам внизу.

У Роджера перехватило дыхание.

— Хотите сказать... римские цифры?

— И поскольку X равно десяти — девяносто воинов. Или больше — многоточие, вероятно, означает продолжение.

Он серьезно взглянул на Роджера.

— Вот в чем подлый секрет Николоса, Роджер. Неудивительно, что его мало заботило, что Меланта должна была умереть в среду в Риверсайд-парке. В Кэтскиллзе у него целая армия.

— А серые думают, что зеленых только шестьдесят. — У Роджера по спине побежали мурашки. — Николос собирается устроить им бойню.

— Не устроит, если я займусь этим. — Ференцо вытащил телефон и набрал номер. — Возможно, удастся перехватить фургоны до того... Джон, это я. Расшифровали.

— Хорошо, мы как раз этим занимаемся. — Пауэлл дописал сообщение. — Спасибо. Он выключил телефон.

— Мой агент, — пояснил он Серрете и Мессерлингу. — Новая информация: не исключено, что в фургонах боевики. Возможно, около сотни.

— Боевики? — нахмурился Мессерлинг. — Я думал, речь идет о бандитских разборках.

— То есть все-таки террористы? — спросил Серрета.

— Нет, разборка, — торопливо добавил Пауэлл, стараясь точно припомнить слова Ференцо. — Но эту группу специально тренировали и вооружили.

— Значит, минимальное число бандитов теперь от полутора сотен до двухсот? — спросил Мессерлинг.

— Причем только с одной стороны, — кивнул Пауэлл. — Хуже того. Есть указания, что нападение, которого мы ожидаем, — это только прикрытие. Значит, главный удар может грянуть с другого направления.

— Если не схватим их до того, как они пересекут мост или тоннель.

Серрета взял трубку и набрал номер.

— Полиция штата? — спросил Мессерлинг.

Серрета кивнул.

— Такие фургоны обычно не оборудованы для перевозки пассажиров. Если там набито столько людей, то можно задержать их за нарушение правил, этого времени хватит, чтобы найти оружие. Алло, это Серрета, полиция Нью-Йорка. Дайте мне Ковальского из оперативного отдела.

— Да, но на каком основании мы их вообще остановим? — спросил Мессерлинг.

— Смит засек несколько белых фургонов. — Серрета прикрыл трубку рукой. — И белый же фургон заставил его съехать в кювет. Поскольку мы не знаем, какой именно, придется остановить все, пока не разберемся.

— Меня вполне устроит, — кивнул Мессерлинг. — Остается надеяться, что устроит судьбу.

— Не будем пока об этом думать. — Серрета снял ладонь с трубки. — Мэтт? Говорит Пол Серрета. У меня тут для вас небольшая задача...

— Вот! — Констебль Альфонс Кили показал на колонну белых фургонов, приближающуюся по скоростной дороге. — Росс?

— Они, — подтвердил напарник, глядя в массивный бинокль. — Номера один... второй... да, это они. — Он опустил бинокль, сдвинув брови. — Мне казалось, сообщали о пяти.

— Да, я тоже насчитал восемь, — угрюмо сказал Кили и взял микрофон. — «Депеша» говорит «Браво-два-семь». К нам идут восемь, повторяю, восемь белых фургонов «додж»: номера пяти совпадают. Едут на юг, проехали Арден.

— Я «Депеша», повторяю, — ответил ясный женский голос. — Только преследовать и наблюдать.

— Вас понял. — Кили положил микрофон и завел двигатель.

Он пропустил фургоны и выехал на шоссе следом.

До сих пор было неизвестно, по какому поводу объявили тревогу. «Депеша» очень торопилась, и даже местное сарафанное радио не помогло.

Было, однако, ясно, что, чья бы рука ни поставила Манхэттен на уши, она явно длинная и тяжелая. Они еще и двух миль не проехали, а по рации уже поступило полдюжины кратких указаний, и конвой окружило несчетное количество патрульных машин. В течение следующих десяти миль число их все увеличивалось. Постепенно приказы перестали поступать, и Кили уже начал думать, что мероприятие решили отменить...

— Четвертый и шестой экипажи: начинаем, — вдруг затрещала рация. — Всем экипажам: на подмогу. Действовать предельно осторожно — водители и пассажиры вооружены и опасны.

Вокруг засверкало море красных огней, причем не только на патрульных, машинах, но на нескольких обычных.

— Дева Мария! — Росс тоже включил мигалку. — Это что же, светопреставление?

— Десять к одному — террористы, — заключил Кили. — Иначе не прислали бы такую поддержку.

— Этого только не хватало, — проворчал Росс.

Он передернул затвор ружья и поставил его прикладом на пол.

Теперь две патрульные машины заняли место прямо перед фургонами, еще три — в хвосте колонны. Водители поняли намек и начали осторожно принимать вправо сквозь растревоженный поток машин. Еще минуту они продолжали идти, будто оценивая серьезность намерений полиции. Кили стиснул баранку, от души надеясь, что у подозреваемых хватит ума не пытаться уйти. Ему уже приходилось видеть последствия погони с перестрелкой — зрелище малоприятное.

Шедшие сзади патрульные машины приблизились вплотную, замкнув окружение. Еще несколько секунд фургоны держали скорость, наконец, покорились неизбежному и съехали с дороги неподалеку от ряда высоких кленов. Полицейские машины свернули вместе с ними и остановились впереди и сзади, преграждая путь к возможному бегству, еще несколько для вящей убедительности пристроились слева. Кили оказался шестым сзади и спустя мгновение бежал к колонне фургонов вместе с еще дюжиной полицейских. Подбежавшие первыми уже выкрикивали приказы и открывали двери, держа оружие наготове.

Кили как раз смотрел на полицейских у последнего фургона и сразу заметил, как у них изменились лица.

— Что там? — Он подскочил ближе.

Один из полицейских молча повел стволом в сторону фургона. Нахмурившись, Кили приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

Водитель сидел неподвижно, держа руки на рулевом колесе, и сосредоточенно смотрел вперед.

Фургон был пуст.

— Что значит — пустые? — возмутился Пауэлл, с недоверием глядя на Мессерлинга. — Они не могут быть пустыми.

— Тем не менее, это так, — настаивал тот, сильнее прижав трубку к уху. — Только водители. Ни пассажиров, ни оружия, ни взрывчатки, ни контрабанды. Даже проводов нет. Ничего.

— А что водители? — спросил Серрета. — Как себя ведут?

Мессерлинг передал вопрос.

— Спокойны, как слоны, — передал он ответ. — Никакой паники, видимо, даже не удивлены.

— А сколько там полицейских?

— Около тридцати.

Серрета взглянул на Пауэлла.

— Обычного гражданина уже давно бы удар хватил. Эти ребята нас ждали.

— И ждали так давно, что успели заранее высадить своих людей, — с кислой миной согласился Пауэлл.

— Похоже на то, — подтвердил Серрета.

— Лейтенант, проверьте машины сверху донизу, — приказал Мессерлинг. — И привезите водителей.

Он выслушал ответ и повесил трубку.

— Через час будут здесь, — доложил он.

— Хорошо, — сказал Серрета. — Будем надеяться, что удастся что-нибудь из них вытрясти.

— Не волнуйтесь, — бросил Мессерлинг. — Вытрясем.

Водителей выстроили рядом с фургонами и обыскали. Полицейские уже готовы были надеть на них наручники, когда все восемь мужчин бросились наутек.

Только потом Кили осознал совершенную синхронность броска. А тогда, в горячке событий, он видел лишь мгновенно возникшую суету, когда все водители вырвались из окружения, нанеся удары в живот тем, кто оказался слишком близко, и отчаянно кинулись к стоящим рядом — деревьям. Бессмысленность побега была очевидна.

— Не стрелять! — скомандовал лейтенант с другого конца строя. — Взять их!

Полицейские уже бежали за ними. Кили присоединился к погоне, в глубине души понимая, что беглецов уложат на землю до того, как он успеет добежать, но был не в силах удержаться.

— Чего они дурака валяют? — на ходу выдохнул Росс.

— Знал бы я.

Может, они всей командой разом сошли с ума? Деревьев было едва более двух десятков, за ними ясно виднелась снегозащитная изгородь. Святые угодники, где они там собираются

скрыться?

Водители достигли первого ряда деревьев в пяти шагах впереди преследователей и нырнули за толстые стволы, как футбольные нападающие сквозь строй защитников. Один быстро нагнулся, сгреб охапку сухих листьев и швырнул назад.

Кили инстинктивно отшатнулся, бросив на мгновение взгляд в сторону листьев, чтобы убедиться, что вместе с ними не летит что-нибудь вроде гранаты или пакета взрывчатки, и снова взглянул вперед.

Водители исчезли.

Он задохнулся от изумления, не в силах поверить в реальность происходящего, но по инерции сделал еще несколько шагов. В какое-то мгновение, без шума и пыли, дыма или зеркал, все восемь человек исчезли, словно их поглотила сама земля.

Полицейские, стоявшие перед ним, очевидно, тоже не поверили своим глазам. Они устремились вперед сквозь миниатюрную рощу с оружием наперевес, вертя головой во все стороны. Через пять секунд они оказались на другой стороне рощи и сконфуженно остановились.

— Ну, чего ждете? — заорал лейтенант, похоже, так же изумленный, как и все остальные. — Они должны быть где-то здесь. Ищите! Найдите их, будь они трижды прокляты!

* * *

У Ференцо засосало под ложечкой.

— Как, все? — Он сильнее прижал трубку к уху.

— Да, все. — Пауэлл говорил с такой злостью, волнением и даже испугом, каких Ференцо никогда от него не слышал. — Восемь взрослых мужиков исчезли среди нескольких деревьев, где и зайцу не спрятаться.

— А что фургоны?

— Да пошел ты со своими фургонами! — рявкнул Пауэлл. — До сих пор я был готов полагаться только на твое слово. Но это уже зашло слишком далеко.

Ференцо вздрогнул.

— Ты бы это...

— Не волнуйся, — я на лестнице, — проворчал Пауэлл. — Но серьезно. Ты мне скажешь, наконец, что происходит, или мне выходить из игры?

Ференцо крепко сжал трубку, устремив взгляд на Роджера, который, застыв, сидел напротив за столиком.

— Не могу, — как можно спокойнее сказал он. — Пока не могу. Слово даю.

— Томми, в городе начинается заварушка, — сердито напомнил Пауэлл. — Если ты что-то знаешь — хоть что-то — ты обязан доложить.

— Я сообщил, сколько мог, Джон. Я так же работаю здесь, как и ты там. Прошу, доверься мне, потерпи еще немного.

В трубке раздался шумный вздох.

— Ох, гореть нам обоим в аду, — наконец произнес Пауэлл. — Ну ладно, еще немного. Но только немного. Эти твои боевики куда-то делись, а мы понятия не имеем, когда или где они собираются нанести удар.

— Найдем, — пообещал Ференцо, хотя совершенно не представлял, каким образом.

— Да уж хотелось бы. Перезвоню.

Ференцо выключил телефон.

— Сбежали? — спросил Роджер.

— Конечно, сбежали, — огрызнулся Ференцо. — Эти идиоты позволили им поставить фургоны рядом с деревьями.

Роджер поморщился.

— От вас тут ничего не зависело.

— Еще как зависело. Я же знал, на что способны зеленые. Мог предупредить.

— Думаете, поверили бы?

— Не имеет значения.

— Едва ли, — презрительно произнес Роджер. — Сидели бы сейчас в психушке.

— А здесь от меня, конечно, много пользы, — пробормотал Ференцо.

— Меланта жива и на свободе, — напомнил Роджер. — Польза вполне конкретная.

— Так-то оно так...

Ференцо постарался встряхнуться. Хватит себя жалеть, пора проанализировать ситуацию.

— Ладно. Значит, они сменили машины, следить за ними мы не можем. Если они будут сидеть тихо, даже зеленые не смогут их обнаружить, стало быть, и нет смысла привлекать родителей Меланты. Что у нас еще?

— Не знаю. — Роджер пожал плечами. — Думаете, у серых есть способ обнаружить их на расстоянии?

— Сомневаюсь. Будь оно так, Меланту нашли бы гораздо раньше.

— Все равно, спросить у Ионы не помешает. — Роджер украдкой оглянулся по сторонам и поднял левую руку.

— Ладно, но только спросите про детектор зеленых, — предупредил Ференцо. — Не говорите зачем. И о содержании записки Кэролайн.

Роджер нахмурился.

— Вы им не скажете?

— Пока нет. Не хочу, чтобы кто-то мешался, пока не будет ясен план.

— Но...

— Не спорьте. — Ференцо взглянул Роджеру в глаза. — Я не в настроении.

Тот выдержал взгляд, но кивнул.

— Хорошо.

Он дернул мизинцем и поднес руку к щеке.

* * *

«Да, денек выдался на редкость поганый», — думал Смит, медленно проезжая по улицам Стоуни-Холлоу.

Он предупредил Пауэлла и Серрету о белых фургонах, а в результате шоферы сумели как-то ускользнуть от тридцати полицейских и скрыться. Он обнаружил Кэролайн Уиттиер, а в результате съехал в кювет и упустил ее. Передал описание красного «форда» и номер, а теперь ему говорят, что никто не видел машину, с тех пор как она исчезла за холмом.

С другой стороны, официально Смит не выходил на работу и, хотя Пауэлл заверил его, что все уладит, подозревал, что Хилл будет в ярости, когда он действительно появится в участке.

И вот он колесит в слегка помятой машине по городишкам, разбросанным вдоль шоссе, и ищет невесть что. Было бы куда проще, если бы люди из фургонов оставили их неподалеку от того места, где взяли новые машины, скажем у агентства по прокату или автовокзала. Но у них хватило ума не оставлять столь очевидных следов.

Но Кэролайн Уиттиер вместе с той старушкой, может, и не так хитры. Если они избавились от машины где-то здесь, и он найдет ее, возможно, удастся определить, куда направляется вся шайка.

Надежда, конечно, слабая. Но сейчас это единственно возможный вариант. Всяко лучше, чем возвращаться на Манхэттен и встретиться с Хиллом.

Впереди показался знак, снимающий ограничение скорости за границей населенного пункта. Дав газу, но, не ослабляя внимания, он направился к следующему городку.

* * *

Серрета едва сдержался, чтобы не грохнуть трубкой об аппарат.

— Насколько я понимаю, нет? — спросил Пауэлл, прикрывая рукой микрофон своего телефона.

— И даже хуже, — подтвердил лейтенант, бросив сердитый взгляд. — Сказал, что, может, зарубит и следующий ордер за то, что его побеспокоили с этим.

— А что полицейский исчез, его не волнует? — Пауэлл ощутил очередной укол совести за ложь.

— Конечно, волнует, — раздраженно сказал Серрета. — Говорит, что если бы мы доказали, что исчезновение Томми связано с этими людьми, то с удовольствием выписал бы ордер. Но мы не можем. — Он поднял брови. — Или можем? — Он вдруг взглянул Пауэллу прямо в глаза.

Пауэллу понадобилось усилие, чтобы ответить.

— Нет.

— Потому что я бы очень огорчился, если бы с ним что-то случилось, а кто-то мог бы это предотвратить, — продолжал Серрета, не отводя взгляда.

— Да, сэр. Я тоже.

Серрета еще мгновение смотрел на него, затем едва заметно кивнул.

— Есть что-нибудь от Мессерлинга?

Пауэлл указал, на телефонную трубку;

— Поднимает отряды спецназа по всему городу. — Он с облегчением почувствовал твердую почву под ногами. — Хилл и Гросвенор пробивают по базе, какие еще машины зарегистрированы на те рестораны.

— Пока выясняют, надо, чтобы кто-то последил за самими ресторанами, — решил Серрета и снова снял трубку. — И снаружи, и внутри. Закон не запрещает полицейскому выпить в ресторане чашку кофе.

В трубке у уха Пауэлла щелкнуло.

— У меня есть предварительный план размещения сил, — произнес голос

Мессерлинга. — Не хочешь записать?

Пауэлл взял ручку и блокнот.

— Давай.

* * *

— Пустой номер. — Роджер опустил руку. — Иона говорит, у них нет способов отличить зеленых от людей, во всяком случае, не с любого расстояния. Инфракрасные показатели похожи, по акустическим показателям мы тоже выглядим одинаково, а детектор энтропийного метаболизма бесполезен на расстоянии меньше пяти футов.

— Что еще за детектор энтропийного метаболизма? — Ференцо поднял руку. — Ладно, не важно. А что насчет этих металлических брошек?

— Трасски? — Роджер покачал головой. — Сказал, что их показатели как у обычного металла. Их заставляют работать паранормальные способности зеленых. Но можно, полагаю, искать людей, которые носят их.

— Если исходить из предположения, что они настолько глупы, чтобы держать их на виду, а не в карманах.

— Да, верно, — согласился Роджер. — Что они, по-вашему, планируют?

— Ну, главное очевидно. Они предполагают, что вы передали дезинформацию Торвальду, значит, они ждут, что серые соберутся на севере острова, где будут ждать появления воображаемого Дамиана с воинами сопровождения. Это даст Николосу возможность зайти к ним сзади — скажем, со стороны озера Джордж или Триборо — и перебить их, пока они ожидают удара с противоположного направления, или войти в Нижний Манхэттен и взять в заложники женщин и детей, оставшихся якобы в безопасности.

Роджера передернуло.

— Или войти прямо в Бруклин и Квинс, где живет основная масса серых.

— Пожалуй, — поморщился Ференцо. — Не хватает только, чтобы Николос распространил операцию на другие четыре района Нью-Йорка. Вопрос в том, предпримет ли Николос прямую атаку на противника или предпочтет тактику террористов и ударит по гражданским, чтобы деморализовать бойцов.

— Так что будем делать?

Ференцо взглянул в окно. Мимо спешили люди, машины. Это, конечно, вопрос. Кое-какие мысли были, но все они строились на хотя бы частичном понимании стратегии зеленых.

— Едем в гостиницу и ждем Иону и остальных, — решил он. — Может, вместе к чему-нибудь придем.

— Не думаете, что пора предупредить Торвальда и других серых?

— Давайте сначала поговорим с Ионой. — Ференцо решительно поднялся. — Что бы ни планировал Николос, сомневаюсь, что он начнет до темноты.

— Вы готовы поставить на это все наши жизни?

Ференцо снова посмотрел в окно на проходящих людей.

— Не думаю, что у меня есть какой-то выбор. Пошли.

Было уже почти два часа, и Смит больше не мог игнорировать отчаянные сигналы желудка, когда, наконец, подъехал к центру Кингстона.

Конечно, в сравнении с Манхэттенем определение «центр» выглядело странновато. Все же здесь были два небольших, но приличных на вид ресторанчика, в том месте, которое дорожные указатели называли исторической частью города у реки. Он выбрал один наугад, поставил машину и направился к входу.

— День добрый, — поздоровалась молодая женщина, когда он вошел. — Столик для одного?

— Да, пожалуйста, — кивнул Смит. — И красный пикап, если найдется.
Девушка заморгала.

— Что?

— Не обращайтесь внимания. — (Точно, не стоит шутить на пустой желудок.) — Я целый день провел в поисках пропавшего красного пикапа, вот и все.

— Красного пикапа «форд»? — раздался новый голос.

Смит оглядел пустой ресторан и наконец, заметил лицо в низеньком окошке, ведущем на кухню.

— Да, именно «форд». Нью-йоркский номер...

— А, он с номерами; — перебил мужчина. — Тогда ладно. Гейл сказал, что этот без номеров.

— Минутку, — быстро остановил его Смит, еще не веря удаче. Он убивается в поисках грузовичка, а эти люди уже знают, где он? — Они могли снять номера.

— Они? — Официантка нахмурилась. — Так это не ваш?

— Нет, но очень бы хотелось. — Смит извлек из кармана значок и удостоверение! — Констебль Джефф Смит, полиция Нью-Йорка. Я ищу этот грузовичок, он может быть задействован в похищении.

Официантка сразу посерьезнела.

— Сейчас позвоню Гейлу и узнаю, где он.

— Гейл не знает, — подал из окошка голос повар. — Звони Рольфу Джекоби — это он его видел.

— Хорошо, — отозвалась официантка. — Пожалуй, надо и Хэнку позвонить. Это наш начальник полиции, — пояснила она.

— Отлично.

Девушка поспешила к кассе.

Где-нибудь в Нью-Йорке пикап мог простоять незамеченным неделю. А в маленьком городке через час уже все знают о нем в радиусе пяти миль. Смит покачал головой.

— Боже, благослови Америку, — пробормотал он.

Пикап стоял аккуратно припаркованным за местной лесопилкой. Когда Смит подъехал, его ждала патрульная машина; сам начальник местной полиции вышел ему навстречу.

— Вы, должно быть, Смит. Я Хэнк Фишбурн.

— Рад познакомиться, — осторожно произнес Смит. — Сразу хочу сказать, что не намерен вторгаться в вашу епархию.

Фишбурн фыркнул.

— В связи с этим делом уже два часа объявлена тревога по всему штату. Про красный пикап, однако, ничего не было.

— Я сообщал о нем — заверил Смит.

— Должно быть, где-то упустили при передаче. Это слишком часто случается. В любом случае, мне кажется, что местничество тут неуместно. Чем мы можем помочь вам?

Смит выдохнул с облегчением.

— Для начала мне нужно понять, куда направились люди из грузовичка.

— Весь мой личный состав прочесывает окрестности, — сказал Фишбурн. — Как я понимаю, вы также ищете людей, ехавших в белых фургонах?

— Да, — подтвердил Смит. — Времени уже много прошло, но если удастся выяснить, на какие машины они пересели, то, по крайней мере, сможем понять, где они вышли в городе.

— Ну, в городе есть одно место по прокату машин и еще несколько в радиусе десяти миль, — задумчиво наморщил лоб Фишбурн. — Есть какие-то указания на их планы в Кингстоне?

— Я думаю, да. — Смит указал ни грузовичок. — Если бы они хотели только избавиться от грузовика, то друзья могли бы подобрать их где-нибудь в лесу. Каких-нибудь пятьдесят ярдов в стороне от дороги, и мы бы месяц его искали.

— Да логично, — согласился Фишбурн. — Ваш начальник Пауэлл собирается прислать мне фото госпожи Уиттиер. Когда получим, сможем начать более тщательный поиск. А пока... — он вскинул брови, — вы ведь так и не пообедали?

Будто в ответ, в желудке у Смита заурчало.

— Обождет, — сказал он.

Фишбурн покачал головой.

— Нет смысла начинать, пока не получим фото, — рассудительно заметил он. — Мои люди уже делают все, что можно сделать сейчас. — Он указал на свою машину. — Поехали. Угощаю.

Смит натянуто улыбнулся.

— А пока ем, хотите выяснить, что на самом деле происходит?

Фишбурн добродушно улыбнулся, положил Смиту руку на плечо и мягко, но решительно подтолкнул его к машине.

— Вроде того.

— А что, если я не смогу рассказать больше, чем вы уже знаете?

— Тогда десерт за ваш счет.

* * *

— Господи... — пробормотала Стефани. С побелевшим лицом и широко раскрытыми глазами она сидела между Иной и мужем. — Двести воинов?

— Полагаем, что именно столько, — сказал Ференцо.

— И вы не знаете, где они? — спросил Рой.

Даже с противоположного конца комнаты Роджер увидел, как у Ференцо напряглись мышцы на шее.

— Пока нет, — ровным голосом произнес он. — Мы сейчас над этим работаем.

— Приятно слышать, — не без сарказма проговорил Иона. — И когда же именно ты собираешься привлечь реальных экспертов по зеленым?

— Если ты имеешь в виду серых, не знаю в настоящий момент я даже не уверен, что это следует делать.

— Не уверен, что следует? — отозвался Иона. — Ференцо, речь идет о побоище. Двести воинов... — Он осекся, взглянув на троих зеленых и Джордана, сидевших вплотную на другой кровати. — Зенас, расскажи ты.

— По воспоминаниям сказителей о последней войне можно заключить, что один зеленый воин обычно справляется с четырьмя — семью серыми, — тихо сказал Зенас. — А вас сколько, около семисот?

— Шестьсот восемьдесят, — сказал Рон. — Но только около четырехсот — взрослые и подростки, которые могут сражаться. — Он посмотрел на жену. — Включая взрослых женщин.

— Посчитай, Ференцо. — Иона мрачно взглянул на полицейского. — Нас четыреста, и шестьдесят зеленых воинов, как мы думали, давали примерно равный баланс сил. — Он перевел взгляд на Роджера. — Двести воинов — это мгновенное уничтожение серых.

— Вы должны предупредить их, — сказала Стефани, умоляюще глядя на следователя. — Вы должны.

Ференцо вздохнул.

— Вся проблема в Николосе. Конкретнее, как именно он поступит, если серые поведут себя иначе, чем он ожидает.

— Что это значит? — спросил Иона. — Если не станем плясать под его дудку?..

— Дай ему сказать, сынок, — перебил Рон тихим, но твердым голосом.

— Спасибо, — сказал Ференцо. — Предположим, мы расскажем Торвальду о плане Николоса, как мы его представляем. Станет ли он посылать людей в Верхний Манхэттен, к месту ложной атаки? Или сосредоточится на защите главных районов, где живут серые?

— Вероятно, последнее, — кивнул Рон. — Да, я понял, в чем дело. Если мы не пошлем достаточно сил в северную часть острова, Николос, вероятно, перейдет к другому плану.

— Именно, — ответил Ференцо. — К сожалению, мы не знаем, в чем именно заключается план Б.

— А мы уверены, что знаем, каков план А? — спросила Лорел.

— Нет, точно не знаем, — признал Ференцо. — Но даже известная нам часть плана станет бесполезной, как только Николос поймет, что Торвальд и Хафдан не приняли игру. И тогда мы вообще не сможем на него повлиять.

— А почему не рассказать Торвальду, ну, скажем, половину правды? — неуверенно спросила Меланта, держась за руки Джордана и матери, сидящих по обеим сторонам от нее.

— Ты что, предлагаешь послать наш народ в ловушку? — напряженно спросила Стефани.

— Уверена, она не это имела в виду, — так же напряженно возразила Лорел в защиту дочери.

— Я не знаю, что она имела в виду, — резко ответила Стефани. — Но сказала она...

— Хватит, — перебил Ференцо. — Успокойтесь все.

— Вам-то легко говорить. — Стефани уставилась на него горящим взглядом. — Они не собираются уничтожать ваш народ.

— Меланта тоже не собирается уничтожать ваш народ, — раздраженно напомнил

Ференцо. — Или вы об этом забыли? — Он показал на зеленых. — Предпочитаете покончить с этим дурацким миром и начать войну прямо здесь? Давайте — у вас же молоты-пистолеты. Может, стрелять начнете?

Наступило неловкое молчание.

— Не валяйте дурака. — Голос Стефани все еще звучал напряженно, но она уже взяла себя в руки. — Извини, Меланта.

— Ничего, — тихо сказала Меланта. — Я не хотела...

— Все хорошо, милая, — успокоила ее Лорел. — Нам всем это непривычно. — Она посмотрела на Ференцо. — Среди нас нет воинов, — добавила она. — Мы понятия не имеем, как такие вещи планируются.

— Понимаю. Из всех нас я, вероятно, лучше других в этом разбираюсь, да и я далеко не эксперт. Но, нравится нам или нет, кроме девяти человек, находящихся в этой комнате, никто не решит этой проблемы. — Он взглянул на Роджера и добавил: — Десять, включая Кэролайн.

Он оглянулся, как бы ожидая возражений. Но все молчали.

— Ну, хорошо, — продолжал он. — На самом деле Меланта заговорила о том, что я сам собирался предложить. Ясно, что мы не можем рассказать Торвальду и Хафдану полуправду и отправить их в ловушку, но можно рассказать все и попросить их вести себя так, будто они знают только, что хотел Николос.

Он взглянул на Рона и Стефани.

— Вопрос в том, захотят ли они сотрудничать? Или вместо этого попытаются воспользоваться ситуацией и сокрушить зеленых?

— Еще более серьезный вопрос, а разве не этого мы хотим? — вставил Иона до того, как успели ответить Андерсоны. — Не сокрушить зеленых как таковых, но сократить численность воинов до приемлемой?

— Иона, воины ведь тоже зеленые, — предупредил Зенас. — Нельзя просто перебить их, так же как нельзя допустить этого по отношению к серым.

— Извините, но я не уверен, что у нас вообще есть тут выбор, — возразил Иона. — В этих воинах вся проблема. Надо их как-то нейтрализовать, иначе нам конец.

— Но нельзя же просто убить их, — запротестовала Лорел. — Они ведь следуют требованиям своего дара.

— И подчиняются Николосу, — заметил Иона.

— А это часть дара.

— На самом деле в словах Ионы есть рациональное зерно, — пробормотал Рон. — Сирил сейчас исполняет роль вождя, и Сирил предлагает мир. И, несмотря на это, Николос готовится к войне.

— Это только потому, что еще не установлено перемирие, — настаивала Лорел. — Как только вожди официально примут решение, Николос подчинится так же, как и все.

— А почему вы так уверены? — гнул свое Иона. — В теории-то все хорошо, но поручиться за это нельзя.

— Когда речь о зеленых — можно, — твердо ответил Зенас. — Дар определяет наш образ мыслей и поведение. А частью дара командующего является подчинение вождю.

— Так вождя-то как раз у вас и нет, — пробормотал Иона. Он неопределенно взмахнул рукой. — Ладно. Я не знаю, что еще придумать.

— Тогда подумай о том, что мы здесь все друзья, — тихо сказал ему Рон. — Что бы ни

произошло между двумя народами, это не должно разрушить нашу дружбу.

Иона опустил глаза.

— Полагаю, да.

— Какая ирония судьбы, — задумчиво произнесла Лорел. — Грустная ирония. Когда-то, до катастрофы в Большой долине, мы все были друзьями. А теперь, когда, кажется, что мы скоро потеряем все, наши две семьи снова сумели подружиться.

— Благодаря Меланте, — сказала Стефани.

— И Джордану, — добавила Лорел и, протянув руку за плечами дочери, взъерошила волосы Джордана.

— «Тогда волк будет лежать вместе с ягненком... — пробормотал Роджер. — И малое дитя будет водить их». [\[4\]](#)

— Что? — нахмурился Зенас.

— Старинное высказывание о пришествии лучших времен, — ответил Ференцо, взглянув на Роджера. — Немного неточно, но смысл верный.

— К сожалению, мудрые высказывания тут нам не помогут, — сказал Иона.

— «И малое дитя будет водить их», — задумчиво сказал Рон. — Любопытно, похоже, именно пожилые серые хотят возобновить войну. Более молодые, как Иона и Джордан, готовы принять зеленых с гораздо большей охотой.

— Думаю, у зеленых то же самое, — ответил Зенас. — К сожалению, именно старшие — у наших обоих народов — держат в руках власть.

— Но ведь это не навсегда, — заметил Рон. — Родись Меланта вождем, а не землетрясом, она автоматически получила бы власть над Сирилом и Александром, так ведь?

— В ее возрасте, наверное, нет, — медленно произнес Зенас. — Но года через два — несомненно.

— Значит, нужно, чтобы среди детей появился вождь, — сказала Стефани. — Полагаю, шансы невелики, что он есть и где-то скрывается?

— Шансы всегда есть, — ответил Зенас. — По всем обычным канонам генетики Меланта тоже не должна была родиться землетрясом. Вполне возможно, что какой-нибудь одиннадцатилетний будущий вождь лазает сейчас по деревьям в Центральном парке.

— К сожалению, нам от этого никакой пользы, если только он не подрастет за несколько часов на три года, — заметил Ференцо. — Давайте вернемся к насущным проблемам. Мы можем или нет убедить Торвальда или Хафдана действовать какое-то время по плану Николоса, чтобы разгадать его целиком?

Рон и Стефани переглянулись.

— Я обоих довольно мало знаю, — с некоторым сомнением произнес Рон. — Но именно Хафдан больше всех ратовал за мир. Я бы предложил начать с него.

— По-моему, тоже разумно.

— Хорошо. — Ференцо оглядел остальных. — Если нет возражений?..

Роджер осторожно вздохнул.

— У меня есть. Не думаю, что следует доверять Хафдану.

Все взгляды обратились на него.

— Но ведь именно он работал вместе с Сирилом над мирным соглашением, — заметила Лорел.

— Цена которому — жизнь вашей дочери, — напомнил Роджер. — Если надо к кому-то обращаться, я бы предложил Торвальда.

— Да вы шутите! — фыркнул Зенас. — Торвальд же похитил Меланту.

— Он сказал мне, что сделал это ради ее безопасности. — Роджер взглянул на Меланту. — Он говорил, что пытался и тебе это объяснить.

Лорел наклонила голову, чтобы взглянуть в лицо дочери.

— Меланта?

— Он, правда, говорил, — нерешительно согласилась девочка. — Но я думала, что он просто хочет, чтобы я вела себя тихо.

— Когда мы тебя нашли, ты выглядела нормально, — отметил Роджер. — Не связана, без кляпа во рту.

— Вы что, серьезно за Торвальда? — сердито спросил Зенас. — Это же он переехал в самую гущу зеленых, в переулок Макдугал, и выжил тех, кто обосновался там десятки лет назад.

— Он выжил их? — спросил Роджер. — Или они уехали по собственной воле?

— Он же вас похитил, забыли? — добавил Иона.

— И Николос тоже, — возразил Роджер. — И Хафдан — по крайней мере, пытался. Послушайте, я не отрицаю, что Торвальд обращается с людьми несколько неуклюже. Но не думаю, что он непременно хочет уничтожить зеленых.

— Тому есть громкие подтверждения, — пробормотал Иона.

— Я думаю, что он честный человек, — упрямо сказал Роджер. — И если откровенно, просто не знаю, что еще предпринять. Я не могу согласиться, что надо входить в контакт с тем, кто готов был спокойно наблюдать, как Меланту хладнокровно убивают.

— Тогда вы не можете доверять и никому из зеленых, — сказала Лорел.

— Уж я точно не доверяю, — согласился Ференцо. — Исключая, конечно, присутствующих. При всех благородных разговорах о дарах и сотрудничестве в среде зеленых, похоже, хватает нечестности.

— Потому что нет вождя, — устало возразила Лорел.

— Мы ходим по кругу, — сказал Рон. — Что именно?..

— Погодите. — Ференцо поднял ладонь, доставая телефон. — Да? Отлично. — Он вытащил блокнот. — Диктуй.

С минуту тишину нарушал только скрип авторучки Ференцо. Затем, к изумлению Роджера, лицо его расплылось в вымученной улыбке.

— Два фонаря, а? Как мило. Ага, понял. Спасибо.

Он выключил, телефон и опустил руку.

— Два фонаря? — нахмурился Роджер.

— Именно. — Ференцо продолжал писать.

— Но что это значит? — настаивал Роджер, которого игра слов сейчас совершенно не забавляла.

— Это значит, друзья, — с мрачным удовлетворением сказал Ференцо, — что мы, возможно, нашли их.

* * *

Когда разговор, наконец, зашел о деле, Смиту пришлось признать, что он и сам мало что знает. Тем не менее, он знал куда больше, чем начальник полиции Фишбурн.

— Ну и каша заварилась, — сказал тот, когда Смит закончил пересказ и откусил огромный кусок чизбургера. — Значит, вы думаете, что это те, кто похитил следователя Ференцо?

— Похитил или убил, — мрачно ответил Смит. — Чем больше уходит времени, тем меньше вероятность, что он жив. Если он подобрался к ним слишком близко, возможно, им нет смысла оставлять его в живых.

— Если не учитывать, что за убийство полицейского в нашем штате делают укольчик. Хотя, может, им просто на все плевать.

— Возможно.

Смит снова откусил от чизбургера. Он вдруг не показался ему таким же вкусным, как минуту назад.

— Но жена Уиттиера, по-вашему, все-таки у них?

— Во всяком случае, была, когда они спихнули меня с дороги. Полагаю, с тех пор они могли ее и прикончить...

— Шеф? — раздался голос из рации на поясе у Фишбурна.

Фишбурн отстегнул и поднял ее к уху:

— Да, Адам, что у тебя?

— Пока ничего не нашли, — доложил Адам. — Но я проверил чеки, пробитые утром, и нашел покупателя, который видел, как из машины вышли две женщины: одна пожилая, лет шестьдесят или старше, другая гораздо моложе, около двадцати пяти.

Фишбурн поднял брови.

— Он не заметил, в каком направлении они ушли?

— Нет. Но, судя по времени на чеке, это было сразу после девяти тридцати.

— Пять часов назад, — взглянув на часы, сказал Фишбурн.

— Да еще мы сделали запрос по номеру, который дал Смит. Пикапчик тот самый.

— Еще не хватало, чтобы был не тот. Забрали машину?

— Как только получили подтверждение. К нам на подмогу выехала бригада из полиции штата.

— Хорошо. Посмотри еще эти чеки, может, найдешь кого-то, кто видел, куда дамочки пошли со стоянки. Что с прокатом машин?

— Кейт занимается ими. Пока ничего не сообщала.

— Узнай, что у нее там, — приказал Фишбурн. — И пусть кто-нибудь посмотрит список угонов. Снятые номера могут быть использованы.

— Понял.

Фишбурн пристегнул рацию к ремню.

— Что ж, утром в девять тридцать она была жива, — сказал он.

— Уже что-то, — согласился Смит и, откусив еще от чизбургера, положил его на тарелку. — Но они уже получили фору в пять часов. — Он вытер руки салфеткой. — Нет смысла терять время.

Фишбурн хотел было возразить. Но, увидев выражение лица Смита, только кивнул.

— Ладно. — Он поднялся. — Поехали в участок, там посмотрите, что мы уже сделали и чем надо заняться еще. — Он обратился к официантке: — Мардж, запиши на мой счет, пожалуйста.

— Да нет. — Смит покачал головой и потянулся за бумажником. — Я заплачу.

— Вы ведь у меня в гостях, констебль, — твердо произнес Фишбурн, останавливая его

руку. — Ваши деньги тут ни к чему. Пойдемте.

Они снова вышли на улицу, где ярко светило солнце.

— Жаль, что у вас нет времени лучше познакомиться с Кингстоном, — сказал Фишбурн, когда они шли к машине. — Местечко очень симпатичное.

— Не сомневаюсь, — заверил его Смит. — А что это за историческая часть города у реки, о которой говорят все указатели?

— Это старая набережная. Причалы, музей, маяк и прочее. Лет сто назад у нас на Гудзоне водный транспорт процветал.

Смит замер.

— У вас есть работающие причалы? — осторожно спросил он.

— Да, но можете не волноваться. — Фишбурн слегка улыбнулся. — Начальник пристани за всем следит. Как только поднялась тревога, я позвонил ему и велел сразу сообщать, если кто-то пришвартуется. Все полицейские вдоль Гудзона тоже предупреждены.

— А когда именно поступил сигнал?

— Около девяти. — Фишбурн нахмурил брови. — Я позвонил Томпкинсу сразу после того, как предупредил своих.

— Около девяти, — повторил Смит, у него закололо в затылке. — А с тех пор кто-нибудь видел Томпкинса или говорил с ним?

У Фишбурна вытянулось лицо.

— Господи! — выдохнул он и рванул дверь. — Садитесь!

До пристани они домчались за две минуты. Фишбурн быстро прошел по дорожке к служебному павильону и распахнул дверь, Смит едва поспевал следом.

Находившийся в комнате человек вздрогнул от неожиданности.

— В чем?.. А, это вы. Здравствуйте.

— С вами все в порядке, господин Томпкинс? — с облегчением спросил Фишбурн.

Лицо Томпкинса как-то странно дернулось.

— Да, все отлично, — быстро ответил он; глаза за толстыми стеклами очков быстро перебегали со Смита на начальника полиции. — Какие-то проблемы?

Фишбурн бросил взгляд на Смита.

— Нет, мы просто о вас беспокоились. Работайте. — Он повернулся, чтобы уйти.

— Минутку. — Этот тик показался Смиту странно знакомым. — Вы уверены, что с вами все в порядке, господин Томпкинс?

— Да, все отлично, — ответил тот, и лицо его снова дернулось.

И тут Смит вспомнил, где видел это.

— Рад слышать, — осторожно произнес он. — Скажите, с девяти утра здесь приставали какие-нибудь суда?

На мгновение тело Томпкинса как бы окаменело. Он взглянул на Фишбурна, потом снова на Смита, посмотрел в окно на пристань и опять на Смита.

— Только одно, — произнес он, будто удивляясь собственным словам. — Яхта была. Пристала вскоре после десяти.

Смит взглянул на Фишбурна; у того отпала челюсть.

— Что-о?! — почти заорал он. — Томпкинс, да я вас...

— Спокойнее, — перебил Смит. — Я уже видел подобное в городе. Господин Томпкинс, почему вы не проинформировали своего начальника, согласно его приказу?

Томпкинс смущенно пожал плечами.

— Потому что... он сказал, чтобы я не говорил.

— Сказал не говорить? — Фишбурн посмотрел на Смита. — Это что, игра какая-то?

— Скорее, нечто вроде гипноза. И неплохого, за исключением случая, когда задается прямой вопрос.

— Вот как? — Фишбурн придвинул к себе один из стульев. — Прекрасно. Потому что у меня есть несколько очень прямых вопросов.

— Два фонаря! — Джордан был явно доволен, что первым уловил смысл шутки Ференцо. — Я понял. «По суше — один, по морю — два».^[5]

— Молодец, — сказал Ференцо, дописывая сообщение. — Значит, расклад такой. Яхта «Галенз тенс» взяла двух женщин с пристани в Кингстоне, примерно в семидесяти милях от Нью-Йорка вверх по Гудзону. Начальник пристани опознал Кэролайн по фотографии, другая дама, скорее всего, Сильвия.

У Роджера перехватило дыхание.

— Как она выглядела?

— Он не видел ее вблизи. Но она взошла на борт без посторонней помощи, так что, полагаю, с ней все в порядке.

— Он видел воинов? — спросил Зенас.

— Нет, но известно, что на борту был, по меньшей мере, еще один пассажир, — ответил Ференцо. — Пожилой господин, который зашел в контору, пока женщины поднимались на борт, и велел начальнику пристани никому не рассказывать ни о яхте, ни о пассажирах. И тот молчал, пока Смит не задал прямой вопрос.

Он посмотрел на Роджера.

— В точности как домоуправ в вашем доме. Похоже, это типичный стиль зеленого заклинателя, во всяком случае, при общении с землянами.

— Александр, — пробормотал Иона.

— Или в игру вступил Сирил, — сказал Рон. — Если всё это время он поддерживал мир из чисто прагматических соображений, то информации о военном преимуществе Николоса могло хватить, чтобы перейти на другую сторону.

— Я думаю, что Сирил выше этого, — возразила Лорел.

— Очень скоро мы это узнаем, — сказал Ференцо. — Главное, что когда яхта подбирала Сильвию с Кэролайн, то шла по, реке вниз, так что я считаю, что воины уже были на борту. Вероятно, они сели на яхту выше по течению, возможно на частной пристани, где меньше посторонних глаз.

— Похоже, Сильвия не собиралась на яхту, — задумчиво произнес Зенас. — Иначе, зачем садиться посреди города?

— Согласен, — ответил Ференцо. — Вероятно, она планировала добраться до города на машине и там встретиться с воинами. Но когда Смит засек их и начал погоню, этот вариант отпал.

— Значит, она вызвала яхту и договорилась, чтобы их забрали в Кингстоне, — кивнул Зенас. — Логично.

— Это также означает, что мы уже нарушили планы Николоса, — заметил Иона. — Почему ты думаешь, что он еще не перешел к плану Б?

— Ни почему. — Ференцо взглянул ему прямо в глаза. — Нам остается, только предполагать, что это достаточно небольшая накладка, и он по-прежнему идет к цели, как задумал. — Известно, где яхта сейчас? — спросила Лорел.

— Она приписана к порту Норт-Коув, поэтому предположительно должна вернуться назад. Неизвестно, находится ли владелец на борту. Судя по размерам судна, оно достаточно велико, чтобы вместить больше ста человек, без всякого комфорта, конечно.

— Где именно этот порт? — спросила Лорел. — Кажется, я о нем не слышала.

— На юго-западной стороне Манхэттена, севернее Бэттери-парка, — ответил Ференцо. — С трех сторон его окружают здания Всемирного финансового центра.

— Всего в двух шагах от «нулевой отметки»,^[6] — пробормотал Роджер. — Очень символичное совпадение.

Меланта поехала.

— Не бойся, Меланта, — тихо сказала Лорел. Она обняла дочку. — Никто не заставит тебя сделать такое.

— Даже заклинатель? — многозначительно спросил Рон.

— Нет. — Лорел решительно взглянула на него. — Мы им не позволим.

— Вопрос, — вмешался Иона. — Мы, кажется, исходим из того, что они вернутся в порт. А что, если нет?

— Что ты хочешь сказать? — спросил Джордан.

— Что, если они прямо с яхты используют ревун? Там сотня воинов, на глубину в три квартала, вероятно, сдует всех серых с домов.

— Это возможно? — Ференцо взглянул на зеленых.

— Не знаю, — нерешительно произнес Зенас. — Помню, однажды сказитель говорил, что два воина могут усилить мощность ревуна и увеличить дальность. Но я не знаю, могут ли сделать то же несколько воинов, или, наоборот, они станут гасить друг друга.

— Но если могут, пострадают не только серые, — заметила Лорел. — В радиусе действия всех землян тоже собьет с ног. Будут происходить аварии, люди будут падать со ступенек, на эскалаторе в метро, может, даже из окон выпадать.

— Вероятно, пройдет волна сердечных приступов и инсультов, даже просто от стресса, — добавил Зенас. — Не хочу даже думать, как это подействует на душевно неуравновешенных людей.

— Кровь тысяч ньюйоркцев, — угрюмо произнес Ференцо. — Как и обещал Сирил.

— Знаете, а ведь их можно остановить, — с видимой сдержанностью сказал Иона. — Еще до того, как они начнут. Несколько серых с вершины, скажем, Эмпайр-стейт-билдинга смогут ударить по яхте так, что разнесут ее в щепки.

Стефани в изумлении уставилась на сына.

— Иона! Как ты можешь даже думать об этом?

— Мы не можем уничтожить столько зеленых, тем более что они еще даже не атаковали, — твердо поддержал ее Рон. — Это уже решено.

— Не говоря о том, что Кэрлайн все еще там, — добавила Стефани.

— Я не забыл про нее, — ответил Иона. Роджеру показалось, что тот старательно избегает его взгляда. — Но ведь Александр и Николос не объявляли нам войну. Если они планируют внезапное нападение, то почему нам нельзя?

— Потому что мы не опустимся до такой низости, вот почему, — сказал Рон.

— Да и не все зеленые тоже, — добавил Зенас.

— При всем уважении, Зенас, как бы вы или даже Меланта ни поступили, это не имеет значения, — резко сказал Иона. — Николос — командующий, и, если мы позволим привести воинов на Манхэттен или в Квинс, нам конец. — Он посмотрел на мать. — Мне это тоже совсем не по душе. Но не думаю, что у нас есть выбор.

— Мы можем остановить их, — решительно сказал Рон. — Все вместе... — он бросил взгляд на Зенаса, Лорел и Меланту, — и те зеленые, что хотят мира. Мы можем остановить

их.

— Как? — возразил Иона. — Через Сирила? Даже если он все еще хочет перемирия, его не станут слушать. Я же говорю, командует Николос, а единственное, чего он всегда желал, — уничтожить нас. — Он заставил себя повернуться к Роджеру. — Роджер, извини за Кэролайн. Но лучше пусть погибнет один человек, чем все, ради чего мы жили — оба наших народа, — пойдет прахом.

Он еще говорил, скорее всего, что-то примирительное, стараясь оправдать предложенный им смертный приговор. Но Роджер не слушал. Внезапно, будто слова Ионы открыли пожарный шланг, в мозгу у него, вертясь, заметались все странные кусочки этой ужасной головоломки — теперь он видел их совершенно иначе, — складываясь самым неожиданным образом.

И в несколько секунд сложились в четкую картину. Все встало на свои места.

— Роджер?

Моргнув, он увидел, что все смотрят на него.

— С вами все в порядке? — спросил Ференцо.

— Да. — Роджер глубоко вздохнул. — Я нашел.

— Нашли что?

— Ответ. — Роджер оглядел комнату. — Ответ на все вопросы. Может быть.

— Вы хотите сказать, как остановить воинов? — с надеждой спросила Стефани.

— Нет. — Роджер натянуто улыбнулся. — Как остановить войну.

В наступившей тишине Роджер встал и подошел к телефону.

— Ну, что? — наконец произнес Ференцо. — Не томите.

— Обождите минуту. — Роджер снял трубку. — Сначала я должен сделать пару звонков.

— Кому? — с угрюмым подозрением спросил Иона.

Роджер криво усмехнулся.

— Доверься мне, Иона, — сказал он. — Тебе это особенно понравится.

* * *

Последняя фигура тенью скользнула во тьму, и зеленые втянули на борт трап, спущенный на старую пристань в бухте Гаванус на западе Бруклина. Двигатели, мягко работавшие на холостом ходу, взревели, и яхта отвалила от причала, направляясь к зыбким волнам северной части залива и видневшимся впереди огням Манхэттена.

— Это была последняя остановка, — раздался голос позади Кэролайн. — Остальные сойдут в Норт-Коув.

Оглянувшись, она увидела, что от рулевой рубки к ней направляется Николос; на темной куртке поблескивал трасск.

— Куда они идут? — Она указала в сторону берега, быстро таявшего в ночи по мере того, как яхта набирала скорость. — Уничтожать женщин и детей серых?

— На самом деле большинство этих женщин готовы сражаться рядом с мужчинами, — поправил Николос, облокотившись на леер и глядя в ту сторону, где скрылись десять воинов. — Группы, которые, как мне доложили, поджидают нас на разных мостах, несомненно, смешанные.

Он улыбнулся.

— Кстати, спасибо за помощь. Отвлечение таких сил серых сделает операцию гораздо проще.

Кэролайн отвернулась, внутри у нее все переворачивалось от отчаяния. Значит, Роджер все-таки не расшифровал сообщение. Она или перемудрила, или слишком затемнила смысл, но он так и не понял подсказок, на которые она возлагала такие надежды. Распознал только первую часть и послушно передал серым. Те сейчас собрались на северной оконечности Манхэттена и готовятся к сражению, которое не состоится. Во всяком случае, состоится не здесь.

— Вы не ответили на вопрос, — сказала она.

Николос пожал плечами.

— Никто не собирается нападать на слабых и малолетних, если вы об этом беспокоитесь. Воины, которых мы отправили на берег, будут готовы встретить серых, когда те, как я ожидаю, ринутся домой, осознав, что их одурачили. Их посты в городе сообщают, что в Южном Манхэттене перемещаются массы зеленых, так что они полагают, что мои — главные силы там, и не ждут никаких столкновений у себя дома в Квинсе и Бруклине. По десять воинов на каждом из возможных направлений хватит, чтобы уничтожить серых, когда они попадут в ловушку.

Кэролайн отчаянно вцепилась руками в леер.

— И вы считаете, что так воевать достойно?

— Мы делаем то, что должны делать, — ровным голосом произнес Николос. — Будь у них возможность, они поступили бы так же. — Он помолчал. — Хотя мне на самом деле очень жаль, что вы впутались в это дело. Я бы предпочел, чтобы вы с мужем остались в стороне.

— Да уж конечно, — с горечью сказала она. — Было бы идеально, если бы удалось принести Меланту в жертву и серые вообразили бы себя в безопасности.

— Кэролайн, серым не нужна безопасность, — упрямо ответил он. — Единственное, что им нужно, — минимальный перевес для гарантированной победы. Если бы Меланты не стало, они напали бы через несколько дней. Возможно, даже часов.

— Вы не можете этого знать.

Он пожал плечами.

— Возможно, строго говоря, нет. Но у меня лично на этот счет нет никаких сомнений.

— Из-за того, что случилось семьдесят пять лет назад в ином мире?

— Будьте так любезны, не поучать меня, Кэролайн. — В голосе Николоса закипела ненависть. — Я был там. Вы — нет.

Несколько томительных мгновений он молчал. Наконец, кажется, овладел собой.

— В любом случае, к рассвету все закончится. Возможно, даже к полуночи, если серые поведут себя благоприятным для нас образом.

— Разумеется. По расчетам Сильвии, полагаю?

Николос фыркнул.

— Командующий едва ли нуждается в аналитических советах простого командира группы.

— Не сомневаюсь, — согласилась, Кэролайн и взглянула ему прямо в глаза. — Но командующий не вы. Это Сильвия.

В тусклом свете городских огней было невозможно разглядеть выражения его лица. Но

по тому, как он немного промедлил с ответом, уже все было ясно.

— Вот как, — наконец произнес он. — Она вам об этом сказала?

Кэролайн покачала головой.

— Я видела вас во время воскресной ночной тренировки. Вы подошли к ней, а не наоборот. Зная обычаи-зеленых, я сделала вывод, что она старше по званию.

— Недурно, — с деланной веселостью сказал Николос. — Она была права, вы действительно умны. Что ж, теперь вы знаете, что я всего лишь командир группы.

Кэролайн улыбнулась в темноту. Обман, опять обман, по словам Сильвии, — необходимая часть военного искусства.

— Вы и не командир группы. Вы заклинатель.

На этот раз молчание длилось дольше.

— С чего вы взяли? — На этот раз он даже не пытался изображать веселье.

— Есть много причин, — не без удовольствия ответила Кэролайн, несмотря на всю напряженность положения. Слишком поздно она догадалась, теперь эта информация бесполезна. Сделать она уже ничего не могла, но было приятно хотя бы немного удивить его. — Для начала, господин Гален, который сейчас сидит в рулевой рубке, слишком охотно одолжил свою яхту сотне неизвестных людей. Только заклинатель мог заставить его вести себя спокойно в такой ситуации.

— С ним мог поработать Александр, до того как яхта ушла из города.

— Слишком рискованно. Я уже достаточно хорошо знаю Сильвию, чтобы понять, что она обязательно взяла бы на борт заклинателя, на случай непредвиденных изменений.

— Значит, на борту есть заклинатель, — заключил Николос. — Но как вы уже отметили, здесь около сотни человек. Почему я?

— А вспомните, что вы сказали мне в библиотеке. «Вы должны понять, что я делаю это все ради общего блага». Даже тогда мне это напомнило стилизованные фразы из детского представления дома у Василиса с Иоланте. Похоже, зеленым нравится составлять предложения так официально.

— И что это, по-вашему, означало?

— Не знаю, включает ли это в себе какой-либо смысл, кроме прямого. Главное, что это были те же слова, слова Сирила у меня в голове в пятницу утром, когда он приказывал привести к нему Меланту.

На этот раз в темноте надолго повисло неловкое молчание. Кэролайн стояла, опираясь на леер, прислушивалась к стрекотанию двигателей и шуму воды за кормой. Она с беспокойством подумала, не зашла ли слишком далеко. Насколько опасна для него эта тайна, хранимая три четверти века; как далеко он зайдет, чтобы защитить ее? Внизу, за кормой, бурлила вода Верхнего залива. Достаточно толкнуть ненужную свидетельницу, а может, еще для надежности ткнуть трасском под ребро...

— Вы действительно умны, — наконец пробормотал он. — К счастью, никто не поверит вашему слову против моего, не говоря уже — против моего с Сильвией.

Он выпрямился.

— Кроме того, к рассвету все это уже потеряет значение. Серые будут уничтожены, и никто не спросит, кто я и что я. Наслаждайтесь путешествием, Кэролайн Уиттиер. С рассветом день станет светлее для всех нас.

Повернувшись, он пошел прочь по мерно раскачивающейся палубе. Судорожно вздохнув, Кэролайн перевела взгляд на вздымающиеся словно из воды здания Манхэттена.

Нет, отстраненно подумала она, с рассветом не наступит счастливый день. Наступит очень мрачный день.

Если кто-нибудь что-то не предпримет. Если она что-то не предпримет. Вцепившись в леер, она смотрела на родные огни и отчаянно пыталась что-то придумать.

* * *

— Подтверждаем, что десять человек сошли с яхты в бухте Гаванус, — послышался из рации в фургоне спецназа негромкий голос. — Рассредоточились, идут на юг в направлении Четвертой авеню. Наблюдатели выдвигаются следом.

— Вас понял. — Мессерлинг нагнулся через плечо радиста к микрофону. — Смотрите, чтобы вас не засекли. Смогли подсчитать, сколько еще на борту?

— Пока неопределенно, — ответил голос. — Они слишком быстро отчалили, мы не успели провести инфракрасный анализ. Но ясно, что там от восьмидесяти до ста человек.

Мессерлинг оглянулся через плечо на Пауэлла и Серрету, и Пауэлл подавил гримасу. Он надеялся, что Ференцо пессимистически завысил силы противника. А выходит, возможно, даже несколько занижил.

— Понятно, — снова повернулся к микрофону командир спецназа. — Куда они сейчас движутся?

— Похоже, в сторону Манхэттена, — доложил сотрудник. — Мы успели записать кусок разговора с направленного микрофона перед самым отплытием; из беседы ясно, что они идут домой.

— Вас понял, — хладнокровно сказал Мессерлинг. — Мы готовы.

— Еще, — произнес голос. — Когда корабль отчаливал, на палубе была Уиттиер и, с вероятностью восемьдесят процентов, Гален в рулевой рубке.

Пауэлл стиснул зубы. Из всех неприятных ситуаций, с которыми приходилось сталкиваться на службе, захват заложников он ненавидел больше всего. Особенно если он лично знал кого-то из пленников.

— Вас понял, — ответил Мессерлинг. — Смотрите в оба и не высовывайтесь. И не вздумайте упустить.

Он махнул рукой, радист прервал связь.

— Что ж, господа, — Мессерлинг повернулся к Серрете и Пауэллу, — отправляемся на вечеринку.

— Вот они, — пробормотал Мессерлинг, глядя в бинокль вверх каменной балюстрады, за которой он прятался вместе с остальными.

Пауэлл лежал в неудобном положении, было холодно и довольно страшно. Он осторожно выглянул. Позади обрамленной деревьями площади виднелись огни «Галенз тенс», медленно продвигающейся по Гудзону на север прямо к гавани под ними.

Гавань. Пауэлл приподнял голову еще немного и взглянул вниз на широкие каменные пешеходные дорожки, тщательно ухоженную траву и аккуратно подстриженные деревья на площади перед Всемирным финансовым центром, затем на темную воду и мерно покачивающиеся плавучие пристани. Он знал, что обычно здесь стояло, по меньшей мере, несколько яхт, а также прогулочный теплоход или одно из городских водных такси. Но сейчас гавань была пуста, все суда по приказу Мессерлинга убрали.

Сама площадь выглядела также пустынно. Дневной поток финансистов и их клиентов давно иссяк. Юные велосипедисты и скейтбордисты, собирающиеся здесь по вечерам, отправились делать уроки или смотреть телевизор. А толпы людей, которые приехали на работу из пригородов и ждали здесь паромов на Хобокен, Фултон или Порт-Империал, уже были дома.

Но здесь в отличие от самой гавани пустота была иллюзией. За живыми изгородями, низкими стенами или распластавшись за балюстрадами, как они с Мессерлингом, лежали или сидели на корточках примерно сорок полностью экипированных бойцов спецназа. Еще двадцать прятались за домами и парками к северу и югу — резерв, готовый взять боевиков, идущих со стороны Гудзона, с трех сторон в коробочку, теоретически глухую.

Теоретически.

Повернув голову, Пауэлл взглянул на стоящие справа величественные стеклянные стены и выгнутую крышу Зимнего дворца, угнездившегося между более высокими, но куда менее впечатляющими вторым и третьим зданиями Всемирного финансового центра. Зимний дворец был жемчужиной ВФЦ — сверкающая многоэтажная громада из мрамора и латуни, а шестнадцать живых пальм служили островком спокойствия и стабильности среди отчаянной гонки за деньгами, не прекращавшейся в этом здании целый день.

Это место круглый год служило еще и для проведения публичных представлений и выставок, так же как бесчисленных частных мероприятий для богатых и влиятельных людей города, поэтому владельцы совсем не обрадовались возможному началу полномасштабных боевых действий прямо у них на пороге. Мессерлинга просто не хотели слушать, хотя он уверял, что это единственный выход и что даже у самых отмороженных бандитов хватит ума сдаться при виде противостоящей им мощной армии. Только когда вмешался сам начальник полиции города, финансисты, наконец, пусть и с неохотой, оказали сотрудничество. Если хоть одно из этих внушительных окон повредит пуля, подумал Пауэлл, проблемы с бандитами покажутся просто цветочками.

— Всем подразделениям, внимание! — тихо проговорил Мессерлинг в нашлемный микрофон.

Пауэлл снова посмотрел на реку. Яхта входила в гавань легко и уверенно, будто ею управлял лоцман, совершавший этот маневр много, раз и точно знавший, что делать.

— Кто-нибудь видит гражданских? — спросил он. — Наблюдатели?

— Оба в рулевой рубке, — раздался в ухе голос первого наблюдателя. — Пожилой мужчина и женщина, и... похоже, еще трое молодых мужчин и женщина.

— Принято, — сказал Мессерлинг. — Всем подразделениям, иметь это в виду, если придется открывать огонь.

Пауэлл прикрыл микрофон рукой.

— Что будем делать, если они все еще будут на борту, когда воины заметят ваших людей? — спросил он у Мессерлинга.

— Будем ждать, сколько возможно, — ответил тот, прикрыв свой микрофон. — Но наша главная цель — сдержать и обезвредить. Нельзя позволить этим людям прорваться через барьер и рассеяться по городу. — Он чуть приподнял голову. — Проклятье, — пробормотал он. — Они швартуются к одному из северных причалов.

Пауэлл приподнялся, чтобы лучше видеть. Действительно, яхта повернула к открытому пространству между двумя северными причалами, за кормой поднялся бурун, когда лоцман включил реверс, чтобы остановить судно.

— Это плохо?

— Большинство моих людей на южной и восточной стороне. Единственное прикрытие на севере — это та изогнутая стена у самой гавани, там поместилось только пять ребят.

— Но ведь у вас есть люди вон на том балконе? — Пауэлл кивнул в сторону балюстрады, находившейся прямо напротив той, на которой они лежали.

— Конечно, но оттуда они могут только прикрывать огнем. — Мессерлинг скрипнул зубами. — Я бы вообще предпочел избежать перестрелки, и массированная демонстрация силы — самый лучший способ достичь этого. У нас достаточно людей, но теперь им придется пересечь большое пространство, чтобы дойти до места высадки.

Двое молодых мужчин прыгнули с яхты на пристань и стали подтягивать швартовы. На палубе появились темные фигуры и начали спрыгивать с борта на пристань еще до того, как судно окончательно закрепили. Осторожно оглядываясь, они организованно, цепочкой двинулись к двум лестницам, ведущим от пристани к площади. Затем они разделились на две группы и стали подниматься по лестницам. На яхте из сходного люка появлялись еще фигуры и выстраивались по обе стороны палубы, ожидая очереди, чтобы сойти на берег.

— Я не вижу ни у кого серьезного оружия — сказал Мессерлинг. — Кто-нибудь видит?

— Нет, — ответил первый наблюдатель.

— Тоже нет, — подтвердил второй. — На самом деле я вообще никакого оружия не вижу.

— Может, застанем их врасплох. — Мессерлинг потянулся за мегафоном. — Всем подразделениям: внимание! Один, два...

Возглавляющие цепочки мужчины поднялись уже до верхних ступенек, и одна из групп оказалась прямо напротив изогнутой стены, за которой прятались полицейские...

— Пошли! — выпалил Мессерлинг.

На площади вдруг стало светло, как днем: это включились полтора десятка прожекторов, скрытых на балконах и за кустами. В то же мгновение полицейские, укрывавшиеся за стеной, приподнялись и направили компактные автоматы МП-5 «Хеклер и Кох» на поднимающихся по ступенькам людей. Те замерли как вкопанные.

— Полиция! — крикнул Мессерлинг. Усиленный мегафоном голос устрашающе заметался между зданиями. — Вы окружены! Оставайтесь на местах и поднимите руки!

Когда свет внезапно ударил в глаза Кэролайн, первой мыслью было, что в одном из зданий напротив произошел взрыв. Ахнув, она вскинула руку, закрывая лицо, и отпрянула, больно ударившись бедром о панель управления...

— Полиция! — загрохотал голос. — Вы окружены! Оставайтесь, на местах и поднимите руки!

Она с шумом выдохнула, страх сменился смятением, смешанным с недоверием. Полиция? Но откуда?..

И тут до нее дошло, и отчаянное напряжение сменилось приливом надежды.

Тайное послание не пропало.

Щурясь от яркого света, она повернулась, к Сильвии. Та смотрела в сторону, и было невозможно разглядеть выражение ее лица. Но в ее позе было что-то такое, от чего у Кэролайн по спине побежали мурашки. Если полиция думает, что она просто сдастся, их ждет неприятный сюрприз. Заметавшееся между зданиями эхо еще не затихло, а в голове у нее слышался неясный шум команд, отдаваемых зеленым...

В то же мгновение палуба под ногами качнулась, и с другой стороны яхты раздалось множество всплесков.

— Что за чертовщина? — Пауэлл с изумлением глядел, как со стороны борта, противоположного берегу, вода словно взорвалась брызгами, когда, по меньшей мере, двадцать боевиков кинулись в реку.

— Они в воде, — бросил Мессерлинг в микрофон. — Группы пять и шесть, спуститься к реке и ждать, когда выйдут. Осторожно, у них может быть звуковое оружие.

Последовал краткий ответ, и несколько полицейских в бронежилетах, сидевших на корточках за низкой стеной в пятидесяти футах от воды, перепрыгнули через укрытие и побежали к гавани, держа наготове МП-5.

— Осторожно — они у южной пристани, — предупредил первый наблюдатель. — Вижу в воде двоих — нет, троих, держатся за причал.

Пауэлл перевел взгляд в указанном направлении. Действительно, у стороны причала, противоположной корме яхты, из воды торчали три головы. Двое по краям держались за край причала, тот, что посередине, по-видимому, держался на плаву.

— Быстро плавают, — пробормотал Мессерлинг. — Всем быть начеку, эти трое могут отвлекать внимание.

Шестеро спецназовцев добежали до ограждения причалам остановились, направив стволы на троих людей в воде.

Спустя мгновение они отшатнулись, потому что двое мужчин по краям мощным броском подкинули своего товарища из воды, и, перелетев через леер, тот приземлился прямо в середине группы полицейских. Не обращая внимания на беспорядочную стрельбу, он схватил двух ближайших к нему полицейских и толкнул на оставшихся, в результате чего все они оказались на земле.

Восстановив равновесие, нападавший отпрыгнул вправо и зигзагами побежал к южной эспланаде.

— За ним! — рявкнул Мессерлинг в микрофон. — Взять его!

Он еще не договорил, как разверзлась преисподняя.

По всей поверхности гавани из воды появились головы и спины предполагаемых беглецов, подобные играющим дельфинам. Каждый держал руку за головой, как футбольный нападающий, готовый бросить мяч в зону защиты противника, а другую держал вытянутой прямо перед собой. Пауэлл увидел блеснувший металл... — Берегись! — крикнул он, инстинктивно отпрянув.

Пловцы, достигнув верхней точки прыжка, снова скрылись в волнах...

Половина прожекторов, разбросанных по площади, вдруг моргнула и погасла.

— Что за?

— Из рогаток стреляют! — крикнул второй наблюдатель. — Целят по прожекторам...

— Уходят! — вклинился еще чей-то голос.

Мужчины у северного края гавани, которые до этого неподвижно стояли в свете прожекторов под направленными на них автоматами полицейских, внезапно бросились в разные стороны. Одни попрыгали с лестниц вниз и побежали на восток, где разница высот между площадью и уровнем гавани защитила бы их от автоматов, нацеленных из парка. Другие перепрыгнули через перила и побежали к деревьям на северной стороне площади и стоящим позади зданиям, а остальные рванулись прямо на автоматы укрывающихся за стеной спецназовцев.

Один из полицейских приподнялся и навел оружие...

В то же мгновение воздух прорезал резкий звук, и Пауэлла встряхнуло. Воздействие на полицейских, стоявших внизу, оказалось куда сильнее. Они отшатнулись, а тот, что пытался прицелиться чуть не упал, нелепо взмахнув автоматом. Не успел он оправиться, как один из боевиков, бежавших к деревьям, метнул в него диск и выбил из рук оружие.

Краем глаза Пауэлл увидел, как пловцы снова показались над водой; не успел он оглянуться, как те дали второй залп из рогаток. Послышался звук осыпающегося стекла, и оставшиеся прожекторы тоже погасли. За мгновение до наступления темноты Пауэлл увидел, как нападавшие смяли полицейских у изогнутой стены.

— Что же это творится, — пробормотал Мессерлинг. — Ну, все. Всем внизу: надеть противогазы. Слезоточивым газом — огонь!

Послышались хлопки, и Пауэлл отвернулся, крепко зажмурив глаза. Спустя две секунды гранаты разорвались с оглушительным грохотом, чуть не подбросившим его на балконе, и вспышкой света, ослепившей даже через закрытые веки. Свет потух, Пауэлл снова поднял голову и выглянул с балкона.

Несмотря на то, что прожекторы погасли, огни города достаточно хорошо освещали площадь. Во всяком случае, света вполне бы хватало, чтобы различить тела, корчащиеся от действия газа.

Но никаких тел не было видно.

Боевики исчезли.

— Куда они подевались? — Пауэлл недоуменно оглядывал площадь.

Он судорожно моргал, словно надеясь, что от этого что-то изменится. Стольким людям просто негде было там спрятаться. Тем более за такое короткое время, при том, что вокруг рвались гранаты. Не могли они убежать.

Но площадь была пуста.

— Не спать, наблюдатели! — бросил Мессерлинг в микрофон. — Куда они подевались?

— Не знаю. — Судя по голосу, первый наблюдатель был смущен так же, как и Пауэлл. — Они только что были там. А потом... — Смешавшись, он умолк.

— Фланги, пошли! — не теряя самообладания, приказал Мессерлинг. — Блокировать зону, повторяю, блокировать. Подразделения семь и два, проверить, нет ли открытых дверей в зданиях на северной стороне. Девятое, взять яхту и освободить заложников.

— Нет, — произнес голос.

Пауэлл резко обернулся...

Сзади стояли Ференцо и Роджер Уиттиер.

— Ференцо? — изумленно спросил Мессерлинг. — Я думал, вас похитили.

— Оставьте пока яхту, — сказал Ференцо. — Надо замкнуть окружение...

— Минутку, — перебил Мессерлинг, яростно глядя на него. — Я считал, что мы начали все это из-за вашего исчезновения. — Он перевел взгляд на Пауэлла. — Пауэлл сообщил, что эти ребята похитили вас.

— Это сейчас не важно. Отзовите девятое. По моим подсчетам, на яхте еще осталось двадцать пять боевиков.

— По вашим подсчетам? — переспросил Мессерлинг. — Слушайте...

Он остановился: на южной стороне площади в деревьях и кустах вдруг началось движение.

— Нас атакуют! — раздался голос из рации. — Они! О-о!

Голос умолк.

— Газом их! — рявкнул Мессерлинг. — Висбаски?

— Понял, — отозвался полицейский на противоположном конце балкона.

Поднявшись, он повернул многозарядный гранатомет, снаряженный газом Си-эс, в сторону доносившихся звуков борьбы и поднял его к плечу.

Но не успел он выстрелить, как раздался еще один резкий взвизг, от которого все тело Пауэлла передернуло, а Висбаски пошатнулся. Глухо выругавшись, он снова шагнул вперед и навел вниз заметно подрагивающий ствол.

Он приготовился к выстрелу, плечи напряглись, и тут снизу вылетел металлический диск. Ударив в нижнюю часть гранатомета, он подбросил оружие вверх. Выстрел ушел в небо, баллончик взлетел почти вертикально, оставляя за собой тонкую струйку слезоточивого газа.

— Проклятье! — взревел Мессерлинг, срывая с пояса противогаз. — Газ!

Пауэлл нашарил и вытащил противогаз. И вдруг сунул его в руки Ференцо.

— На. — Говорить не было времени.

Он сделал глубокий вдох и плотно зажмурил глаза. Для него, он знал, битва закончилась.

* * *

Кэролайн даже не осознала, что лежит лицом вниз на приборной доске, пока чья-то рука не схватила ее и не начала поднимать.

— Что случилось? — проговорила она пересохшими губами, беспомощно взирая на царящий вокруг хаос.

— Парализующие гранаты. — Голос Сильвии доносился словно издалека, пробиваясь сквозь звон в ушах. — Звук со вспышкой. Вы, наверное, смотрели туда, когда одна из них взорвалась.

Кэролайн поморгала еще, стараясь что-то разглядеть вокруг фиолетового пятна, плавающего перед глазами. Но даже сквозь пятно она видела, что площадь пуста;

— Куда все подевались? — Ее вдруг пронзила ужасная мысль. — Полицейские, что?

— Убили их? — фыркнула Сильвия. — Едва ли, хотя явно придется их немного урезонить. Нет, воины просто попрятались. — Она показала рукой в сторону носа яхты. — Многие в том ряду деревьев вдоль северной стороны гавани. Другие сумели спрятаться в деревьях на южной стороне в той парковой зоне. Кто-то доплыл до реки и направляется на север и юг.

Откуда-то донёсся шум борьбы.

— Еще кое-кто сумел добраться до вон того парка рядом со зданием, — сухо добавила Сильвия. — Полно симпатичных деревьев, в которых можно прятаться и переходить из одного в другое. Полиция даже не сможет понять, кто на них напал.

Кэролайн взглянула в указанном направлении и увидела тонкую белую дугу, взмывшую в небо, которая затем вернулась на балкон и взорвалась плоским облаком густого белого пара.

— Превосходно, — заметила Сильвия. — Один балкон нейтрализован. Остался еще один.

Кэролайн перевела взгляд на балкон на другой стороне зимнего сада, где смутно виднелись темные шлемы и стволы автоматов, торчащие над ограждением.

— Вы ведь не причините им вреда?

— Если меня не вынудят. Возможно, что и придется. Они неплохие бойцы. — Сильвия немного помолчала. — Да и вы показали себя, Кэролайн. Теперь я понимаю, что совершенно упустила смысл вашего тайного послания. Что означали все эти крестики?

Кэролайн потребовалось мгновение, чтобы переключиться.

— Я использовала римские цифры. Строчка «не навись на воинов» предназначалась, чтобы навести Роджера на нужную мысль. — Она почувствовала, как у нее дернулась губа. — И также, чтобы он вспомнил наш разговор в среду и догадался, что все сказанное перед этим — ложь. Думаю, этот намек он пропустил.

— Мне тоже знакомы римские цифры. — Голос Сильвии выдавал досаду. — Хитро. — Она пожала плечами, будто отмахиваясь от неудачи. — Но ничего страшного. Наблюдатели подтверждают, что почти все силы Торвальда по-прежнему в Верхнем Манхэттене и ждут нашего появления там. При том, что силы Хафдана бессмысленно распланы по разным постам, это означает, что, как только мы преодолеем это маленькое препятствие, на острове у нас будет полная свобода действий.

Кэролайн глубоко вздохнула. Она предприняла еще одну, последнюю попытку.

— Не нужно делать этого, Сильвия. Должен быть еще какой-то выход.

— Вот. — Сильвия протянула руку.

Кэролайн взглянула на балкон, все еще окутанный слезоточивым газом. Из парка появились двое воинов и подбежали к балкону. Остановившись под ним, они забросили что-то на ограждение. Кэролайн сжалась, ожидая взрыва или атаки со слезоточивым газом, но вместо этого воины вдруг оторвались от земли и стали подтягиваться по невидимым веревкам сквозь белесую дымку газа.

— Ну конечно, — прошептала она. — Траски как тросы и абордажные крючья. Слезоточивый газ, значит, на вас не действует?

— Действует, но далеко не так, как на людей. В данном случае эти двое воинов просто

зажмурили глаза и не дышат.

Воины добрались до балкона и нырнули в облако газа; последовала короткая схватка. Один из них приподнялся из облака, держа в руках что-то похожее на большое ружье, и направил вдоль Зимнего дворца на противоположный балкон. Оружие дернулось, и еще один баллон со слезоточивым газом, перелетев через площадь, ударил в балкон, который теперь тоже окутался белым облаком.

— Теперь мы завершили нейтрализацию, — констатировала Сильвия.

Из дерева, стоящего у дорожки, появились еще двое воинов и побежали к балкону с абордажными крючьями в руках.

— И они делают все это вслепую? — спросила Кэролайн.

— Не совсем. Да, глаза у них закрыты, но дальневещатель в воде рядом с одним из причалов передает им то, что видит, и, таким образом, они вполне неплохо ориентируются. Остальное дополняет слух и осязание.

Кэролайн молча наблюдала, как два воина взобрались на балкон и скрылись в облаке слезоточивого газа. Минуту спустя они появились снова, спустились по веревкам на землю и, встряхнув крючья, освободили их. Откуда-то послышалась команда, раздалась стрельба, и Кэролайн вздрогнула, увидав, как пули ударили в здание.

Зеленые не стали ждать, когда полицейские прицелятся получше, и, развернувшись, бросились в обратном направлении. Кэролайн сжалась — успеют они добежать до деревьев и как войдут в них незаметно? Воины почти достигли цели, когда воздух пронзил еще один ревун, заставив ее покачнуться и на мгновение закрыть глаза. Когда она снова открыла их, бегущие фигуры исчезли.

— Теперь остались только те, что на южной стороне гавани, — хладнокровно заметила Сильвия. — Они уже надели противогазы, так что воинам придется действовать более осторожно. Ага.

— Что? — Кэролайн вгляделась в южную сторону пирса.

— Нет, не там. — Сильвия указала в противоположную сторону. — Вон там. Прибыло полицейское подкрепление.

Кэролайн снова повернулась.

— Где?

— Они только что обогнули здание сзади. Продвигаются очень осторожно. — Она покачала головой. — Конечно, вряд ли им это поможет. Что бы Роджер ни сообщил, похоже, он не упомянул, кто мы на самом деле.

У Кэролайн засосало под ложечкой.

— Он только хотел, чтобы полиция не дала вам напасть на серых, — прошептала она. — Он не хотел, чтобы правительство заперло вас где-нибудь и изучало как подопытных крыс до конца ваших дней.

— Скорее, не хотел очутиться в психиатрической больнице, — цинично заметила Сильвия. — В любом случае, полуправдой он ничего не добьется. На самом деле, если у них в запасе нет ничего более серьезного против зеленых, едва ли это нас даже побеспокоит. Вот они.

Кэролайн снова взглянула в сторону зданий. Сильвия была права: вдоль боковых стен крадучись двигались темные фигуры.

— Пусть обыскивают здания сколько душе угодно, — сказала Сильвия. — Рано или поздно, они приблизятся к деревьям.

Она чуть улыбнулась.

— Расслабьтесь, — успокоила она. — Скоро все закончится, и вы сможете пойти домой.

— А серые?

— Я же говорю, — мягко повторила Сильвия, глядя на полицейских. — Скоро все закончится.

Балкон окутался облаком белого дыма; в следующую секунду Роджер почувствовал, как Ференцо рывком поднял его, чуть не вывихнув при этом руку, и потащил к двери, через которую они только что вошли.

— Что.

— Закройте глаза и не дышите, — оборвал его полицейский, крепче сжимая руку, и ускорил шаг.

До Роджера с опозданием дошло, он быстро вдохнул и крепко зажмурил глаза, чувствуя, как его обволакивает прохладное облако. К двери они уже подбежали; Ференцо ударом распахнул ее и потащил Роджера за собой.

В течение следующей минуты Роджер, направляемый полицейским, бежал по пустому коридору и слышал лишь гулкое эхо шагов. Хотя глаза были закрыты, их начало больно щипать. В носу также щипало; с беспокойством он подумал, что произойдет, когда он больше не сможет удерживать дыхание и придется вдохнуть. Неизвестно, какой газ использовали зеленые, но если он выйдет из строя — всему конец. Между зелеными и серыми начнется война» и Нью-Йорк станет театром военных действий.

Они немного замедлили бег, чтобы завернуть за угол, затем снова понеслись. От долгой задержки дыхания у Роджера начала болеть грудь. Появилось нехорошее предчувствие, что Ференцо случайно направит его со всего маху в стену или тележку уборщика. Лифт они уже точно миновали.

— Сюда, — вдруг сказал Ференцо каким-то странно глухим голосом и развернул Роджера вправо.

Когда он распахнул дверь и втянул его в помещение, звуки отдались гулким эхом. Они пробежали еще несколько шагов, при этом Роджер заметил, что эхо здесь иное, чем в коридоре.

Внезапно Ференцо остановился.

— Стойте смирно, — приказал он.

Роджер еще не успел ничего сообразить, когда услышал звук открываемого крана, и в лицо ему ударила струя воды, заливая глаза и нос.

От неожиданности он вдохнул и закашлялся, отплевываясь, потому что часть воды попала в горло.

— Стойте смирно — я пытаюсь вас отмыть. — Ференцо отпустил руку. — Снимайте куртку.

Роджер кивнул и начал освобождаться от куртки. Он уже наполовину снял ее, когда вода перестала плескаться ему в лицо.

— Так, откройте глаза.

Роджер осторожно разлепил веки. Ференцо как раз снял, противогаз и осторожно принюхивался.

— Как вы? — спросил он.

Роджер раза два моргнул для проверки и с опаской вдохнул. Воздух неприятно пощипывал ноздри, но не страшнее, чем во время приступов сенной лихорадки, бывавших у него в детстве.

— Да вроде нормально.

— Хорошо. — Ференцо бросил противогаз в соседнюю раковину и снял куртку. — Ополосните лицо еще разок и закройте воду.

— Понял. — Роджер наклонился и, набрав воду в ладони, плеснул себе в лицо. — Кажется, мы не очень удачно выступили, — заметил он.

— Нам просто дали под зад коленом, — возразил Ференцо. — Пора вызывать артиллерию.

— Да.

Роджер стряхнул воду с рук и вытащил из раздатчика бумажное полотенце. Вытершись, он поднял левую руку к щеке и дернул мизинцем.

— Иона?

— Я здесь, — сразу же отозвался Иона. — Не очень-то удачно вы выступили.

— Это не важно. Вы на позиции?

— Мы готовы, — угрюмо ответил Иона. — Уверены, что не надо стрелять по войнам?

— Вы хотите мира или нет? — возразил Роджер. — Действуйте по плану.

Послышался вздох.

— Ладно. Приступаем.

Роджер опустил руку.

— Они готовы.

— Тогда, полагаю, представление начинается. Если только вы не желаете объяснить, в чем заключается ваш грандиозный план.

Роджер потряс головой.

— Времени нет. Мне нужно выйти туда до того, как Николос начнет контратаку.

— Вы совершенно уверены? — Ференцо сверлил Роджера взглядом.

— Уверен, что сработает. — Роджер старался говорить ровно. — Дайте только шанс.

Ференцо поморщился, но кивнул.

— Лучше бы, чтобы вы оказались правы, — предупредил он и передал противогаз Роджеру. — Ну, давайте. Покажите им.

* * *

Первые полицейские из подкрепления достигли углов здания и уже собирались обогнуть их, когда слева от Кэролайн река взорвалась водяным столбом.

Резко обернувшись, она увидела, как фонтан тяжело осел вниз, частично забрызгав берег.

— Что это было? — выпалила она. — Нас обстреливают?

— Вряд ли. — Кэролайн показалось, что голос Сильвии вдруг стал мрачным и холодным. — Глупцы. И чего они рассчитывают этим добиться?

Еще один столб воды поднялся в воздух, на этот раз гораздо ближе к яхте.

— О чем вы говорите? — У Кэролайн застучала кровь в ушах. — Кто это?

— Кто еще, по-вашему? — презрительно ответила Сильвия. — Серые.

Кэролайн уставилась на нее.

— Но вы же говорили, что они все где-то в другом месте.

— Большинство. — Сильвия подошла к окну рубки и вгляделась в здания. — Если только эта не дети, их не может быть здесь более трех-четырех. — Она подняла руку. —

Конечно. Иона Макклей.

— Кто?

— Тот серый, который похитил Меланту из Риверсайд-парка в прошлую среду. Хафдан сумел вычислить его вместе с братом Джорданом и любезно поделился информацией с Сирилом. — Она указала наверх. — По-видимому, они до сих пор кого-то спасают.

Еще один гейзер взметнулся в воздух.

— Что вы собираетесь делать? — спросила Кэролайн.

— А что, по-вашему? — отрезала Сильвия. — Сбросить их.

— И убить?

— У меня нет времени на любезности, Кэролайн, — терпеливо сказала Сильвия. — Видите вон те серо-голубые облака на балконах?

Облака слезоточивого газа теперь действительно выглядели как-то иначе. На самом деле они рассеивались прямо на глазах.

— Каталитический нейтрализатор, — определила Сильвия. — Они оставили затею с газом и разгоняют его, наверное, готовят что-то новое. К сожалению, при этом улучшается видимость, что делает еще более рискованной попытку сбросить серых плавно. Нельзя позволить полиции увидеть, как они висят на стене.

— Но они же никому не причинили вреда, — умоляла Кэролайн. Хотя она видела Иону только раз, симпатии немедленно оказались на его стороне. Может, Роджер и прав насчет ее отношения к слабым. — Это всего лишь предупредительные выстрелы.

— Такое предупреждение привлекает слишком много внимания, — заметила Сильвия. — Они могут напугать полицию, и те вызовут тяжелое подкрепление или сделают еще какую-нибудь глупость.

Она снова выглянула в иллюминатор, и Кэролайн ощутила новые команды, отдаваемые воинам...

— Николос! — донесся с площади приглушенный расстоянием голос.

У Кэролайн перехватило дыхание. Голос был отдаленным и приглушенным. Однако она не сомневалась, чей это голос.

— Роджер, — прошептала она, лихорадочно оглядывая площадь.

Она увидела его у одного из входов в Зимний сад, окруженного плотным кольцом из нескольких человек, все в противогазах; с одним из них он явно о чем-то спорил.

— Кто-то там явно теряет время, — раздался позади голос Сильвии.

— Роджер не любит конфликтов, — автоматически вступилась за мужа Кэролайн.

— Я говорю не о Роджере. Он как раз ведет себя превосходно. Я имела в виду другого.

— Какого другого? — Кэролайн чувствовала лихорадочный обмен мыслями зеленых.

— Вон тот, крупный, лейтенант полиции Серрета, — задумчиво отозвалась Сильвия. — Говорит, что не позволит ни одному гражданскому войти в зону боевых действий, и точка. Роджер отвечает...

Она засмеялась.

— Что? — потребовала Кэролайн.

— Утверждает, что, поскольку бандиты сбежали — полагаю, он отлично знает, что нет, — то никакой зоны боевых действий теперь нет. Хитро.

Из двери рядом с Зимним садом появилась еще одна фигура и направилась к стоящей группе.

— Так-так. На сцену вышел следователь Ференцо.

— На чьей стороне? — спросила Кэролайн, невольно зачарованная способностью Сильвии слышать на таком расстоянии. Очевидно, один из воинов находился совсем рядом с говорящими.

— На стороне Роджера, что не удивительно. Хотя не знаю, чем он сможет помочь. Похоже, у него самого изрядные неприятности.

— Он исчез сразу после того, как воины подкараулили его у отделения и забрали рисунки, — раздался голос Николоса.

Кэролайн с удивлением оглянулась. Николос вел себя так тихо, что она почти забыла о его присутствии. Он стоял, наклонившись к тихонько похрапывающему Галену, положив спящему руку на плечо.

— Иона и Джордан отбили его, — продолжал Николос, — и спрятали, пока он приходил в себя. Судя по всему, с тех пор он и не подумал доложить начальству.

— Серрета выражает свое неудовольствие весьма цветисто, — заметила Сильвия и вдруг нахмурилась. — Николос, вы хорошо видите?

— Пока вполне прилично. — Тот подошел ближе. — Где?

— В Зимнем саду на ступенях в глубине, — показала она. — Это не Веловски? Ни один из воинов не видит это место.

Николос вытянул шею.

— Очень похоже, — медленно произнес он. — Интересно, что он тут делает?

— Я уверена, что Роджер знает, — сказала Кэролайн. — Почему бы не попросить, чтобы его послали сюда?

Сильвия взглянула на нее с изумлением.

— С какой стати?

— Потому что он явно всем управляет. По крайней мере, серыми.

— С чего вы взяли? — спросил Николос.

Кэролайн показала на реку.

— Предупредительные выстрелы прекратились, — заметила она. — Кто бы ни сидел наверху, они явно ждут приказа Роджера.

— Ерунда, — проворчал Николос.

— Совсем нет. — Кэролайн взглянула на Сильвию. — И в данных обстоятельствах, думаю, хороший командующий захотел бы выслушать его.

— Я уже говорила, что вам не удастся манипулировать мною таким образом, — спокойно заметила Сильвия. Но голос звучал задумчиво, и она смотрела на спорящих внизу через плечо Кэролайн. — С другой стороны, смысл в этом есть, — продолжала она. — Хорошо. Посмотрим, что он хочет сообщить.

Повернувшись, Кэролайн увидела, как из одного дерева на южной стороне площади появился воин и зашагал к людям. Он успел пройти три или четыре шага, до того как его заметили, и на него нацелилось сразу несколько автоматов. Не обращая внимания на оружие, он подошел на расстояние нескольких шагов и остановился.

— Меня до сих пор изумляет, как легко застать вас врасплох, — покачала головой Сильвия.

Кэролайн пожала плечами.

— Мы всего лишь люди.

— Один из многих ваших недостатков, — согласилась Сильвия. — По-видимому, так же легко заставить вас отказаться от своих намерений. Они не смогли ничего придумать и

теперь собираются разрешить ему пойти к нам.

Роджер отделился от группы и в сопровождении воина направился через площадь; Кэролайн следила за ним взглядом и вдруг ни с того ни с сего задумалась, как она выглядит после трех дней в одной и той же одежде. Он спустился по ступеням на пристань, где вперед вышел другой воин и указал рукой на рулевую рубку яхты. Кэролайн не шелохнулась, ей вдруг стало ещё больше не по себе, чем в самый разгар драки.

Затем дверь рубки открылась, и вошел Роджер. Он быстро obeжал глазами тесное пространство и нашел ее взглядом. Секунду он стоял неподвижно, и ей показалось, что он борется с собой, чтобы сохранить достоинство в этой ситуации.

Борьбу он проиграл. Спустя мгновение он сделал два быстрых шага навстречу, и она оказалась в крепких объятиях.

— С тобой все в порядке? — шепнул он на ухо.

— Да. — Она ухватила за него с такой же силой, на глаза навернулись слезы облегчения. — А ты как?

— Все нормально, — заверил Роджер.

Он держал ее в объятиях еще мгновение, затем разжал руки и повернулся к присутствующим.

— Здравствуйте, Николос, — с мрачной сдержанностью произнес он. — Сильвия. Спасибо, что согласились принять.

— На самом деле это была идея Кэролайн. — Николос выпрямился и смерил Роджера долгим взглядом. — Кажется, она думает, что вы можете сообщить мне что-то полезное.

— Она права. — Роджер немного отступил от Кэролайн, но по-прежнему сжимал ее руку. — Я пришел сообщить, что если вы собираетесь продолжать в том же духе, то проиграете.

— Неужели? — В голосе Николоса звучала ирония. — Что заставляет вас думать, что кучка неуклюжих землян и двое серых, слоняющихся по крыше, смогут остановить нас?

— Несколько причин, — сказал Роджер. Если его и удивило то, что они знают, что серых только двое, то никак не показал этого. — Первая: пока я нахожусь здесь с вами, а полиция охраняет периметр, вы в ловушке.

— Чепуха, — ответил Николос. — Воины, которые пробрались в восточную часть парка, могут проскользнуть мимо здания в любую минуту. В южной части в деревьях сидят другие и, вероятно, могут сделать то же самое, а те, кто уже в воде, могут доплыть до самого Нью-Джерси, если понадобится.

— Допустим, — спокойно согласился Роджер. — Но вам надо пересмотреть вашу численность.

Николос сощурился.

— Что вы хотите сказать?

— Вы выступили из Кэтскиллза со ста тридцатью пятью воинами, дальневещателями и другим вспомогательным персоналом. — Роджер сделал широкий жест рукой. — Восьмерых вы отправили в фургонах как приманку, еще двадцать два забросили в Северный Манхэттен для Обеспечения ложной атаки на серых Торвальда и еще двадцать высадили в Квинсе и Бруклине. Остается восемьдесят пять в пределах действия ревуна. Вычтем пятнадцать, что в воде, двенадцать в деревьях на южной стороне гавани и четырнадцать, что сидят в деревьях парка у второго здания которые как вы Сворите, могут убежать, — у вас остается сорок четыре воина здесь на яхте и в тех деревьях на северной стороне, и они в плотной ловушке.

Принимая в расчет тех шестьдесят воинов, что уже были в городе, кажется мне, что примерно четверть ваших сил обездвижена. — Он поднял брови. — Не считая, конечно, вас с Сильвией. Как вам моя математика?

Лицо Николоса застыло.

— Вы не можете знать такие цифры, — возразил он.

— Однако знаю. Это, кстати, пункт номер два: у нас осведомитель, который следит за всем, что здесь происходит. А именно мать Меланты, Лорел. — Он взглянул на Сильвию. — Вы помните ее по нашему визиту в ваше убежище.

— Конечно. — Голос Сильвии звучал гораздо спокойнее, чем у Николоса. — Она пряталась... где она, кстати, была? У вас в багажнике?

— Совершенно верно, — подтвердил Роджер. — И конечно, теперь я понимаю, почему ваши люди так реагировали, когда поняли, что она там. Тогда мы подумали, что она могла слышать разговор Дамиана или чье-то о нем упоминание. Но ведь никакого Дамиана нет, так?

Сильвия молча покачала головой.

— Так, — сказал Роджер. — На самом деле вы боялись, что она услышит разговоры стольких воинов, что догадается об их истинном числе. Как и все, она поверила в версию Николоса, что их только шестьдесят. Если бы она слышала, как разговаривают все сто двадцать, она бы догадалась, в чем состоит ваш план.

— А если бы догадалась, то должна была помалкивать как добропорядочная зеленая, — угрюмо ответил Николос. — Но к этому мы еще вернемся. Какое все это имеет отношение к нынешней ситуации?

— То, что Лорел слышит все приказы, которые вы отдаете войскам, и передает следователю Ференцо и мне. Мы знаем и где находится каждый из них, и что вы планируете.

— Ах вот, значит, как, — прошипел Николос; у Кэролайн мурашки пробежали по спине. — Лорел Грин предала свой народ.

— На самом деле наоборот, — ответил Роджер. — Она одна из немногих, кто не предал свой народ. — Он поднял брови. — Хотите узнать кое-что еще?

Несколько мгновений Николос хмуро смотрел на него; Кэролайн чувствовала быстрый безмолвный разговор между ним и Сильвией.

— Если вы двинете свои силы, ничего хорошего не выйдет, — предупредил Роджер. — Мы узнаем об этом в ту же минуту и передадим информацию полиции и серым тоже. Но я также клянусь, что мы ничего не замыслим против зеленых. Все, чего я хочу, — это возможности поговорить.

— Прекрасно, — сказал Николос. — Говорите.

Роджер покачал головой.

— Не здесь. — Он указал в иллюминатор на излучающее мягкий свет здание Зимнего сада. — Там.

Николос едва заметно улыбнулся.

— Конечно, — саркастически сказал он. — Вы серьезно думаете, что мы вот так и пойдем прямо в руки полиции?

— Почему нет? — возразил Роджер. — Разве тут у вас лучше связь с воинами, чем была бы там? Кроме того, там вы на самом деле будете в большей безопасности, чем здесь. Сейчас полиция может разнести вашу яхту в щепки без сожаления, если сочтет обоснованным. С частной собственностью внутри и вокруг Зимнего сада они будут куда более осторожны.

— Что именно вы задумали, Роджер? — спросила Сильвия.

— Я задумал встречу между двумя сторонами. Мне стали известны несколько фактов, которые, думаю, было бы интересно узнать и тем и другим.

— Встретиться с серыми? — выпалил Николос. — Не согласен.

— Их будет, самое большее, четверо, — пообещал Роджер. — Уж наверное, командующий и командир группы не испугаются четырех серых.

— Речь не о том, — холодно ответил Николос. — Серые — наши враги.

— Но вы уже встречались с ними по меньшей мере, однажды, — заметила Кэролайн.

Интересно, думала она, а Роджер раскусил обман Николоса?

— Тогда, когда вы решили принести Меланту в жертву.

— Встречались Сирил с Хафданом, — возразил Николос. — Я не участвовал.

— Но теперь-то участвуете. И честно говоря, в противном случае серые перейдут в атаку по всему Нью-Йорку, а четверть ваших сил застряла здесь.

— Мы сможем вырваться в любой момент, — настаивал Николос.

— Не все. До сих пор полиция обращалась с вами очень нежно. После выходов на балконах они готовы стрелять на поражение.

— Николос фыркнул.

— Перебор, — надменно произнес он. — Мы даже не ранили никого.

— Называйте, как хотите. Но они в полной боеготовности и ждут сигнала... и сейчас эта встреча — единственное препятствие для полномасштабной атаки.

Николос поджал губы, будто размышляя. Кэролайн, однако, все было ясно. Он достаточно хорошо играл роль командующего, но она чувствовала, как он воспринимает безмолвные команды Сильвии. Она ощутила, как Сильвия приняла решение...

— Хорошо, — медленно кивнул Николос. — Мы зайдем на вечеринку. Это там не Веловски?

— Да. В конце концов, он присутствовал при самом начале, во всяком случае, при начале в Нью-Йорке. Я подумал, что он заслуживает того, чтобы присутствовать и в конце.

— В конце, — пробормотал Николос. — Звучит не очень вдохновляюще. Кто будет еще?

— Торвальд и Хафдан уже едут сюда. К тому времени, как придут Сирил и Александр, они уже будут здесь.

— Сирил и Александр? — нахмурилась Кэролайн. — Они где-то рядом?

— Да, в сопровождении двух командиров групп, дальневещателя и отряда из сорока воинов, — сухо ответил Роджер. — Я уже сказал, что у Николоса больше нет от нас секретов.

— Возможно, да, — вкрадчиво произнес Николос. — Возможно, нет. Так или иначе, мы придем и выслушаем ваши предложения.

— Спасибо. — Роджер сделал жест в сторону двери. — Пожалуйста, следуйте за мной.

* * *

— Вот они, — сказал Серрета, глядя, как из двери рубки появляются фигуры людей. Секунду он смотрел в сторону яхты, затем перевел взгляд на Ференцо. — Пока они идут, у вас есть время все объяснить.

— Я уже объяснил. — Ференцо старался говорить ровно. — Мне пришлось исчезнуть, чтобы внедриться в одну из этих банд, и не было никакой возможности доложить.

— Вранье, — возразил Серрета тем же тоном. — Вы манипулировали ситуацией с самого начала. Всем, начиная с исчезновения из двадцать четвертого отделения, включая несанкционированную прогулку Смита на север штата и кончая вызовом спецназа.

— Вы хотите сказать, что эти ребята не представляют опасности для города? — Ференцо махнул рукой в сторону площади. — Не забудьте, вы видели в действии только одну сторону.

— Речь не об этом, — проворчал Серрета. — Речь о том, что в вашем частном крестовом походе вы умудрились нарушить все нормы ведения следствия и сбора доказательств. Поначалу мы думали, что можно будет обвинить этих людей в заговоре с целью похищения или убийства. А теперь у нас ноль.

— Я думал, вы порадуетесь, что меня не убили, — пробормотал Ференцо.

— Нет никаких зацепок, — отрезал Серрета. — Потому что все остальное, что могло пойти в дело, судья выбросит, как только увидит, как вы вели следствие. — Он фыркнул. — Фактически единственное, за что можно было бы их арестовать сейчас, — это нападение на сотрудников полиции. Но даже это сомнительно, учитывая, что неизвестно, кто конкретно, что делал.

— На самом деле я надеялся вообще избежать арестов.

— Ах да, — проворчал Серрета. — Вы с Уиттиером думаете, что они поговорят, оставят разногласия, дружно обнимутся и снова станут добрыми честными гражданами.

— Кроме шуток, я полагаю, у нас есть все шансы именно на такой исход. — Ференцо постарался вложить в слова всю убежденность. Получилось неплохо, учитывая, что он не имел ни малейшего понятия о планах Роджера.

— Для вас же было бы лучше, чтобы вы оказались правы. — Серрета ткнул большим пальцем назад, в сторону Зимнего сада. — Но если вы думаете, что я позволю вам заседать там одним, то глубоко заблуждаетесь.

Ференцо стиснул зубы. Что бы там ни задумал Роджер, никак нельзя позволить, чтобы о существовании зеленых и серых узнала полиция.

— Не думаю, что это хорошая мысль, — осторожно произнес он.

— Да? А я думаю, что выпустить любого из этих людей из поля зрения — не очень хорошая мысль. И мои мысли старше ваших.

— Понимаю, — сказал Ференцо, подавляя искушение сказать, что десятка два зеленых на самом деле уже вне поля зрения Серреты. — Но наблюдать за нами не значит подслушивать?

— То есть?

— То есть мы можем подняться туда для переговоров, — предложил Ференцо, указывая сквозь стеклянную стену на полукруглые ступени, поднимающиеся с середины первого этажа позади ровного ряда пальм. — Спецназовцы, которые будут нас охранять, могут стоять внизу у выхода. Нас будет отлично видно, а если кто-то попытается сбежать, все пути перекрытые.

— А как насчет проходов во второе и третье здания? — Серрета с сомнением вглядывался сквозь стекло.

— Уже перекрыты. Мы окажемся изолированными и под постоянной охраной, но в то же время без свидетелей, на чем настаивают обе стороны.

Группа во главе с Роджером поднялась по ступеням от пристани и дошла до середины площади, когда Серрета снова заговорил.

— Ладно, — сказал он, сверля взглядом Ференцо, будто хотел заглянуть ему в душу. — Но вот что я скажу вам, старший следователь. Чем бы это ни кончилось, вам придется ответить за свое поведение на этой неделе.

Ференцо кивнул:

— Понятно.

Глядя, как зеленые приближаются, он надеялся, что это единственное, за что ему придется держать ответ.

Сирил и Александр прибыли первыми, молча вошли в двери сквозь линию каменнолицых спецназовцев, которых Серрета расположил внутри у стеклянной стены. Когда Роджер и Кэролайн попытались поздороваться, оба не обратили на приветствие никакого внимания и поднялись к Николосу и Сильвии, расположившимся на круглой лестничной площадке. Они все же соизволили взглянуть на Ференцо, который молча стоял в нескольких шагах, хотя Роджер подозревал, что больше из любопытства, но Веловски, сидевшему чуть в стороне, кивнули вполне дружелюбно.

Следующим появился Хафдан, который обошел ряд пальм полукругом, словно ожидал, что на них выскочит дюжина воинов. Он бегло взглянул на Роджера с Кэролайн, совершенно проигнорировал Ференцо и официально кивнул Сирилу, сев на те же ступеньки, что и зеленые, но на четверть окружности в стороне от них. Всего через минуту появился Торвальд; он проковылял мимо пальм, взглянув на них только мельком, и осторожно поднялся к Роджеру и Кэролайн.

— Вижу, основные участники встречи собрались, — заметил он, кивнув брату, и бросил взгляд на Веловски и зеленых.

— На самом деле уже все собрались. — Роджер жестом пригласил его к ступенькам. — Пожалуйста, садитесь.

Торвальд поднялся еще на несколько ступенек к месту, где сидел невозмутимый Хафдан, и опустился на мрамор рядом с ним. Кэролайн сжала руку Роджера.

— У тебя получится, — шепнула она.

Она отпустила руку мужа, подошла к Веловски и села рядом.

Роджер глубоко вздохнул и вышел на середину круглой площадки.

— Спасибо всем, что согласились прийти сегодня. — Он по очереди оглядел всех присутствующих. За исключением Кэролайн, никто явно не проявлял особенного энтузиазма. — Это, несомненно, очень символическое место, если можно так выразиться. Мрамор и камень символизируют серых, пальмы — зеленых. Есть что-то для каждого.

— Если вы хотите что-то сказать, пожалуйста, начинайте, — нетерпеливо прервал его речь Александр.

Роджер сделал еще один глубокий вдох, стараясь не поддаваться. Знают они или нет, волнует ли это их или нет, то, что он сейчас скажет, изменит их жизнь навсегда.

— Но еще более символичен этот вид из окна, — продолжал он, указывая вперед. — Прямо позади вас находится «нулевая отметка», где погибли три тысячи невинных людей, когда рухнули башни-близнецы.

Он встретился взглядом с Александром.

— Их судьба может постигнуть еще многие тысячи, если кое-кто все-таки начнет войну.

— Никто не желает убивать невинных, — возразил Александр. — Единственное, чего мы хотим, — иметь право на жизнь.

— Неужели? И кто же вам мешает?

Александр фыркнул и начал подниматься.

— Пустая трата времени, — заявил он. — Пойдем, Николос...

— Вы знали что все вы с Земли? — перебил его Роджер.

Александр замер, так и не выправившись до конца.

— Что?

— Именно, — ответил Роджер. — Вы не прибыли из какого-то чужого мира в некоей дальней солнечной системе. Расстояние, которое вы преодолели на своих кораблях, — не более четверти земной окружности, вероятно, вы откуда-то из Центральной или Восточной Европы.

— О чем вы говорите? — возмутилась Сильвия. — Здесь нет ничего похожего на мир, откуда мы прибыли.

— Это потому, что транспорт также перебросил вас на четыре или пять тысяч лет вперед. Может, даже больше.

Александр медленно опустился на ступени.

— Дриады, — пробормотал он. — Лесные нимфы из греческой мифологии.

— Да. — Сирил кивнул, словно перед ним на столе появился кусочек головоломки, который он так долго и настойчиво искал. — Я сам об этом думал, много лет назад. Но решил, что это совпадение.

— Никакого совпадения, — подтвердил Роджер. — Вы действительно послужили прообразом дриад. — Он указал рукой назад в сторону гавани. — А если судить по вашему сегодняшнему выступлению, вероятно, и для мифа о наядах.

Он перевел взгляд на серых.

— И как зеленые вошли в греческие мифы, так вы со своим ремесленным мастерством и молотами-пистолетами, послужившими основой легенд о Торе, стали частью северных сказаний.

— Полагаю, как гномы, — сказал Александр, глядя на Хафдана и Торвальда с полуиронической-полузлой ухмылкой. — Не очень-то лестно.

— Может, и так, зато читать северные мифы намного интереснее, — ответил Роджер, опередив серых. — Но не важно, как вас воспринимали живущие вокруг люди. Суть в том, что на самом деле вы никуда не улетали, и это значит, что, даже если бы захотели вернуться, обратной дороги нет. Здесь ваш дом, и, даже если вы не можете научиться жить вместе, деваться вам все равно некуда.

— А с чего вы взяли, что мы хотим жить вместе? — спокойно спросил Торвальд. — С чего вы взяли, что мы вообще можем жить вместе?

— Вы уже жили однажды, — заметил Роджер. — В Большой долине вы мирно жили в течение, по меньшей мере, трех поколений. — Он кивнул в сторону Веловски. — Господин Веловски рассказал нам обо всем.

— Тогда, уверен, он рассказал и о том, как этот мир был нарушен предательством зеленых! — выпалил Хафдан. — И, как видите, они не изменяют своим привычкам. — Он натянуто улыбнулся зеленым. — К счастью, в эту игру могут играть обе стороны. — Не переставая улыбаться, он поднял левую руку к уху...

— Не двигаться, — тихо произнес Ференцо.

Роджер оглянулся. Полицейский держал в руке пистолет, причем так, чтобы не было видно спецназовцам, стоящим у дальних пальм.

— Опустить руку на колено, медленно и плавно, — приказал он.

— А если нет? — Рука Хафдана повисла в воздухе, не дойдя до изуродованной шрамом щеки. — Неужели застрелишь?

— Если понадобится.

Серый пожал плечами.

— Это ничего не изменит. Вы же не думали, что я настолько глуп, чтобы явиться одному?

— Так мы договорились. — Роджер вдруг почувствовал, как бешено забилося сердце. Нет, не может быть. Только не сейчас. Только не это.

— Я дал согласие прийти один сюда, — поправил его Хафдан. — А там, снаружи, — совершенно другое дело.

— Ну, чего вы ждете? — Александр резко взглянул на Ференцо. — Вы же видите, что он предал нас. Стреляйте.

— Погодите, — Роджер вытянул руку к Ференцо. — Хафдан, вы ведь не хотите умереть, правда?

— Умру я или нет, вам уже не остановить того, что должно случиться, — спокойно ответил серый. — Мои сыновья Берган и Ингвар наготове и знают, что делать.

— Делать что? Что вы задумали?

— Завершить сделку, которую заключил с нами Сирил и все зеленые, — гневно отчеканил Хафдан. — Мы договорились принести в жертву Меланту исходя из того, что это вернет равновесие сил и обеспечит положение, при котором ни одна из сторон не сможет начать войну с расчетом на победу. — Он кивнул в сторону стеклянной стены, через которую виднелась стоящая у причала яхта. — Теперь, конечно, понятно, почему Сирил отдал девчонку с такой готовностью. Он уже держал полный набор тузов в рукаве.

— Я не знал ничего ни о Кэтскиллзе, ни об этих воинах до сегодняшнего дня, — возмутился Сирил. — Это все Николос. — Он метнул взгляд на Александра. — Или Александр.

— В таком случае вы должны быть на моей стороне, — ответил Хафдан. — Независимо от того, чей это был заговор, фактом является то, что сейчас в тех деревьях и на яхте достаточно воинов, чтобы перебить всех серых в Нью-Йорке. Поэтому я собираюсь их уничтожить и вернуть равновесие, о котором мы договаривались.

— Вы не можете это сделать! — зарычал Александр. Но за угрозой чувствовалось отчаяние. — Ференцо, вы не позволите ему убить столько зеленых.

— Он и не убьет, — заверил Николос, холодно глядя на Хафдана. — Потому что, если он это сделает, погибнет такое же число детей серых.

Лицо Хафдана окаменело.

— Что это значит?

— Я говорю о двадцати воинах, которые уже на позициях в Квинсе и Бруклине. Скажите ему, господин следователь, — полиция видела, как они сошли с яхты.

Хафдан прорычал что-то на непонятном языке.

— Ах ты пещерный...

— Успокойтесь, — перебил Николос. — Они там не для того, чтобы убивать детей. Но все изменится в ту минуту, как от ваших рук погибнет наш первый воин.

Несколько томительных мгновений они злобно смотрели друг на друга. Затем Хафдан медленно опустил руку на колено.

— Эти воины живыми отсюда не уйдут, — тихо предупредил он. — Был договор, и этот договор будет соблюден.

— Вот и открылась правда, — проговорил Александр. — Когда серые говорят о мире, то на самом деле имеют в виду уничтожить побольше зеленых.

— Видите, в чем проблема, Роджер, — сказал Торвальд. — Старая вражда и ненависть

сидят очень глубоко.

— Нет, — раздался голос Кэролайн. — Во всяком случае, так не должно быть. Ведь три поколения жили в мире. Неужели же это ничего не значит?

— Не для тех, кто прошел войну, — сказал Александр. — Не для тех, чьи дома разрушили, а семьи убили.

— Хорошо, — сказал Роджер. — Если вам так дорога ваша ненависть, оставьте ее себе. Но зачем же взваливать ее еще и на детей и внуков?

— Дети пойдут туда, куда укажут взрослые, — угрюмо заметил Хафдан. — А уж особенно дети зеленых.

— Может быть, — ответил Роджер. — А может, и нет. Позвольте, я расскажу о двух юных идеалистах по имени Джордан Макклей и Меланта Грин.

Он рассказал историю о случайной встрече между зеленой и серым, о том, как их тайная дружба развивалась шаг за шагом и как, в конце концов, эта дружба охватила и семьи. Пока он говорил, царила гробовая тишина.

— Так вот оно что, — пробормотал Торвальд, когда Роджер закончил рассказ. — А я удивлялся, как семья Меланты смогла уговорить такого серого, как Иона Макклей, спасти ее тогда.

— Он сделал это потому, что она дружит с Джорданом. Если ваша собственная история не убеждает в том, что можно жить в мире, может быть, убедит эта.

Он посмотрел на Хафдана.

— И не просто жить в состоянии перемирия, когда обе стороны готовы начать войну, но знают, что нельзя победить, — добавил он. — Я говорю о подлинном, действительно прочном мире.

— Вам легко говорить о мире, — проворчал Александр. — Меланте и Джордану тоже. Никто из вас не видел результатов предательства серых.

— Война началась из-за предательства зеленых, — возразил Хафдан.

— Да не было никакого предательства! — зарычал Роджер, которому вдруг опостылел весь этот спор. — Пожар начался из-за молнии. Серые стреляли по деревьям, чтобы создать защитную полосу. Зеленые атаковали скалы, думая, что серые стреляют по ним. Все это было чудовищной, глупой ошибкой.

— Да как вы смеее судить о нас подобным образом! — возмутился Александр, привстав, словно собирался наброситься на Роджера. — Как вы смеее судить о том, о чем не имеете ни малейшего понятия?

— Кроме того, если это была ошибка, почему тогда никто об этом не догадался? — добавил Торвальд.

Роджер медленно вздохнул, стараясь подавить раздражение и взять себя в руки. Они подошли к самой сути дела, теперь никак нельзя было позволить эмоциям помешать объясниться.

— Вот в этом и вопрос, — согласился он. — Тут я подхожу к главному аргументу... потому что на самом деле кое-кто догадался.

Он обратился к зеленым.

— Скажите, Александр. Как вы и ваш народ попали сюда?

— На корабле, конечно. Вы, кажется, говорили, что Веловски все рассказал вам.

— Да, рассказал, — подтвердил Роджер и обернулся к серым. — А вы?

— Оба народа прибыли на кораблях, — сказал Торвальд. — Вы это знаете — ведь вы с

друзьями были на нашем корабле с небольшой экскурсией.

— То есть? — Хафдан воззрился на брата. — Когда?

— Прошлой ночью, — сказал Роджер, не дав Торвальду ответить. — Мы отправились туда, чтобы вернуть Меланту.

Сирил ахнул.

— Она была у Торвальда?

— И вы забрали ее? — спросил Александр.

— Да, мы забрали ее, и она в безопасности, — ответил Роджер. — И предвидя ваш вопрос: Торвальд обращался с ней хорошо. Могу добавить: лучше, чем обращались бы некоторые из вас. Дело в том, что Веловски участвовал в этой маленькой экспедиции и, пока мы там были, совершил нечто, давшее мне подсказку.

Он обернулся к старику.

— Помните, как мы остановились у той последней развилки, перед тем как нашли Меланту? Мы собирались повернуть направо, но вы сказали, что надо налево.

— Разумеется, помню, — не очень охотно ответил Веловски. — И я оказался прав.

— Да, конечно, — кивнул Роджер. — Мы нашли ее в кормовом пассажирском отсеке. — Он поднял брови. — Вопрос в том, откуда вы знали, что она там?

Веловски нахмурился.

— Не понимаю.

— Тогда я решил, что благодаря контакту с вождем Элимасом на острове Эллис у вас развилась чувствительность к телепатическим сигналам зеленых, — сказал Роджер. — У моей жены тоже появились подобные способности после того, как Сирил попытался применить к ней свой дар.

— Но дело было не в том? — вдруг напряженно спросил Торвальд.

Роджер покачал головой.

— Когда мы вошли, Меланта только что проснулась. Александр уже говорил нам, что зеленые не просто излучают свои сигналы, как, скажем, радиомаяк. Если она спала, то молчала, значит, он не мог ее слышать. А Веловски никогда не был на корабле серых и, значит, не мог знать, где расположен пассажирский отсек. — Он помолчал. — Или мог?

Никто не проронил ни звука. Какое-то время Роджер оглядывал присутствующих, на сосредоточенных лицах которых отражалось недоумение. Они или не понимали, или не хотели понять.

— Сирил, я первым готов признать, что ваш народ обладает удивительными способностями, — обратился он к тесной группе из четырех зеленых. — Но до сих пор я не видел ничего созданного вами, что было бы связано с механикой или электрикой. Так ответьте: кто построил ваш корабль?

— Нет, — прошептал Сирил. — Вы ошибаетесь.

— А вы? — продолжал Роджер, обернувшись к Хафдану и Торвальду. — Ваш народ, наверное, мог разработать и построить корабль даже во сне. Но как вы запустили его на пять тысяч лет в будущее?

— Будь я проклят! — потрясенно произнес Ференцо. — Серые построили оба корабля, а зеленые забросили их оба сюда?

— Именно. — Теперь, когда, наконец, все открылось, Роджер почувствовал, как у него отлегло от сердца. — Вот откуда Веловски знал внутреннее расположение корабля. Он точно такой же, как корабль зеленых, на котором он бывал множество раз.

Он еще раз взглянул на зеленых и серых.

— Неужели не понимаете? Это было совместное предприятие, задуманное вашими предками, чтобы перебросить остатки обоих народов подальше от войны, которой никто не хотел, но никто не мог остановить. Механики серых построили оба корабля, а зеленые дальневещатели и землетрясы запустили их. Вот почему и те и другие оказались здесь, у Нью-Йорка. Идея как раз и заключалась в том, чтобы вы жили вместе.

— Если это правда, то почему нам об этом никто не сказал? — впервые заговорила Сильвия. — Почему на кораблях никто даже не знал об этом?

— Бэттери-парк, — прошептал Торвальд.

Все взгляды обратились на него.

— Что? — спросил Сирил.

— Помнишь, Хафдан, — Торвальд повернулся к брату, — в первое воскресенье каждого месяца отец всегда уходил один, рано утром, чтобы посидеть в Бэттери-парке. Он никогда не возвращался до заката. — Серый взглянул на Роджера, будто вдруг что-то понял. — И всегда возвращался какой-то грустный.

Роджер покачал головой.

— Извините. Не вижу связи.

— А я вижу, — сказала вдруг Кэролайн. — Он ждал вождя Элимаса. Встреча была заранее назначена, в определенное время в определенном месте они должны были встретиться после того, как вы обустроитесь и Элимас решит, что его народ готов узнать правду.

— Думаю, вы правы, — ответил Торвальд. — Только Элимас так и не пришел, потому что уже умер.

— И конечно, больше никто из зеленых ничего не знал об этом плане, — печально кивнул Роджер. — Значит, ваш отец так и умер, думая, что зеленые решили не иметь с вами никакого дела.

— Это хорошая теория, Роджер, — сказал Александр. — Но лишь только теория. Вы не можете ничего доказать.

— На самом деле, — ответил Роджер, — могу.

Он показал Веловски.

— Именно поэтому я попросил господина Веловски прийти сегодня. Когда вы только прибыли, Элимас путем телепатии сразу ввел его в курс дела о том, кто вы такие и зачем прибыли. Предполагаю, вождь раньше не делал ничего подобного, и это оказало такое сильное воздействие, что могло ускорить его смерть.

— Уж не думаете ли вы, что Веловски может рассказать нам, о чем думал вождь Элимас? — презрительно усмехнулся Николос.

— Именно так я и думаю. — Роджер повернулся к Веловски. — Господин Веловски? Вам слово.

Веловски покачал головой.

— Нет, — произнес он.

Роджер недоуменно моргнул. Он был готов к тому, что Веловски может сомневаться, колебаться, совсем не поверить или даже отрицать такую возможность развития событий. Но к откровенному отказу оказался не готов.

— Простите? — осторожно переспросил он.

— Я сказал — нет, — твердо объявил Веловски. — Это глупо и смешно, к тому же все

было так давно. Я не стану этого делать.

Роджер бросил взгляд на оцепеневшую Кэролайн и увидел в ее глазах отражение собственного ужаса.

— Но почему? — спросила она и, наклонившись вперед, заглянула старику в глаза. — Мы просим вас только попытаться. Неужели вы даже не попробуете?

Веловски скрестил руки на груди.

— Нет, — повторил он.

— Что ж, в таком случае, я бы сказал, торжественное мероприятие окончено, — сказал Александр, поднимаясь. — И если вы отзовете своих сторожевых псов, господин следователь, мы пойдем.

— Погодите-ка минутку! — прорычал Ференцо. — Слушайте, Веловски, я не знаю, что за игру вы ведете, но она окончена. Расскажите нам о планах Элимаса, а не то я навешаю на вас столько обвинений, что не сносить вам головы.

— Оставьте его в покое, — резко произнес Сирил, вставая. — Он же сказал, что не будет говорить. Ничего вы не добьетесь своими дутыми обвинениями.

— Какими еще дутыми? — парировал Ференцо, яростно глядя на зеленых. — Вы собираетесь начать войну. Веловски препятствует нам остановить эту войну. Это сопротивление правосудию, отказ сотрудничать со следствием, заговор с целью совершить массовые нападения и убийства...

— Хорошо! — выкрикнул Веловски, вскочив на ноги, и сжал свои хилые руки в кулаки. — Хотите знать, что думал вождь Элимас? Я скажу вам, что он думал. Он был полон надежд и мечтаний: хотел дать новую жизнь своему народу в этом новом мире, месте, где они смогут жить в мире и гармонии.

Он обратил взгляд, полный боли, на Роджера.

— Но вместе с тем, — голос его дрожал, — была вражда и ненависть к тому, что с ними сделали в долине.

Он шумно вздохнул.

— Вождь Элимас не хотел мира с серыми, Роджер. Он хотел убить их всех.

На несколько томительных мгновений повисла горькая тишина. Кэролайн смотрела на Веловски, и его слова эхом повторялись в голове как смертный приговор. Приговор зеленым и серым, Меланте, а может быть, и целому городу.

— Но это невозможно, — услышала она голос Роджера. Оторвав взгляд от Веловски, она посмотрела на мужа.

Тот замер, как потерявшийся ребенок, словно весь мир, рушился на его глазах. Он так старался, все его надежды были связаны именно с ответом Веловски.

Но эти надежды оказались напрасны. В последний момент все рассыпалось, словно картонный домик.

Она еще продолжала смотреть на него, и вдруг внутри у нее что-то закипело.

Нет, он не ошибся. Этого не может быть. Возможно, ей не построить такую логическую цепочку, как он, но оценить ее она вполне в состоянии. Веловски наверняка лжет.

Но почему? Неужели он искренне хочет войны между своими старыми друзьями и серыми? Конечно, он был настроен достаточно агрессивно, когда впервые поведал им ту историю. Он ведь на самом деле признал, что занимает сторону Александра.

Но тогда речь шла о жизни и смерти Меланты, о том, как это повлияет на баланс сил. Теперь же, когда он слышал доводы Роджера — теперь, когда увидел на примере Меланты

и Джордана, что мир вполне возможен, — не может он сознательно позволить войне начаться. Или он так слепо доверяет Александру, что уже сам не в состоянии принять решение?

Она отвела взгляд от мужа и вдруг поняла. Нет, не Александру...

— Минуточку, — обратилась она к Александру, который бросил последний взгляд на Веловски и начал спускаться по ступеням. — Пожалуйста, всего минуту.

— Что еще вы предполагаете добавить к этой дискуссии? — надменно бросил Александр через плечо.

— Не вождь Элимас ненавидел серых и желал погубить их. Это был кто-то другой.

Александр оглянулся и сделал еще два шага, затем неохотно остановился.

— Веловски же только что ясно сказал.

— Он ошибся. Да, основную информацию он получил от вождя Элимаса. Но не ненависть. Ненависть исходила от другого заклинателя.

— О чем вы говорите? — возмутился Сирил. — На корабле не было других заклинателей.

— А вы оба? — спросил Роджер.

— Мне было всего десять лет, — ответил Сирил. — Александру — семь. Наш дар даже еще не начал проявляться и тем более не был подтвержден.

— Тем не менее, на корабле присутствовал еще один заклинатель, — сказала Кэролайн. — О нем никто не догадывался благодаря нескольким командующим, которые с подозрением относились к планам вождя Элимаса. Заклинатель, который продолжает скрываться до сих пор.

Она медленно перевела взгляд на Николоса.

— Заклинатель, — тихо добавила она, — тот, что стоял рядом с вождем Элимасом. У него была отличная возможность исказить информацию, которую передавал отец.

Веловски ахнул.

— Николос?

— Что за вздор? — фыркнул Александр. Но затем перевел взгляд на Николоса, и на лице прорезались глубокие морщины.

— Но ведь тогда... — Сирил не договорил.

— И все, что он делал, делалось ради всеобщего блага, — продолжала Кэролайн. — Во всяком случае, так он говорил.

— Так вот зачем они послали еще столько дополнительных воинов, — проговорила Сильвия, будто, наконец, нашла ответ, который долго искала. — И зачем так хотели, чтобы я хранила тайну о подлинном даре Николоса. Им нужен был кто-то, противостоящий Элимасу, тот, кто ненавидел серых так же, как они сами.

— Предположения, конечно, любопытные. — Николос поднялся. — Но как бы то ни было логично, Веловски все равно не сможет доказать, что мой отец хотел мира с врагами.

— А я думаю, может. — Роджер метнул отчаянный взгляд на Кэролайн. — Если он пороется в памяти, то сможет разобраться, что исходило от каждого из вас.

Николос покачал головой.

— Такой спор может быть бесконечным. Чтобы сделать это, Веловски в первую очередь должен предположить, что воспоминания о ненависти к серым исходят от меня, а это вы как раз и хотите доказать.

— Возможно, ему и не нужно ничего доказывать, — медленно произнесла Кэролайн. В

голову ей вдруг пришла самая дикая, самая безумная мысль за всю ее жизнь. — Скажите мне еще раз: почему зеленые не могут решить, чьи приказы исполнять?

— Потому что нет вождя, — сказал Сирил. — Вам это известно.

— Да, — согласилась Кэролайн. — А что, если он все же появился? Все бы ему подчинились?

— Вы что предлагаете? — с подозрением спросил Николос. — Что мы должны просто сидеть и ждать, когда вырастет новый вождь?

— Я хочу сказать, что он у вас уже есть. — Кэролайн взглянула на Веловски. — А именно воспоминания, мысли и мечты вождя Элимаса, живущие в мозгу господина Веловски.

Николос, запрокинув голову, расхохотался.

— Ну конечно, — сказал он. — Какой я дурак — и как раньше не догадался? Конечно же, нас должен возглавить землянин.

— А почему нет? — поддержал Кэролайн Роджер. — Если бы Элимас был здесь, он был бы вождем, так?

— Вождь — по определению зеленый, — раздраженно заметил Сирил. — Он либо она должны обладать даром как заклинателя, так и провидца. У Веловски нет ни того ни другого.

— Конечно, есть психологические ограничения, — сказал Роджер. — Но в нем действительно заложены воспоминания Элимаса и, вероятно, изрядная часть его личностных качеств. Он вполне может дать представление о том, что Элимас решил бы в той или иной ситуации. Уж, во всяком случае, лучше, чем вы, Николос или Александр.

— Ну, это уже выходит за границы приличия, — презрительно фыркнул Сирил. — Переговоры окончены.

— Минутку, — сказала Кэролайн.

— Вам все время нужна еще минута, — бросил Александр. — Простите, но ваши минуты кончились.

— Это я не вам, — спокойно ответила Кэролайн. — Я обращаюсь к Сильвии.

Зеленые насторожились.

— Сильвия? — оборачиваясь, переспросил Александр и нахмурился. — Она здесь при чем?

— При всем. — Кэролайн молилась про себя, чтобы удача не отвернулась. — Потому что Сильвия — единственная, кого нам надо убедить.

— О чем вы говорите? — Голос Сирила звучал больше удивленно, чем сердито. — Она не заклинатель и тем более не вождь.

— Да, — согласилась Кэролайн. — Но она ваш командующий, и все воины подчиняются ей. Если она согласится с тем, что вождь Элимас не хотел войны, то войны не будет.

— Она не может решить это самостоятельно! — Николос чуть не брызгал слюной. — Командующий строго подчиняется вождю.

— Именно. — Кэролайн посмотрела на Сильвию. — Так что, Сильвия? Однажды вы сказали, что сделаете все возможное, чтобы дать своему народу шанс на спасение. Это правда? Или вы на самом деле хотите войны?

Глядя в глаза Кэролайн, Сильвия медленно поднялась на ноги. Она подошла к ступенькам, на которых стоял Веловски, и смерила его взглядом.

— Ти ларосел спиресе, — сказала она.

Веловски опешил.

— Что?

— Если вы утверждаете, что обладаете памятью Элимаса, вы, несомненно, должны знать каилисти, — спокойно заметила она. — Ти ларосел спиресе.

Веловски облизнул губы и украдкой взглянул на Роджера.

— Э-э...

— Ти ларосел спиресе, — повторила Сильвия.

— Да-да, я понял, — капризно огрызнулся Веловски. — Дайте подумать, пожалуйста.

— Это просто нелепо, — проворчал Николос, подавшись к выходу; — Сильвия, прошу... — Сильвия не шелохнулась.

— Ти ларосел спиресе.

— Ти ларосел спиресе, — забормотал Веловски. — Ти ларосел спиресе. Ти ларосел спиресе...

Он вдруг склонил голову набок.

— Так. Так-так. Погодите: доуб... доубулнет. Добулосел динзин ехи блуи, — проговорил он, сражаясь со слогами, будто с маленькими крокодилами.

Сильвия чуть кивнула.

— Куис эл экт ти семутом, — сказала она.

— Так, — произнес Веловски. — Э-э... дай ту эл эруин-эхи курни?

— Нони эпетхиос добито ампетхиос руслир скети. — Сильвия заговорила быстрее.

Веловски распрямился в полный рост.

— Эотх меркиди прупин-ота, — ответил он. — Прукрест онистом слитх.

Кэролайн услышала, что сзади к ней подошел Ференцо.

— Понимаете, о чем они говорят? — тихо спросил он.

— Ни слова. Зато они, кажется, понимают друг друга. Вот что важно.

Ференцо хмыкнул.

— Может быть. — Он кивнул в сторону. — Николос с Александром что-то совсем не рады. Возможно, это хороший знак.

Кэролайн проследила за его взглядом. На лицах зеленых застыла смесь ярости и тревоги. С изрядной примесью недоверия. Сирил, напротив, выглядел задумчивым.

— Возможно, — осторожно согласилась она.

Внезапно разговор прекратился. Еще мгновение Сильвия и Веловски молча глядели друг на друга. Затем Сильвия торжественно склонила голову.

— Я слышу вождя, — четко произнесла она. — И я подчиняюсь.

Александр шагнул вперед.

— Сильвия, это просто... — Но, встретив ее взгляд, он умолк.

— Я слышала слова вождя из уст землянина Отто Веловски, — сказала она. — Вожди приказывают мне отозвать воинов с боевых позиций и вернуть их домой. — Она взглянула на серых. — Я отдала такую команду.

— Нет! — рявкнул Николос, бросив взгляд в сторону серых.

— Вы оставляете нас беззащитными перед врагом? — возбужденно добавил Александр.

— Все же теперь мы знаем волю вождя Элимаса, — тихо проговорил Сирил.

— Ничего подобного! — отрезал Александр. — Этот землянин нам не вождь.

— Вождь говорил его устами, — повторила Сильвия и, повернувшись, подошла к

зеленым. — У меня нет другого выбора, кроме как повиноваться.

— Это просто безумие! — зарычал Николос. — Какая вы тогда зеленая?

— Она зеленая, которая знает, что здесь не за что воевать, — вставил Роджер. — И никогда не было за что. Большинство серых, живущих в Нью-Йорке, даже не родились, когда вы бежали от той войны, другие были еще детьми. Нельзя требовать от них платы за ошибки родителей, как и они не могут требовать того же от вас. Можно оставить это в прошлом и начать все заново.

— Этого хотели оба вождя, — добавила Кэролайн. — Вы знаете, что это правда.

— Ничего подобного! — выпалил Александр. — Это всего лишь жалкий трюк.

— Хорошо, не верьте, — сказал Роджер. — Но все равно, почему не попробовать? Что вы теряете?

— Может быть, жизнь? — саркастически возразил Александр.

— Они не могут уничтожить вас, даже если бы захотели, — настаивал Роджер. — У вас же превосходящие силы. Вы можете позволить себе отступить и посмотреть, можно ли, в самом деле, жить вместе.

— Если вы только не готовы признать, что два двенадцатилетних ребенка способны на то, чего вы не можете, — добавила Кэролайн.

Александр бросил взгляд на серых и с сомнением наморщил лоб.

— Нет, — стиснув зубы, процедил Николос. Он шагнул вперед и встал напротив Сильвии. — Наши павшие будут отомщены.

Кэролайн вдруг почувствовала, как на ее мозг что-то давит. То же самое она ощущала у магазинчика Ли, когда Сирил пытался заставить ее выдать Меланту.

Только на этот раз эта сила была направлена не на нее. Вся ее мощь была сфокусирована на Сильвии.

— Что происходит? — тихо спросил Ференцо. Кэролайн не сразу смогла ответить.

— Николос пытается убедить ее изменить решение. Хочет, чтобы она отдала приказ о наступлении.

Ей казалось, что она говорит тихо. Но видимо, недостаточно тихо.

— Хватит уже доверять зеленому, — раздраженно сказал Хафдан. — Торвальд, это наш шанс.

— Шанс на что? — спросил Торвальд.

— Что значит «на что»? — огрызнулся брат. — Неужели не видишь, что они ни на что не способны? Она не может отдавать новые приказы.

— Вы не посмеете! — зарычал Александр и шагнул вперед.

— Только подойди, я тебе шею сломаю! — предупредил Хафдан. — Торвальд, Роджер прав — у них действительно подавляющий перевес. Если мы не покончим с ними сейчас, когда они не в боевой готовности и распылены, другого шанса у нас может и не быть.

— Александр? — сквозь зубы процедил Николос.

Александр молча шагнул к нему и встал рядом. Кэролайн сразу почувствовала, как давление на мозг возросло.

— Они воздействуют на нее вдвоем, — шепнула она Ференцо.

Она сделала шаг вперед...

— Нет, — тихо сказал Ференцо, взяв ее за руку. — Пусть сами разберутся.

— Но они же приказывают ей начать войну.

— Знаю, — угрюмо ответил полицейский. — Но если они, в самом деле, могут

заставить ее сделать что-то подобное, я бы предпочел узнать об этом сейчас, а не после.

— Торвальд, — с нажимом сказал Хафдан, — у меня слишком мало людей. Мы должны сделать это вместе.

— Вы не можете. — Голос Роджера звучал умоляюще. — Пожалуйста.

— А как насчет гарантии, о которой просила моя дочь? — возразил Торвальд.

Роджер попытался взять себя в руки.

— В этой жизни нет никаких гарантий, — ответил он. — Никто не может отвечать за будущее. Но если ваши народы будут жить в мире, когда появится следующий вождь, то какая у него будет причина начинать войну?

Торвальд промолчал, глядя на Роджера невидящим взглядом.

— Торвальд! — почти прорычал Хафдан. Как бы очнувшись, тот обернулся к брату.

— Ты прав, — согласился он. — Это действительно наш шанс. — Он поднял руку к щеке. — Говорит Торвальд, — произнес он. — Приказываю всем серым отойти и возвращаться домой. Повторяю: всем серым возвращаться домой. Конец связи. — Он поднял глаза на брата. — Хафдан? — подсказал он.

Кэролайн оглянулась на Сильвию, Александра и Николоса, замерших в молчаливой схватке, словно скульптурная группа. Все выглядело так же, как и минуту назад... но, хотя на мозг по-прежнему давило, она вдруг со страхом почувствовала — что-то не так. Ее глаза обежали лицо Николоса, затем куртку.

Трасск исчез.

Взгляд упал ниже, на руки. Вот она, золотистая безделушка, почти спрятана в правой руке.

Кэролайн и ахнуть не успела, как он левой рукой вытянул трасск в короткий широкий нож. Все еще пряча лезвие, он напрягся...

— Нет! — крикнула Кэролайн.

Оттолкнув Ференцо, она рванулась вперед в отчаянной попытке перехватить руку Николоса.

Но как она почувствовала его приготовления, так и он, очевидно, почувствовал ее. Она была еще на полпути, как он развернулся на каблуках и выставил нож прямо перед собой.

Сверкающее лезвие приближалось, она смотрела только на него. Время замедлило свой ход, она отстранение размышляла о том, то неизбежно случится. Ей было уже физически не остановиться... но даже если она могла, то, скорее всего, не остановилась бы. Она вспомнила все разговоры с Сильвией: достоинство командующей и ее гордость за своих воинов, быстроту и гибкость в планировании операций, то, как серьезно она говорила о безопасности своего народа. Невзирая на все ее хитрости и увертки, Кэролайн не сомневалась, что раз Сильвия приняла информацию от Веловски, то искренне станет соблюдать мир с серыми.

Если она погибнет от ножа Николоса, этому не бывать.

Кэролайн чувствовала, как позади началась запоздалая суматоха. Ференцо попытался удержать ее. Боковым зрением она видела, как Торвальд вытянул руку в сторону Николоса, но понимала, что, даже если он успеет выбросить молот-пистолет, Сильвии не уйти с линии огня.

Она слышала, как Роджер в ужасе ахнул, понимая, что стоит слишком далеко, чтобы чем-то помочь. Он мог только наблюдать, как она умрет.

Теперь нож Николоса пошел вперед, все так же медленно, словно во сне. Давление на

мозг едва заметно изменилось...

Вдруг неизвестно откуда взявшаяся рука схватила Николоса за кисть и рванула нож в сторону. Другая рука одновременно больно уперлась ей в грудь и остановила отчаянный бросок. Воздух с шумом вырвался из легких, и Кэролайн закачалась, пытаясь сохранить равновесие.

В следующее мгновение рядом оказался Роджер, схватил за руки и оттащил в безопасное место. Сморгивая неожиданные слезы, она оторвала взгляд от ножа и взглянула в лицо спасителя.

Это был Александр. На его окаменевшем лице застыло выражение недоверия, смешанного с ужасом.

— Вы что же делаете? — замогильным голосом произнес он. — Хотели убить своего?

— Она предала зеленых, — дрожащим голосом огрызнулся Николос.

— Не зеленых, — поправила Кэролайн, сиюсь вздохнуть. — Только вас.

— И бессмысленную войну, — заговорила Сильвия спокойным и ровным голосом, никак не отражавшим внутреннюю борьбу. — Я слышала слова вождя. Боевая готовность отменяется. — Она ловко выхватила нож из руки Николоса, сложила его в золотистую булавку и отдала Сирилу.

— Вы обрекаете нас на смерть! — выкрикнул Николос.

— Неужели? — Сильвия повернулась к Торвальду. — Один вождь серых уже показал, что хочет встать на путь мира.

— Хафдан? — зловещим тоном напомнил Торвальд.

Какое-то мгновение Хафдан стоял неподвижно, на покрасневшем лице резко выделялся белый шрам. Затем раздраженно вздохнул и поднял руку.

— Говорит Хафдан, — проворчал он. — Всем серым: отправляйтесь домой... Да, Берган, и вы с Ингваром тоже... Просто уходите. — Дождавшись подтверждения, он опустил руку.

Сильвия повернулась к Кэролайн:

— Спасибо.

Кэролайн облизнула губы.

— Вам спасибо, — прошептала она.

— Так, — выдохнул Роджер, и Кэролайн ощутила, как он собирается с мыслями. — Так тогда осталось последнее. — Он оглянулся на шеренгу спецназовцев, стоящих вдоль стеклянной стены Зимнего сада. — Сильвия, вы могли бы отвлечь их ревуном на пару секунд, но так, чтобы они не начали от испуга стрелять?

— Да, это возможно. Хотите сейчас?

— Да, пожалуйста.

Она кивнула.

— Всем приготовиться.

Отойдя как можно дальше к краю площадки, она открыла рот и издала звук, похожий на лай собачки. Кэролайн, несмотря на предупреждение, вздрогнула...

На трех ближайших пальмах словно надулись пузыри, из которых вдруг появились три фигуры и направились к ним: мужчина и две женщины, одна заметно ниже другой. Кэролайн прищурилась, вглядываясь, и с удивлением и восторгом узнала в маленькой женщине Меланту.

— Меланта! — Она подбежала к краю площадки и стала торопливо спускаться по

ступенькам навстречу девочке.

Меланта радостно взвизгнула и бросилась навстречу.

Они встретились посередине первого пролета и, обнявшись, закачались на ступеньках, чуть не потеряв равновесие.

— Я так рада тебя видеть, — прошептала Кэролайн, крепко обнимая девочку. — С тобой все нормально?

— Да, — сказала Меланта Кэролайн в плечо.

Кэролайн подняла взгляд, к ней подошли взрослые.

— Извините. — Ей вдруг стало неловко, и она отпустила Меланту. — Вы, должно быть?..

— Мы родители Меланты, — сказал мужчина. — Зенас и Лорел. А извиняться не надо.

— Скорее, мы должны благодарить, — послышался сзади новый голос.

Кэролайн оглянулась. Явившись непонятно откуда, к ним спускались еще двое серых, мужчина и женщина.

— Извините, я не видела вас, — сказала она.

— Ничего, — улыбнулся серый. — Мы совсем не старались, чтобы нас заметили.

— Это Рон и Стефани, родители Джордана и Ионы, — объяснила Меланта. — Они маскировались на стене.

— Явились позлорадствовать? — Николос с яростью воззрился на семью Меланты.

— Вовсе нет, — возразил Роджер. — Они здесь для того, чтобы сделать заявление. Меланта?

Кэролайн почувствовала, как девочка собралась с духом, перед тем как обратиться к зеленым.

— Заклинатели Сирил, Александр и Николос, я заявляю, — отчетливо сказала она, — что не стану использовать дар землетряса, чтобы помочь вам в атаке на серых.

У Николоса заклокотало в горле.

— Теперь у нас уже два предателя...

— Тихо! — приказал Сирил. — Дай ей закончить.

— Я также заявляю и вам, Торвальд и Хафдан Грей, — продолжала Меланта, повернувшись к ним, — что без колебаний использую тот же дар для защиты зеленых, если на них нападут.

— Иными словами, Меланта занимает сторону мира, — сказал Роджер. — И будет использовать дар только ради поддержания мира.

— «Дитя мира», — прошептала Кэролайн, вдруг осознав иронию положения: кто бы ни назвал ее так, он попал прямо в точку.

Хафдан что-то пробормотал сквозь зубы.

— Так все уже? Можем мы, наконец, идти?

— Да, все, — кивнул Роджер. — Единственно, мы не обсудили вопрос о проживании в одних и тех же районах. Но это может подождать и до завтра.

— А почему не начать прямо сейчас? — заговорил Торвальд. — На Вашингтон-сквер пустоует немало прекрасных деревьев с тех пор, как зеленые оттуда переехали. — Он вопросительно посмотрел на Зенаса и Лорел. — В переулке Макдугал напротив моего дома есть также две свободные квартиры. Любая из них отлично подойдет для зеленых, если они снова решат вернуться в парк.

Лорел неуверенно взглянула на мужа.

— Как думаешь?

— Знаете, а я так всегда хотел жить на Манхэттене, — опередил Рон Зенаса. — Вы ведь сказали — там две свободные квартиры?

— Можете въехать прямо сейчас, — ответил Торвальд.

— Погодите, — вмешался Александр. — Меланта что же, будет жить прямо посередине территории серых?

— Да ведь это от вас зависит, — ответил Роджер. — Если достаточно зеленых вернется на Вашингтон-сквер, это больше не будет только территория серых. Это будет общая территория серых и зеленых.

— Не уверен, что наши люди отнесутся к такому предложению с интересом, — с сомнением произнес Сирил.

— Уверена, что некоторых это заинтересует, — спокойно отозвалась Сильвия. — На самом деле я как раз подумала, что неплохо бы попробовать пожить в городе.

Хафдан фыркнул.

— Вместе со всеми воинами, конечно?

— Нет, я возьму только нескольких, чтобы защитить зеленых, которые будут там жить, — заверила Сильвия. Она вопросительно взглянула на Торвальда. — Разумеется, с вашего разрешения.

На мгновение Торвальд заколебался.

— Ты и в самом деле готов доверить свою жизнь зеленым? — тихо спросил Хафдан.

Нерешительность исчезла с лица Торвальда.

— Нельзя довериться сразу всем, — ответил он брату. — Можно начать с того, чтобы довериться одному из них.

Он кивнул Сильвии.

— Милости прошу вместе с вашими воинами, командующий. Насколько я понимаю, чем больше народу, тем лучше. И для зеленых, и для серых.

— И на этом, как я понимаю, действительно все, — сказал Ференцо. — Я иду к Серрете, говорю, что все разрешилось, и отзываю спецназ.

— Думаете, они отпустят нас просто так? — нахмурилась Сильвия. — Я думала, что мы используем ревун и исчезнем, пока они не придут в себя.

— Я бы не стал делать это без особой необходимости, — ответил Ференцо. — Начальство очень не любит загадочных дел. Пока, как я понимаю, в руках у вас не было никакого оружия, никого не ранили, не повредили имущество, а яхту Галена одолжили с его разрешения. — Он вопросительно взглянул на Николоса. — Ведь он дал разрешение, так?

— Не волнуйтесь, — сказал Сирил. — Я позабочусь об этом.

— Тогда, думаю, мы свободны. — Ференцо пожал руку Рону, затем Зенасу. — Надеюсь, вы оба пригласите меня в гости, когда устроитесь в переулке Макдугал?

— Не сомневайтесь, — заверил Зенас. — Как сказал Торвальд, чем больше народу, тем лучше. — Он улыбнулся Кэролайн. — И для зеленых, и для серых, и для людей.

— Так что конкретно хотел от вас Серрета? — спросил Ференцо, маневрируя в вечернем манхэттенском потоке машин.

— Главным образом хотел поорать, — ответил с заднего сиденья Роджер, прижимая к себе Кэролайн. — Не буквально, конечно, а очень цивилизованно.

— Да, это он умеет, — сочувственно подтвердил Ференцо.

— Но задал, конечно, и несколько конкретных вопросов. Преимущественно о нашем непосредственном участии.

— Надеюсь, вы ему ничего не сказали?

— Прикинулись полнейшими идиотами, это его жутко разозлило, — заверил Роджер. — Особенно когда Кэролайн стала объяснять, что произошла ошибка и на самом деле никто ее не похищал.

— Разозлился — это не то слово! Он так и жаждал найти что-нибудь — хоть что-то, — что можно было бы предъявить Николосу и Сильвии в качестве реального обвинения. Но половина зеленых уже исчезла, а у тех, что еще остались, не было ни оружия, ничего незаконного, ни вообще чего-либо, что можно было бы использовать против них. Даже тех дисков не оказалось, которыми, как клялся Мессерлинг, они швырялись. По-видимому, не нашли ничего, кроме нескольких симпатичных безделушек.

— Поразительно, — согласился Роджер. — Ревун, конечно, тоже не оставляет следов.

— И даже никаких видимых последствий, во всяком случае, на тех уровнях, которые они применяли, — заметил Ференцо. — Серрета так отчаялся, что хотел спустить в Гудзон водолазов, чтобы найти причину тех взрывов.

— Какое расточительное использование денег налогоплательщиков, — пробормотал Роджер.

— Да, думаю, Мессерлинг понял это. Или он решил, что лучше замять это дело.

— Уж лучше так, чем признать, что несколько безоружных мужчин и женщин надрали спецназу задницу.

Роджер смотрел в окно на огни города и на проходящих людей. Накопившееся за неделю напряжение теперь дало себя знать, и он чувствовал невыразимую усталость.

Но они справились. Он, Кэролайн, Ференцо и другие смогли все одолеть.

— Да, такие вещи обычно припоминают, когда подходит время выделения ассигнований, — согласился Ференцо. — Кэролайн, вы так ничего и не сказали.

— Я все думаю, что сделает Серрета с вами. — Кэролайн плотнее прижалась к Роджеру.

— О, думаю, завтра, когда я приду к нему в кабинет, он уже остынет. Невзирая на все кульбиты, которые пришлось выкинуть из-за меня департаменту, мы все-таки остановили предполагаемую бандитскую разборку. И как бы Мессерлинг ни пытался затушевать то, что сегодня произошло, зеленые бесспорно показали, насколько такая разборка могла быть серьезной. Думаю, он примет это во внимание.

— Надеюсь, — прошептала Кэролайн и поежилась. — Как думаете, мир сохранится?

— Загадывать сейчас невозможно, — ответил Ференцо. — Но имейте в виду, что за исключением первого поколения беженцев ненависть с обеих сторон была чисто умозрительной, не направленной на кого-то или что-то конкретно. Теперь, когда им придется иметь дело друг с другом лично, думаю, большинство старых клише и стереотипов

начнут постепенно стираться. И не забудьте, что теперь с обеих сторон есть силы, которые искренне хотят испытать этот шанс.

— Хотя есть и такие, что не хотят, — предупредил Роджер.

— Конечно, но думаю, большинство из них в конечном итоге придет к тому же. Хафдан, вероятно, поддержит брата — нехотя, но поддержит. Александр так потрясен выходкой Николоса, что, скорее всего, не будет высовываться достаточно долго и, надо надеяться, за это время поймет, что мир возможен. Сирил же был за мир с самого начала.

— А Николос? — спросила Кэролайн.

Ференцо пожал плечами.

— Вероятно, никогда больше не высунется, — заключил он. — Но, по крайней мере, он себя показал во всей красе. Нет, думаю, самое трудное позади.

— Хотя чуть-чуть не сорвалось. — При одном воспоминании об этом Роджер вздрогнул. — Если бы Торвальд послушался брата, пока Сильвия боролась с Николосом, все могло и рассыпаться.

— Это уж точно. Особенно потому, что я совсем не уверен, будто Сильвия была так беспомощна, как казалось.

Роджера пробрал озноб.

— Вы хотите сказать, что это была проверка?

— Почему бы и нет? — возразил Ференцо. — Отозвав воинов, она уже сделала ход. Поскольку Николос все равно уже напал на нее, почему не притвориться слабой и не посмотреть, как серые отреагируют?

Роджер тихонько присвистнул.

— Рискованно.

— Но вполне в ее духе, — заметила Кэролайн. — Надеюсь только, что Торвальд так же хочет мира, как и она.

— Хочет, — твердо сказал Роджер. — На самом деле никто не знал о том, что он был в гораздо более выгодном положении, чем думали все. В ответ на согласие притвориться, будто поверил в ложный маневр Сильвии, он потребовал, чтобы ему дали тайно перебросить часть людей на позиции в Центральном и Морнингсайд-парке, где живут зеленые. Он хотел иметь какой-то козырь на руках на случай, если мы ошиблись с планом зеленых.

— Почему же он ничего об этом не сказал, когда Николос стал угрожать, что погибнут дети серых в Бруклине и Квинсе? — нахмурилась Кэролайн.

— Потому что тогда его вспыльчивый брат мог сорваться и начать крошить зеленых воинов.

— Думаю, твоя логика убедила его, что его отец действительно хотел мира. — Кэролайн снова прижалась к нему. — Наверное, он действительно тебе доверяет.

— М-м. Почти как тебе Сильвия.

— Как угодно, — пробормотал Ференцо. — Лишь бы сработало.

* * *

Когда Кэролайн и Роджер поднялись на лифте и открыли дверь в квартиру, у нее возникло странное ощущение нереальности происходящего. С тех пор как она последний раз была здесь, произошло столько событий, что она бы не удивилась, увидев на мебели толстый

слой пыли.

На самом деле минуло всего четыре дня с того пасмурного утра в пятницу, когда они с Мелантой торопливо покинули дом, и квартира выглядела вполне узнаваемой.

— Деревья, наверное, надо полить, — заметил Роджер, когда они разделись и прошли в гостиную.

— Полью потом. — Кэролайн сняла с дивана подушку и села. — Они столько продержались. — Она устало обняла подушку. — Думаю, за несколько минут с ними ничего не случится.

— Надо будет, наверное, постучаться. — Он плюхнулся в кресло напротив. — Кто знает, может, пока нас не было, там кто-то поселился?

— Когда Меланта придет в гости, это будет ее комната. — Кэролайн посмотрела на мужа с нежностью. — Между прочим, я была ужасно горда за тебя сегодня. Для человека, который терпеть не может столкновений, ты выступил потрясающе.

— Благодарю вас. — Он церемонно наклонил голову. — Со своей стороны, могу сказать: ваша способность мыслить категориями отношений тоже сыграла роль.

— Моя — что? — нахмурилась Кэролайн.

— То, как ты мыслишь.

Мне Ференцо объяснил.

Кэролайн откинулась и закрыла глаза.

— А-а.

— Ну, так что? — бодро продолжал он. — Еще не вечер. Чем займемся?

Кэролайн нехотя приоткрыла один глаз.

— Шутишь? Я думала лечь и поспать часов десять.

— Уверена? — вкрадчиво спросил Роджер. — Я слышал, в театре Миллера идет новая пьеса...

Он предвидел реакцию и быстро нагнулся. Тем не менее, она сумела залепить ему подушкой прямо в живот.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

ПРИМЕЧАНИЯ

Готовый к употреблению брикет сухой овсянки (granola bar), часто с изюмом, орехами и т. п., по консистенции похож на мягкий сухарь. *(Прим. ред.)*

Имеется в виду Flatiron Building, первый небоскреб, построенный в 1902 г. *(Прим. ред.)*

Цитата из стихотворения Эммы Лазарус «Новый колосс» (перев. Вл. Лазаруса).
выгравированного на табличке, установленной внутри пьедестала статуи Свободы. (*Прим.
ред.*)

Роджер цитирует Библию, Ис. 11; 6: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их». *(Прим. ред.)*

Строчка из стихотворения Генри Лонгфелло «Скачка Поля Ревира».

Место в Нью-Йорке, где до 11 сентября 2001 года стояли башни-близнецы. *(Прим. ред.)*